This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

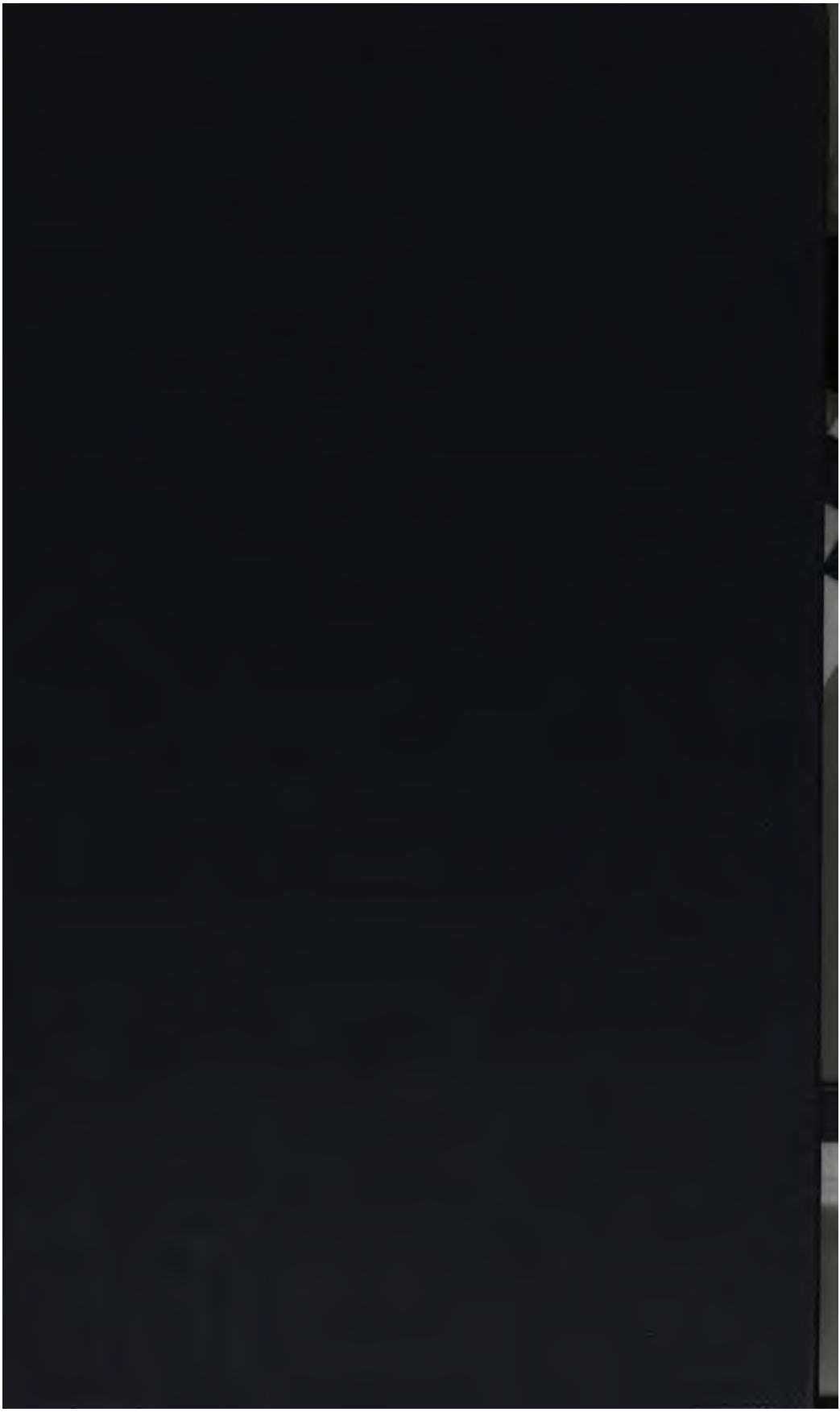
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Tikhonravov, N. S.

ЛѢТОПИСИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
и
ДРЕВНОСТИ,

издаваемыя

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ IV.

БИБЛІОТЕКА
КОНСТАНТИНА МИТРОФАНОВИЧА [illegible]
18___г. цѣна ,, ,,

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.
1862.

PG3200
T544
v.4

891.706
L722
v.4-5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 23 мая 1862 года.

Цензоръ *И. Гиляровъ-Платоновъ*.

G1-167918

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

I [illegible] ПІЯ.

стр.

Мѣстныя сказанія влад[illegible]кія и новгородскія. Двѣ лекціи изъ [illegible]ской литературы *Ѳ. И. Буслаева.* 3

[illegible] ы.

Русскія народныя пѣсни [illegible]аратовской губерніи *А. Н. Мордовцева* [illegible]*помаровымъ.* . . . 3

Повѣсти о царѣ Соломонѣ. Съ приложеніемъ шести хромолитографированныхъ снимковъ съ рукописи, принадлежащей П. Е. Забѣлину. 112

Рождественская драма 154

III. СМѢСЬ.

Нѣкоторыя черты о обществѣ духоборцевъ. (Писано въ 1805 году) 3

О народахъ на страшномъ судѣ, по одному лицевому сборнику XVII вѣка Новгородской Софійской Библіотеки. *Ѳ. И. Буслаева.* 16

Повѣсть о чудотворномъ образѣ Богородицы, находившемся въ Выдропускѣ. Сообщена *Н. Л.* 19

Апологъ отъ правоученія Кирилла Александрійскаго. Сообщенъ *А. Е. Викторовымъ* 28

Письма Сумарокова, Щербатова и Новикова къ Г. В. Козицкому. 29

Донесеніе о масонахъ 49

стр.

Исторія о бѣгствующемъ священствѣ. Сочиненіе *Ивана Алексѣева* († 1755) 53

Письмо М. П. Муравьева къ Г. Карманову 69

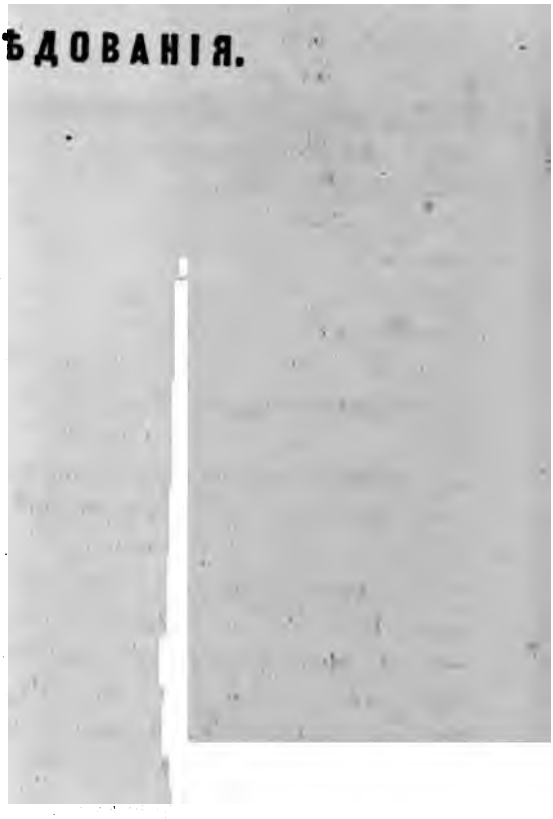
Записка дочери Н. И. Новикова Вѣры Николаевны, исправленная рукою Н. М. Карамзина. 70

Нѣсколько народныхъ заговоровъ. Сообщены *А. Н. Аѳанасьевымъ*. 72

Выписка изъ письма дочери Н. И. Новикова Вѣры Николаевны къ А. И. Тургеневу 81

Слова и поученія, направленныя противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Съ предисловіемъ *Н. С. Тихонравова*. . 82

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.



МѢСТНЫЯ С[illegible]КАЗАНІЯ ВЛАДИМІРСКІЯ, МОСКОВ-[illegible]СКІЯ И НОВГОРОДСКІЯ.

(Двѣ лекціи изъ [illegible] усской литературы).

Словесность древн[illegible]акъ плодъ родной земли, была прикована къ [illegible]сти; какъ растеніе своего климата, она по[illegible]ала и процвѣтала то на сѣверѣ Россіи, то н[illegible] западѣ, то на востокѣ. Самыя раннія на Ру[illegible] литературныя преданія сосредоточены къ [illegible] центрамъ русской жизни, къ Кіеву и Новугор[illegible] расширеніемъ православія и княжеской вла[illegible] средоточія исторической дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ [illegible]каютъ. И слагаются народныя сказанія во Владимірѣ, [illegible]сквѣ, Муромѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ и въ другихъ областяхъ. И какъ изъ всѣхъ этихъ мѣстностей сложилось наконецъ русское царство съ Москвою въ своемъ средоточіи; такъ и всѣ мѣстныя, такъ сказать, удѣльныя сказанія и преданія, какъ эпизоды великаго національнаго эпоса, составляютъ главное и существенное содержаніе древнерусской литературы. Чтобъ составить себѣ ясное понятіе о нравственномъ характерѣ русскаго народа, надобно войти въ мѣстные интересы всѣхъ частей, изъ которыхъ этотъ характеръ сложился. И доселѣ еще каждый изъ древнихъ городовъ, каковы Новгородъ, Муромъ, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ, Псковъ сберегли свои мѣстныя преданья и сказанья, которыя даютъ особую нравственную физіономію каждому изъ нихъ. Эти мѣстныя особенности обязательны для всякаго русскаго человѣка, потому что всѣ вмѣстѣ составляютъ онѣ его завѣтное національное сокровище.

И тѣмъ необходимѣе обратить вниманіе на эти мѣстныя черты общей русской національности, что, вошедши въ основу народной жизни, онѣ на время потеряли силу къ дальнѣйшему развитію въ литературѣ, потому что литература новая, т. е. съ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка до нашихъ временъ, стремится уже стать выше всякаго мѣстнаго стѣсненія. Это уже не кіевская литература, не новгородская, муромская или владимірская, даже не московская или петербургская, но вообще литература *русская* или, точнѣе сказать, *великорусская*. Даже въ самомъ внѣшнемъ выраженіи, новая литература ревниво преслѣдуетъ свое отвлеченное отъ жизни стремленіе; она гнушается провинціализма, она не терпитъ при себѣ развитія литературныхъ идей на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Конечно, можно бы вполнѣ простить новой литературѣ, что она заглушила своей дѣятельностію все провинціальное, если бы она была дѣйствительно русскою, и если бы она сложилась изъ мѣстныхъ элементовъ, какъ русское государство изъ удѣловъ и областей. Напротивъ того, отрѣшившись отъ мѣстной родной почвы, наша новая литература цѣлое столѣтіе робко влачилась по слѣдамъ литературъ западныхъ и все болѣе и болѣе уклонялась отъ интересовъ національныхъ. Она избрала себѣ отвлеченный языкъ для того, чтобъ передавать отвлеченныя отъ русской жизни идеи, чуждыя ей понятія и убѣжденія. И такъ надобно обратиться къ историческому развитію древней литературы, чтобъ усвоить себѣ національныя основы русской жизни.

Монументальные остатки прошедшей исторической жизни питаютъ въ народѣ его національное чувство, внушаютъ не только уваженіе къ своей прожитой старинѣ, но и сознаніе собственнаго своего достоинства. Эти историческіе остатки, хотя бы и безполезныя для практическаго употребленія развалины, имѣютъ въ жизни народа важное значеніе: онѣ говорятъ о старинѣ и преданіи и наглядно поучаютъ каждаго, точно также какъ и стѣнная живопись въ средневѣковыхъ храмахъ и миніатюры въ народныхъ книгахъ предназначались нѣкогда для назиданія неграмотныхъ. Неистощимое богатство и разнообразіе этихъ монументальныхъ слѣдовъ на Западѣ и необыкновенная бѣдность и однообразіе у насъ—на

первомъ же шагу при вступленіи въ обозрѣніе національныхъ преданій по разнымъ мѣстностямъ нашего отечества—должны бы, кажется, остановить насъ.

И дѣйствительно, разнообразіе древнихъ зданій, сооруженій и вообще осязаемыхъ остатковъ прошедшаго сильнѣе вкореняетъ въ народѣ его поэтическія и бытовыя преданія; народъ крѣпче и надежнѣе усаживается на мѣстности, которая уже сама говоритъ с[illegible]шемъ, о его родѣ и племени, о его вѣковых[illegible] симпатіяхъ. У насъ же на Руси при великом[illegible] мастерахъ и въ технических средствах[illegible]лъ, изъ котораго городили города и сору[illegible]пятствовалъ долговѣчности: это не камень, [illegible]е легко исчезало и отъ перемѣнъ суроваго [illegible]гня. Сравнивая это, по видимому, противоп[illegible]е къ родной старинѣ и на западѣ и у насъ, [illegible]ихъ ученыхъ и литераторовъ приходили къ [illegible]о, что русскій народъ не привыкъ дорожить св[illegible]й жизнію, не умѣетъ и не можетъ дорожить ею; будто, за отсутствіемъ прочныхъ національныхъ преданій, русскій народъ, не будучи прикрѣпленъ къ родной мѣстности никакими историческими воспоминаніями, можетъ только, или безсмысленно коснѣть въ суевѣріяхъ раскола, или же—безо всякаго сожалѣнія промѣнять свой получеловѣческій бытъ на всякій другой, по новымъ требованіямъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ. Этотъ взглядъ, поселяющій презрѣніе къ русскому народу, могъ образоваться только по крайнему невѣдѣнію исторіи русскаго быта и литературы.

Чѣмъ однообразнѣе и бѣднѣе монументальными остатками наша старина, тѣмъ удивительнѣе должно быть для насъ, какъ и доселѣ сохраняются въ народѣ мѣстныя преданья не только отъ временъ Іоанна Грознаго, отъ временъ Татарщины и удѣловъ, но даже отъ эпохи миѳической. Извѣстны древнѣйшія поэтическія и литературныя преданія Новагорода и Кіева: и доселѣ освѣжаются они въ памяти народа, будучи присоединяемы то къ какому-нибудь собственному имени монастыря, какъ, напр., *Перюнскій Скитъ*, въ новгородскихъ сказаніяхъ, то къ урочищу, какъ *Кожемяки* въ Кіевѣ и т. п.

Теперь переходя въ сѣверовосточную глушь древней Руси XII и XIII в., въ Залѣсье, въ дикую страну суздальской области, увидимъ, что изъ нея доносятся до насъ самыя ранніе преданія о городѣ Владимірѣ, объ этомъ центрѣ новаго порядка вещей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о Москвѣ. Особенно замѣчательно то обстоятельство, что въ литературныхъ и народныхъ сказаніяхъ начало Москвы связывается съ учрежденіемъ велико-княжеской власти въ Владимірѣ. Дѣйствительно и въ политическомъ отношеніи Владиміръ составляетъ естественный переходъ отъ Кіева къ Москвѣ.

Намъ уже извѣстны основныя нити преданія, сохранявшагося въ родѣ Мономаховичей, нити домашняго, фамильнаго преданія, которыми съ кіевскою святынею связывалась земля ростовская и суздальская, то есть наслѣдственная область Всеволодова дома или Мономаховичей. Мы уже знаемъ, какъ было дорого этому княжескому роду кіево-печерское преданіе о Варягѣ Шимонѣ, знаемъ, что варяжскія святыни прославлены были чудесами, особенно въ фамиліи Всеволода, и что сынъ его Владиміръ Мономахъ взявъ мѣру кіево-печерской церкви Успенія Богородицы, мѣру, опредѣленную варяжскимъ поясомъ, соорудилъ церковь во всемъ сходную съ кіево-печерскою и въ своемъ княженіи въ Ростовѣ; и что, наконецъ, сынъ его Георгій, какъ бы слѣдуя родовому преданію, слышавъ отъ, своего отца о чудесахъ печерскаго храма, въ ту же мѣру соорудилъ храмъ и въ своемъ княженіи въ городѣ Суздалѣ. Андрей Боголюбскій, по внушенію фамильныхъ преданій, въ 1158 г. положилъ основаніе Успенскому собору на Клязьмѣ.

Это родовое кіево-печерское преданіе соединено было во Владимірѣ съ новою, уже чисто мѣстною святынею, впрочемъ все же связанною исторически съ Кіевомъ. Вмѣстѣ съ иконой Богоматери Пирогощей, была принесена изъ Царяграда [1]) въ даръ Юрію Долгорукому въ Кіевъ другая икона Богородицы, писанная по преданію евангелистомъ Лукою. Она была поставлена въ Вышегородскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и

[1]) Имя—слѣдуя преданіямъ—отъ купца, *Пирогоща*, который вывезъ икону, или вѣрнѣе отъ мѣста, гдѣ она была поставлена, на *Пирогощѣ*. И доселѣ около Кіева есть селеніе Пирогово.

скоро обратила къ себѣ вѣрующія сердца великими чудесами. «Крилошаны входятъ въ церковь—говоритъ кіевскій лѣтописецъ—а та чудная икона, съ мѣста своего вышедъ, стоитъ особѣ среди церкви своей. И молился князь Андрей (т. е. Боголюбскій) той иконѣ, и взялъ ночью святую икону безъ отчаго повелѣнія и поѣхалъ на русскую землю съ своею княгинею и съ своимъ *двороми* и взялъ съ собою крилошанъ Вышегородскихъ, попа Микулу и зятя его, Нестора дьякона. И много чудесъ было имъ идущимъ до Владиміра отъ чудной иконы; и поставилъ ей храмъ на рѣкѣ на Клязьмѣ и двѣ церкви каменныя.»

Благочестивый и в[illegible]изь Андрей Юрьевичъ, во всѣхъ своихъ поход[illegible]имѣлъ при себѣ двѣ святыни—эту икону, при[illegible]шегородскаго монастыря, и мечъ св. Бориса, [illegible]ѣкогда княземъ въ землѣ ростовской, въ дѣди[illegible]изя Андрея Боголюбскаго. Этотъ князь при с[illegible]чтимой иконы, побѣдивъ 1-го января 1164 г[illegible]одинъ день съ побѣдою греческаго ими[illegible]ъ Сарацинами, установилъ праздновать въ[illegible]ять той и другой побѣды. Съ тѣхъ поръ икона [illegible]Владимірской [1]). Къ этому надобно присовокупить, ч[illegible]ста 1395 г., по желанію великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріяна, эта икона была перенесена въ Москву, спасла ее отъ наше-

[1]) Съ Владимірской иконою не должно смѣшивать Боголюбскую, которая отличается отъ нея изображеніемъ, и, которая представляла видѣніе, бывшее Андрею Боголюбскому, по его заказу была писана *иностранными изографами* (т. е. живописцами).—Отправившись изъ Вышеграда съ иконою, писанною евангелистомъ Лукою, Андрей Юрьевичъ черезъ Владиміръ хотѣлъ ѣхать въ Ростовъ. Но икона остановилась и ничѣмъ не могли ее сдвинуть съ мѣста. Велѣно было пѣть молебны. Къ ночи князь вошелъ въ свой шатеръ и долго со слезами молился; тогда «въ полуночи,—какъ сказано въ житіи этого князя,—явилась сама Пресвятая Богородица *очевидно* въ наметѣ стоящая, держа въ одной рукѣ хартію, и сказала ему: не хощу, да образъ мой несеши въ Ростовъ, но постави его во Владиміръ, а на семъ мѣстѣ, во имя моего Рождества церковь каменную воздвигни и обиталище иноковъ состави.»—Такимъ образомъ и былъ основанъ городъ Боголюбовъ, и монастырь Боголюбскій. И такъ подъ напоромъ высшихъ божественныхъ силъ, надобно было оставить старые города, бѣжать изъ Кіева, даже тайно—какъ говоритъ преданіе о князѣ Андреѣ, и, не доходя до стараго Ростова, основаться на новомъ, дотолѣ необитаемомъ мѣстѣ. Таковъ историческій смыслъ этихъ священныхъ преданій.

ствія Тамерлана, и поставлена въ Успенскомъ Соборѣ, которымъ Москва также связывается съ Кіевомъ черезъ Владиміръ, Суздаль и Ростовъ.—Встрѣчена была иконавъ Москвѣ на *Кучковомъ* полѣ, гдѣ тогда же былъ построенъ Срѣтенскій монастырь.

Для насъ въ литературномъ отношеніи особенно важно это *Кучково* Поле, напоминающее родственниковъ и убійцъ Андрея Юрьевича, т. е. фамилію *Кучковыхъ*, о которыхъ сказанія принадлежатъ къ древнѣйшимъ преданіямъ владиміро-московскимъ.

Теперь перейдемъ собственно къ поэтическимъ мѣстнымъ сказаньямъ и преданьямъ.

Мы уже не разъ замѣчали, что христіанскіе просвѣтители водружали крестъ и ставили храмъ истинному Богу на развалинахъ древнихъ языческихъ капищъ. Построеніе городовъ нашими князьями было вмѣстѣ и распространеніемъ на Руси государственнаго порядка и обращеніемъ народа въ христіанскую вѣру, особенно въ дикихъ мѣстахъ сѣверовосточной Руси. Судя по урочищамъ, и доселѣ удержавшимъ языческія названія, надобно полагать, что около города Владиміра издавна было какое-то средоточіе мѣстныхъ жителей-язычниковъ. Долина находящаяся между Владиміромъ и Боголюбовымъ, и доселѣ именуется *Яриловой*. *Ярило* (отъ *ярый*—свѣтлый и горячій и *ярь*—весна, оттуда *яровой* хлѣбъ) было божество плодоносящее, божество свѣта и тепла весенняго времени. Потому и доселѣ на Яриловой долинѣ, между Владиміромъ и Боголюбскимъ монастыремъ, ежегодно *весною*, въ день Сошествія Св. Духа бываетъ простонародное гулянье съ хороводами, въ которыхъ особенно въ этотъ день поется языческая пѣсня:

А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой, *Дидъ Ладо*! сѣяли.

По Яриловой долинѣ протекаетъ рѣчка *Почайна* — южное имя, вывезенное, вѣроятно, изъ Кіева дружинами Мономаховичей. Почайна орошаетъ такъ называемый *Княжій Лугъ*.

Во владимірскихъ преданіяхъ сохранилась память о другомъ языческомъ божествѣ, *о Волосѣ*, въ наименованіи Волосова

Никольскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго (въ 16 верстахъ отъ Владиміра). По преданію, сохранившемуся въ народѣ, Николаевскій монастырь стоялъ на возвышенности, надъ рѣкою Каличкою, на мѣстѣ уничтоженнаго языческаго капища, посвященнаго богу Волосу, и церковь и монастырскія строенія были деревянныя. Но потомъ образъ Св. Николая угодника съ этого мѣста сходилъ туда, гдѣ впослѣдствіи была построена каменная церковь — уже подъ горою, — и являлся на деревѣ висящимъ на *волосахъ*, почему будто бы и монастырь получилъ назв[illegible]то уже этимологія позднѣйшихъ временъ, к[illegible]забываться миѳологическое значеніе Волоса.

Теперь переходим[illegible], связывающимъ начало Москвы съ судьбою [illegible]каго. Исторически извѣстно, что Москва ка[illegible]стечко отдаленной суздальской области, с[illegible] въ 1147 г., когда марта 28 угощалъ въ [illegible]орукій Святослава Ольговича и бояръ [illegible] позднѣйшія лѣтописи, будто Георгій же [illegible] городъ. Къ этому присовокупляютъ, будто[illegible]ь, пріѣхавъ на берегъ Москвы-рѣки, въ село [illegible]ина *Степана Ивановича Кучки*, велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, а сына его Андрея, княжившаго тогда во Владимірѣ суздальскомъ, женилъ на прекрасной дочери казненнаго боярина [1]). По сказаніямъ, эта супруга Андрея называлась Улитою. Какъ бы то ни было, но исторически извѣстно, что братья ея Кучковичи ночью въ расплохъ умертвили князя Андрея въ Боголюбовѣ, мстя за то, что онъ казнилъ за какое-то преступленіе одного изъ ихъ братьевъ. Можетъ быть, въ этомъ убійствѣ и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ грабежѣ, слѣдуетъ видѣть не одну семейную распрю; можетъ быть, это было возстаніе прежнихъ вотчинниковъ и дикаго населенія противъ водворявшейся въ центрѣ ихъ новой силы. Но для насъ важна именно эта семейная драма, которая оставила по себѣ глубокіе слѣды въ мѣстныхъ народныхъ сказаніяхъ.

---

[1]) Карамзина, Истор. Госуд. Рос. Т. 2, стр. 217. примѣч. 301 по второму изданію.

Въ народѣ доселѣ живутъ преданія о мѣстѣ казни убійцъ Андрея Боголюбскаго. Верстахъ въ семи отъ города Владиміра, нѣ въ дальнемъ разстояніи отъ лѣваго берега рѣки Клязьмы, находится такъ называемое *Плювучее Озеро* [1]), съ одной стороны окруженное густымъ сосновымъ боромъ, а съ другой мелкимъ кустарникомъ. Болотистые заросшіе мхомъ берега его, обильные ягодами, привлекаютъ сюда горожанъ и поселянъ. Но лишь только начинаетъ смеркаться, всѣ спѣшатъ удалиться отъ этого озера, въ черной водѣ котораго будто бы и доселѣ плаваютъ колоды съ тѣлами казненныхъ убійцъ князя Андрея Боголюбскаго. Мшистыя зеленыя кочки, плавающія отъ одного берега озера къ другому, преданіе обратило въ могильныя колоды, не сгнившія будто бы въ теченіе многихъ столѣтій. Тѣла Кучковичей, которыхъ,—какъ говоритъ преданіе,—вели къ мѣсту казни съ подрѣзанными пятками, стали неподвержены тлѣнію для вѣчныхъ томительныхъ мученій. Ночь на 29 іюня, когда въ 1175 г. было совершено убіеніе князя Андрея—по мѣстнымъ разсказамъ—бываетъ самая мучительная для Кучковичей и самая страшная для запоздалаго путника. Будто бы слышится тогда унылый стонъ заключенныхъ злодѣевъ, колоды ихъ потрясаются и озеро волнуется.—Фантазія народная, отдавая такимъ образомъ по своему отчетъ объ историческихъ дѣятеляхъ отдаленной эпохи, не пощадила въ своихъ преданіяхъ и супруги Андреевой, Улиты, которая будто бы волею или неволею была соучастницею въ злодѣяніи.

Тоже въ верстахъ въ семи отъ Владиміра, по большой муромской дорогѣ, есть другое озеро, называемое *Поганымъ* или *Поганцомъ*. Въ народѣ разсказывается, будто по повелѣнію брата Андреева, Михаила за свое преступленіе княгиня Улита, дочь Кучки, брошена въ это озеро съ тяжелымъ жерновомъ на шеѣ, и будто бы съ тѣхъ поръ получило оно названіе *Поганаго*.

Та же самая семейная драма, съ измѣною, убійствами и местью вносится въ сказанія о началѣ Москвы, съ грубыми анахронизмами, но, очевидно по стариннымъ народнымъ пре-

---

1) Древній Богодюбовъ городъ и монастырь. Доброхотова 1852 г. стр. 116—118.

даніямъ. Кучковичи и Улита также играютъ главные роли, но стоятъ въ другихъ отношеніяхъ, и вмѣсто Андрея Боголюбскаго является какой-то, Данило Ивановичъ, иначе Александровичъ [1]). Самое уже начало одного изъ этихъ сказаній, по рукописи XVII вѣка, своимъ размѣромъ напоминаетъ народные стихи и сказки. «Почему было бы *на* Москвѣ царству быти, и кто зналъ, что Москвѣ царствомъ слыти? Были на семъ мѣстѣ по Москвѣ-рѣкѣ села красныя хорошаго боярина Кучки Степана Ивановича. Боярина же того были два сына вельми красны. И св[illegible]язь Данила Александровичъ Невскаго и нач[illegible]ки боярина дву сыновъ его къ себѣ во двор[illegible]частъ, то князь Даніилъ суздальскій грозилъ[illegible]чка устрашился князя и отдалъ ему обоих[illegible] одного изъ нихъ пожаловалъ въ столы[illegible]ники. Были они оба прекрасны и супругу к[illegible]гиню Улиту Юрьевну (?) — какъ сказано [illegible] *и врагъ:* возлюбила она «красоту лица [illegible]ими составила преступный планъ, как[illegible] и рѣшено было привести его въ исполнен[illegible]ичи позвали князя Даніила *въ поль ѣ[illegible]и смотрѣти звѣрскаго уловленія зайцевъ*. Во время охоты напали они на князя и его ранили. Раненный князь ускакалъ отъ нихъ на конѣ въ лѣсъ, потомъ бросивъ коня, дошелъ до Оки-рѣки, и хотѣлъ въ лодкѣ переѣхать на ту сторону. У князя въ ту пору денегъ съ собой не было, заплатить за перевозъ нечѣмъ и перевощикъ не узнавъ князя, подплывая къ нему съ другой стороны, говорилъ: «лихи-де вы люди обманчивы, какъ де васъ перевезу рѣку (по древнему вмѣсто: черезъ рѣку), и вы не давъ ничего такъ и уходите.» Несчастный Даніилъ предлагаетъ перевощику свой перстень.—Перевощикъ не довѣряя обѣщанію, требуетъ, чтобъ перстень былъ ему отданъ впередъ. Протянулъ изъ лодки весло, и князь положилъ на него свой перстень. Но коварный лодошникъ, взявъ плату, отчалилъ лодку и оставилъ князя на берегу. Тогда князь, боясь сво-

[1]) Временникъ 1851 г. № 11. Сказаніе о началѣ Москвы. Слич. тоже у Карамзина Т. 2 Пр. 301.

ихъ гонителей, влѣзъ въ маленькій срубъ, гдѣ былъ погребенъ какой-то мертвецъ. Между тѣмъ Кучковичи вездѣ искали его и не находили. Они очень безпокоились, чтобъ князь Даніила не отправился во Владиміръ къ своему брату Андрею Александровичу и чтобъ вмѣстѣ съ нимъ не отомстилъ имъ за измѣну. Тогда княгиня Улита говорила братьямъ Кучковичамъ, повѣдая имъ всѣ тайны своего мужа: «есть де у мужа моего песъ *выжлецъ*, и какъ де онъ, князь Даніилъ, ѣздитъ противъ враговъ своихъ на побоище, на Татаръ или крымскихъ людей, и приказываетъ мнѣ, поѣзжая: егда де я отъ Татаръ или крымскихъ людей убіенъ буду, или инымъ какимъ случаемъ придетъ смерть мнѣ безвѣстная, или на бою въ трупахъ человѣческихъ сыскати или познати мя немощно; и ты пошли на взысканіе дворянъ своихъ съ тѣмъ псомъ моимъ, и вели имъ пустити того пса передъ собою просто, а самимъ ѣхати за псомъ, и той песъ взыщетъ мя не ложно, и тѣло мое будетъ лизать радостно.» И дала княгиня Улита Кучковичамъ того пса. Онъ бросился по слѣдамъ своего любимаго господина, и нашедши его *нача шією вертѣти и махати, радуясь сму*. Застигнувъ такимъ образомъ князя, Кучковичи убили его, похоронивъ его тѣло въ томъ самомъ срубѣ. Потомъ пріѣхали въ городъ Суздаль и привезли княгинѣ Улитѣ кровавую ризу ея убитаго супруга.

Но скоро дошла вѣсть объ этомъ злодѣяніи во Владиміръ городъ ко князю Андрею Александровичу. Отъ князя Даніила остался юный сынъ Иванъ Даніловичъ. Вѣрный слуга по имени Давидъ, сжалившись надъ нимъ, увезъ его во Владиміръ и разсказалъ тамъ о случившемся.

Составитель сказанія сравниваетъ въ этомъ мѣстѣ убіеннаго Даніила съ Борисомъ и Глѣбомъ, а Кучковичей съ Святополкомъ, *рекомымъ Окаяннымъ*, Андрея же Александровича, какъ мстителя за своего брата, сравниваетъ съ Ярославомъ. Это риторическое отступленіе имѣетъ для насъ ту цѣну, что, по Владимірскому сказанію, Андрей Боголюбскій также сближается съ св. Борисомъ: при немъ всегда былъ мечъ этого князя мученика.

Князь Андрей собралъ во Владимірѣ войско и пошелъ на Суздаль. Кучковичи пришли въ ужасъ, не будучи въ силахъ

отразить нападеніе, а Суздальцы, нисколько не сопротивляясь Андрею, говорили: «Мы не совѣтники на смерть государя своего и не участники въ убіеніи твоего брата» — и выдали княгиню Улиту, которая тогда же была казнена. Потомъ, взявъ съ собой и суздальское ополченіе, Андрей отправился на Степана Ивановича Кучку, а около его красныхъ селъ не было тогда *ограды каменной* и *острога деревяннаго;* потому князь легко взялъ приступомъ тѣ *села и слободы красивыя*, и плѣнивъ Кучку съ его обоими сыновьями, всѣхъ ихъ казнилъ смертію и слободъ тѣхъ по обычаю времени не по я тамъ отдохнуть, а на утро осмотрѣлъ всѣ — И вложилъ ему Богъ въ сердце поставить и молился князь Андрей со слезами: «Боже Е ворче всѣмъ и создателю! Прослави, Господи, даждь, Господи, помошь желанію моему уст создати св. церкви.» И съ тѣхъ поръ князь тамъ жить. Построилъ деревянную церков ценія, и основалъ городъ около тѣхъ красных вѣ-рѣкѣ, и назвалъ тотъ городъ Москвою. уждальцы, Владимірцы и Ростовцы и вси окрес гъ сказаніе, указывая на связь Москвы съ владимірскимъ княженіемъ.

И такъ родомъ Кучковыхъ и ихъ фамильною катастрофою связываются преданія владимірскія съ московскими. Съ основаніемъ Москвы, также какъ и съ возвышеніемъ Владиміра соединяется въ сказаніяхъ память о какомъ-то великомъ преступленіи, о кровавой драмѣ. Еще Карамзинъ (т. 2, стр. 217) приводитъ слѣдующія слова одного стариннаго повѣствователя: «Москва есть третій Римъ, а четвертаго не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окровавленная голова человѣческая: *Москва, также, на крови основана* и къ изумленію враговъ нашихъ сдѣлалась царствомъ знаменитымъ.» Согласно съ этимъ и доселѣ слыветъ въ народѣ пословица, что *Москва на крови стоитъ.*

2.

Къ сказаніямъ о связи основанія Москвы съ судьбою Андрея Боголюбскаго присовокупимъ нѣсколько позднѣйшихъ по-

вѣствованій тоже объ основаніи этого города, повѣствованій нелѣпыхъ, но имѣющихъ отношеніе къ русской народной поэзіи.

Подобно полянской сказкѣ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, повѣствованія эти основаны на этимологіи собственныхъ именъ урочищъ. Въ XVII в. разказывали [1]), будто сынъ Афетовъ *Мосохъ* первый обитая съ родомъ своимъ въ московской области, имѣлъ прекрасную жену, именемъ *Кву*, сына *Я* и дочь *Взу* или *Узу*, будто ихъ четырьмя именами названы рѣки: *Москва* (*Мосохъ* и *Ква*) и Яуза (*Я* и *Уза* или *Взa*), и будто Мосохъ, первый князь и патріархъ Россіи, основалъ городъ Москву на устьѣ Яузы. Какъ ни наивна эта дѣтская сказка, въ ней видна однако та мысль, что величіе московскаго царства должно опираться на маститой давности библейскихъ преданій.

Другіе, болѣе скромные разсказы заставляютъ принимать участіе въ основаніи Москвы только Грековъ и Римлянъ.

Въ XVII же в. разсказывали будто какой-то великій князь Данило *Ивановичъ*, послѣ Рюрика, короля римскаго, въ 14 лѣто пришелъ изъ Новгорода въ Суздаль, гдѣ родился ему сынъ Георгій, и во имя его создалъ князь городъ Юрьевъ Польскій. Потомъ поѣхалъ Данило изыскивать мѣсто, гдѣ бы ему создать престольный городъ своему великому княженію. И взялъ онъ съ собою нѣкоего *Гречина*, мудра зѣло, и вѣдающаго, чему и впредь быть; и въѣхалъ съ нимъ князь въ островъ темный и непроходимый, въ которомъ было болото великое и топкое, и посреди того острова и болота увидѣлъ великій князь, превеликаго звѣря, троегласна и красна зѣло (т. е. прекраснаго). Тогда Грекъ Василій сказалъ князю Даніилу: «Великій Княже! на семъ мѣстѣ созиждется градъ великъ, и распространится царствіе *треугольное*, и въ немъ умножатся *разныхъ ордъ* люди.» Князь Даніилъ въ томъ острову посреди болота наѣхалъ островецъ, а на немъ хижину, а въ ней живетъ пустынникъ, а имя ему *Букалъ*, и хижина потому называется Букалова: и нынѣ на томъ мѣстѣ *царскій дворъ* и церковь *Спасъ на бору*. Послѣ того в. к. Данило

[1]) Карамзина. Исторія Госуд. Россійскаго 2, прим. 301.

Ивановичъ съ т[illegible]ъ же Гречиномъ наѣхалъ горы, а въ горахъ хижину, а [illegible]ъ той хижинѣ человѣкъ *Римлянинъ*, имя ему *Подонъ*, исполненъ Св. Духа, и сказалъ, тотъ Римлянинъ: «Возлюби, княже великій, мѣсто сіе!» И князь на хижинѣ Букаловой черезъ шесть лѣтъ послѣ того заложилъ городъ Москву, а на хижинѣ Подоновой заложилъ церковь Спаса. Къ этимъ страннымъ разсказамъ присовокупляется одна подробность, важная [illegible]дной поэзіи: будто бы Москва-рѣка называ[illegible]*родиною*, а имя Москвы получила уже потом[illegible] — этимологія, безъ сомнѣнія, ошибочная, п[illegible] *Москва*, вѣроятно, финскаго происхожденія [illegible]ой поэзіи рѣка-Москва дѣйствительно назы[illegible]о, и описывается рѣкою глубокою, непроѣзд[illegible]рую очень опасны броды и переправы. Св[illegible] рѣка эпохи миѳической, изображается Сморо[illegible]расной дѣвицы, соотвѣтственно тому, [illegible]а сестрою Кія, Щека и Хорива, и какъ н[illegible]ховъ представляются въ народной фантазіи то витязями и богатырями, то полубогами и чародѣями.

Въ одной старинной пѣснѣ изображается печальная участь одного злосчастнаго добра молодца:

Скатилась ягодка съ сахарнаго деревца,
Отломилась вѣточка отъ кудрявыя отъ яблони —
Отстаетъ добрый молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери:
А нынѣ ужъ молодцу безвременье великое:
Господь Богъ прогнѣвался, государь царь гнѣвъ возложилъ.
Отецъ и мать молодца у себя не въ любви держатъ,
А и родъ племя молодца не могутъ и видѣти,
Сусѣди ближніе не чтутъ, не жалуютъ,
А друзья товарищи на совѣтъ не съѣзжаются,
Совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати
Про службу царскую и про службу воинскую.

И съ той кручины и печали великой, садился тотъ безсчастный добрый молодецъ на своего коня и поѣхалъ на чужую, дальную сторону.

Какъ же будетъ молодецъ у рѣки *Смородины*,
А и взмолится молодецъ:

«А и ты мать быстра рѣка, ты быстра рѣка Смородина!
Ты скажи мнѣ, быстра рѣка, ты про броды конные,
Про мосточки калиновы, перевозы частые.»
Провѣщится быстра рѣка человѣческимъ голосомъ,
Да и душей красной дѣвицей:
«Я скажу тѣ (т. е. тебѣ) быстра рѣка, добрый молодецъ,
Я про броды конные, про мосточки калиновы, перевозы частые:
Съ броду коннаго я беру по добру коню,
Съ перевозу частому по сѣделичку черкасскому,
Со мосточку калинова по удалому молодцу;
А тебя безвремяннаго молодца
Я и такъ пропущу.»

И дѣйствительно, добрый молодецъ переѣхалъ безпрепятственно, и отъѣхавши съ версту, сталъ въ своемъ глупомъ разумѣ похваляться, что сказывали про быструю рѣку Смородину: «Ни пройти, ни проѣхать по ней ни пѣшему, ни конному», а она хуже той лужи дождевой!»

Тогда вскричала быстрая рѣка Смородина, будто въ погонь за молодцемъ гонится:

Безвремянный молодецъ! Ты забылъ за быстрой рѣкой
Два друга сердечные, два остра ножа булатные, —
На чужой дальней сторонѣ оборона великая.

Воротился молодецъ за рѣку Смородину, но потерялъ бродъ, попалъ на глубокіе омуты и сталъ тонуть, громко жалуясь на быструю рѣку, что она его топитъ. Тогда провѣщала рѣка человѣческимъ голосомъ, душой красной дѣвицей:

Безвремянный молодецъ! не я тебя топлю,
Безвремяннаго молодца: топитъ тебя молодецъ
Похвальба твоя—пагуба.»
Утонулъ добрый молодецъ *въ Москвѣ-рѣкѣ—Смородинѣ*.

Согласно владиміро-московскому преданію о семейной драмѣ, основанной на мщеніи и убійствѣ, и народныя пѣсни съ именемъ Москвы-рѣки—Смородины соединяютъ, кромѣ гибели этого безвремяннаго добра молодца, воспоминаніе, стольже мрачное, трагическое, о томъ, какъ нѣкоторый *князь Романъ жену терялъ* [1]).

[1]) Древ. Рос. Стихотв. стр. 367—371.

Жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Тѣло терзалъ, въ рѣку бросалъ,
Во ту ли рѣку во *Смородину*.
Слеталися птицы разныя,
Сбѣгалися звѣри дубраные;
Откуль взялся младъ сизой орелъ,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Взыскалась своей матери молодая княжна Анна Романовна, спрашиваетъ князя Романа: «Государь мой батюшка! куда ты дѣвалъ мою матушку [illegible]иетъ, «что княгиня ушла въ высокіе терему [illegible]тися, въ цвѣтно платье наряжатися. Отпра[illegible]съ нaньками и мамками въ терема, и, не нa[illegible]й матери, возвращается къ отцу, и опять ея [illegible]«а и гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?» Князь от[illegible] пошла гулять во зеленый садъ, въ [illegible]. Отправилась любящая дочь искать сво[illegible]адъ, съ нaньками, мамками: весь садъ [illegible]не нашли. Только въ зеленомъ саду увидѣла [illegible]:

Ни отколь въ[illegible] орелъ,
Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
Уронилъ орелъ бѣлу руку,
Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
Въ тотъ ли зеленый садъ.

Подхватили ту руку нянюшки-мамушки, подавали своей княжнѣ:

А втапоры Анна Романовна,
Увидѣла она бѣлу руку,
Опознавала она хорошъ золотъ перстень
Ея родимыя матушки.
Ударилась о сыру землю,
Какъ бѣлая лебедушка скрикнула,
Закричала тутъ молода княжна:
«А и гой еси вы, нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красныя дѣвушки!
Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,

На быстру рѣку Смородину!
А что тамо птицы слетаются,
Дубровные звѣри сбѣгаются.»

Только самая суровая эпическая старина могла внушить народной фантазіи такую грубую, ужасную сцену. Дикіе звѣри и хищныя птицы дѣлятъ между собою остатки несчастной супруги князя Романа. Но чѣмъ суровѣе эта кровавая картина, тѣмъ разительнѣе нѣжное чувство любящей дочери, безутѣшно оплакивающей потерю своей матери:

А ходитъ тутъ въ зеленомъ саду
Молода душа Анна Романовна,
А носитъ она руку бѣлую,
А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ...

Безвинно ли пострадала несчастная княгиня, или совершила какое преступленіе — пѣсня не помнитъ; ей этого даже не нужно: она воспѣваетъ только трагическое событіе, совершившееся нѣкогда на быстрой Москвѣ-рѣкѣ—Смородинѣ.

Таковы мрачныя преданія литературы и народной поэзіи, доносящіяся до насъ изъ темной, зарварской эпохи съ береговъ Клязьмы и Москвы рѣки. Сколько ни старались украсить эти воспоминанія услужливые повѣствователи XVII в. различными риторическими выдумками, все же изображали мѣстность московскую въ темной глуши, съ дебрями и топкими болотами, а вмѣсто красныхъ селъ и слободъ боярина Кучки, видѣли бѣдныя хижины отшельниковъ, которыхъ даже лестное предсказаніе о Москвѣ облекало въ суровыя фразы, намекавшія на татарщину: «въ Москвѣ умножатся *разныхъ орды* люди» говорило оно князю Даніилу Ивановичу.

Отъ поэтическихъ гаданій народной фантазіи перейдемъ опять на болѣе твердую почву историческихъ сказаній. Нами разсмотрѣны еще не всѣ національныя преданія, относящіяся ко времени Андрея Боголюбскаго. Мы уже знаемъ, въ какія отношенія ставятъ они возникающее владимірское княженіе къ кіевской святынѣ и къ зарождающейся Москвѣ. Остается сказать о Новгородѣ. Ко времени Андрея Боголюбскаго, именно къ 1170 г. (ноября 27 дня) относится мѣстное новгородское сказаніе о *Знаменіи* отъ иконы Пресвятой Богоро-

дицы, сказаніе, дѣлавшееся въ послѣдствіи священнымъ достояніемъ всей земли русской. Извѣстно, что вслѣдствіе разныхъ неудовольствій Андрей Боголюбскій послалъ на Новгородъ сына своего Мстислава. Въ этомъ походѣ противъ Новгорода участвовали князья смоленскій, рязанскій, муромскій, полоцкій. Въ Новгородѣ княжилъ тогда Романъ Мстиславичъ, сынъ кіевскаго в. к. Мстислава Изяславича, у котораго войною отнялъ Кіевъ Андрей Боголюбскій въ 1169 г.

Въ новгородскомъ Трефологіонѣ или Патерикѣ предлагается слѣдующее повѣствов Новгорода и о Знаменіи. отъ иконы Богороди

Какъ одно изъ хъ мѣстныхъ сказаній, начинается оно изда. ю предъидущую исторію Новгорода въ общем

Когда Ярославъ Е ликій, отомстивъ Святополку за убіеніе св , оставилъ Новгородъ и сталъ княжить въ городцы отъ него за великое ихъ исправ премногую ихъ добродѣтель и помощь, юж ивъ враговъ его, почтени быша самовластіемъ, имѣти имъ у себя начальствующаго князя по волѣ ихъ, егоже возлюбятъ они отъ сыновъ ярославлихъ и отъ внучатъ его и отъ всего корени ихъ въ роды и роды. И данемъ и послушанію положиша урокъ, еже не приходити предѣлъ, прежде уставленныхъ. И тако граждане они многа лѣта начальствуеми бяху отъ великихъ князей россійскихъ, ихъже сами себѣ избираху; урокъ же послушанію и данемъ княжимъ никогда же приступаемъ бываше, иже *и въ зависть многіе грады сподвиже.* Потомъ же навѣтомъ человѣкоубійцы дьявола по малу граждане *самовластіе на ся взяша и гордынею побѣдишася*, и ко княземъ ихъ многажды, аще и миръ содѣвающе и честнымъ крестомъ утверждахуся, но по мало правды удерживахуся; *и многажды мирное завѣщаніе преступаху, и тако отъ обоихъ* (т. е. и отъ Новгородцевъ и отъ князей) *преступленію бывающу, потомъ отъ установленнаго урока:* овогда Новгородцамъ преслушаніе показующимъ и сопротивленіе къ державнымъ; овогда же и княземъ уставленный урокъ

преступающимъ: *по наипаче убо граждане многажды безлѣпотно волнующеся и крамоляху.*»

Затѣмъ разсказывается о знаменіи отъ иконы Богородицы, какъ о событіи, ниспосланномъ отъ Господа въ наказаніе и исправленіе Новгородцамъ.

Было въ лѣто державы в. к. Андрея Георгіевича, рекомаго Боголюбскаго, внука Владиміру Мономаху,—явилось знаменіе дивное: отъ трехъ святыхъ иконъ Пречистой Богородицы слезы текли; и таковымъ слезнымъ видѣніемъ увѣряла Владычица въ непреложныхъ своихъ молитвахъ къ Сыну своему и Богу нашему о родѣ человѣческомъ, да не искоренитъ его до конца, но помилуетъ; потому что Новгородцы колебались своимъ нестроеніемъ и посрамляя князей своихъ, отъ себя изгоняли и между собою много крови проливали. Того ради преславныя эти знаменія преобразовали бѣды и напасти, не только Новугороду, но и тѣмъ, которые собирались противъ него ратовать.

Сказаніе объясняетъ походъ на Новгородъ тѣмъ, что Андрей Боголюбскій разгнѣвался на Новгородцевъ за то, что они отразили его войска пришедшія брать съ Двинянъ дань. Собравши ополченіе съ различныхъ странъ, Андрей самъ хотѣлъ имъ предводительствовать: «Богъ же хотя удержати начинающееся кровопролитіе, болѣзнь наведе князю оному, яко да престанетъ отъ начинанія своего, и не ратуетъ Богомъ покрываемаго града онаго: но ума не наказаннаго ничтоже возможетъ исцѣлити. Якоже и лютый онъ Фараонъ, многими ранами отъ Бога Моисеомъ наказуемъ, никакоже преста отъ прежняго злаго и звѣрскаго своего начинанія, дондеже богоотступнымъ гнѣвомъ потопленъ бысть: такоже и сей князь Андрей никакоже преста, но гнѣвомъ дыша посылаетъ сына своего со всѣмъ воинствомъ суждальскія земли и т. п.» Въ то время, какъ новгородское мѣстное сказаніе о знаменіи отъ иконы Богородицы изображаетъ Андрея Боголюбскаго лютымъ Фараономъ,—мѣстныя преданія владимірскія называютъ этого князя святымъ и вносятъ житіе его въ мѣстный владимірскій патерикъ. Подобныя столкновенія мѣстныхъ интересовъ и симпатій неоднократно замѣчаются въ исторіи древне-русской литературы. Между тѣмъ, какъ Боголюбскій герой побѣдоносно

идетъ съ своей Вышегородской святынею въ сѣверовосточную Русь и во имя покровительствующей ему иконы Богоматери одерживаетъ въ 1164 г. побѣду надъ Болгарами—Новгородцы вооружаются на того же самаго *боголюбиваго* героя подъ покровительствомъ своей мѣстно чтимой святыни и вслѣдствіе чудесной отъ нея защиты прогоняютъ союзныя войска владимірскаго ополченія въ 1170 г. Говоря о союзномъ ополченіи князей на Новгородъ, съ негодованіемъ продолжаетъ сказаніе, что князья эти—«забыша единокровнаго племени и по духу сродства св[illegible]же вси единъ родъ суть россійскій; и тако и[illegible] и пѣшецъ земля, якоже глаголютъ нѣцыи с[illegible]ще (т. е. больше) седмидесяти князей, св[illegible]до толика, яко мало не вся русская земля [illegible]азореніе единаго града онаго. Вси завистік[illegible]нѣже тогда бѣша Новгородцы словуще бо[illegible]ѣхъ градовъ россійскихъ зане самовластіемъ [illegible]ни единому изъ прежде бывшихъ князей [illegible]опущающе, но уставленая и умѣреная дан[illegible]

Если враги Новгор[illegible]ся въ сказаніи о знаменіи завистливыми и несправедливыми, сами Новгородцы благочестивыми: «ни откуда же помощи надѣющеся, но точію всю надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу возлагающе: бѣша бо зѣло благочестиви отъ отецъ, и церквамъ божіимъ прилежаще нелѣностно и къ нищимъ податливи и милостиви.» Великое утѣшеніе и помощь получили тогда Новгородцы отъ своего чудотворнаго архіепископа Іоанна († 1186). Въ то время, какъ граждане изнемогали, отражая отъ стѣнъ своего города великія союзныя силы, архіепископъ Іоаннъ однажды ночью молился передъ образомъ Спасителя и со слезами просилъ объ избавленіи города. И былъ ему отъ иконы гласъ: «Епископе! услышана молитва твоя. Иди въ въ церковь Всемилостиваго Спаса на Ильинку улицу, и возьми иконы Пресвятыя Богородицы и вознеси на забрала града противу супостатъ, и узришь спасеніе отъ Господа.» По этому случаю сказаніе, благословляя Новгородцевъ, гремитъ проклятіями противъ враговъ ихъ: Господь Богъ, говоритъ сказаніе, такъ прославилъ пречистый образъ матери своея: «да посра-

мятся проклятіи иконоборцы, утвердятся же большею вѣрою православнїи иконопоклонницы, и да имѣютъ града сего жители въ вѣчніе роди сію яко стѣну необоримую и твердую надежду града; противнымъ же въ большій студъ и посрамленіе, гражданамъ же въ похваленіе, яко таковое защищеніе имѣютъ.» И такъ взята была икона Богоматери и перенесена на городскія стѣны; но осаждающіе не убоялись и не устыдились при видѣ иконы; разъярились пуще прежняго и въ гордости своей думали уже, что тотчасъ же и весь городъ будетъ въ рукахъ и уже улицы городскія дѣлили между собой по городамъ, хвалясь не только дома, но и церкви божія разорити; и до того дошли въ своемъ неистовствѣ, что даже въ тотъ чудотворный образъ Богородицы, стрѣлы пускали. Тогда дивная та икона сама собою отворотилась отъ враговъ, и своимъ лицомъ повернулась къ городу, и изъ очей своихъ испустила слезы, которыя тотчасъ же архіепископъ Іоаннъ принялъ въ фелонь свой. И этимъ великимъ знаменіемъ своимъ отняла она у враговъ силу и навела на нихъ слѣпоту: *«вѣрнымъ же своимъ рабамъ дерзновеніе дарова: по своемъ бо градѣ* Богородица поборающе безъ крови побѣду показа.» Пораженные сверхъестественнымъ ужасомъ, враги слѣпли и поражали другъ друга, или же въ страхѣ и трепетѣ бѣжали. И тяжекъ былъ имъ обратный путь: многіе отъ голода и мороза перемерли; иные отъ великаго голода во св. великій постъ ѣли конину.

Таково новгородское сказаніе о Знаменіи проникнутое самымъ исключительнымъ мѣстнымъ характеромъ. Этотъ новгородскій колоритъ выступитъ для насъ еще разительнѣе, когда мы прочтемъ о томъ же событіи краткія и простыя слова суздальскаго лѣтописца, можетъ быть, также не чуждыя мѣстныхъ симпатій и нѣкотораго пристрастія къ князю владимірскому.

Союзныя войска русскихъ князей, по словамъ этого лѣтописца — подошли къ Новгороду, а Новгородцы затворились въ городѣ съ княземъ своимъ Романомъ и бились крѣпко изъ города, и многихъ избили *отъ нашихъ*. Осаждающіе ничего не успѣли сдѣлать и пошли назадъ; многіе едва воротились домой пѣши, а другіе едва померли съ голода, и никогда не

было болѣе тяжкаго пути людямъ: иные даже конину ѣли въ великій постъ. И было это за грѣхи наши. Слышали мы, что за три года передъ тѣмъ было въ Новгородѣ *знаменіе*, которое всѣ видѣли. Въ трехъ церквахъ новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ св. Богородица Божія Матерь, провидѣвши пагубу, грозящую Новгороду и его волости, молила Сына своего со слезами, дабы Новгородцевъ отнюдь не искоренилъ, но поиловалъ. Такъ и было. Богъ и Божія Матерь очевидно и бавили ихъ милостію своею, потому что они христіяне. «На [illegible]споди, а смерти не предаждь мене»—с[illegible] и людей новгородскихъ наказалъ Богъ и [illegible] *преступленіе крестное* и за гордость, но м[illegible]збавилъ ихъ городъ. *Мы не скажемъ*: *правы*[illegible]то издавна освобождены прадѣдами князей н[illegible]бы и такъ было, то велѣли имъ прежніе [illegible]ступать, или внуковъ и правнуковъ срамит[illegible]ный крестъ, ко внукомъ ихъ и правнукамъ [illegible]тное цѣлованіе? Доколѣ Богу терпѣть надъ[illegible] *павелъ и наказалъ по достоянью*, *рукою б.*[illegible]*зя Андрея* [1]).

Послѣднія слова явно выражаютъ ненависть Суздальца къ Новгородцамъ и тщетное желаніе во что было ни стало хотя бы противорѣча самому себѣ выставить въ благопріятномъ свѣтѣ подвиги боголюбиваго князя Андрея.

Сопоставленіе этихъ словъ суздальскаго лѣтописца новгородскому сказанію о Знаменіи, какъ кажется, лучше всѣхъ разсужденій убѣдятъ насъ въ той мысли, что древне-русская литература развивалась и видоизмѣнялась по различнымъ мѣстностямъ нашего обширнаго отечества; она выражала мѣстные интересы, иногда наивно и пристрастно, но всегда подъ вліяніемъ искренняго чувства, подъ вліяніемъ страстей, которыми волновались цѣлые города.

Но въ теченіе послѣдующаго историческаго развитія русской жизни время сгладило всѣ эти мѣстныя симпатіи и антипатіи; и, какъ всѣ города и области слились въ одно вели-

[1]) Собр. Рус. Лѣт. I стр. 154.

кое государство русское: такъ и мѣстныя сказанія владимірское и новгородское, нѣкогда проникнутыя духомъ удѣльной исключительности, впослѣдствіи миролюбиво были приняты въ прологи и вмѣстѣ со многими другими, нѣкогда столь же исключительно мѣстными сказаніями, составили одно національное цѣлое, въ которомъ содержится завѣтное преданіе нашей родной старины.

Ѳ. Буслаевъ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

собранныя въ саратовской губерніи А. П. Мордовцевой и П. И. Костомаровымъ.

I.

Лукоянъ Берендѣевичъ.

Изъ лѣсу лѣсу темнаго,
Изъ дубровушки изъ зеленыя,
То не младъ ясенъ соколъ вонъ вы[ы]валъ,
Не по чистымъ полямъ перепархива
Молодыя крылья расправляючи:
То изъ Кѣева, изъ стольнаго горо
Выѣзжалъ добрый молодецъ на лихо[м] конѣ.
Какъ гулялъ онъ добрый молодецъ, [все] разгуливалъ,
По степямъ по широкимъ черномор[скимъ],
Какъ гулялъ онъ, удаленькой, не [мало] не два,
Какъ гулялъ онъ, молоденькій, ров[но] три года;
Пригульнулся, примотнулся въ земл[ю] дальную,
Въ чужедальную землю во абезскую
Какъ увидѣлъ его, добра молодца,
Князь-абезскій съ своево терема,
Съ своево терема, со высокаго,
Со крыльца своево, со параднаго,
Со параднаго, со наряднаго,
Какъ возгаркнетъ князь-абезскій зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы гой есте мои слуги вѣрные,
Ужъ и что это въ полѣ за дѣтинушка,
Ужъ и что это въ чистомъ за незнаемый?
Не спросясь, разъѣзжаетъ онъ на лихомъ конѣ
По лугамъ ли моимъ княженецкіимъ.
Вы берите, ребята, копья длинныя,

Окружите вы, поймайте незнакомаго,
Приведите его на рѣчи распросныя».
Какъ и слуги-то молодца подхватывали,
За узду его добра коня прихватывали,
Подъ бѣлы руки удалаго приважпвали.
Что возговоритъ молодцу абезскій-князь:
«Ты скажи мнѣ, скажи дѣтинушка,
Изъ которой пришелъ ты сторонушки,
Отъ какого царя, чьего царствія?
Сирота ли горемычная слоняешься,
Или врагъ лихой пришелъ на высмотры?»
Что возговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Не подумай ты, князь, чтобъ отдался я,
Чтобъ отдался я тебѣ, убоямшися;
Не боюсь я ничего на бѣломъ свѣтѣ, —
Ни во темныхъ лѣсахъ звѣря прыскучаго,
Ни во чистыхъ поляхъ свиста богатырскаго,
Ни въ синемъ небѣ змѣя летучаго;
А боюсь я, князь-абезской, твоей немилости.
Ужъ не я ли то, государь, добрый молодецъ,
Не слоняюсь сиротой горемычною;
Не лихой я врагъ пришелъ на высмотры;—
Какъ и я ли то, государь, роду русскаго,
Изъ земли пришелъ святорусскія,
Изъ того ли стольна города изъ Кѣева,
Государя я князя-Володиміра,
Я по имени Лукояномъ называюся,
По изотчеству Берендѣичь прозываюся,
А крещенъ я попомъ, Пантелеемъ званъ».
Какъ возговоритъ молодцу абезской-князь:
«Ужъ ты гой еси дѣтинушка,
Коли правду ты молвилъ мнѣ, истину,
Покажи-ка мнѣ грамотку отъ князя Володиміра;
А живемъ вѣдь всѣ съ нимъ не въ разбратіи,
Не въ разбратіи, а въ согласіи,
Въ сватовствѣ живемъ, въ братствѣ названомъ.
Кабы зналъ онъ, что поѣхалъ ты въ землю абезскую,
Ужъ и далъ бы онъ тебѣ свою грамотку
Ко мнѣ ли брату названому».—
«Не привезъ я государь, тебѣ грамотки,
А за тѣмъ не привезъ—самъ собой пошелъ,

Безъ его государева дозволенія».
Что возговоритъ тутъ абезскій-князь,
Какъ возгаркнулъ, воскрикнулъ зычнымъ голосомъ:
«Ой вы слуги мои, вы слуги вѣрные!
Не добра гостя намъ въ руки Богъ послалъ,
Лиходѣя злого непріятеля,
Что пріѣхалъ онъ къ намъ да на высмотры!
Вы сожуйте ему руки, руки бѣлыя,
Руки бѣлыя, ноги его скорыя,
Наложите на лихого цѣпь желѣзную,
Цѣпь желѣзную въ тридцать три пуда,
Вы забросьте его во темницу темную!»
Оковали добра молодца слуги княжіе
И забросили во темницу темную.
Какъ сидитъ добрый молодецъ не годъ, не два,
Какъ сидитъ удаленькій ровно три года,
Какъ не знатъ удаленькій часу-времени;
Онъ не знатъ, бѣдняжечка, что зима холодная,
Онъ не знатъ, горемычный, что лѣто красное!
Потому только знатъ онъ, что зима холодная,
Что играли ребятушки подъ темницею
Да швырнули глыбу снѣгу въ окошечко;
Потому только знать онъ что лѣто красное,
Что ходили красны дѣвушки въ лѣсъ по ягодки
Да швырнули свѣту алаго въ окошечко!
На четвертый годъ стало поворачивать.
Приходила къ нему красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь князя абезскаго,
Приходила молодая, поклонилася,
Отъ сердечности молодая слово молвила:
«Ужъ ты гой еси удалой русской молодецъ!
Ужъ не хочешь ли гулять да по волюшкѣ?
У меня ли, у княжны, есть разрывъ-трава:
Разорветъ она твои цѣпи желѣзныя,
Мы уйдемъ съ тобою, молодецъ, въ землю русскую,
Ты возьмешь меня, дѣвушку, за хозяюшку,
За хозяюшку, за вѣрную за любушку».
Какъ вздохнулъ тяжело добрый молодецъ,
Залился онъ слезами глубокими,
Закрывалъ онъ руками лицо бѣлое,
Проговорилъ слово непривѣтливо:

«Ахъ ты дѣвка, ты дѣвчонка-потаскушечка!
Потаскалась, знать, ты со ребятами;
Надоѣли, знать, тебѣ полюбовники,
Что ты хочешь бѣжать отъ отца матери,
Въ чужедальную сторонушку во русскую.
Ужъ и лучше мнѣ гнить во сырой тюрьмѣ,
Чѣмъ принять тебя за хозяюшку,
За хозяюшку, за вѣрную любушку:
У меня ли, удалаго, добра молодца,
Во отечествіи, во стольномъ во Кѣевѣ
Есть невѣстушка—обрученная дѣвица,
Обрученная красавица, сговоренная;
Какъ она меня молодца поджидаетъ,
День и ночь слезами обливается,
Все по мнѣ, по своемъ миломъ дружкѣ!»
Что возговоритъ красная дѣвина,
Красная дѣвица, дочь князя абезскаго:
«Коли есть у тебя душа красна дѣвица,
Красна дѣвица обрученная невѣстушка,
Обрученная красавица, сговоренная,—
Такъ ступай себѣ къ ней, удалъ молодецъ,
А меня, княжну, не кори непривѣтливо.
Коли вправду ждетъ тебя дѣвица—позабудь меня;
Коли замужъ пошла красная—вспомяни меня;
Хоть вспомянешь, не воротишь добрый молодецъ!»
Вотъ вымала она разрывъ-траву изъ карманчика,
Вотъ притронулась разрывомъ ко желѣзушкамъ:
Распадалась цѣпь желѣзная тяжелая;
Выводила изъ конюшни коня сѣраго,
Даровала молодцу сѣдло бранное;
Полетѣлъ въ чисто поле добрый молодецъ.
Утиралася княжна въ слѣдъ рукавчикомъ!
Какъ во городѣ было въ стольномъ Кѣевѣ,
Во дворѣ-то было княженецкіимъ,
Пировалъ Володиміръ со боярами,
И увидѣлъ Володиміръ добра молодца,
Добра молодца на лихомъ сѣромъ конѣ.
Что возговоритъ Володиміръ князь:
«Ужъ и что это за молодецъ къ намъ на дворъ идетъ?»
Пріѣзжалъ Лукоянъ онъ ко терему,
Привязалъ онъ коня у рѣшеточки,

Онъ снималъ съ головы шапку бобровую,
И входилъ онъ въ горницы во расписаны,
Поклонился онъ въ поясъ князю ласкову,
А боярамъ богатырямъ по поклончику.
Что возговоритъ Володиміръ князь ласковый:
«Здравствуй, здравствуй, Лукоянъ Берендѣевичь!
Ужъ и гдѣ то тѣ Богъ носилъ разудалаго?
Знать шатался ты по чужимъ землямъ,
Знать видалъ ты много дива дивнаго?
Воротулся ты къ намъ въ добрый часъ,
Да не въ добрый часъ отъ насъ выѣхалъ:
Твоя матушка Богу душу отдала,
А молода невѣстушка за мужъ пошла.»
Какъ вздохнулъ тяжело добрый молодецъ
Залился онъ слезами горючими:
«Кабы зналъ я эвто, добрый молодецъ,
Не корилъ бы я, не клялъ княжны абезсиія».

II.

Добрыня.

1.

Матушка Добрынюшкѣ наказывала:
«Ты Добрынюшка, добрый молодецъ!
Не садися ты на добра коня,
Не ѣзди гулять въ зелены луга,
Въ зелены луга, въ батюшкины займища,
Не подъѣзживай, Добрынюшка, къ быстрой рѣкѣ,
Не смахивай рубашечку миткалиновую,
Не бросайся, Добрынюшка, во быстру рѣку.»—
Добрынюшка матушки не послушался;
Осѣдловалъ Добрынюшка ворона коня,
Поѣхалъ же Добрынюшка въ зелены луга,
Въ зелены луга, въ батюшкины займища;
Подъѣзжалъ Добрынюшка ко быстрой рѣкѣ,
И смахивалъ рубашечку миткалиновую,
Бросался купаться во быстру рѣку.
Онъ половину рѣки переплылъ,
А другую половину пер'нырнулъ,
Очутился Добрынюшка на той сторонѣ

И сталъ Добрынюшка шуточки шутить—
Во круту гору камушки бросать.
Увидѣла же змѣища Горынища
И бросилась на Добрынюшку,
Въ тѣ поры Добрынюшка не робокъ былъ,—
Поймалъ же Добрынюшка змѣищу за жабрища,
Ударилъ же змѣищу объ сыру землю.
Тутъ-то змѣища возмолилася,
Добрынюшкѣ покорилася
И въ ноги ему поклонилася.

2.

Тамъ далече, тамъ далече во чистомъ полѣ
Да еще того подалѣй—во раздольицѣ,
Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая въ полѣ травка разстилается,—
Ужъ какъ кланяется сынъ своей матери:
«Ужъ ты гой еси, родимая моя матушка,
Ты пожалуй мнѣ свое благословеньице:
Я поѣду, погуляю, во чисто поле,
Поищу я тамъ свого брата названаго,
Что старóго казака Илью Муромца.»
—«Молодешенекъ, Добрынюшка, въ путь сбираешься:
На кого ты покидаешь свою матушку,
На кого ты оставляешь молоду жену,
Молоду жену Настасью Гурьешну?»
«Что давно моей Настасьѣ было сказано,
За недѣлюшку было Гурьешнѣ повѣдано,—
Что вдовѣть моей Настасьѣ ровно девять лѣтъ,
На десятымъ годочкѣ ей своя воля:
Хоть во вдовахъ она сиди, хоть за мужъ поди,—
Хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за сильнаго могучаго богатыря,—
Не ходи только за Олёшку за Поповича:
Что Олёшка-то Поповичъ онъ насмѣшникъ былъ,
Онъ любилъ, любилъ смѣяться на чужихъ женъ,
На чужихъ женъ, на красныхъ дѣвушекъ.»
Не видали, какъ Добрынюшка коня сѣдлалъ;
Только видѣли, какъ Добрынюшка со двора съѣзжалъ.
Ужъ какъ минуло Добрынѣ ровно девять лѣтъ,
На десятымъ годочкѣ ей своя воля:

Выходила она замужъ за Олёшку за Поповича,
А и сватомъ-то былъ самъ Володимеръ князь.
Что не ясные два сокола солеталися,
Два сильные могучіе богатыря соѣзжалися:
Соѣзжался Добрыня со Поповичемъ на смертный бой,—
И отсѣкъ ему буйну голову съ богатырскихъ плечъ.

III.

Алеша Поповичъ.

Какъ по морю, морю,
Здунив
Ужъ какъ плаваетъ С овно тридцать лѣтъ,
Что на якорѣ Соколъ- валъ,
Ко крутому бережку
Онъ желтаго песочку идалъ:
Онъ носомъ состроен
А кормою онъ содѣла .
Какъ напали на Сок йнички,
Хотѣли Соколъ-кора рабить.
По кораблику гуляетъ Поповъ,
Что возговоритъ онъ мъ:
«Ахъ вы гой есте тросы,
Вы беритеся за саоли я,
Вѣдь напали на насъ злы разбойнички
И хотятъ нашъ корабликъ разбить-разграбить».
Вдругъ матросы всѣ вскочили съ саблями, съ копьями
И стали разбойниковъ рубить и крошить,
Самого же атамана въ полонъ взяли
И, сковавши руки-ноги, въ городъ отвезли.—

IV.

Илья Муромецъ.

1.

Ужъ какъ по морю, по морю синему,
Здунинай Дунай морю синему,
По синему морю было хвалынскому
Тутъ плыветъ Соколъ-корабль по тридцать лѣтъ:
По тридцать лѣтъ корабль на якорѣ не ставивалъ,

Къ крутому бережку не причаливалъ
И онъ желтаго песку въ глаза не видалъ,
А бока-то сведены по турпиному,
А носъ да корма по змѣиному,
Атаманомъ былъ на немъ Илья Муромецъ.
А на Муромцѣ кафтанъ — рудожелтый цвѣтъ,
На кафтанѣ были пуговки злаченыя,
А на каждой пуговкѣ по лютому льву.
И напали на Соколъ-корабль разбойнички,
Ужъ какъ злые-то Татары со Калмыками
И хотятъ они корабль разбить-разгромить,
Илью Муромца хотѣли въ полонъ полонить.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ
Своей тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговки злаченыя разгорѣлися,
Его лютые львы да разревѣлися,
Ужъ какъ злые-то Татары испугалися,
Въ сине море Татары побросалися.

Варіантъ.

Какъ по морю, морю синему,
По синю морю по каспійскому,
Тутъ и плаваетъ-гуляетъ Соколь-корабль,
А онъ плаваетъ-гуляетъ ровно тридцать лѣтъ:
Онъ на якорѣ Соколъ-корабль не стаивалъ,
У крутыхъ зелёныхъ бережковъ не бывывалъ,
Онъ церквей, монастырей не видывалъ,
Колокольнаго звону онъ не слыхивалъ.
Хорошо добрѣ Соколъ-корабль изукрашенъ былъ:
Выгнутъ носъ со кормой по звѣриному,
А и киль сдѣланъ по змѣиному,
Парусъ вѣялъ, что орлиное крыло.
Атаманомъ на немъ былъ Святогоръ-богатырь,
Есауломъ былъ—Илья Муромецъ:
На немъ шуба была во пять сотъ рублёвъ,
На немъ шапочка—во сотенку,
А пуговки на шубѣ чйста золота.
По кораблику Илья Муромецъ похаживаетъ;
Его пуговки разгремѣлися,—
Всѣ товарищи подымалися,
Наступали они на турецкій флотъ:

Агаряне ихъ испужалися
Во сине море кидалися.—

Примѣчаніе. Иные прибавляютъ еще слѣд. 2 строки:
А богатство свое оставили
На добычу добрымъ молодцамъ.—

2.

Какъ далече да[illegible]олѣ [1])
Не ковыль-трав[illegible]я— [2])
Зашаталъ, загу[illegible] человѣкъ,
Старъ-матёръ ч[illegible]ромецъ,
На своемъ на [illegible]
На войлочкѣ на[illegible]
На сѣдельцѣ на[illegible]
У старого дене[illegible]
Только было п[illegible]исячей,
А коню подъ [illegible]ю;
Конь-то былъ [illegible]отый звѣрь,
А самъ онъ на[illegible] соколъ.
Какъ наѣхали на[illegible]ки, [5])
По русскому сказать—воры разбойнички,
Хотятъ они старого ограбити, [6])
Хотятъ его добра молодца убить-срубить,
Убить-срубить—душу погубить.
Возговорилъ тутъ Илья Муромецъ: [7])
«Ужъ вы братцы мои станишнички!
Убить вамъ меня, старого, не за что, [8])
А взять-то вамъ у меня нечево:
Только есть на мнѣ безсермяжечка,
Безсермяжечка—она въ сто рублёвъ, [9])

---

[1]) *Варіантъ.* Первой строки нѣтъ.
[2]) Вм. *ковыль* — «былина».
[3]) Слѣдуетъ послѣ этой строки: *Стремена усѣдла булатныя.*
[4]) Пяти строкъ недостаетъ.
[5]) Вмѣсто какъ *наѣхали*—«набѣжали».
[6]) Этой строки нѣтъ и въ слѣд. строкѣ опущено слово: *его.*
[7]) Вм. этой строки: «Возмолился имъ добрый молодецъ».
[8]) Слово *стараго* опущено и въ слѣд. строкѣ вм. *на мнѣ*—«у меня».—
[9]) Опущ. слово *она* и въ слѣд. строкѣ вм. *да*—«и».—

Кушакъ да штаны—пятьсотъ даны,
Шапочка моя—во всю тысячу,
А добру моему́ коню и цѣны нѣту: [10])—
Оттого моему коню цѣны нѣту,
Что онъ броду не спрашиватъ,
А котóра рѣка—и цѣла верста—
Онъ скачетъ съ берегу на берегъ.»—
Вынималъ тутъ Илья Муромецъ свой крѣпкій лукъ,
Накладалъ онъ калену́ стрѣлу—
Онъ стрѣляетъ по сыру дубу,—
Угодила стрѣла въ кряковистый дубъ,
Исщепала дубъ въ черепья въ пожевыя.
А станишнички испужалися
Что того ли грому богатырскаго,
Всѣ съ добрыхъ коней попадали,—
Безъ ума часовъ пять лежатъ.
А и стали станишники пробужатися:
Встаётъ Сёма—пересёмываетъ,
Встаётъ Спиря—поспириваетъ,
Да и бьютъ челомъ Ильѣ Муромцу:
«Ты старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ—свѣтъ Ивановичь!
Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
Станемъ тебѣ служить вѣрой-правдою
Отнынѣ и до вѣку.»—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичь:
—«Ужъ вы гой есте братцы станишнички!
Вы ступайте во чисто поле,
Вы скажите Олёшкѣ Поповичу,—
Что каковъ есть старой казакъ Илья Муромецъ.»—

V.

Суровецъ.

Въ старые вѣки прежніе,
Не въ нынѣшнія времена послѣднія,
Какъ жилъ на Руси Суровецъ-молодецъ,
Суровецъ-богатырь онъ Сурожанинъ,
По роду города Суздаля,

[10]) На этой строкѣ варіантъ кончается.—

Сынъ отца-гостя богатаго;
Охочъ онъ ѣздить за охотою,
За гусями, за лебедями,
За сѣрыми за утицами.
Ѣздитъ онъ день до вечера,
А покушать молодцу нечего.
Какъ поѣхалъ Суровецъ во чисто поле,
Какъ наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ на сырый дубъ,
Не простой дубъ—колокольчетый;
Что на томъ на дубу сидитъ черный вранъ,
Черный вранъ, птица вѣщая.
Онъ снимаетъ съ себя крѣпкій лукъ,
Крѣпкій лукъ и калену стрѣлу,
Онъ накладываетъ калену стрѣлу
На тетивочку шелковую,
Онъ и хочетъ стрѣлить поверхъ дерева,
Онъ и хочетъ убить черна ворона,
Черна ворона, птицу вѣщую.
Что возговоритъ ему черный вранъ,
Черный вранъ, птица вѣщая:
«Ой ты гой еси, Суровецъ-молодецъ,
Суровецъ-богатырь да Суроженинъ!
Тебѣ меня убить—не корысть получить,
Мясомъ моимъ не накушаться,
Кровью моей не напитися,
Перьёмъ моимъ не натѣшитися;
А скажу я тебѣ вѣсточку,
Скажу вѣсточку я радостну:
Что далече, далече—во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ—въ зеленыхъ лугахъ,
Что стоитъ тамъ Курбанъ царь,
Курбанъ царь да и Курбановичь,
Со своей силой могучею,
Что со всею поляницею удалою;
Стоитъ онъ, широкими рвами окопавшися,
Земляным валомъ оградившися.»—
Молодецкое сердечко неутерпчивое;
Разгоралася кровь богатырская,—
И онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Подымается его добрый конь
Выше лѣсу стоячаго,

Ниже облака ходячаго,
Горы-долы межъ ногъ пропускаетъ,
Быстры рѣки перепрыгиваетъ,
Широ́ки раздолья хвостомъ устилаетъ;
По землѣ бѣжитъ—земля дрожитъ,
Мимо лѣсу—въ лѣсу стонъ стоитъ,
Въ лугахъ раздается, на нивахъ чуть.—
И онъ взялъ поскакалъ во чисто поле,
Къ Курбану царю да и къ Курбановичу.
Первый ровъ—его Богъ перенесъ,
Другой ровъ—его конь перескочилъ,
Въ третій ровъ—онъ обрушился,
Его добрый конь набрюшился.
Анъ тутъ взяли наскочили удалые молодцы,
Подъ лѣвую руку взяли—его двадцать человѣкъ,
Подъ правую руку взяли—его сорокъ человѣкъ,
Поперёкъ его схватили—что и смѣты нѣтъ;
Взяли повели его къ Курбану царю,
Къ Курбану царю да и къ Курбановичу.
Молодецкое тутъ сердце разъярилося,
Богатырская кровь разыгралася,—
Какъ схватилъ онъ Татарина за волосы,
Да какъ началъ Татариномъ помахивати:
Какъ куда побѣжитъ—тамо улица лежитъ,
Гдѣ повёрнется—тамо площадью.
И пробился молодецъ онъ до бѣлаго шатра,
До бѣлаго шатра—до Курбана царя.
Какъ возговоритъ ему Курбанъ-царь
Курбанъ-царь да и Курбановичъ:
«Ой ты гой еси Суровецъ-молодецъ,
Суровецъ-богатырь да Суроженинъ!
Погляди ты, что въ книгѣ написано:
Что не велѣно вамъ князей казнить,
Князей казнить и царей убивать.»—

Прим. Къ этому нѣтъ варіанта, ибо списана отъ холщевника—верховаго мужика, а не отъ здѣшнихъ.

VI.

Иванъ Грозный.

1.

Казань.

Кто бы намъ сказалъ про царёвъ походъ,
Про Грознаго царя Ивана Васильевича? [1])
Какъ онъ Грозенъ царь Иванъ Васильевичь
Скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Скоплёмши свою силушку воевать пошелъ
Онъ подъ славное царство казанское;
Не дошедши до Казани, становился,
Становился нашъ батюшка въ зеленыхъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ въ заповѣданныхъ,
Какъ онъ Грозенъ царь подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчку подъ Казанку подкопъ подводилъ,
Подъ другую сторону—подъ Булатъ-рѣку [2])
Сорокъ бочекъ закатилъ со лютымъ зельемъ,
Со лютымъ зельемъ—со порохомъ.
Зажигали мы на бочкахъ свѣчи воску ярова,
Зажёмши свѣчи, сами прочь отошли,
А злые Татарченки по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего царя бѣлаго Ивана Васильевича подражниваютъ:
—«Ты не городъ пришелъ брать, пришелъ тылъ казать [3]).»
На то Грозный царь Иванъ Васильевичъ осѣрдился:
«Подавай мнѣ пушкарёвъ казнить-вѣшати!»
Какъ и выбрался изъ нихъ молодой пушкарь:
«Не изволь, государь, насъ вѣшать-казнить,
Дай ты намъ, государь, рѣчи сговорить:
Наружи-то свѣчи онѣ скоро горятъ,
Въ подземельѣ свѣчи не скоро теплятся.»—
Не успѣлъ слова сказать—стало бочки рвать,
Стало бочки рвать—землю на-розно метать
Какъ стѣны бросало за Булатъ-рѣку [4])
И побило всѣхъ всѣхъ татаръ каменничкомъ.

---

[1]) *Варіантъ.* Вм. начальныхъ 3 строкъ—три слѣд.:
«Вы молодые ребята послушайте,
Что мы стары старики будемъ сказывать
Про Грознаго царя Ивана Васильевича.

[2]) Вм. *Булатъ*—«Сулай».

[3]) Вм. *тылъ*—непечатное слово.

[4]) *Вм. Булатъ*—«Сулай».—

Варіантъ 2-й.

Вы молодые ребята послушайте,
Что мы стары старики будемъ сказывати
Про Грознаго царя Ивана про Васильевича,
Какъ онъ нашъ государь-царь подъ Казань-городъ ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки, снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.
А Татарченки по городу похаживаютъ,
Всяко грубіянство оказываютъ,
Они Грозному царю насмѣхаются:
«Не бывать нашей Казани за бѣлымъ за царемъ!»
Ужъ какъ тутъ нашъ государь-царь прогнѣвался,
Приказалъ онъ пущкаревъ казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ,
Что отъ нихъ измѣна учинилась,—
Что на полѣ вся свѣча сгорѣла,
А подрывъ такъ долго медлится.
А и тутъ всѣ пушкари призадумалися,
Большой за меньшого хоронится,
А одинъ пушкарь отважился:
«Прикажи, государь-царь, слово молвить,
Не вели, государь, насъ казнити:
Что на полѣ горитъ свѣча скорѣе,
Подъ землей-то свѣча идетъ тишѣе.»—
Не успѣлъ пушкарь слово выговорить,
Подъ землею свѣча догорала,—
И тутъ разорвало бочки съ порохомъ,
Стало стѣны бросать за Сулай-рѣку,
Забросало палаты бѣлокаменны:
Всѣ Татары тутъ, братцы, устрашилися,
Они бѣлому царю покорилися.—

2.

Мамстрюкъ.

Ой вы люди, лю́дюшки мои,
Ужъ вы людюшки умненькіе,
Старички вы стародавненькіе!
Вы повѣдайте, что́ встарь было,

Что встарь было, на Руси слыло,
Какъ женился православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичь.
Да и бралъ же онъ много приданаго:
Коробамъ съ добромъ счету не было,
Злату,—серебру—мѣры не было,
Бѣлу жемчу[1]—вѣсу не было.[1])
Вотъ и гости къ царю съѣхалися:
Всѣ князья, бояре, люди ратные,
Да боярскихъ дѣтей до полутораста,
Да посадскихъ людей четыреста;
Одного гостя нѣ
Удальца-бойца,
Самого ли князя
Мамстрюка ли М
Загремѣло на дв
Какъ пріѣхалъ
Князь Черкасск
Со храброю сво
Со своею моло
Какъ пріѣхалъ
А садится онъ
Хлѣба-соли онъ
Гуся-лебедя не рушаетъ,
Зелена вина въ ротъ не беретъ;
А глядитъ онъ на князей, бояръ,[6])
Царску гридницу златомъ убранну,—
Ищетъ онъ себѣ борца-бойца,
Добра молодца кулешничка;
Да изъ этихъ изъ князей, бояръ[7])

[1]) Приб.: «На прибавку молоду жену.»—
[2]) Пропущ.: «Удальца, бойца, славна витязя.»—
[3]) Вм. *Мамстрюковича*—«Ермолаича»—
[4]) Вм. *Мамстрюковичь*—«Ермолаичь.»—
[5]) Вм. *Со храброю своею со дружиною,*
Со своею молодою княгинею:—
«Со своею молодою княгинею,
Еще съ братцомъ ея роднымъ,
Удальцомъ, бойцомъ, славнымъ витяземъ,
И со храброю своею дружиною.»—
[6]) Вм *князей, бояръ*—«бояръ, дворянъ.»—
[7]) Вм. *князей, бояръ*—«дворянъ, бояръ.»—

Не нашелъ себѣ поборничка,
Что поборничка-супротивничка.
Какъ возговоритъ Черкасскій князь: [1])
«Ой вы гой есте, добры молодцы!
Вы напрасно землю топчете,
У царя дарма̀ ѣдите хлѣбъ,
Зелено̀ вино распиваете,
На боку лежа, дары получаете.»—
Всѣ князья-бояре призадумались,
Со стыда косы повѣсили,
Отколь взя̀лся тутъ крестьянской сынъ,—
Съ ноги на ногу прихрамываетъ;
Съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
Языкомъ пришепетываетъ: [2])
— «Охъ ты гой еси, Черкасскій князь!
Великъ ростомъ уродился ты,
Златомъ се́ребромъ украсился,—
Не пытавъ силы похваляешься;
Да гляди—рано не радуйся. [3])
На бѣ́ду я слово вымолвлю:
Не пытай силу съ крестьяниномъ!»
Закипѣлъ сердцемъ Черкасскій князь,
Во гнѣву́ изъ-за стола выскочилъ,
На бегу́ за столъ зацѣпилъ, [4])
Девяносто скамей повалилъ,
Полтораста гостей подавилъ,—
И схватилъ крестьянина за̀ воротъ, [5])
Одолѣлъ князя крестьянской сынъ,
Приподнялъ выше могучихъ плечь
И ударилъ объ сыру землю:
Золотые перстни у князя съ рукъ скатилися, [6])
Сапо́жки сафьянные съ ногъ свалилися,—
Растянулся князь Черкасскій за̀-мертво,
Что князья-бояре разъѣхалися, [7])

---

[1]) Вм. *возго́ворита*—«возго́ворилъ.»—
[2]) Приб.: «Какъ возговоритъ крестьянской сынъ.»—
[3]) Приб.: «И хотя и крестьянской сынъ.»
[4]) Пропущ.: *На бегу за столъ зацѣпилъ.*
[5]) Приб.: «Долго съ нимъ они возилися
По широку двору государеву.»—
[6]) Вм. *перстни*—«кольца.»—
[7]) Вм. *Что князья, бояре*—«бояре, дворяне.»—

Молодая княгиня расплакалася [1])
Въ слезахъ по двору побѣгивала,
Бѣлы рученьки заламывала,
Слугамъ вѣрнымъ приказывала:
— «Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
Вы схватите сына крестьянскаго,
Вы убейте вора безъименнаго,
Разорвите его тѣло на мелки части [2])
Да и бросьте псамъ на съѣденіе.»— [3])
Какъ возговоритъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ:
— «Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ,
Не мѣшаться тебѣ, бабѣ, въ дѣла царскія!» [4]).—

3.

Малюта.

Въ старые годы прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и грозный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичь;
А втайноры у царя былъ почестный столъ,
Почестный столъ, пированье великое
Про всѣхъ про князей, про бояръ,
Про гостиныхъ людей, купцовъ сибирскихъ.

---

[1]) Приб. «его.»—
[2]) Пропущ. *тѣло*.
[3]) Проп. *Да и*, и приб «тѣло.»—
[4]) Прибав. слѣд окончаніе:
«Пусть другой съ нимъ кто попробуетъ
Попытать силу богатырскую.»
Какъ и всталъ княгининъ родный братъ,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
— «Ой ты гой еси, крестьянской сынъ!
Выходи скорѣй на борьбу со мной,
На борьбу со мной послѣднюю,
На послѣднюю драку смертную.»—
И сцѣпились они за воротъ,
И возились вплоть до вечера,—
Одолѣлъ крестьянина младъ княгининъ братъ,
Разорвалъ его тѣло синее,
Разбросалъ, разметалъ по широку двору,
По широку двору—псамъ на съѣденіе.»—

А и столъ былъ во полустолѣ,
А и пиръ былъ во полупирѣ,
Гости царскіе навéселѣ,—
Стали они промежду себя похвалятися:
Сильный хвалится своею силою,
Богатый хвалится своимъ богачествомъ.
Не золотая трубонька вострубливала,
Не серебряна сиполица возъигрывала—
Возговорилъ грозный царь Иванъ сударь Васильевичь:
— «Ужъ какъ я ли могу похвалитися,
Что и взялъ я казанское царство,
Рязань городъ, славну Астрахань;
Ужъ и я ли вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новагорода.»—
Какъ возговоритъ младой царевичь:
— «Ой ты гой еси, государь царь Иванъ Васильевичь!
Что и взялъ ты царство казанское,
Рязань городъ еще Астрахань,
Ужъ ты вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новагорода,—
Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ,
Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
Онъ и ѣстъ съ тобой съ одного блюда,
Съ одного плеча носитъ платье цвѣтное.»—
Какъ и тутъ грозный царь Иванъ Васильевичь догадается,
Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется,
Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
— «А и кто есть у меня слуги вѣрные!
Берите царевича за бѣлы руки,
Ведите царевича за Москву-рѣку,
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои.»—
Какъ тутъ всѣ князья, бояре испужалися,
Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжалися,—
Оставался одинъ злодѣй Малюта,
Что Малюта злодѣй Скурлатовичъ.
Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
И ведетъ его за Москву-рѣку,
Ко тому ли болоту стоячему,

Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои. –
Распровѣдалъ про то большой бояринъ,
Что честной [illegible]икита свѣтъ Романычъ;
Онъ садится на добра̀ коня,
На добра̀ коня неѣзжаннаго,
И онъ скачетъ за матушку за Москву-рѣку,
И онъ машетъ шапкой бархатной;
Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
«Ой, народъ пр[illegible]ся,
Люди добрые, ст[illegible]
Давайте мнѣ, бо[illegible]
Прискакалъ Ники[illegible]
Ко тому ли болс[illegible]
Ко той ли лужѣ[illegible]
Ко той ли плахѣ[illegible]
Вырываетъ царев[illegible]
У Малюты злодѣ[illegible]
Онъ беретъ его [illegible]
Приводитъ е[illegible]
А тутъ гро[illegible]Васильевичъ взрадовался,
Онъ на шеюшку [illegible]
А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонился:
«А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать,
А и какъ мнѣ тебя, Романычъ, чествовать?
Ты бери у меня что̀ вздумаешь:
Со конюшни ли что ни лучшаго коня,
Съ царскихъ плечъ моихъ шубу кунію,
Золотой ли казны сколько надобно.»—
Какъ возговоритъ честной бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычъ:
«Ой ты гой еси, государь царь Иванъ Васильевичъ!
Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
Не хочу я твоей золотой казны:
Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
Повели мнѣ его, сударь, казнити.»—

4.

Смерть Ивана Грознаго.

Ужъ ты батюшка свѣтёлъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому не по прежнему,
Изъ-за облачка выкатаешься,
Черной тучею закрываешься?
У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
У Ивана было у великаго,
У собора у Успенскаго [1])
Тутъ стоялъ кипарисовъ гробъ [2]),
Во гробу лежитъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичь. [3])
Въ головахъ у него стоитъ крестъ серебреный,
Во ногахъ его корона царская,
Вокругъ гроба стоятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ попы, патріархи,
Они служатъ и читаютъ, память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память царю православному,
Православному царю Ивану Васильевичу.

VII.

Тушинскій воръ.

Изъ-за шведскія изъ литовскія изъ земелюшки,
Выѣзжаетъ воръ-собачушка на добрóмъ конѣ,
На добрóмъ конѣ во чистó полѣ.

---

[1]) Вм. *у собора у Успенскаго*—
«У Михайлы у Архангела»,

[2]) Вм. этой строки—
«Тутъ стоялъ *новъ* кипарисовъ гробъ»

[3]) Вм. этой строки:
Православный царь Иванъ *грозный* Васильевичъ.»—
И за тѣмъ продолжается такъ:
«Въ головахъ у него животворящій крестъ,
У креста лежитъ его корона царская,
Во ногахъ у него острый мечъ.—
Животворящему кресту всякъ молится,
Золотой царской коронѣ всякой кланяется,
На гробѣнъ мечъ взглянетъ—всякъ ужахнется.»

Становился воръ-собачушка подъ столицею,
Подъ столицею въ славномъ Рубежѣ,
Онъ разставливатъ бѣлъ-тонкòй шатеръ,
Разстилаетъ во шатрикѣ шелковой коверъ,
Разсыпаетъ на коврикѣ золоты́ бобы,
По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
Не казнятъ-то насъ и не вѣшаютъ,
Ужъ и много насъ жалованьемъ жалуютъ.
Садился воръ-собачушка на добрà коня,
Онъ поѣхалъ воръ-собачушка во чистò поле,
Изъ чистà поля во царевъ дворецъ;
Подъѣзжаетъ онъ ко цареву дворцу,
Пріѣзжаетъ онъ на широкій дворъ,
Слѣзаетъ воръ-собачушка со добрà коня,
Онъ свово коня не привязыватъ,
Не привязыватъ, никому не приказыватъ.
Восходилъ воръ-собачушка на красенъ крылецъ,
Входилъ онъ воръ-собачушка во царевъ дворецъ,
Онъ самимъ боярамъ не кланятся
И самой государынѣ челомъ не бьетъ.
Онъ садился воръ-собачушка за дубовый столъ,
Вынимаетъ воръ-собачушка ярлыки на столъ,
По ярлыкамъ воръ-собачушка сталъ расписываться:
Я самихъ же то бояръ во полонъ возьму,
А съ самою царицею обвѣнчаюся.

VIII.

Михайло Скопинъ.

1.

У насъ было въ каменнòй Москвѣ,
У князи было Воротынскаго,
Было пированье великое; [1])
Кстили дитя княженецкое. [2])
Кумомъ былъ князь Михайло Скопинъ,
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ,
А кумою была дочь Скурлатова.

---

[1]) Вм. *великое*—«почетное.»

[2]) Приб. «Ой, кто кумъ-то былъ, кто кума была?»—

Много было тутъ князей, бояръ, [1])
Князей, бояръ, гостей званыихъ,
Они ѣли, пили прохлажалися.
Напивалися гости дò-пьяна,
Выходили на красёнъ крылецъ,
И у́чали они хвастатися:
Сильный хвастается силою,
Богатый богачествомъ;
Одинъ скажетъ: «у меня много чи́ста сéребра»,
Другой скажетъ: «у меня больше кра́сна золота.»—
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ
Онъ и не пилъ зелена́ вина,
Не пригубливалъ пива крѣпкаго,
Только пилъ одни меды сладкіе,
А и съ мёду князь захмѣлѣлъ,
Во хмѣлю онъ похваляться сталъ:
«Да и што-й-то больно, братцы, вы расхвастались,—
Полно, есть ли вамъ чѣмъ хвастать-то?—
А ужъ я ли могу похвалитися: [2])
Я очистилъ царство Московское,
Я вывелъ вѣру поганскую,
Я сталъ за вѣру христіанскую,—
И за то мнѣ князю слава дò-вѣку.» [3])
И то слово кумѣ не полюбилося,—
То слово крестовой не показалося.
Вта́поры она дѣло сдѣлала:
Наливала чару зелена̀ вина, [4])
Подсыпа̀ла въ чару зелья лютаго,
Подносила чару куму крестовому,
А князь отъ вина отказывался,
Онъ самъ не пилъ, а куму почтилъ:
Думалъ князь—она выпила,

---

[1]) Эта и слѣд 2 строки опущены, а прибавлена:
«Промежду себя похвалялися.»—и продолжается.
«Одинъ скажетъ—и проч.

[2]) Предыд. 9 ст. опущены; вм. нихъ:
«Ахъ что возговоритъ князь Михайло Скопинъ,
«Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ:
«Еще что вы, братцы, выхваляетесь,
Я скажу вамъ не въ похвалу себѣ»—и пр.

[3]) Эта строка опущена.

[4]) Вм. *зелена́ вина*—«водки крѣпкія:»—

А она въ рукавъ вылила.
Брала же она стаканъ меду сладкаго,
Подсыпа́ла въ стаканъ зелья лютаго,
Подносила куму крестовому. [1])
Отъ мёду князь не отказывается—
Выпиваетъ стаканъ меду сладкаго;—
Какъ его тутъ рѣзвы ноженьки подломилися,
Его бѣлыя рученьки опустилися,
Ужъ какъ брали его тутъ слуги вѣрные,
Подхватили подъ бѣлы руки.
Увозили князя къ с
Какъ встрѣчала его
— «Дитя ты мое,
Сколько ты по пира
А таковъ еще пьян
— «Охъ ты гой е имая,
Сколько я по пира
А таковъ еще пьян
Съѣли меня кума к
Дочь Малюты С

«У князя было у Владиміра,
«Было пированье—почетный пиръ,
«Было столованье—почетный столъ,—
«А и кстили дитя княженецкое».

гѣмъ, какъ въ 1-мъ варіантѣ, только послѣ «похвалялися» —
тъ:

«Выходили на крылечко на красное,
Ужъ какъ учали похвальбу чинить князья, бояре:
Одинъ скажетъ... и пр.—

гь какъ въ 1-мъ варіантѣ, до «христіанскую.» — Послѣ:

«То слово кумѣ не показалося,
То слово крестовой не понравилось» —
И какъ въ пѣснѣ до «крестовому.»—За тѣмъ:
«Самъ же не пилъ, а ее почтилъ,

---

[1]) Послѣ: *подносила куму крестовому*—
«Какъ выпилъ князь Михайло Скопинъ
Рѣзвы ноженьки его подломилися»—
и до конца.

Ему мнилося—она выпила,
А она въ рукавъ вылила,—
Наливала еще куму крестовому,
Какъ выпилъ князь Михайло Скопинъ,
Его рѣзвы ноги подломилися
Бѣлы ручушки опустилися,
Ввечеру князь переставился.»—

Этимъ пѣсня оканчивается.

2.

У насъ было во кремлѣ во городѣ
У того у собора у Успенскаго
Соѣзжалися князьи и бояре,
Всѣ сильные воеводы московскіе.
Ужъ какъ царь говоритъ, что въ трубу трубитъ:
«Ой вы гой есте князья, бояре!
Какъ намъ, братцы, на приступъ идти?
Какъ намъ взять будетъ Азовъ городъ?
Азовъ городъ во крѣпи стоитъ,—
Нельзя къ нему подойти ни подѣхати.»
Какъ тутъ же бояре испужалися,
Большой за меньшаго хоронится,
А меньшихъ за большими давно не знать.
Что возговорилъ Михайло Скопинъ:
— «Охъ ты гой еси, грозный царь!
Благослови мнѣ слово молвити,
Или цѣлу рѣчь выговорить:
Дѣлайте тележки бурмицкія,
Убивайте тележки кунами, соболями,
Сукнами багрецовыми и гвоздьми полуженными,
Сажайте въ тележки по пяти человѣкъ:
Я поѣду въ тотъ городъ могучій гость,
Я возьму тотъ городъ во единый часъ.»—
Пріѣхали они къ синему морю,
Кричитъ онъ перевозчикамъ:
«Перьвезите гостя могучаго,
Что во тотъ ли во Азовъ городъ!»
Стали бурмистры и головы,
Стали пошлины спрашивати.
— «Ахъ, вы гой есте, бурмистры и головы!
Погодите вы до утрія,—

Дамъ вамъ по таксѣ полную.»—
Со полуночи до вечера могучій гость
Черезъ синё море переправился,
Осмотрѣлъ крѣпость азовскую
И донесъ царю о возможности.

IX.

Алексѣй Михайловичъ.

1.

Рига.

А.

Какъ во славной было матушкѣ каменной Москвѣ,
Что на той ли было, братцы, красной площади,
Хорошо добре солдаты во строю стоятъ,
Они огненныя ружья предъ собой держатъ,
Что Москвою шли солдаты потихохоньку,
Кремлемъ городомъ прошли, братцы, поплавнехоньку,
Во соборъ пришли солдаты Богу молитися,
Ко святымъ мощамъ солдатушки приложитися;
Государю-царю солдатушки поклонилися:
— «И ты здравствуй, многолѣтствуй, православный царь!
Благослови ты намъ солдатушкамъ во походъ идти,
Что подъ славный ли подъ городъ подъ Ригу». —
Ужъ какъ взговоритъ нашъ батюшка православный царь:
«Вы подите мои дѣтушки потихохоньку,
А подъ Ригу пришедши, становитеся,
Вы меня ли, мои дѣти, дожидайтеся,
А фельдмаршала во всемъ слушайтесь!»

м. Отнесена эта пѣсня къ Алексѣю Михайловичу, потому что рыя поютъ, послѣ «православный царь»—
«Бывшій царь Алексѣй Михайловичъ»—

В.

Подъ славнымъ было городомъ подъ Ригою,
Что стоялъ тутъ православный царь,
Православный царь Алексѣй-сударь Михайловичъ;
Какъ стоялъ онъ ровно три года,
Да и сталъ нашъ царь снаряжатися:
Снаряжается онъ въ каменну Москву.—

На зарѣ-то было на утренней
На восходѣ красна солнышка,
Что не гуси,—не лебеди воскрикнули,
Что возговорили солдаты новобраные:
«Ой ты гой еси православный царь,
Ласковый нашъ Алексѣй-сударь Михайловичъ!
Снаряжаешься ты въ каменну Москву,
Не оставь насъ ты бѣдныхъ подъ Ригою;
Ужъ и такъ-то намъ Рига наскучила:
Натерпѣлися мы холоду и голоду,
Наготы-босоты вдвое того.»—
Не золотая трубонька вострубила,—
Прогласилъ государь православный царь,
Что и ласковый Алексѣй Михайловичъ:
«Ужъ вы гой есте, мои дѣтушки-солдаты,
Вы солдатушки новобраные!
Какъ и мнѣ ли самому царю Рига-то наскучила,
Что наскучила она мнѣ Рига напроскучила!
Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву—
Мы забудемъ бѣдность—нужду великую,—
Я и выставлю вамъ погреба мои царскіе,
Я съ виномъ и пивомъ и съ медами сладкими.»—

3.

Рожденіе Петра.

Ужъ какъ свѣтелъ радошенъ въ Москвѣ
Ласковый царь Алексѣй-сударь Михайловичъ:
Народилъ ему Господь сына-царевича,
Что царевича—Петра Алексѣевича.
Какъ и всѣ-то русскіе плотнички,
Что плотнички—сами мастеры,
Они ночку не спали—колыбель-люльку дѣлали,
А нянюшки, мамушки, сѣнны дѣвушки,—
Онѣ ночку не спали—ширинку вышивали
По бѣлому рытому бархату краснымъ золотомъ;
А втапоры затюремнички они всѣ распущались,
Царскіе погребы они всѣ растворялись:
У царя у ласковаго шелъ пиръ и столъ на радости.
Всѣ князья, бояре къ царю собиралися,
Всѣ дворяне ко ласковому соѣзжалися,

Весь народъ божій на пиру—пьютъ, ѣдятъ, прохлажаются;
Въ весельи не видали какъ и дни прошли:
Все для младшаго царевича—Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.—

X.

Петръ.

1.

Азовъ.

Охъ, бѣдныя головушки солдатскія!
Какъ ни днемъ ни ночью вамъ покою нѣтъ.
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ.
Что не золотая трубонька вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла,—
Что возговоритъ нашъ батюшка православный царь:
«Ой вы гой есте всѣ князья и бояре!
Вы придумайте мнѣ думушку пригадайте:
Еще какъ намъ Азовъ городъ взяти?»
Какъ князи и бояре промолчали;
А и самъ нашъ батюшка прослезился:
«Ой вы гой есте солдаты и драгуны!
Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую:
Еще какъ-то намъ Азовъ городъ взяти?»
Что не ярыя пчелушки зашумѣли—
Какъ возговорятъ солдаты и драгуны:
—«Взять ли намъ не взять ли—бѣлой грудью!»—
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ пошли,
Подъ тотъ ли подъ славный подъ Азовъ городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
Что подъ тѣ ли подъ раскаты подъ высокіе.
Что не съ горъ ли бѣлы камни покатилися,
Покатилися со стѣнъ непріятели;
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися—
Забѣлѣлися бѣлы груди бусурманскія;
Что не съ дождичка ручьи разливалися—
Разливалася тутъ кровь нечестивая.

2.

Стокгольмъ.

Не пыль въ полѣ запылилася,
Не туманъ съ моря подымается,—
Подымалися съ моря гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, утки сѣрыя;
Гуси-лебеди летятъ со гусятами,
Сѣры у́тушки плывутъ со утятами.
Гуси-лебеди съ моря подымалися,
Все синё море всколыхалося,
Бѣла-рыбица вся на низъ ушла,
Вся на низъ ушла—въ ти́хи за́води,
Въ тихи заводи—въ омута́ глубокіе,
Въ омута́ глубокіе—во мѣста удобныя.
А и по морю-то, морю синему,
По синему морю, по хвалынскому,
Тутъ плывутъ-то восплываютъ ровно тридцать кораблей,
Какъ одинъ-то корабликъ напередъ бѣжитъ,
Напередъ бѣжитъ корабликъ, что соколъ летитъ.
Хорошо больно корабликъ изукрашенъ былъ:
На корабликѣ-то па́русы все тафтяные,
Тетивочки у кораблика все шелковыя,
А подзоры у кораблика—рытаго бархата.
Какъ на этомъ на корабликѣ православный царь сидитъ,
Со своими онъ со славными генералами,
Со своими храбрыми офицерами.
Какъ возговоритъ нашъ батюшка православный царь,
Православный царь—Петръ Алексѣевичъ:
«Ой вы гой еси, матросы мои легкіе!
Вы мечитеся на мачты корабельныя,
Вы глядите-ка во трубочки подзорныя:
Далеко ли до города до Стекольнова?»—

Прим. Нѣкоторые прибавляютъ еще 2 строки:
—Мы въ Стекольновъ городочекъ квечеру́ придемъ,
Мы Стекольновъ городочекъ поутру возьмемъ!»
Также вм. *по хвалынскому*,—однажды пѣли *по балтійскому*.—

Варіанты.

Вступленія нѣтъ: прочее почти тоже, исключая нѣкоторыхъ словъ, и безъ окончательныхъ двухъстрокъ; равно—царь не зовется по имени.—

3.

Побѣда Шереметева надъ Шлиппенбахомъ.

Не грозная туча возставала,
Не частъ крупёнъ дождикъ выпадаетъ,— [1])
Изъ славнаго изъ города изо Пскова
Подымался царевъ большой бояринъ
Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ
Онъ со конницею и со драгуны,
Со всею московскою пѣхотой. [2])
Не дошедъ онъ [illegible]овился, [3])
Хорошо добре п[illegible],
Онъ пушки и мо[illegible]ъ. [4])
Не ясёнъ сокóлъ [illegible]етаетъ,—
То боярин[illegible]ляетъ;
Что не золотая [illegible]ла,—
Тутъ возговорит[illegible] боярин[illegible],
Графъ Борисъ с[illegible]Шереметевъ:
«Ой вы, дѣтушк[illegible]ты!
Мнѣ лъзя ли на [illegible]жити, [5])
Супротивъ непрія[illegible]- [6])
Тутъ возговорятъ[illegible]ты:
— «Мы рады госу[illegible],—
И одинъ за одного умерети.»— [7])
Тутъ скоро боярин[illegible] подымался
Со конницею и со пѣхотой.
Нашли они на шведскіе караулы, [8])
Они шведскіе караулы сами скрали,
И маіора во полонъ къ себѣ взяли.
Привели они маіора къ генералу,
Ко полевому кавалеру;
Приказалъ его генералъ допросити:
«Скажи ты маіоръ земли шведской,

---

[1]) Начал. 2 строкъ нѣтъ.
[2]) «Съ пѣхотными солдатскими полками.»
[3]) «Недошедши».
[4]) Этой строки нѣтъ.
[5]) «Можно ли мнѣ на васъ понадѣяться»?
[6]) «Устояти».
[7]) «Единъ за единаго».
[8]) «Краулы».

Скажи намъ всю истинную правду,
Не моги ты у царя утаити:
Далече ли стоитъ ваша сила,
И много ли силы съ генераломъ,
Съ самимъ генераломъ Шлиппенбахомъ?»—
Что возговоритъ маіоръ земли шведской:
«Ужъ ты гой еси, царевъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ!
Не могу я у царя утаити,
Скажу я всю истинную правду:
Стоитъ наша сила въ чистомъ полѣ,
За тѣми ли за мхами, за болоты,
За тою за великой переправой,
Покрай близъ Варяжскаго моря;
А силы съ генераломъ сорокъ тысячь,
Съ любимымъ генераломъ Шлиппенбахомъ.»
Бояринъ тѣхъ словъ не испугался, [1])
Онъ скоро со полками подымался.
Не двѣ грозныя тучи на небѣ всходили—
Сражалися два войска тутъ большіи—
Московское войско со шведскимъ.
Запалила Шереметева пѣхота [2])
Изъ мелкаго ру́жья и изъ пушекъ [3]):
Что не страшный громъ изъ тучи грянулъ,
Не звонкая пушка разродилась—
У боярина тутъ сердце разъярилось.
Не сырая мать-земля разступилась,
Не синее море всколебалось—
Примыкали тутъ штыки на мушкеты, [4])
Бросали всѣ ружья на погоны, [5])
Вынимали тутъ острыя сабли,
Приклоняли тутъ булатныя копья [6])
Гнались за шведскимъ генераломъ,
До самого до города до Дерпта.

---

[1]) «И тутъ боярина не устрашился».
[2]) «Запалила тутъ»...
[3]) «И изъ мортировъ».
[4]) «Какъ не громъ предъ тучей грянулъ,
Троилъ—пушка разродилась»— и «*тутъ*»—нѣтъ.
[5]) *Всѣ*—нѣтъ.
[6]) *Тутъ*—нѣтъ нигдѣ.

Какъ расплачутся тутъ шведскіе солдаты,
Во слезахъ они чуть слово промолвятъ:
«Лихая-де Московская пѣхота,—
На вылазку часто выступаетъ
И тѣмъ насъ жестоко побѣждаетъ.»—
Тутъ много мы Шведовъ порубили,
А втрое того въ полонъ ихъ взяли,—
Тѣмъ прибыль государю учинили. [1])

4.

Шлиссельбургъ.

А.

Во славномъ городѣ во Орѣшкѣ,
Во нынѣшнему званію Шлюшенбургѣ,
Пролегала тутъ широкая дорожка,
По той ли по широкой по дорожкѣ
Идетъ тутъ царевъ большой бояринъ,
Графъ [2]) Борисъ сынъ Петровичь Шереметевъ,
Со тѣми онъ со пѣхотными полками,
Со конницей и со драгунами,
Со удалыми донскими казаками.
Вошли они во Красную Мызу;
Промежду тѣми высокими горами,
Промежду тѣми широкими долами,—
А всѣ полки становилися.
А атаноры Борисъ сынъ Петровичь
Въ объѣздъ онъ донскихъ казаковъ посылаетъ,
Донскихъ, гребенскихъ да яицкихъ.—
Какъ сняли они шведскіе караулы,
Мајора себѣ въ полонъ полонили,
Привезли его въ лагери царскіе.
Не злата труба въ полѣ протрубила [3])
Прогласилъ государь, слово молвилъ,—
Государь московскій—первый императоръ:
«А и гой еси, Борисъ сынъ Петровичь!
Изволь ты мајора допросити,

---

[1]) «Государю тѣмъ прибыль учинили» — *Варіанты:* [2]) «Князь» вм. *графъ.*
[3]) «Злата» вм. *не злата.*

Тихонько, по маленьку:[1])
А сколько-де силы въ Орѣшкѣ
У вашего короля шведскаго?»—
Говоритъ тутъ маіоръ не съ утайкою[2])
А сталъ онъ силу разсказывать:
«Съ генераломъ въ полѣ нашихъ[3]) сорокъ тысячей,
Съ королемъ въ полѣ смѣты нѣтъ.»—
А втапоры царевъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ сынъ Петровичь Шереметевъ,
А самъ онъ царю рапортуетъ:
«Что много-де въ полѣ силы той шведской:
Съ генераломъ стоитъ силы 40 тысячей,
Съ королемъ въ полѣ силы—смѣты нѣтъ».—
Не злата труба въ полѣ въ лагерѣ протрубила,—
Прогласилъ первый императоръ:
«А и гой еси Борисъ Петровичь!
Не устрашися маіора допросити,
Но корми маіора цѣлы сутки;
Его вы его допросите, —[4])
Другіе вы сутки не кормите,
И тогда онъ разскажетъ,
Сколько у нихъ силы шведскія.»—
А втапоры Борисъ Петровичъ Шереметевъ
На то-то больно догадливъ—
А двое-де сутки маіора не кормили,
Въ третьи винца ему подносили,—
А втапоры маіоръ разсказалъ,
Правду истинну разсказалъ:
«Всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ
Силы семь тысячей, а болѣе того нѣту.»—
И тутъ государь взвеселился,—
Велѣлъ маіору голову отляпать[5]).

---

[1]) «Потихоньку по манёшеньку».

[2]) «Не съ упадкою» вм. *не съ утайкою*.

[3]) «Нашимъ» вм. *нашихъ*.

[4]) «Поторите» вм. *допросите*.

[5]) «*Оттяпать*» вм. *отляпать;* а въ другомъ варіантѣ этой строки нѣтъ совсѣмъ и пропущена передача Шереметевымъ допроса; вмѣсто же «допросите» и «поторите»—*повторите*, а вм. *нашихъ* и *нашимъ*—«силы.»—

В.

Ты злодѣй, злодѣй ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое!
Къ чему ты ныло, занывало?
Ты бѣду мнѣ молодцу предвѣщало.
Предвѣщало ты, а не сказало,
Что быть ли мнѣ молодцу во рекру́тахъ,
Что въ рекру́тахъ быть и во солдатахъ,
А въ солдатахъ быть и во походѣ,
Что подъ славнымъ городомъ Орѣшкомъ,
По нынѣшнему званію Шлиссельбургомъ.
Ужъ и скоро Шведы догадались,
Они ударили тотчасъ въ барабаны,
Наши русскіе солдаты во литавры.
Да что возго́воритъ нашъ батюшка императоръ:
«Ахъ, вы любимые мои генералы!
Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте:
Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ,
Иль не лучше ли намъ отъ него отступити?»—
Что возговоритъ всѣ генералы:
«Ахъ, ты нашъ батюшка государь царь!
Еще силя намъ будетъ нада,—
Что не лучшель намъ отсюда отступити?»
Что возговоритъ надёжа-государь царь:
«Ахъ вы дѣтушки мои солдаты!
Вы придумайте мнѣ думушку пригадайте:
Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ?»—
Что не ярыя тутъ пчелы зашумѣли,
Что возговоратъ россійскіе солдаты:
— Ахъ, ты нашъ батюшка-государь царь!
Намъ водою къ нему плыти—не доплыти,
Намъ сухимъ путемъ идти—не досягнути;
А что брать или не брать ли—бѣлой грудью!»—
Тронулось войско ко стѣнѣ,
Полетѣли башни на берегъ,
Отворялися ворота непродѣланны,
А проломаны изъ пушекъ ядрами:
Побѣдили силу шведскую,
Полонили городъ надобной.—

Варіантъ.

Злодѣй, злодѣй ретиво сердце,
Что ты ныло ретивое, занывало,
Ничего ты мнѣ сердечко не сказало,
Да что быть молодцу въ рекрутахъ,
Во солдатахъ быть мнѣ и въ походѣ,
Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
А по нынѣшнему званію Шлиссельбургомъ?
Что заслышавъ воры-шведы догадались,
Что ударили они въ барабаны,
Наши русскіе солдатушки въ литавры.
Да что взговоритъ нашъ государь царь:
«Ахъ вы гой еси, братцы генералы!
Вы придумайте мнѣ, братцы, пригадайте:
Еще какъ намъ будетъ взять Орѣшекъ?»—
— Ахъ ты гой еси, нашъ батюшка государь царь!
Что не лучшель намъ отъ города отступити?
Что возговоритъ государь-царь ко солдатамъ:
«Ахъ вы гой еси мои дѣтушки солдаты:
Вы придумайте мнѣ думушку пригадайте:
Еще брать ли намъ иль нѣтъ Орѣхъ-городъ?»—
Что не ярыя пчелушки въ ульѣ зашумѣли,
Да что взговорятъ россійскіе солдаты:
— «Ахъ ты гой еси нашъ батюшка государь-царь!
Намъ водою къ нему плыти—не доплыти,
Намъ сухимъ путемъ итти—не досягнути;
Мы не будемъ отъ города отступати,—
А будемъ мы его бѣлою грудью брати.»—

Въ другомъ варіантѣ нѣтъ обращенія царя къ солдатамъ, а они говорятъ вслѣдъ за генералами; вмѣсто *предвѣщало*—«вѣщевало»;—и пропущена строка:

«Наши русскіе солдатушки въ литавры.»—

С.

Какъ на славной матушкѣ Невѣ-рѣкѣ,
Подлѣ устьица ея широкаго,
Что при самомъ ли истокѣ быстрыимъ,
Какъ плавали гуляли три легкіе стружка.
На первомъ стружкѣ Шереметевъ былъ,
На другомъ стружкѣ офицеры сидятъ,

А на третьемъ стружкѣ все солдатушки—
Преображенскіе и семеновскіе.
По рѣкѣ они бѣжали къ круту красну бережку,
Къ круту красну бережку—къ шлюссельбургскому.
Подбирали они парусы полотняные,
Что того ли полотна все олонецкаго,
Они якори метали все булатныя,
Что того ли булата сибирскаго,
Приставали къ круту красну бережку,
Они лѣсенки метали
Выходили на желты
Начинали рыть под
Накатали бочки съ
Съ лютымъ зелiемъ [illegible]омъ,
Становили свѣчи во
Зажигали тѣ подко
Оттого ли красный
Развалило стѣну бѣ
Потрясло всю крѣп
Устрашило храбрых

варіантѣ послѣднихъ дв

D.

Какъ по крутому по красному бережку,
Какъ по желтому сыпучему песочку,
Тутъ ходилъ гулялъ батюшка православный царь,
Онъ садился государь-царь на легòкъ стружòкъ;
Размахнули, разгребнули вверхъ Невы-рѣки,
Что ко славному ко городу ко Шлюшину.
Какъ на встрѣчу государю донскіе казаки,
Что донскіе, гребенскіе, запорожскіе.
Что казаки государя не опознали,—
Имъ подумалось—король земли шведскія:
Заряжали свои ружья огневыя,
Приготовились стрѣлять по своемъ царѣ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Что промолвилъ ли нашъ батюшка православный царь,—
Казаки голосъ услышали,
Что кидались бросались на легòкъ стружокъ,
Приклонили свои буйны головы:

«Ты прости, прости, нашъ батюшка православный царь,
Еще мы тебя государь-царь не опознали,
Намъ подумалось король земли шведскія.»—
Что возговоритъ нашъ батюшка православный царь:
«Вамъ спасибо ли ребята, казаки донски,
Что донскіе гребенскіе, запорожскіе!
Съ осторожностью вы по Невѣ-рѣкѣ гулнете,
Своего царя вы защищаете».

5.

Полтава.

Еще что у насъ въ Москвѣ, братцы, за кручина?
Наканунѣ было свѣтла воскресенья
Заунывно въ царь-колоколъ звонили,
Съѣзжалися князья и всѣ бояре
Во Успенской во соборъ Богу молиться.
Молились они Господу со слезами;
Что одинъ изъ нихъ боярнъ не молился,
Генералъ Борисъ Петровичь Шереметевъ.
Почастёхоньку вонъ изъ церкви выступаетъ,
Къ бѣлой каменной оградѣ припадаетъ,
Горючьми слезами обливался,
Миткалинимъ онъ платочкомъ утирался:
«Ужъ тошно мнѣ боярину, тошненько,—
Никогда-то мнѣ таково тошно не бывало;
Что болитъ-болитъ у боярина головка,
Щемитъ, щемитъ ретиво сердечко;
Что сказана боярину царска служба,
Указанъ путь — широкая дорожка,
Подъ славный подъ городъ подъ Полтаву:
Какъ быть-то мнѣ боярину убиту
Подъ славнымъ подъ городомъ подъ Полтавой,
На чистомъ полѣ лебединомъ!»

6.

Запорожцы послѣ Полтавской битвы.

Похвалились славны запорожцы
Платавъ-городъ взяти

Э-ххе!

Поутру они рано вставали,
Добрыхъ коней своихъ сѣдлали;

Э-ххе!

А къ вечеру славны запорожцы
Всѣ въ полонъ попали.

Э-ххе!

Славны, славны вы запорожцы!
А гдѣ ваши мѣтки ружья?

Э-ххе!

«Наши ружья заряжены,
А мы въ острогъ посажены».

Э-ххе!

Славны, славны вы запорожцы,
А гдѣ ваши добрые кони?

Э-ххе!

«Наши кони на пригонѣ,
А мы казаченьки во неволѣ».

Э-ххе!

Славны, славны вы запорожцы!
А гдѣ ваши острыя копья?

Э-ххе!

«Наши копья отобрали,
Въ Дунай-рѣку побросали».

Э-ххе!

7.

Выборгъ.

Ахъ ты ночь ли, ты ноченька осенняя!
Надоѣла ты инѣ молодцу наскучила,
Стоючи братцы на карауле государевомъ,
Что подъ славнымъ ли подъ городомъ подъ Выборгомъ,
Что подъ той ли подъ стѣною бѣлокаменной,
Что подъ высокою подъ башнею подъ проѣзжею.
Не звѣринушка изъ башенки возрыкнула,
Что возрыкнула тутъ пушечка боевая,
Боевая, полковая, шведская,
Никого она въ полку, братцы, не ранила,
Что убила ли полковника, какъ пить дала.
Какъ растужатся, расплачутся солдатушки:
«Охъ ты свѣтъ нашъ батюшка полковничекъ,
Что кому насъ сиротъ будетъ поить, кормить,

Кому насъ солдатъ содержать будетъ?»—
А что взговорятъ маіоры съ подполковникомъ:
«И вы глупые солдаты, неразумные,
Какъ поитъ будетъ кормить православный царь,
Содержать будемъ мы маіоры съ подполковникомъ.»

8.

Колыванъ.

Какъ во славномъ было городѣ Колыванѣ,
Что стояли тутъ бѣлокаменны палаты,
Что въ тѣхъ ли бѣлокаменныхъ палатахъ,
Какъ стояли тутъ столы дубовые,
За столомъ сидитъ шведская королева,
Передъ ней стояли шведскіе генералы.
Что возговорятъ шведскіе генералы:
«Ахъ ты гой еси наша шведская королева,
Ты за чѣмъ къ королю-брату не пишешь,
Чтобъ прислалъ онъ силы на подмогу,
Что за силою прислалъ бы провіанту?»
Что возговоритъ тутъ шведская королева:
«Ахъ вы гой еси, мои шведскіе генералы!
Ужъ я и такъ къ королю-брату писала
И нарочныхъ курьеровъ посылала,
Чтобъ прислалъ онъ мнѣ силы на подмогу,
Онъ за силою прислалъ бы провіанту:
Ужъ какъ бѣлый царь къ городу подступаетъ,
И онъ шанцы, батареи отбиваетъ,
Въ бѣлокаменну стѣну стрѣляетъ,
А въ городъ армію свою впускаетъ,
И онъ шведскіе караулы всѣ снимаетъ,
Онъ россійскіе караулы разставляетъ.

9.

Какъ по морю, морю синему, по синю морю, по балтійскому,
Тутъ и плыли восплывали три военныхъ корабля:
На первымъ на корабликѣ императоръ-царь сидитъ,
На другимъ корабликѣ князья-бояре сидятъ,
А на третіимъ корабликѣ—все солдатушки,
Сидѣли солдаты полку семеновскаго,
Той же первой роты бомбандирскія.

Парусы они роняли бѣлы полотняные,
Того ли полотенца—все голландскаго,
Якори они бросали все булатные,
Того ли булату—все сибирскаго,
Мосты они намостили все дубовые,
Подкопы они копали все глубокіе,
Глубокіе подкопы—на двѣнадцать верстъ,
Бочки закатали со лютымъ зельемъ,
Со лютымъ зельемъ—съ чернымъ порохомъ,
Свѣчки зажигали воску яраго.
Свѣчки догорали—бочки розорвало,—
Что взрывало стѣну бѣлокаменную.
Вотъ и стали государя-царя поздравляти:
«Ужъ ты здравствуй, государь нашъ, православный царь,—
Поздравляемъ тебя съ крѣпкимъ городомъ,
Съ крѣпкимъ городомъ—со Ригою!»—

10.

Смерть Петра.

Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,—
Не по всю землю святорусскую,
Что со вечера—не до полночи,
Со полуночи—не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?—
Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ славномъ городѣ,
У дворца было государева,
У крыльца было воскрашеного,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ,
И онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
Ужъ и слезы льютъ, что ручьи текутъ,
Воздыхаетъ онъ словно лѣсъ шумитъ,
Возрыдаетъ онъ—ровно громъ гремитъ,
Возрыдаючи онъ возговорилъ:
«*Вы подуйте съ горъ*, вѣтры буйные

Разнесите вы снѣжки бѣлые!
Разступися ты, мать-сыра земля,
Ты на всѣ четыре стороны,
Развались-ка ты бѣлъ-горючъ камень,
Расколись-ка ты, гробова доска,
Разверзись-ка ты, золота парча,
Распахнись-ка ты, бѣлъ-тонкой саванъ,—
Ужъ ты встань-проснись православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичь;
Подыми ты свою головушку,
Посмотри на свою силушку,
На свою матерь—Россіюшку,
Посмотри, сударь, на свою гвардію, [1])
Посмотри на всю армеюшку.
Хорошо твоя армеюшка обряжена:
Всѣ полковнички—во своихъ полкахъ,
Подполковнички—на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіоры—на добрыхъ коняхъ,
Капитаны—передъ ротами,
Офицеры—передъ взводами, [2])
А прапорщики—подъ знаменами:
Дожидаютъ они полковничка,
Что Полковничка преображенскаго, [3])
Капитана бомбандерскаго».

1-й варіантъ. Все также, кромѣ конца. Послѣ: *посмотри на всю армеюшку*,—

Твоя армія во строю стоитъ,
Въ строю стоитъ—не шелохнется,
По военному она обучается,
На войну она отлучается.

2-й вар. Начинается прямо: у насъ было на святой Руси; потомъ пропущено: у крыльца было воскрашенаго; потомъ послѣ словъ:

Призадумавшись слезно плакать сталъ,

слѣдуетъ —

Во слезахъ онъ слово вымолвилъ:
Вы подуйте вѣтры буйные,
Разступися мать-сыра земля и пр.

---

[1]) Вм. *ссою*, говорятъ *сву*.
[2]) Вм. *взводами*—зводами.
[3]) Вм. преображенскаго—прображенскаго.

Пропущено: развернися золота парча, распахнись бѣлъ тонкой саванъ.—

Кончается также какъ 1-й варіантъ, исключая пропущенныхъ 2-хъ строкъ—

«Посмотри на свою силушку.
На свою матерь Росіюшку.»

3-й варіантъ. Сокращенъ, какъ второй, кромѣ начала, которое оставлено до словъ: не во всю землю свято-русскую.—

4-й варіантъ. Сохранено все вступленіе, кромѣ словъ:

Что со вечера
Со полуночи— послѣднія

двѣ строки измѣнены

Все за облачк
Черной тучкою конецъ, какъ въ *3-мъ вар.*

5-й варіантъ. Вступ ѣ послѣднихъ трехъ строкъ:

Со полуночи—
Все за облаки
Темной тучень »; далѣе—

Кромѣ неважныхъ из овки словъ, почти все также до—*посмотри на всю* омъ вставка:

Посмотри на св
Твоя армія во строю стоя
По военному она обучается,
На войну она собирается,

и продолжается:

Хорошо твоя армеюшка обряжена,

пропущено только: «Офицеры передъ взводами.»—

Есть и другіе варіанты, о которыхъ уже не стоитъ говорить.

Но слѣдующій варіантъ, какъ разнящійся отъ 1-й пѣсни на столько, что можетъ считаться другою, самобытною пѣснью,—мы записываемъ вполнѣ.

11.

Ахъ, ты ягодка-смородинка,
Распрекрасное мое деревцо!
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
— Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я зарей цвѣла, солнцемъ вызрѣла.
Ахъ, ты ягодка смородинка,
Распрекрасное мое деревцо!

Ты почто рано позаломана,
Во пучечки перевязана,
По дикой степѣ поразбросана,
До того ли села Шереметева,
До того ли дворца государева,
До того ли крыльца воскрашёнаго?
У дворца-то было государева
У крыльца было воскрашёнаго,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ;
Призпобилъ онъ рѣзвы ноженьки,
Что по самые по сапоженьки,
Бѣлы ручушки —по самыя кистыньки;
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, что рѣка льется,
Ужъ и слезы льютъ, что ключи текутъ,
Воздыхаетъ—словно лѣсъ шумитъ,
Возрыдаетъ—ровно громъ гремитъ.
Возрыдаючи онъ возговорилъ,
Жалобнёхонько слово вымолвилъ:
«Вы подуйте съ горъ вѣтры-вихори,
Разнесите съ полей снѣги бѣлые, [1])
Растолките, вѣтры, бѣлъ горючъ-камень,
Расшатайте-ка вы мать-сыру землю,
Вы на всѣ на четыре сторонушки; [2])
Расколите вы, вѣтры-вихори, гробову-доску, [3])
Разверните-ка вы, вѣтры, золоту парчу,
Распахните вы бѣлъ тонкой савапъ!
Ужъ ты встань проснись нашъ батюшка,
Православный царь Петръ Алексѣевичь!
Подыми ты свою головушку,
Посмотри ты на свою силушку:
Твоя силушка во строю стоитъ,
Во строю стоитъ—не шелохнется,—
На войну она снаряжается,
Что тебя она дожидается! [4])

---

[1]) *Варіанты.* Вмѣсто—*полей—поля*, и *небесв.*

[2]) Вм. сторонушки—*стороны.*

[3]) Опущ.—*вѣтры—вихори.*

[4]) Въ другихъ приб. строчка—«на прусскова короля нѣтъ подмоги безъ тебя.»

12.

Какъ у насъ было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
У Ивана у Великаго, у собора у Успенскаго
Ударили въ большой колоколъ:
Раздается звонъ по матушкѣ, по сырой землѣ.
Померъ, померъ у насъ, братцы, бѣлый царь,
Бѣлый царь—Петръ Первый.
Возговорятъ его слуги вѣрные, генералушки,
Генералушки, чиновны господа:
«Состроимъ мы своему царю бѣлому гробницу кипарисову,
Увьемъ мы ее гробницу плисомъ-бархатомъ,
Унесемъ мы своево царя бѣлаго за Неву-рѣку,
Поставимъ мы его гробницу во сыру землю,
Засыплемъ ее съ горъ желтымъ пескомъ».

1.

Калинку съ малиною вода поняла,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись съ разумомъ, за мужъ отдала.
За мужъ отдала за неровнюшку,
За неровнюшку въ чужу сторону,
Во чужу сторонушку—по лиху семью.
Чужая сторонушка—безъ вѣтру сушитъ,
Чужой отецъ съ матерью—безъ дѣла бранитъ;
Посылаютъ меня молоду—во полночь по воду;—
Зябнутъ, зябнутъ поженьки, у ключа стоя,

Пѣсня о *Суворовѣ* начинается точно также—до словъ:

По дикой степѣ поразбросана.

А потомъ слѣдуетъ: молодой сержантъ и т. д. до словъ:

Ужъ ты встань проснись нашъ батюшка *Суворовъ князь*,

и кончается, какъ эта.—Иные же поютъ безъ вступленія, прямо со словъ: Молодой сержантъ на часахъ стоялъ; другіе прибавляютъ вступленіе такого содержанія:

Что за рѣчинькой да за быстрою
Не огонь горитъ не полымя,
Что горитъ, бодитъ ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое
Молодецкое, солдатское,
Молодой сержантъ на часахъ стоитъ и пр.

Прищипало рученьки къ коромыслицу,
Текутъ, текутъ слезоньки по бѣлу лицу,
Утираю слезоньки бѣлымъ платкомъ.
Не буду я къ матушкѣ ровно три года;—
На четвертомъ годикѣ—пташкой полечу,
Горькою я пташечкой—кукушечкою,
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,
На любиму яблоньку—на матушкину:
Горькими слезами я весь садъ потоплю,
Тяжелыми вздохами весь садъ посушу,
Закукую въ садикѣ жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу.
Матушка по горенкѣ похаживаетъ,
Любезныхъ невѣстушекъ побуживаетъ:
«Вставайте, невѣстушки—голубки мои!
Что это за чудо у насъ случилось?
Что у насъ зеленый садъ безъ вѣтру посохъ,
Безъ дожди, безъ сильнаго, садикъ потонулъ?
Что у насъ во садикѣ за пташка поетъ,
Жалобною пѣсенкой сердечушко рветъ,
Ретиву сердечушку назолу дастъ?»
Большая невѣстушка возговорила:
«Что это за пташечка—пойдемъ поглядимъ!»
Середня невѣстушка: «пойдемъ, изловимъ!»
А малый-то братецъ: «пойдемъ, застрѣлимъ!»
Жена ему молвила: «пташечки не бей,
Пташечка-кукушечка сестрица твоя,
Прилетѣла горькая съ чужой стороны,
Со чужой сторонушки изъ лихой семьи!»
— ««Ахъ ты безумная! сестрица моя,
Бѣлая, румяная, всегда весела,
А эта, хозяюшка, худа и блѣдна»».
— «Отъ того худа-блѣдна—въ чужой сторонѣ,
На чужой сторонушкѣ, плохое житье».

2.

Свѣтитъ мѣсяцъ вдоль по рѣчкѣ,
Хочу милаго видать,
Я видала, пріузнала,
Садилася къ бережку.
Я сидѣла, сѣвши, глядѣла,—

Бѣжитъ рѣчка, точно слеза.
Со пескомъ слеза смѣшалась,—
Стала трапушка горька,
Что горька она, горька,
Полынушкой налита,
Полынушкой названа,
Полынушкой названа
Для измѣнщика-дружка!
Ты измѣнщикъ-лицемѣрщикъ,
Измѣнилъ ты дѣвушку съ бѣлого лица!
Измѣнникши, злодѣй-варваръ,
Ты покинулъ, позабылъ!
Позабывши горьку-несчастную,
Однимъ вздохомъ наградилъ!
Я у батюшки разъединая
Доченька была—
У родимой у матушки
Пребольшая госпожа;
Я носила цвѣтно-платьице,—
Я считала ни во-что;
Коленкорову рубашечку
По буднямъ износу;
Одно было золото колечко:
За тобою, мой миленькій, пошло!

3.

Какъ за рѣченькой за быстрою,
Не огонь горитъ, а полымья;
Злы татарченки города берутъ,
Города берутъ,—по себѣ дѣлитъ,
Да кому что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому русска нянюшка.
Доставалася теща зятюшкѣ.
Зять беретъ тещу за бѣлы-руки,
Посадилъ ее во колясочку,
Подвозилъ тещу къ широку двору,
Вскрикнулъ, возгаркнулъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ молодецкіимъ:
«Ты встрѣчай меня, молода жена,

Я привезъ тебѣ русску нянюшку,
Русску нянюшку—полоняночку.
Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
Первое дѣльце—ковры вышивать,
Другое дѣльце—гусей стеречи,
А третіе—дѣтей качати».
— «Я руками—ковры вышила,
Я глазами—гусей стерегла,
Я ногами—дитю качала;
Ты качу-баю, мое дитятко,
Ты по батюшкѣ—злой татарченокъ,
Ты не крещеной, не молитвенный,
А по-матушкѣ—мой боярченокъ,—
Мой боярченокъ—русска косточка!»—
Услыхала молода княгиня:
«Почему знаешь, моя нянюшка,
Что по-батюшкѣ—злой татарченокъ!
А по-матушкѣ—боярченокъ?»
— «Какъ мнѣ не знать, моя доченька;
Ты семи лѣтъ во полонъ взята!»—

4.

Поѣхалъ нашъ королевичъ на восканьице,
Оставилъ свою Марьюшечку на гореваньице.
Не доѣхалъ королевичъ до восканьица,
Становился королевичъ середи пути,
Середь пути-дороженьки, близь крутой горы;
Какъ самъ пошелъ королевичъ на круту гору,
Пустилъ своево добра коня въ зеленые луга,
Раскинулъ же королевичъ свой бѣлый шатеръ,
Ложился спать королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.
Увидѣлъ же королевичъ явный сонъ во снѣ:
Изъ-подъ правой полушки соколъ рыскалъ.
Изъ-подъ лѣвой полушки—сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка—онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
«Въ твоемъ дому, королевичъ, несчастье случилось!»
Какъ тутъ же нашъ королевичъ призадумался.
«Пойду, пойду къ старушечкѣ—къ своей ворожеѣ»!
Пошелъ же нашъ королевичъ путемъ-дорогой,—
На встрѣчу королевичу старушка идетъ.

Какъ сталъ же онъ старушечку выспрашивати:
«Старушенька-бабушенька! разсуди мой сонъ.
Скажи, скажи, старушенька, всеё правду мнѣ!»
««Королюшка, мой батюшка! Какой же твой сонъ?»»
— «Изъ-подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой полушки—сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка—онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
— Въ твоемъ дому королевичъ, несчастье случилось?—»
««Королюшка-мой батюшка! не хорошъ твой сонъ:
Твоя жена Марьяшечка сына родила,
Ко бѣлой зарѣ ранехонько сама померла.»»
Поѣхалъ же королевичъ къ дому своему:
Въ саду его всѣ пташечки пріунывъ сидятъ,
Слуги его вѣрные—всѣ въ черномъ траурѣ,
Жена его Марьяшечка вся въ златѣ убрана,
Вся въ златѣ убрана—и въ гробъ положена!—
«Ахъ свѣтъ моя Марьяшечка не встрѣтила меня!
За бѣлыя за рученьки не приняла меня,
За убраны за столики—не посадила,
Сахарными конфетами не подчивала!»

ıитовъ этой пѣсни въ Саратовской губерніи чрезвычайное мно-
, но измѣненій въ нихъ мало; есть только сокращенія. Въ нѣ-
хъ *королевичъ* замѣненъ *казаченькой*, а Марьяшечка Мару-
й. Въ Югозападной Россіи эту пѣсню поютъ въ слѣдующемъ

Поихавъ казакъ на полюваньня,
Зоставывъ жону свою на горюваньня;
Пустывъ коныченька на попасаньня;
А самъ прилигъ къ сырій земли на спочиваньня.
Приснуыся козакови дивнесенькій сонъ:
Зъ пидъ рученьки вылынувъ ясненькій соколъ,
Зъ пидъ другои билои сира утинка.
Поихавъ козаченько до вороженьки:
«Вороженько! голубонько! одгадай мій сонъ,
Шчо вынувъ зъ пидъ рученьки ясненькій соколъ—
Зъ пидъ другои билои сира утинка».
— ««Бижи, бижи, козаченьку, и не стоючи;
Авже твой милинькои не застаючи.
Учора изъ вечира сына привела,

Сама молоденька до гробу лягла»».
Прнизжае козаченько къ новымъ воротамъ:
Ажъ выходить, выбигае найменьшая свисть
И выносыть козакови недобрую висть:
«Чоломъ, чоломъ пане-зятю, чужый та не нашъ!
А уже твоей мыленькой на свити не машъ.
А учора изъ вечира сына привела,
Сама молоденька до гробу лягла».
Прінзжае козаченько на новенькій двиръ:
Ударили по мыленькій у голосный дзвинъ;
Увиходыть козаченько у нову свитлыцю;
Лежить его мыленькая на усю скамницю.
Ниньки, мамки молоденьки за столомъ сидять,
Дыти его коханое на ручкахъ держать.
«Ножки мои походящіи! Чомъ не ходыте?
Ручки мои роботящіи! чомъ не робыте?
Уста мои сахарныи! чомъ не мовыте?
Очки мои чорненькыи! чомъ не глянете?»
Не той же, козаченько, теперь свитъ наставъ,
Шчобъ умершый еще зъ нави вставъ,
А не тая, козаче, теперъ година,
Шчобъ умершая еще говорила.

5.

Далеко было, далече, въ бѣлокаменной Москвѣ,
Во второй было во улицѣ—въ славной Митревской,
Что у князя было у Волконскаго
Солучилася пиръ — бесѣдушка,
Тиха и смиренна, зѣло радошна.
Соѣзжалися къ нему князья, бояре,
Пили, ѣли, прохлаждалися,
Разговорами они занималися;
Богатый хвалится богачествомъ,
Бѣдный хвалится своей бѣдностью,
Сильный хвалится своей силою,
А Волконскій князь своей княгинею.
«У меня княгиня умная,
Она умная-разумная,
Она тихая-смиренная,
До рабовъ она милостлива,
Передо мной она очестлива».—

У дверей стоитъ слуга вѣрная,—
Слуга вѣрная—дѣвушка сѣнная.
Какъ возговоритъ сѣнна дѣвушка:
«Ужь ты батюшка нашъ, Волконскій князь!
Не приказывай меня казнить, вѣшати,
Прикажи ты мнѣ слово молвити.»
««Говори ты мнѣ, слуга вѣрная;
Ты скажи мнѣ правду истину»».—
«Похвалился ты своей княгинею:
Твоя-ли княгинюшка нечестная,
Твоя-ли княгинюшка невѣрная,
Что живетъ она съ младымъ клюшникомъ,
Со твоимъ ли со ларечникомъ,
Со моимъ ли братцемъ роднымъ;
Что живетъ она не теперича,
А не много, немало ровно девять лѣтъ.»
На десятомъ-то году князь довѣдался.
Посылаетъ онъ за ключникомъ
Своего-ли слугу вѣрнаго:
«Ты скажи: батюшка князь требуетъ,
Ты скажи: хочетъ тебя-дарить, жаловать».—
Какъ встаетъ ключникъ съ постелюшки,
Собирается онъ, снаряжается,
Обуваетъ онъ сапожки сафьянные,
Надѣваетъ онъ лисью шубу до-долу;
Шуба лисья—словно лѣсъ шумитъ,
И золотъ перстень—ровно жаръ горитъ;
На немъ шапочка рытаго бархата;
Во правой рукѣ—тонка тросточка,
А во тросточкѣ—ала ленточка;
Идетъ ключникъ—что соколъ летитъ.
Онъ восходитъ во палаты бѣлокаменны,
Отдаетъ князю низкой поклонъ:
«Ужь ты здравствуй, нашъ батюшка князь!
Ты почто меня скоро требовалъ,
Ужь чѣмъ хочешь меня дарить-жаловать?»
— ««Подарю я тебя хоромами-высокими,
Немощенными, несверщенными!
Ты скажи мнѣ только правду-истину,
Ты который годъ живешь со княгинею?»»—
«Ужь ты батюшка нашъ Волконскій князь!

Я живу съ нею ровно девять лѣтъ:
Много было попито, поѣдено,
На пуховыхъ перинахъ полежано».—
Какъ Волхонскій прогнѣвался,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы гой есте, мои слуги вѣрные!
Вы берите лопатки желѣзныя,
Ужь вы ройте-ка двѣ ямы глубокія,
Вы постройте рельюшки высокія,
Вы столбы-то дѣлайте точеныя,
Перекладины положите вы кленовыя,
Вы колечки ввверните позлащенныя,
А петелки повѣсьте вы шелковыя,
Вы возьмите моего млада ключника,
Вы повѣсьте на рельи высокія,
Да пускай же онъ воръ покачается,
Молодая-то княгиня на него показится».
Подхватили ключника за бѣлы руки,
Повели его на рельюшки высокія,
Повѣсили на петельки шелковыя,
На петелькахъ виситъ ключникъ, мотается,
А впереди-то лежитъ княгинюшка, кончается.
Какъ ударится батюшка Волконскій князь объ дубовый столъ:
«Ужь ты гой-еси дѣвушка сѣнная,
Ты моя-ли слуга вѣрная!
Погубила ты младаго ключника,
Умертвила ты молоду мою княгинюшку!»

6.

Я любилъ-то, любилъ дочку королевскую,
Я не годъ ее любилъ и не два года,
Я любилъ ее ровнехонько девять лѣтъ.
На десятомъ году самъ король довѣдался,
Приказалъ онъ своимъ слугамъ вѣрнымъ сдѣлать рельюшки.
«Вы слуги-ли мои—слуги вѣрные!
Сдѣлайте, слуги вѣрные, рельи высокія,
На рельюшки надѣньте петельки шелковыя,
Вы повѣсьте-ка моего слугу вѣрнаго Ванюшку».
Въ перву петельку повѣсили—петелька оборвалася;
Въ другу петельку повѣсили—и эта оборвалася;
Во третьей петлѣ удушился Ванюшка.

Узнавала его родимая матушка;
Она плакала, какъ рѣка лилась,
Слезы катятся, какъ ручьи текутъ,
Возрыдалася — что погоды бьютъ.

7.

У лѣсика, у лѣсика у дремучаго,
У ключика, у ключика у текучаго,
Удалой донской казакъ свелъ коня поить;
Напоемши онъ добра коня сталъ выглаживать,
Сталъ выглаживать, охорашивать,
Свому добру-коню сталъ наказывать:
«Ужь ты стой-ка, мой конь, стой до той поры,
Стой до той поры—до бѣлой зари,
До бѣлой зари вплоть до солнышка,
Когда красно солнышко высоко взойдетъ,—
Молодая шельма вдовушка платье мыть пойдетъ,
Разлапушка красна дѣвушка за водой придетъ».
Какъ душа-ли красна дѣвица за водой пошла;
Размахнула она ведерочками широкохонько,
Почерпнула голубенькими глубокохонько,
Почерпнувши, ведерочки прочь отставила,
Съ удалымъ добрымъ молодцемъ рѣчи баяла.
Молодая шельма-вдовушка ей пригрозила:
«Не ходить тебѣ, дѣвушка, по бѣлу свѣту;
Не носить тебѣ, дѣвушка, платья цвѣтнаго;
Не любить тебѣ, дѣвушка, парня браваго!»
Черезъ силушку дѣвушка ведры подняла:
Родимая ее матушка вышла встрѣтила:
«Милое мое дитятко! Или гдѣ была,
Или гдѣ была, или что пила?»—
««Родимая моя матушка! нигдѣ не была,
Нигдѣ не была—ничего не пила,
Съ молодою только вдовушкой поразсорилась.»»
Со вечера красна дѣвушка разгораласи,
Ко полуночи красна дѣвушка причастилася,
На бѣлой зарѣ красна дѣвушка переставилась;
За обѣденку красну дѣвушку хоронить несутъ:
Напередъ красной дѣвушки идетъ попъ со дьякономъ,
Позади красной дѣвушки идетъ отецъ съ матерью,
По правую сторонушку подружки идутъ,

По лѣвую сторонушку добрый молодецъ.
Идетъ добрый молодецъ—спотыкается,
Горючими слезами обливается.
Молодая вдовушка у воротъ стоитъ:
«Согнала я дѣвушку со бѣла свѣта во сыру-землю!»

8.

У насъ было во новомъ городѣ,
Во новомъ городѣ—во Саратовѣ;
На зарѣ было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
У купца ли, купца, у богатова,
У богатова, у Шахматова,
Несчастьице въ домѣ сдѣлалось,
Несчастьице немалое,
Какъ жена-то мужа потеряла:
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Въ холостой его погребъ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала;
Сама взошла въ нову горницу,
Во столовую свѣтлицу,
Она сѣла подъ окошечко,
Подъ хрустальное стеклышко,
Сама плачетъ какъ рѣка льется.
Прилетѣли къ ней два сокола,
Два сокола, два ясныхъ,
Деверья ея любезные:
«Здравствуй, сноха-невѣстушка,
Сноха, бѣлая-лебедушка!
Гдѣ же братецъ нашъ Иванушка?»
««Вашъ братецъ увелъ коня поить.»»—
«Ты сноха наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Его добрый конь въ конюшенкѣ,
Шелкова узда на гвоздикѣ.
Ты сноха ль наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Да что у тебя въ избѣ за кровь?»
««Бѣлу-рыбицу я пластала;
Бѣла-рыбица больно билася.»»

«Ты сноха-ль наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Да гдѣ братецъ нашъ Иванушка?»
««Соколы вы мои ясные,
Деверья мои любезные!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы срубите мнѣ буйну голову!
Вашего братца я потеряла:
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Въ холостой погребъ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала!»»—

9.

Ужь и чей это дѣтинушка,
Чей удалой молодецъ?
Ужь не тотъ ли добрый молодецъ
Изъ Астрахани?
Полюбилъ дѣвку,
Полюбилъ красну;
Полюбивши красну дѣвку,
Насмѣхаться сталъ:
«Ты не шей, не шей, дѣвчонка,
Не шей новый положекъ!
Ужь и мнѣ ли, молодцу,
Не сыпать въ пологу:
Какъ и спать мнѣ, молодцу,
На лодочкѣ на носу;
Мнѣ грести-то веслом
Волгу-матушку!»
Приходила Сашенька
Свои рѣзвы ноженьки,
Вдоль улицы ходячи,
Ко милому ходячи.
«Не смѣяться, воръ-мальчишка,
Надъ несчастной надо мной:
Ты не думай, воръ-мальчишка,
Что я вовсе сирота.
Ужь и я, красна дѣвушка,
Не круглая сирота:
У меня ли, у дѣвчонки,

Есть отецъ, есть и мать, (2)
Есть два брата соколы.
Я велю тебя поймать,
Душу съ тѣломъ потерять, (2)
Разбестію растерзать.
Какъ изъ рукъ твоихъ изъ ногъ
Себѣ стульчикъ я собью,
Изъ широкихъ костей
Я кроватушку смощу,
Я изъ буйной головы
Ендовину сдѣлаю,
А изъ ясныхъ изъ очей
Пару рюмокъ выточу,
А изъ алой твоей крови
Брагу пьяную сварю,
Изъ желтаго твово сала
Себѣ свѣчь я налью,
Изъ русыхъ изъ кудрей
Фитилевъ я насучу,
Изъ бѣлаго твово тѣла
Пироговъ я напеку,
А изъ пальчиковъ-суставчиковъ
Похлебочку сварю.
Созову я, красна дѣвушка,
Всѣхъ подруженекъ;
Какъ и первую подруженьку—
Сестрицу твою.
Посажаю я подруженекъ
На лавочку,
А любимую подружку
На скамеечку;—
Сама сяду молода,
На кроватушку.
Загадаю вамъ, подруженьки,
Я загадочку,
А загадочку, подружки,
Неотгадливую:
Я на миломъ спжу,
Я на милаго гляжу;
Стоитъ милый предо мной
Бѣлой сальною свѣчей;

Милый въ свѣчкѣ горитъ,
Милый въ печкѣ сидитъ;
Я изъ мила наливаю,
Во миломъ я подношу,—
Дружкомъ подчиваю!
Какъ и всѣ мои подружки
Призадумалися;
Какъ и первая подруженька
Догадлива была,
Догадалася она:
«Не загадочку, подруженька,
Ты загадываешь:
Погубила молодца—
Моего братца!»
Вотъ любимая подружка
Приосердилася.
Выскочила на крыльцо
Простудить свое лицо;
«Ужь и я ли, красна дѣвушка,
Говаривала:
Не ходилъ ты бы, мой братецъ,
Поздно вечеромъ одинъ;
Не сносити тебѣ братецъ,
Буйну голову свою!»

10.

Одна была пѣсня,
Поблюду ее къ веснѣ:
Поѣду весной пахати—
Стану сѣять засѣвати,
Эвту пѣсню распѣвати.
При широкой, при большой дорожкѣ,
Жилъ былъ мужикъ Марко,
У Марка сынъ Ѳедоръ,
У Ѳедора жена Марѳа.
Просилася Марѳа въ гости,
Ко своей матери не на долго,
Не на долго—на три недѣльки;
Гостила Марѳа недѣлю, гостила другую,
На третьей Марѳа стосковалась;
«Охъ матушка, тошно,

Мнѣ родимая грустно!»
««Ты залѣзь, Марѳа, на печку,
Погляди съ печи въ окошко,
Не ѣдетъ ли Ѳедоръ?»»
«Охти матушка, ѣдетъ!»
Подъѣзжалъ Ѳедоръ къ воротамъ,
Сталъ стукать подъ окошко,
Сталъ стукать подъ другое,
На дворъ Марѳу вызываетъ:
«Ты поѣдешь Марѳа домой—
У насъ въ дому нездорово!
Родной батюшка хвораетъ,
Родна матушка часуетъ;
У сестрицы три подружки:
Дарюшка да Марюшка,
Да Безсоновска Танюшка.»
Проводила мати Марѳу,
Проводила черезъ поле,
Проводила чрезъ другое,
На третьемъ стала распрощаться,
Возговоритъ Ѳедоръ:
«Проводи, теща, подалѣ,
Не знай, увидишь, не знай—нѣтъ!»—
Подъѣзжаетъ къ воротамъ:
Лютой свекоръ дрова рубитъ,
Люта свекровь избу топитъ,
У золовки три подружки:
Дарюшка да Марюшка,
Да Безсоновска Танюшка.
«Ты поди-ка, Марѳа, топи баню!»
««Постой, Ѳедоръ, разряжуся—»»
«Ты топи во всемъ нарядѣ!—
А куда тебѣ нарядъ дѣвати?
Развѣ дуба наряжати!»
Пошла Марѳа топить баню;
Истопила Марѳа баню,
Приходитъ домой:
«Ступай, Ѳедоръ, въ баню!»
««Иди, иди сей часъ за мною!»»
«Ступай, Ѳедоръ, сей часъ иду за тобою!—
Подошла Марѳа къ банѣ,

Отворила Марѳа баню:—
Сидитъ Ѳедоръ—ножикъ точитъ;
Рѣзвы ноги подкосились,
Бѣлы руки опустились....
Головушка съ плечь скатилась!...
Зарѣзалъ Ѳедоръ Марѳу,
Схоронилъ ее въ банѣ подъ полочкомъ,
Приходитъ онъ изъ бани.
Дочь у нихъ была невеличка,
Невеличка пяти годочковъ;
Расплакалась, разнѣжилась:
«Охъ ты, тятенька, тятенька!
Что нейдетъ долго матушка?»
«Что это за мать,
Что за стара не хороша.
Я тебѣ возьму мать молодую:
Либо вонъ Дарюшку, либо Марюшку,
Либо Безсоновску Танюшку!»»
«Ты умри-ка Дарюшка и Марюшка,
И Безсоновска Танюшка!
Прійди, моя маменька,
Приди, родная, изъ жаркой бани!» —

11.

Я не къ батюшкѣ пишу и не къ матушкѣ,
Напишу я письмецо къ любушкѣ-сударушкѣ:
Растоскуйся, моя любушка, разгорюйся;
Самъ я по тебѣ стосковался;
Послѣ батюшки манехонькій остался;
Не батюшка меня вскормилъ—вспоилъ,
И не матушка меня возлелѣяла;
Вскормилъ да воспоилъ меня Ярославъ городъ,
Возлелѣяла меня Волга матушка,
Раскачала меня легка лодочка.
Не бѣла заря въ окошечко взошла:
Ко мнѣ Машенька сама въ гости пришла,
Всѣ утѣхи и забавы принесла,
Въ окошечко праву руку подала:
«Чернобровый мальчикъ мой!
Погуляемъ, моя радость, мы съ тобой,
Поколь холостъ, не женатъ,

Нѣтъ заботы никакой;
Только есть одна забота—
Поутру рано вставать,
Расчесочку въ руку взять,
Русы кудри разчесать!»
— Разчесамши я кудерки,
Вдоль по улицѣ пошелъ,
Къ душѣ къ Машѣ зашелъ;
Маша вышла—встрѣтила меня;
За бѣлы руки брала,
Въ высокъ теремъ повела,
За дубовый столъ сажала,—
Стаканъ водки поднесла.
Маша по лугу гуляла,
Злы коренья копала,
Накопамши злы коренья,
На Дунай-рѣчку пошла,
Злы коренья полоскала,
Бѣлехонько до бѣла;
А вымывши злы коренья,
Сухохонько изсушу,
Изсушимши злы коренья,
Мелкохонько истолку;
Частымъ ситомъ просѣвала,
Сладкой водкой настояла,
Дубовъ столикъ убирала,—
А убрамши дубовъ столикъ,
Коней пару закладала,
За милымъ дружкомъ послала:
Я посламши за милымъ,
Сладкой водкой угощу,
Угостимши, распрошу:
Скажи, скажи, мой миленькой,
— Что на сердцѣ у тебя?—
У меня ли на сердечкѣ,
Бѣлъ-горючъ камень лежитъ!
«Ты разбестія-мерзавка,
Уморила ты меня;
Ты умѣла уморить,—
Умѣй меня схоронить.
Схорони ты меня, размерзавка,

Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Третьей Кіевской большой,
И поставь ты, размерзавка,
Кипарисный черный крестъ.»

12.

На степи-то, степи, на Саратовской,
На другой-то степи, на Камышинской,
У лѣсика было, у дремучаго,
У ключа-то было, у текучаго,
У колодезя у студенаго,
Младъ донской казакъ коня поилъ,
Коня чорнаго, возбочёнаго;
Не коня-то онъ поилъ,—онъ жену журилъ,
Онъ жену журилъ—погубить хотѣлъ!
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноженьки поклонилася:
«Ужь ты мужъ мой, младъ донской казакъ!
Не губи ты меня рано съ вечера,
Погуби ты меня со полуночи,
Когда дѣтушки спать полягуться,
Шабры ближніе припокоются!»
Просыпалися малы дѣтушки,
Хватилися они родной матушки:
«Ты скажи, скажи, родной батюшка,
Гдѣ дѣзалася наша матушка?»
««Ваша матушка въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Въ цвѣтно платье наряжается,
Въ Божью церковь собирается.»»
Пошли дѣтушки во Божью церковь,
А и всѣхъ людей они видѣли,
Ихней матушки тамъ нѣтъ, какъ нѣтъ.
«Охъ ты батюшка, ты родимой нашъ!
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»
««Ваша матушка во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягодки!»»
Какъ пошли малы дѣтушки во сырой боръ,
А и всѣхъ людей они видѣли,
Берутъ ягодки, берутъ красныя,

Ихней матушки все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Какъ расплакались малы дѣтушки,
Какъ ударились объ сыру землю,
Завопили громкимъ голосомъ:
«Не обманывай насъ, родной батюшка,
Наша мататушка во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, подъ колодою,
Подъ колодою, подъ дубовою.
Ужь и Богъ тебѣ судья, родной батюшка,
Ты убилъ, убилъ нашу матушку!»
— ««Вы не плачьте, малые дѣтушки,
Я сострою вамъ нову горницу,
Я складу вамъ муравлену печь,
Я собью вамъ дубовую дверь,
Я собью вамъ золотую цѣпь,
Я возьму вамъ молодую мать!»»—
«Загорись, загорись, нова горница!
Развались, развались, муравлена печь!
Расколись, расколись, дубовая дверь!
Растопись, растопись, золотая цѣпь!
Ты умри, умри, злая мачиха!
Ты возстань, возстань, родна матушка!»

13.

Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ;
Во кохтяхъ-то держитъ востру саблицу,
Подъ правымъ крыломъ—слезну грамотку.
Въ этой грамоткѣ есть написано, нарисовано:
Родной матушкѣ—разнизкой поклонъ,
Родному батюшкѣ на заботище,
На заботище, на работище,
Молодой женѣ на загульбище.
Добрый молодецъ коня поилъ,
Напоивши коня во луга пустилъ,
Во луга пустилъ, за ворота сталъ,
За ворота сталъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, думу крѣпкую:
«Ужь и какъ-то мнѣ жену убить?
Я убью жену не со вечера,
Я убью жену со полуночи,

Когда дѣтушки спать полягутся,
Всѣ народушки приугомонятся».—

14.

Князь Демьянъ жену терялъ:
Отрубилъ у нея руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ,
Кидалъ-бросалъ во Неву-рѣку,
Во Неву-рѣку самородную.
Гдѣ ни взялся младъ сизой орелъ,—
Унесъ, укралъ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.
Хватилася молода княжна:
— А папонька! гдѣ же мамонька?—
«Твоя мамонька въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ убирается,
Во цвѣтно платьице наряжается.»
Пошла княжна, въ нову горницу,
Цвѣтно платье въ шкапу виситъ.
Пошла княжна, заплакала:
— Папонька! Нѣту мамоньки!—
«Не плачъ, не плачъ, молода княжна,
Твоя мамонька въ Божьей церкви,
Въ Божьей церкви Богу молится.»
Пошла княжна въ Божью церковь;
Божья церковь пустымъ пуста,
Пошла княжна заплакала:
— А папонька! Нѣту мамоньки!—
«Не плачъ, не плачъ, молода княжна,
Твоя мамонька во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ гулять пошла.»
— Заложите мнѣ легки дрожечки,
— Поѣду я во чисто-полѣ,
— Поглажу, посмотрю свою мамоньку.—
Гдѣ ни взялся младъ сизой орелъ,
Подаетъ княжнѣ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.
«А папонька! все обманывалъ!»
— «Не плачъ, не плачъ, молода княжна,
Я построю тебѣ новъ-высокъ теремъ,
Я со красными, со оконцами,

Со хрустальными, со стекольцами,
Я возьму тебѣ молодую мать!»»—
«Возстань, возстань моя мамонька!»

13.

Гостила у насъ гостья дальняя, чужестранная,
Не сгостивши гостья встосковалася,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
По своемъ горѣ, по великімъ:
Не съумѣлъ меня батюшка вспоить-вскормить,
Не съумѣла меня матушка за мужъ отдать;
Отдала меня матушка—за мужъ за море,
Не за князя, не за барина—за того-ли вора, за разбойника!
Со вечера—воръ коня сѣдлалъ,
Со полуночи—со двора съѣзжалъ,
А къ свѣту-воръ со добромъ на дворъ.
Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты встрѣчай-ка меня, молода жена,
Ты снимай-ка съ меня шубу лисію,
Убирай-ка ты коня добраго,
Коня добраго, притомленнаго,
Убирай-ка ты платья цвѣтное,
Платье цвѣтное, прикровенное?
Угадай-ка ты, жена, чей добрый конь?
Узнавай-ка ты, жена, шубу лисію,
Узнавай-ка ты платье цвѣтное!»—
Закричала жена громкімъ голосомъ:
«Ужь и что ты, злодѣй, надѣлалъ надо мной,
Разорилъ ты мою буйную головушку!
Погубилъ ты мово отца съ матерью,
Погубилъ ты мово братца роднаго!
Шуба лисія-то мово батюшки,
Платье цвѣтное-то моей матушки,
Добрый конь—мово братца роднаго!»
Какъ и вынулъ воръ саблю вострую,
Снесъ съ своей жены буйну голову.
Въ зыбочкѣ дитя падсѣлося ревя,
А воръ-отъ сидитъ прибаукиваетъ:
«Ты бау-бау мое дитятко,
Ты бау-бау, мое милое!

Не я твою матушку губилъ-терялъ:
Погубили, потеряли злы товарищи!»

16.

Возлѣ рѣченьки я хожу молода,
Меня водоньки потопить хотятъ,
А немилый мужъ все журитъ-бранитъ,
Все журитъ-бранитъ, постричься велитъ:
«Постригися, моя жена немилая,
Постригися, моя жена постылая,
За постриженье тебѣ дамъ сто рублей,
За посхименья дамъ тебѣ тысячу;
Я построю тебѣ нову келейку,
Обобью ее чернымъ бархатомъ.
Ты въ ней будешь жить, да спасатися,
Что спасатися—Богу молитися!»
Какъ и ѣхали тутъ купцы богатые,
Какъ увидѣли они нову келейку,
Дивовалися новой келейкѣ:
«Ахъ и что это, братцы, за келейка?
Хорошо келья построена,
И малехонька и новехонька,
Ужь и кто же въ ней спасается,
«Или вдовушка, или дѣвушка?»
Выходила къ нимъ млада старочка,
Хорошехонька, молодехонька,
Поклонилася имъ низехонько,
Поклонившися слово молвила.
«Тутъ спасается не дѣвушка,
Не дѣвушка и не вдовушка,
А спасается тутъ жена мужняя,
Не въ любви жила, не въ согласіи!»
Какъ и взмолится тутъ немилый мужъ:
«Разстригися ты, жена моя милая;
За растриженье дамъ тебѣ тысячу,
За разсхименье—все имѣньице;
Я построю тебѣ новъ высокъ теремъ,
А со красными, со оконцами,
Со хрустальными, со стекольцами.
Будешь жить въ немъ прохлаждатися,
Во цвѣтно платье наряжатися!

Какъ возговоритъ молода старочка,
«Что не надо мнѣ твоей тысячи,
Ни всево твово имѣньица,
Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ;
Я остануся въ этой келейкѣ:
Ужь я стану жить-спасатися,
За тебя Богу молитися».—

17.

Ужь ты веснушка-весна,
Весна красная моя!
Что не въ радости прошла,
Не въ радости, не въ гульбѣ,
Во великой сухотѣ?
Ужь ты садъ ли ты мой, садъ,
Садъ зеленый виноградъ!
Отчего садикъ посохъ,
Отчего садикъ повялъ?
Въ саду Ванюшка гулялъ—
Красну дѣвицу теряlъ;—
Самъ въ побѣдушку попалъ,
Во бѣду, во нужду—
Въ бѣлокаменну тюрьму;
Въ тюрьмѣ Ванюшка сидитъ,
Самъ въ окошечко глядитъ,
На своево добра коня,
Коня воронаго;
На коня Ваня глядитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Ужь ты конь-ли мой, конекъ,
Конь добра лошадь моя!
Что не выведешь меня
Что не выведешь меня
Изъ неволи молодца,
Изъ неволи, изъ нужды—
Бѣлокаменной тюрьмы.»
Идетъ солнце на восходъ—
Ведутъ Ванюшку на сходъ;
Напередъ его идетъ
Палачъ Митька со плетьми,
Позади его идетъ

Жена съ малыми дѣтьми—
Заливается слезьми.
Положили Ваню сѣчь,
Рубашечку сняли съ плечь;
Ударили по спинѣ,—
Возмолился мужъ женѣ:
— Ужь ты женушка, жена,
— Ты умильная моя!
— Чѣмъ дарила палача.—
«Я дарила палача
Что не лучшімъ конемъ,
Персидскімъ кушакомъ,
Со головушки платкомъ,
Съ руки перстнемъ золотымъ».
Красно солнце—на закатъ;
Ведутъ Ванюшу назадъ.

18.

Во лѣсахъ-то во лѣсахъ, во дремучіихъ,
Во горахъ-то во горахъ во пещорыихъ,
Стоитъ корчма польская, корчма королевская;
Во той во корчмѣ шинкарка живетъ,
Шинкуетъ шинкарочка пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ, сладкімъ медомъ.
У той у шинкарочки три молодца пьютъ,
Три молодца пьютъ, три удалые:
Полякъ и солдатъ и донской казакъ.
Полякъ, солдатъ пьютъ—монеты кладутъ,
Казаченька пьетъ—денегъ не даетъ,
Младую шинковочку онъ съ собой зоветъ:
«Пойдемъ-ка, шинковочка, къ намъ на тихій Донъ:
У насъ на Дону не по вашему,
Не ткутъ, не прядутъ—все въ шелку ходятъ,
Пашенку не пашутъ—калачи ѣдятъ.»
Польстилась дѣвушка на его слова,
Пошла, пошла красная съ нимъ на тихій Донъ.
Завелъ козакъ дѣвушку во темный во лѣсъ,
Привязалъ красавицу ко сухой соснѣ.
«Вотъ тутъ у насъ, дѣвушка, славный, тихій Донъ,
Вотъ тутъ не тки, не пряди во шелку ходи,
Пашенку не паши—да сосенку гложи!»

19.

Какъ не бѣлая лебедушка черезъ степь летитъ,
Красная дѣвушка съ полону бѣжитъ.
Она ружьицы, красна дѣвушка, за плечьми несетъ,
Вострой саблей въ землю упирается;
Вотъ и гонятъ же за дѣвушкой три погонюшки;
Какъ и первая погонюшка—злые татары,
Другая погонюшка—злые калмыки,
Третья погонюшка—злые корсаки;
Не догнавши красну дѣвицу похваляются:
«Мы догонимъ красну дѣвицу среди степи,
Мы вскроемъ же красной дѣвицѣ груди бѣлыя,
Мы вырѣжемъ у красной дѣвицы сердце съ печенью:
На ножѣ ея ретиво сердце встрепенется».
Подбѣгаетъ красна дѣвица къ Яикъ рѣкѣ,
Вскричитъ-то, вскричитъ красна дѣвица громкимъ голосомъ:
«Вы братцы мои, перевозчики!
Перевезите меня на ту сторону,
На ту сторону—къ отцу къ матери,
Къ отцу къ матери, къ роду-племени,
Вы возьмите съ меня злата-серебра сколько хочется!»

20.

Во Симбирскомъ городкѣ солучилася бѣда,
Солучалася бѣда не малая, не больша;
Не-сто рублей пропало и не тысяча,
А убили, погубили Алешеньку-молодца,
Не за сто рублей Алешеньку, не за тысячу
Убили, погубили за одинъ сѣрый сертучекъ,
За сѣрый сертучо́къ, за аленькій кушачокъ.
Никто-то объ Алешенькѣ не встрѣнется въ дому,
Встрѣнулся, домекнулся одинъ дядюшка родной;
Да нашли-то Алешеньку на первой на части,
На первой на части у Дуняши во дому,
У Дуняши во дому—въ шитомъ браномъ пологу!

21.

У меня ли, молодца, змѣя жена,
Змѣя жена, ладо-скороспѣйка;
Моя-то змѣя изъ норъ ползетъ, озирается,

По песку ползетъ, извивается,
По травѣ-ли ползетъ, всю траву сушитъ;
Изсушила моя лада травушку,
Да что травушку муравушку!
Изсушила ты добра молодца,
Какъ былиночку во чистомъ полѣ,
Довела ты его до погибели,
Что до той-ли темной темницы.
Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
Что изъ того-ли приказа государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его, повѣсити:
Его бѣлы руки и ноги скованы,
По праву руку идетъ страшный полачъ,
По лѣвую идетъ его мать родная,
Позади идетъ красна дѣвица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его.

21.

Ты долина моя, долинушка, раздолье широкое.
Ничего на тебѣ, моя долинушка, не уродилось;
Уродился на тебѣ, моя долинушка, только садикъ зеленъ
Мимо садика, мимо зелена лежала дороженька,
Что лежала та дороженька не широкая;
Никто по той дороженькѣ нейдетъ, не проѣдетъ.
Проѣзжаетъ же по той дороженькѣ одинъ воръ Гаврюшка
Онъ на трехъ на своихъ тройчкахъ разношерстныихъ;
Перва тройчка у него коней вороныхъ,
Другая тройчка у него-то коней гнѣдыихъ,
Третья тройчка коней соловыихъ,
Что гнались то за воромъ Гаврюшенькой три погони,
Первая погонюшка — все солдаты,
Другая погонюшка — все жандармы,
Третья погонюшка — все казаки.
Не догнали вора Гаврюшеньку всего версты за три.
Пріѣзжаетъ воръ Гаврюшенька во городъ Воронежъ;
Онъ отласу и бархату закупаетъ.
Никто-то вора Гаврюшку не признаетъ,
Что за купчика вора Гаврюшеньку почитаютъ.

Случилось итти вору Гаврюшенькѣ мимо темницы,
Признавала вора Гаврюшеньку своя братья:
— Ужь ты, батюшка нашъ Гаврюшенька, разбей ты темницу,
— Ужь ты выпусти насъ всѣхъ молодчиковъ на волю,
— На ту-ли на волюшку—на матушку на Волгу.
«Ужь вы братцы мои товарищи, мнѣ теперь не время.
За мной гонятъ же, за Гаврюшенькой, три погони:
Первой-то я погонюшки не боюся,
Второй-то я погонюшкѣ непоклонюся,
Третьей-то я погонюшкѣ—покорюся!»

23.

Вечоръ-то, вечоръ воръ Копѣйкинъ, вечоръ загулялся,
Со дѣвушкой-молодушкой, со сударушкой долго застоялся;
Во второмъ часу ноченьки спать ложился,
На новенькой на тесовенькой короваткѣ,
На мягкинькой, на пуховенькой на перинкѣ;
Поутру-то ранымъ-ранехонько пробуждался,
Ключевой-то водицей умывался,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утирался,
На восходъ онъ краснаго солнышка Богу помолился,
На всѣ четыре сторонушки поклонился,
Онъ всѣмъ-то своимъ братцамъ товарищамъ по поклону.
«Вы здоровы-ли, братцы, товарищи, спали-ночевали?
А мнѣ-то доброму молодцу мало ночи спалося,
Мнѣ малымъ-мало спалося, много видѣлось:
Будто я иду, добрый молодецъ, по край синя моря,
По краюшку синяго моречка, по крутымъ бережечкамъ,
Я правой-то ногой, разудаленькій, въ воду оступился,
За крутинушку я добрый молодецъ ухватился:
Что не крутинушка меня добраго молодца сокрушила,
Сокрушила меня, добраго молодца, чужая сторонка.

24.

Вы солдатики уланы,
У васъ лошади буланы!
Ужь и гдѣ же вы, уланы,
Гдѣ вы были побывали?
Подъ Можайскимъ воевали,
Мы Москвою проѣзжали,
Калинъ мостикъ перъѣзжали,

Во слободку заѣзжали,
У вдовушки становились,
Просилися ночевати:
«Ты вдова, вдова Аксинья!
Укрой, вдова, темной ночи,
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, простояти!
Насъ немножко, немаленько,
Полтораста насъ на коняхъ,
Полтретьяста пѣшеходовъ».
А вдовушка не пущала,
Воротички запирала,
Солдатушкамъ отвѣчала:
«У меня дворикъ-маленекъ,
А горенка невеличка
А дѣтушекъ четверичко!
И горенка не топлена,
И щи съ кашей не варены.»
А мы силой ворвалися,
Въ горенку вобралися,
Разсѣлися всѣ порядкомъ:
Пѣшеходы всѣ по лавкамъ,
А конница по скамейкамъ,
А большой гость впереди сѣлъ,
Впереди сѣлъ подъ окошкомъ,
А вдова стоитъ у печки,
Поджавъ свои бѣлы ручки,
Ко ретивому сердечку.
Стоитъ она слезно плачетъ,
А большой гость унимаетъ:
«Но плачъ, вдова молодая,
Ты давноль, вдова, вдовѣешь,
Давноль, горька, сиротѣешь?»
— Я живучи въ горѣ забыла.—
«Ужь и многоль, вдова, дѣтокъ?—
У меня дѣтокъ четверичко:
— Три сыночка, одна дочка.—
«Ужь и многоль, вдова, хлѣба?»
— У меня хлѣба осьмина.—
«Ужь и многоль, вдова денегъ?»
— У меня денегъ полтина.—

«Подойди, вдова, поближе.
Поклонися мнѣ пониже.
Ты скинь, вдова, съ меня киверъ,
Во киверѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ,
Не твово ли обрученья?»
Какъ вдовушка догадалась,
И на шеюшку бросилась,
Горючьми слезьми заливалась,
Во новы сѣни выходила,
Малыхъ дѣтушекъ будила,
Вы вставайте, мои дѣтки,
Вы вставайте, мои малы!
Не свѣтелъ-то мѣсяцъ свѣтитъ,
Не красное солнце грѣетъ—
Пришелъ батюшка родимый.
А большой гость отвѣчаетъ:
«Не буди ты малыхъ дѣточекъ;
Я пришелъ къ вамъ на часочикъ;
Не годъ мнѣ тутъ годовати,
Одну ночку простояти,
Съ бѣлой зарей выступати!»

24.

Ходилъ-гулялъ добрый молодецъ, искалъ мѣсто доброе,
Не нашелъ-то добрый молодецъ мѣста добраго,
А нашелъ-то добрый молодецъ море синее,
О-край-моря, о-край-синяго — камыши высокіе,
Камыши высокіе, лопухи широкіе;
Какъ во этихъ въ камышикахъ стояла избушечка,
Избушечка новенькая, сосновенькая.
Во той ли избушечкѣ была свѣтла горенка,
Во этой во горенкѣ стоятъ столы новые,
Стоятъ столы новые, калиновые,
На этихъ на столикахъ, разостланы скатертки,
Разосланы скатертки ворочные, шелковые,
Возлѣ этихъ столиковъ стулья камышевые,
На стулахъ сидитъ добрый молодецъ съ душой красной дѣвицей,
Играютъ во игры серебреныя.
Проигралъ же добрый молодецъ три кораблика;

Первый корабликъ — со чистымъ золотомъ,
Другой корабликъ — со чистымъ серебромъ,
Третій корабликъ — съ разными товарами,
Послѣ добрый молодецъ сидитъ — припечалился,
Припечалился добрый молодецъ, призадумался:
Ужь вы свѣтъ мои корабliки запропали,
И со златомъ и со серебромъ и съ разными товарами! —
Уговаривать добраго молодца красна дѣвица:
Не плачъ, не тужи, добрый молодецъ, объ своихъ корабликахъ,
Со золотомъ, со серебромъ, съ разными товарами;
Возьми меня, добрый молодецъ, за себя за мужъ!

25.

Ерема со Ѳомой были брательнички,
Они ладно живали, хорошо хаживали;—
Ерема-то въ рогожкѣ, Ѳома въ торпищѣ;
У нихъ бороды, какъ бороны, усы, какъ кнуты;
Они вздумали бородушки на торгъ везти:
Ерема взялъ полтину, Ѳома восемь алтынъ,
Ерема купилъ мерина, Ѳома жеребца,
Ереминъ-то не тянетъ, Ѳоминъ-то не везетъ,—
Ерема въ бокъ неможемъ Ѳома шкуру на рожонъ.
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, пашенку пахать,
А наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться.
Ерема-то въ церковь, а Ѳома-то въ алтарь,
Ерема-то за ризу, а Ѳома-то за стихарь,
Ерема-то кадитъ, Ѳома кланяется,
Ѳома кланяется—величается.
Какъ Ерему-то поймали, а Ѳому-то сгребли,
Ерема-то ушелъ, Ѳома вырвался,
Ерема-то бѣжитъ—не оглянется,
А Ѳома-то за нимъ лупитъ—не останется;
Они сойдутся, не разойдутся,
Растоскуются, разгорюются:
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться;
А наше съ тобой дѣло, братъ, клѣти ломать.
Ерема-то въ клѣть, а Ѳома-то въ подклѣть,
Ерема-то за коробъ, а Ѳома-то за сундукъ,
Ерему-то поймали, а Ѳому-то сгребли.
Ерема-то ушелъ, Ѳома вырвался,
Ерема-то бѣжитъ не оглянется,

А Ѳома-то за нимъ лупитъ — не останется.
Они сойдутся, не разойдутся,
Растоскуются, разгорюются:
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, клѣти ломить,
А наше съ тобой дѣло, братъ, рыбку ловить.
Ерема-то въ лодку, а Ѳома-то въ ботикъ,
Ерема упалъ въ воду, а Ѳома-то на дно,
Ерема-то на дно, а Ѳома-то тамъ давно.

26.

Что по-ниже города Нижняго,
Что по-выше села Лыскова,
Въ луговой-то было во сторонушкѣ
Протекаетъ рѣка быстрая,
И широкая и глубокая,
По прозваньицу рѣка Терженка.
Она пала устьемъ въ Волгу-матушку
Что сверху-то было Волги-матушки
Выплывала-то легка лодочка;
Ужь и всѣмъ лодка изукрашена,
Парусами она изувѣшана,
Ружьецами изуставлена,
У ней носъ-корма раззолочены,
Что разшита легка лодочка
На двѣнадцатеры веселочки.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу стоитъ эсаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры молодцы,
Середи лодки бѣлъ тонкой шатеръ;
Во шатрѣ лежитъ шелковой коверъ
Подъ ковромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Эсаулова сестра родная,
Атаманова полюбовница;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Въ возрыданьи слово молвила:
«Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся!
Ужь какъ бы у меня, красной дѣвицы,
Распаялся мой золотой перстень,
Выкатился дорогой камень,

Расплеталась моя коса русая
Выплеталась лента алая,
Лента алая, Ярославская.
Атаману быть застрѣлену,
Эсаулу быть повѣшену,
Добрымъ молодцамъ срубятъ головы,
А мнѣ, дѣвушкѣ, во тюрьмѣ сидѣть.»

27.

Разыгралась, разбушевалась Сура рѣка,
Она устьицемъ упала въ Волгу матушку,
На устьицѣ выросъ частъ ракитовъ кустъ;
У кустика лежитъ бѣлъ-горючь камень,
А у камышка сидятъ все разбойнички,
Сидятъ-то они дуванъ дуванятъ;
Да кому-то изъ нихъ что достанется?
Кому золото, кому серебро,
Кому кунья шуба, кому золотъ перстень.
Одному добру молодцу ничего не досталося,
Доставалась ему одна красна дѣвушка.
Какъ растужится, разгорюется удалъ добрый молодецъ:
«Во разбоѣ-то я у васъ первый былъ,
Во дуванѣ-то я у васъ послѣдній сталъ.»
Какъ возговоритъ ему красна дѣвушка:
«Ты не плачь, удалъ добрый молодецъ!
У меня, у красной дѣвицы, есть кунья шуба,
Кунья шуба стоитъ восемь сотъ рублей;
Еще есть у меня, у дѣвушки, золотой перстень:
Золотъ перстень стоитъ девять сотъ рублей.»
Какъ возрадуется удалъ добрый молодецъ,
Что бросился ей на бѣлую грудь,
Цѣловалъ ея бѣлы рученьки.

28.

Не былина трава въ полѣ шатается,
Зашаталъ, загулялъ старъ-матеръ человѣкъ,
На своемъ на добромъ конѣ,
На войлочкѣ на бумажномъ,
На сѣдельцѣ на черкасскомъ,
Стремена у сѣдла булатныя.
Набѣжали на него станичники,

По русскому сказать — воры, разбойнички,
Хотятъ они добра молодца убить, сгубить,
Возмолился имъ добрый молодецъ:
Убить-то вамъ меня не за что,
Взять то вамъ на мнѣ нечего:
Только есть на мнѣ безсермяжечка,
Безсермяжечка во сто рублей,
Кушакъ и штаны — пять сотъ даны,
Шапочка на мнѣ — во всю тысячу,
А добру коню моему — и цѣны нѣту!

29.

— Сиротка, ты сироточка, сиротинушка горькая,
— Сиротинушка ты горькая, горемышная!
— Запой-ка ты, сиротка, съ горя пѣсенку.
«Хорошо вамъ, братцы, пѣть—вы пообѣдали,
А я, сирота, легъ не ужинавши,
Легъ не ужинавши, всталъ не завтракавши.
У меня ли, у сироты, нѣтъ ни хлѣба, ни соли,
Нѣтъ ни хлѣба, ни соли, нѣтъ ни кислыхъ щей:
Одна корочка засушенка и та лѣтошняя.»
— Ты скажи, скажи, сирота, кто тебя воспородилъ?
«Воспородила меня, сиротку, родна матушка,
Воспоила, воскормила меня Волга матушка,
Воспитала меня легка лодочка ветляненька,
Возлелѣяли меня няньки-мамки—волны быстрыя,
Возрастила меня чужа дальняя сторона Астраханская;
Я со этой со сторонушки на разбой пошелъ.»
— Ты скажи, скажи, сиротка, съ кѣмъ разбой держалъ?
«Не одинъ я разбой держалъ, съ тремя товарищами:
Первый мой товарищъ—ночь темная,
Другой мой товарищъ—конь добра лошадь,
Третій мой товарищъ—стально ружье.»

30.

Я гулялъ-то, гулялъ добрый молодецъ, гулялъ долго ночью,
Не одинъ-то я гулялъ и добрый молодецъ—гулялъ съ красной дѣвкой,
Красну дѣвушку люблю, разудаленькій люблю по любови,
А худую-то жену, жену разногодную, люблю по закону.
Какъ худая-то жена, жена разногодная вознесла худу славу.
Я худой-то славушки, разудаленькій, славы и не боюся.

Я боюсь-то боюсь, разудаленькій, боюсь отца съ матерью,
А еще-то я боюсь, боюсь, разудаленькій, своево господина,
Я отца-то съ матерью боюсь, разудаленькій — будутъ плакать,
Господина-то боюсь, разудаленькій, боюсь — отдастъ во солдаты.
Я разбилъ-то, разбилъ, разудаленькій, разбилъ три обоза:
Какъ и первый-то обозъ разбилъ, разудаленькій—съ золотой казной,
Я другой-то обозъ разбилъ, разудаленькій, съ мелкими товарами,
Я и третій-то обозъ разбилъ, разудаленькій, съ бѣлой рыбицей.

31.

Какъ бывал да времечко:
Я леталъ м по поднебесью,
Я билъ по(й
Еще б шечку,
Какъ пролету нѣтъ;
А нон(ремя нѣтъ:
Сижу во поимани,
Я во клѣточкѣ,
Во кл нашесточкѣ;
У соко·
На нс выя,
Занавѣ кемчужныя!
Какъ бывало мнѣ доору цу да времечко,
Я ходилъ, гулялъ, добрый молодецъ, по синю морю,
Ужь я билъ, разбивалъ суда, корабли,
Я татарскіе, армянскіе, бусурманскіе,
Еще билъ, разбивалъ легки лодочки;
Какъ бывало легкимъ лодочкамъ проходу нѣтъ,
А конѣча мнѣ, добру молодцу, время нѣтъ.
Сижу я, добрый молодецъ, во поимани,
Я во той-ли во злодѣйкѣ земляной тюрьмѣ.
У добра молодца ноженьки сокованы,
На ноженькахъ оковушки нѣмецкія,
На рученькахъ у молодца—замки затюремные,
А на шеюшкѣ у молодца—рогатки желѣзныя.

32.

Вы туманы мои туманушки, разосенніе вы туманы мои!
Ты печаль ли моя кручинушка, зла мучительна тоска!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой;

Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива-сердца прочь.
Мнѣ ноче-сь-то, ноче-сь добру молодцу малымъ мало спалось;
Мнѣ малымъ-мало спалось—много видѣлось во снѣ:
Будто я убитъ, добрый молодецъ, на Бухарской сторонѣ,
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой степѣ:
Мнѣ постелюшка, доброму молодцу, ковылъ-травка постлана,
Изголовьице мнѣ, разудалому, бѣлъ горючь камень лежитъ,
Одѣялице мнѣ, добру молодцу, темна ночка надо мной.
Мои рѣзвы ноженьки лежатъ вдоль дороженьки,
Мои бѣлы ручушки—врозь разложены,
Кудри мои русые—буйнымъ вѣтромъ разнесло,
Очи мои ясныя—желтымъ пескомъ засыпаны,
Тѣло мое бѣлое—черны вороны клюютъ,
Сквозь моихъ частыхъ реберъ—трава мурава растетъ,
Ретивое мое сердечушко—змѣя лютая сосетъ.

33.

Ой вы грязи мои, грязи черныя, разосеннія,
Ой вы осеннія грязи, самыя послѣднія,
Ой вы горы мои, горы крутыя, высокія,
Ничего-то вы, горы, не породили:
Нѣтъ ни травыньки въ горахъ, ни муравыньки,
Ни муравыньки, ни злыхъ цвѣточковъ лазоревыхъ,
Только видна изъ-подъ горъ степь Саратовска;
Подъ горами бѣжитъ быстра рѣчушка,
По прозваньицу Волга-матушка:
Широко-то Волга разливалася,
Въ круты бережки не вбиралася,
Затопила-то Волга берега высокіе,
Оставался одинъ частъ ракитовъ кустъ:
На кусту-то сидитъ младъ сизой орелъ,
Во кохтяхъ-то держитъ черна ворона,
Онъ бьетъ-то, не бьетъ — все выспрашиваетъ:
— Ужь и гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ выгуливалъ,
— Ужь что, воронъ, видалъ, что выглядывалъ?
«Я гулялъ-то, гулялъ по дикимъ степямъ:
На одной-то степи на Царицынской.
На другой-то степи на Камышинской,
А на третьей степи на Саратовской.
Я видалъ-то, видалъ—диво дивное,
Диво дивное—тѣло бѣлое,

Тѣло бѣлое—молодецкое;
Не убито лежитъ, не зарѣзано,
Вострымъ копьецомъ все исколото,
Никто-то къ тѣлу не подступится,
Не подступится, не подшатнется,
Прилетали къ тѣлу три ластушки,
Перва ластушка—родной батюшка,
Друга ластушка—родная матушка,
Третья ластушка—молода жена.
Какъ отец[illegible]ачетъ—что рѣка льется,
Какъ мат[illegible] волна бьется,
Молода ж[illegible] роса падетъ,
Что[illegible]рения;
Кра[illegible]—роса высохла;—
Ме[illegible]ала,
За[illegible]ой пошла.

О[illegible] чистое,
[illegible]окое!
[illegible]ородило:
[illegible]ракитовъ кустъ:
Породи[illegible]
На кусту-то сидитъ [illegible]ладъ ясенъ соколъ,
Во кохтяхъ держитъ черна ворона,
Черна ворона—брата роднова;
Онъ и бьетъ не бьетъ, только спрашиватъ,
Изъ ума его вывѣдыватъ:
— Скажи гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ погуливалъ?
«Я леталъ-то леталъ во дикую степь,
Я видалъ-то видалъ—чудо чудное,
Чудо чудное—диво дивное;
На степи лежитъ тѣло молодецкое,
Постель у него— мать сыра-земля,
Изголовьице—бѣлъ горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля вострая,
На груди у него—шашка быстрая,
Во ногахъ у него стоитъ добрый конь.
Добрый молодецъ коню рѣчь возговорилъ:
Ты ступай, мой конь, въ нашу сторону,
Въ нашу сторону — къ отцу къ матери,
Скажи батюшкѣ моему низкой поклонъ,

Родной матушкѣ — до сырой земли,
Молодой женѣ — на двѣ волюшки:
Хочетъ во вдовахъ сидитъ, хочетъ за мужъ идетъ,
А я, добрый молодецъ, зарученъ лежу:
Обручилъ-то меня батюшка бѣлый царь,
Благословила меня — мать сыра земля,
Повѣнчала меня — шашка быстрая,
Обрученная жена — гробова доска.

35.

Какъ по Питерской, по широкой по дорожкѣ,
Тутъ ѣхали все купцы, бояре,
Московскіе трое сенаторы,
Сенаторушки — большое начальство.
Подъ начальствомъ-то кони вороные,
А извощички у нихъ парни молодые,
На коняхъ-то узды золотыя,
Повода-то у нихъ шелковые,
Ѣхали они въ гору — торопились,
Вороные ихъ кони притомились,
Во сыромъ бору кони становились,
Во сыромъ бору по правую сторону
Тутъ стояло несчастное древо,
Тонкое-высокое по прозваньицу матушка елина,
Со корешку древо — ненарядно,
Со середы древо свилевато,
Со вершинушки — древо кудревато,
На этомъ на древѣ сидѣла вольна пташка,
По прозваньицу горькая кукушка,
Кукушечка громко вскуковала,
Подъ елинушку она заглядала,
Какъ и вдругъ кони вся тройка метнулась:
Назадѣ-то стоитъ матушка елина,
Подъ елинушкой лежитъ тѣло бѣлое
Строевымъ ружьемъ прострѣленное,
Во кровѣ-то оно лежитъ во кумачной,
Въ одной тоненькой льняной рубашкѣ;
Какъ тѣло-то рѣчь возговорило:
«Ужь ты матушка моя елинка!
Будь ты мнѣ, елинушка, мать родная!
Отпусти-ка ты сверху свои вѣтки,

Пріодѣнь ты, прикрой мое тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое—безодежное,
Чтобы тѣло мое не горѣло,
Ужь чтобъ еще больше оно не горѣло.
Когда Богъ меня подыметъ,
Государь царь меня отыщетъ,
Ужь я самъ-то тебя не забуду!
Ужь я всѣмъ-то тебя изукрашу!»

36.

У отца, у матери
Былъ
Собр
Въ ш
и
Сѣдла
нь
атецъ,
атецъ,
Не веселъ стоитъ конь?
Да знать тебѣ, братецъ,
Вѣкъ у насъ не быть».
«Малая сестрица!
Ты манехонька,
Ты манехонька,
Да умнехонька;
Выходи, сестрица,
На Дунай рѣку,
Съ ведромъ по воду,
Увидишь тамъ, сестрица,
Силу войскую,
Спроси тамъ, сестрица,
Про братца свово». —
Выходила дѣвица
На Дунай рѣку,
На Дунай на рѣчку,
Съ ведромъ по воду,
Увидѣла дѣвица

Силу войскую,
Спросила сестрица
Про братца свово:
«Да гдѣ же мой братецъ,
Да гдѣ-жь мой родной?»
— «Не твово ли братца
Воронъ конь стоитъ?
Да и твой-то братецъ
Сильный воинъ былъ,
Три роты побилъ,
На четвертой ротѣ
Головку сложилъ;
А вонъ твово братца
Во гробѣ несутъ,
По правую сторонку
Соколикъ летитъ,
По лѣвую сторонку
Воронъ конь идетъ». —

Пѣсни казацкія.

1.

Не бѣлы-то снѣги во чистомъ полѣ забѣлѣлися;
Забѣлѣлись во полѣ каменны палаты,
Какъ за тѣми за палатами сады зеленые,
Во садахъ-то шатры шелковые,
Во шатрахъ стоятъ столы дубовые,
За столами стоятъ двѣ скамеечки, скамьи кленовыя,
На скамьяхъ-то сидятъ два молодца молодые,
Передъ ними стоятъ двѣ чернильницы золотыя,
Во чернильницахъ торчатъ перья лебедины;
Какъ и пишутъ молодцы по бумажкѣ по гербовой,
Не перомъ пишутъ, не чернилами, горючьми слезами.
По-конецъ-то стола дубоваго стоитъ тутъ дѣвица,
Да и плачетъ красная дѣвушка, какъ рѣка льется.
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвушка, не плачь не печалься;
Не быть-то твому дружку милому, не быть во солдатахъ,
Еще быть-то быть доброму молодцу во Донскихъ во казакахъ».

2.

Со восточной было со сторонки,
Не студенъ-то холоденъ вѣтеръ поноситъ,

Поноситъ вѣтерокъ по чисту полю,
По чисту полю, на лѣсъ, на дубраву,
На дубровушку, на зелену рощу.
Во той-ли рощѣ листья разшумѣлись,
Во шуму-то, во грому, ничего не слышно,
Только слышно во шуму одинъ голосъ человѣчій,
Человѣка голосъ не простаго — казаченька Донскаго.
Донской казакъ пшеньки не пашетъ,
Пшеньки не пашетъ, шелковой травы не коситъ,
Онъ по рощѣ казачекъ гуляетъ,
И во скрипочку казачекъ играетъ,
Полевыхъ-то молодыхъ солдатъ забавляетъ:
«Вы не плачьте-ка молоды солдаты!»
Вотъ и какъ-то намъ, казачекъ, не плакать?
Отцы, матери наши устарѣли,
Молоды жены овдовѣли,
Малы дѣтушки осиротѣли,

3.

Ахъ степь моя, степинушка,
Ничего въ тебѣ, степь, не обозначилось,
Ни травыньки, ни муравыньки, ни цвѣточка лазорева,
Только и есть въ тебѣ, степинушка, большая дороженька,
По этой дороженькѣ никто не ѣздитъ и не ходитъ,
Только шли по этой дороженькѣ—казаченьки черноморцы.
Ничего мы на дикой степи не видали,
Только видѣли мы ракитовый кустикъ;
Изъ-подъ этого кустика протекала быстрая рѣка,
По прозваньицу быстрая рѣка Конторка;
По той рѣкѣ, по Конторушкѣ, прорастала камышъ-трава,
Потихохоньку мы по-смирнехоньку по камышъ-травкѣ гуляли;
Мы просилися, казаченьки, у камышъ-травки ночевати:
«Пусти насъ, камышъ-травынька, ночевати!
Намъ не годъ-то у тебя, камышъ-травынька, годовати,
Одну темную ноченьку, камышъ-травынька, ночевати,
Государевыхъ добрыхъ коней намъ покормити,
Казенную сбрую ратную намъ перебрати,
Провіантскую кашицу намъ похлебати».

4.

Вотъ не все горе приплакать,
Не все его притужить,

Вы давайте-ка, ребята,
Съ горя пѣсню запоемъ!
На разсвѣтѣ бѣла дня,
Сила войская прошла,
Насъ немного проходило, —
Девяносто-семь полковъ,
Сорокъ тысячъ казаковъ.
Какъ и шли-прошли казаки
Словно тученька черна,
Вострыжъ пики подняты
Словно звѣздыньки часты,
Становились казаки
Казаченьки въ два ряда:
Вотъ которы на горѣ—
Стоятъ по поясъ въ кровѣ,
А которы подъ горой—
Тѣ засыпаны землей.

5.

Ужь ты горе мое, горе, горе казаково!
Уродился казакъ-горе, что былинка въ полѣ:
Нѣту, нѣту коню моему сѣна, казаченькѣ нѣтъ квартеры;
Отвели ему квартеру во Турецку землю,
Въ Турецкой во земелькѣ—долы, горы развысоки;
Черезъ эти горы, долы горынъ-казакъ воду носитъ,
Дѣвушка-паненочка по бережку гулять ходитъ,
Раздонскаго козаченьку къ себѣ въ гости проситъ, —
Во такіе во гостички — на пиръ вечереньку,
На вечеръ вечереньку — на медъ на горѣлку,
На медъ, на горѣлку — на рыбушку линейку.
Со вечера донской казакъ — со вечера пьетъ, гуляетъ,
Ко полуночи донской казакъ умираетъ.

6.

Стояли казаченьки при крутой горѣ,
Изъ этихъ казаченьковъ одинъ былъ лихой:
Одинъ годъ прожившп съ женой молодой,
Сказано казаченькѣ на службу итить,
Жаль ему разстаться съ женой молодой;
Сталъ съ женой прощаться — женѣ говоритъ:
«Будь ты мнѣ, жена, до могилы вѣрна,

«До могилы вѣрна — до гроба честна.
Поѣхалъ казаченька враговъ побѣждать;
Побѣждалъ онъ враженьковъ копьемъ и мечемъ.
Побѣдивши враженьковъ, воротился назадъ.
На встрѣчу казаченькѣ начальство большо,
Шляпы на немъ со перами, кресты на груди:
Казакъ имъ ни слова — такъ молча прошелъ.
Поѣхалъ казаченька въ родительскій домъ;
На встрѣчу казаченькѣ родитель идетъ.
Здорово, родимый, здорова-ль семья?
Мы, сынокъ, здоровы: несчастье твое—
Молода твоя хозяюшка сына родила.
Мы, сынокъ, простили—прости ужь и ты.
Беретъ же казаченька шелковую плеть,
Ударилъ хозяюшку промежъ бѣлыхъ плечь,
Пошелъ же казаченька изъ дому вонъ.
«Пропади ты безмозглая-пуста голова,
Когда ты забыла, казаченьку, меня!»

7.

Ужь ты роща-ль моя, роща зеленая!
Ужь и чѣмъ ты, роща, изукрашена?
Изукрашена роща калиной, малиной:
На калинушкѣ сидитъ соловей-пташка,
На малинушкѣ сидитъ канареюшка.
Ты дороженька моя широкая, столбовая,
Да никто по тебѣ не прохаживалъ,
Никто слѣду не прокладывалъ,
Только шелъ тутъ прошелъ Донской казакъ,
За Донскимъ казакомъ лошадей косякъ,
Лошадей-то косякъ государскихъ коней.
Государскіе-то кони крѣпко ранены,
Напередъ-то бѣжитъ сивъ-чубарый конь,
На конѣ-то сидитъ младъ казаченекъ,
Младъ казаченекъ—генеральскій сынъ,
Генеральскій сынъ—капитанскій чинъ,
А подъ нимъ-то конекъ призадумался;
Генеральскій сынъ съ конемъ рѣчь говорилъ:
«Ужь ты конь мой, конь добра лошадь моя!
Ты травой, конь, идешь—ты травы не минешь,
Ты водой, конь, идешь—ты воды не пьешь,

«Или я на тебѣ, конь, тяжелъ больно сижу?»
Не тяжелъ ты сидишь, добрый молодецъ:
Тяжела твоя шуба лисія,
Тяжелѣе того — сабля вострая,
. . . . . .

8.

Сторона-ль моя сторонушка,
Сторона-ль моя нѣзнамая,
Незнамая, незнакомая!
На сторонушкѣ слободушка,
На слободушкѣ квартерушка,
На квартерушкѣ — зазнобушка,
Зазнобушка красна дѣвица,
Бѣлолицая, круглолицая,
Чернобровая, черноглазая,
Ужь не ты-ль меня высушила,
Безъ морозу сердце вызнобила,
Безъ морозу, безъ студенаго?
Высоко звѣзда восходила
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садику зеленаго,
Пролегала тутъ дороженька:
Шириною она не широкая,
А долиною конца-краю нѣтъ.
На дорожкѣ нова улица,
Нова улица — Московская,
Московская — посадская.
Какъ построена тутъ тюрьма темная,
Въ ней дубовая дверь тяжелая,
Запертая замкомъ крѣпкімъ,
Замкомъ крѣпкімъ — нѣмецкімъ.
Въ тюрьмѣ сидитъ невольничекъ,
Невольничекъ—добрый молодецъ,
Добрый молодецъ—Донской казакъ:
Во желѣзахъ ноги скованы,
Въ кандалахъ руки заклепаны;
Сидитъ молодецъ задумавшись,
Задумавшись, пригорюнившись,—
Ужь какъ тужитъ онъ о своей сторонушкѣ,
О свой сторонѣ—молодой женѣ!

9.

Запоемте-ка, ребятушки, да иы пѣсню новую,—
Мы не сами про себя—про Донскаго козака;
Какъ Донской казаченька онъ убитъ лежитъ,
Онъ убитъ лежитъ, казаченька, онъ застрѣленный:
Его буйная головушка да съ плечь срублена,
Могучія его плеченьки насквозь прострѣлены,
Въ ретивомъ его сердечушкѣ свинцовая пуля,
Во рѣзвыхъ его ноженькахъ стоитъ чубарый конь,
Онъ [illegible] конь, копыточкомъ,
Онъ [illegible] сырой земли,
Онъ [illegible] своего хозяинушку:
«Уж[illegible]сь, мой хозяинушка,
Мой [illegible]онской казакъ!
Пой[illegible]у, къ матери,
Къ [illegible]олодой женѣ,
Къ [illegible]ымъ дѣтушкамъ».
Как[illegible]адъ Донской казакъ:
«Ахъ ты [illegible] лошадь добрая!
Ты [illegible] сторону,
Ска[illegible]кѣ низкой поклонъ,
Судары[illegible]челобитьице,
Малымъ моимъ дѣтушкамъ—благословеньице,
Молодой моей хозяюшкѣ—на двѣ волюшки,
Хочетъ за мужъ идетъ, хочетъ во вдовахъ сидитъ,
А мнѣ-то, доброму молодцу, знать такъ Богъ велѣлъ,
Знать такъ Богъ велѣлъ — быть прострѣлену!»

10.

Стлала, стлала дѣвчоночка
Постелюшку мягку,
Клала, клала красавица
Зголовье высоко;
Ждала, ждала дѣвчоночка
Полковника въ гости;
Не могла его дождаться —
Ложилася спати.
Поутру рано вставала,
Вѣсти услыхала,
Она вѣсти услыхала —

Полковничекъ умеръ;
Померъ, померъ полковничекъ
Лютой скорой смертью.
Оставалась полковница
Вдова молодая,
Оставались малы дѣти
Горькія сиротки;
Оставался вороной конь
Со парадной сбруей,
Откажу я царску сбрую,
Коня — атаману,
Откажу я свою дочку,
Дочку генералу.
Молодые мушкетеры
Могилушку роютъ,
Роютъ, роютъ могилушку,
Елинушку тешутъ,
Молодому полковничку
Домовину строютъ;
Тѣло несутъ, коня ведутъ,
Конь головку клонитъ;
Клонитъ, клонитъ головушку
На мать-сыру землю,
На мать-сыру-землю,
На шелкову травку,
Мимо моего окошка
Дорожка лежала;
Какъ по этой по дорожкѣ
Пронесли милаго!

11.

Ой ты нашъ батюшка, тихій-Донъ!
Ой что же ты, тихій-Донъ, мутнехонекъ течешь!
Ахъ какъ мнѣ, тихому-Дону, не мутному течи:
Со дна меня, тиха-Дона, студены ключи бьютъ,
Посередь меня, тиха-Дона, три роты прошли:
Ай первая рота шла—то Донскіе казаки,
Другая рота шла—то знамена пронесли,
А третья рота шла—то дѣвица съ молодцемъ.
Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
«Не плачь, не плачь дѣвица, не плачь, красная моя,

Что выдамъ тебя, дѣвица, за вѣрнаго слугу,
Слугѣ будешь ладушка, а мнѣ миленькій дружокъ,
Подъ слугу будешь постель стлать, со мной вмѣстѣ спать.»
Что возговоритъ дѣвица удалому молодцу:
«Кому буду ладушка, тому миленькій дружокъ,
Подъ слугу буду постель стлать—со слугой буду спать!»
Вынимаетъ молодецъ саблю вострую свою,
Срубилъ красной дѣвицѣ буйную голову,
И бросилъ онъ ее въ Донъ во быструю рѣку.

1.

Ой вы долы мои долы, долы подкошеные,
Ой вы горы мои горы, горы свершеныя!
На горахъ-то долахъ лежитъ бѣлъ горючъ камень.
Изъ-подъ камушка бѣжитъ рѣчушка,
Бѣжитъ рѣчушка, бѣжитъ быстрая,
Пала устьицемъ въ Волгу-матушку:
Широко Волга-матушка разливалася,
Въ круты бережки не вбиралася!
Изошелъ я Волгу-матушку изъ конца въ конецъ,
Не нашелъ нигдѣ отца съ матерью,
Отца съ матерью—молодой жены,
Лишь нашелъ я одну степь широкую;
На широкой степи одинъ зеленый садъ,
Въ зеленомъ саду три деревца:
Перво деревцо кипарисово,
Друго деревцо—сладка яблонька,
Третье деревцо—зелена груша;
Кипарисъ-то—родной батюшка,
Сладка яблонька—родна матушка,
Зелена груша—молода жена.

2.

Былъ я подъ Дарьей рѣкой,
Надъ Дарьей рѣкой въ крутыхъ бережкахъ;
Тамъ лежитъ бѣлъ горючъ камень:
Изъ-подъ камушка растетъ частъ ракитовъ кустъ,
На кусту-то сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Держитъ соколъ въ кохтяхъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ.
Полетѣлъ соколъ чрезъ Дарью рѣку,

Уронилъ соколъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ;
Садился соколъ на крутой бережокъ,
Закричалъ соколъ выговаривалъ:
«Подуй, подуй погодушка со восточныхъ горъ,
Выкачай ты волной руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ,
Ты прибей ее къ круту бережку,
Къ круту бережку, ко желту песку».

3.

Ой ты горе мое горе, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня бѣдную навязалося!
Я не знаю какъ быть, не достало, какъ мнѣ горе избыть,—
Ужь я отъ горя въ чисто поле;
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
«Ужь я выжну, пожну все чисто поле,
А найду я сыщу тебя, горькую!»
Ой ты горе мое, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю какъ быть,
Какъ мнѣ горе избыть!
Ужь я отъ горя — горе за мной идетъ,
За мной идетъ — во слѣдъ грозитъ,
«Порублю я посѣку всѣ темны лѣса,
А найду я тебя, горемычную!»
Ой ты горе мое, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю какъ быть,
Какъ мнѣ горе избыть!
Ужь я отъ горя—въ гробовой доскѣ,
Оглянусь я назадъ—горе за мной идетъ,
Съ топорешечкомъ, со лопаточкой!..

4.

Соловей ты мой, соловеюшка,
Соловеюшка, вольна пташечка!
Вольна пташечка, горькая кукушечка!
Не летайте вы въ мой зеленый садъ,
Не садитесь вы на примѣтно деревцо,
На примѣтно деревцо, на сладкую яблоньку!
Ты воспой-ка, горькая кукушечка, пѣсню горемычную:
«Ты таланъ ли мой, таланъ худой,
Ты звѣзда м
Участынька
Ни въ чемъ ду, счастья нѣтъ,
Ни въ батюш и въ житьѣ-бытьѣ, богачествѣ,
Только мнѣ гной долюшкѣ,
Что въ нес худой славушкѣ.»

аль,
!
поле;
ь голубемъ!
Охти г аль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во темны лѣса,
И тутъ горе соловьемъ летитъ!
Охти горе, тоска печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя на сине море,
И тутъ горе—сѣрой утицей!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя—во сыру землю,
Вотъ тутъ горе миновалося.

6.

Не будите меня молоду,
Ранымъ-рано по утру!
Вы тогда меня будите,
Когда солнышко взойдетъ,
Когда красное проглянетъ,

Роса утренняя провянетъ,
Пастухъ выйдетъ на лужокъ —
Заиграетъ во рожокъ.
Хорошо пастухъ играетъ,
Выговариваетъ:
«Вставай, дѣвки, вставай, бабы,
Вставай малые ребяты:
Выгоняйте, вы, скотину
На широкую долину,
На широкую долину,
На зелену луговину».
Гонятъ дѣвки, гонятъ бабы,
Гонятъ малые ребяты,
Гонятъ стары старики,
Міроѣды-мужики.
Гонятъ дѣвки впереди,
Молодушки позади,
А и малы-то ребяты
Обтоптали бабамъ паты.
Согоняли на лужокъ,
Становились во кружокъ:
Одна дѣвка весела —
Во кругу плясать пошла;
Она пляшетъ, рукой машетъ,
Пастуха къ себѣ манитъ:
«Сюда, сюда пастушокъ,
Сюда миленькій дружокъ».
Пастухъ часикъ поплясалъ —
Коровушку потерялъ,
Онъ другой-то поплясалъ —
Три-четыре потерялъ,
Онъ и третій поплясалъ —
И все стадо растерялъ.
Потерялъ мою овечку
Со ярочкою.
«Мнѣ не жаль, не жаль овцы —
Мнѣ жаль ярочку.
Какъ на ярочкѣ поярочки
Поярки хороши,
Что поярки хороши —
Больно курчатые;

Я блюла, блюла овечку
На кумачный сарафанъ,
На парчевы рукава,
На двуличневый платокъ,
На шелковый поясокъ».
Какъ не курочка по сѣнничкамъ
Похаживала,
Похаживала, покудактывала:
Еще какъ да кудакъ,
Не бывало у насъ такъ—
Никогда наша хозяюшка
Не гуливала,
Ужь какъ нынѣче хозяйка
Загуляла, запила,
Какъ ушла наша хозяйка
Во ближніе шабры,
Во ближніе во шабры
Во десятый дворъ,
А кума-та кумѣ
Насмѣялася въ глаза:
Ужь и чай у тѣ, кума,
Истопилася изба;
Перелстовы дровечки
Переуглили;
Да всѣ кашнички-горшечки
Надсѣлися кипучи,
Въ колыбели-то дитя
Надсѣлося вопя!—

7.

Вы молодчики, дружки мои!
Ваша ласка да привѣтливы слова
Безъ огня-то мое сердце разожгла,
Разнесли-то мои мысли по всѣмъ чистымъ полямъ,
По всѣмъ чистымъ полямъ, по зеленымъ лугамъ,
По зеленымъ лугамъ, по шелковымъ травамъ.
Ахъ и кто бы моему горю помогъ,
Ужь и кто бы великому пособилъ,
Со пути бы со дороженьки милаго воротилъ!
Воротися мой разминенькій, воротися назадъ!
Наглядитесь мои очи на милого во запасъ,

Я сидѣла, молода, въ новой горницѣ одна,
Я лежала, молода, бѣлой грудью на окнѣ
Я глядѣла, молода, въ чисто поле далеко,
Я роняла, молода, горючи слезы изъ глазъ,
Проклинала, молода, чужу-дальню сторону:
«Ты злодѣйка, ты злодѣйка, чужа-дальня сторона!
Разлучила сторона съ отцомъ, съ матерью меня!
Да еще-ли развела съ молодымъ мужемъ меня!»

8.

Ой ты молодость, моя молодость,
Моя буйная, разудалая!
Красоти ли моя молоденькая!
Ты когда прошла, когда прокатилася?
Не въ корысти прошла, молодость, не въ радости,—
Со худой мнѣ женой вѣкомъ живучи,
На чужую-то жену вѣкомъ глядючи;
Чужая-то жена ровно барыня,
А моя-то жена — не корыстная,
Не корыстлива, лихомысленна.
На рукѣ-то лежитъ — въ глаза глядитъ,
Въ глаза глядитъ — цѣловать велитъ;
Цѣловать-то ее мнѣ не хочется,
Ретиво сердце не воротится.
Я скрѣплю-то свое ретиво сердце,
Крѣпче камена горючаго:
Поцалую я свою жену немилую,
Немилую жену — распостылую!
Поцалую я чужу жену, —
Я чужой женѣ куплю котики;
Я своей женѣ сплету лапотки,
Сплету лапотки — простоплеточки:
Я оборки совью — простовивочки,
Простовивочки—безъ повивочки.

9.

Дѣвчоночка молода раздогадлива была,
Черноброва, черноглаза—парня высушила:
Присушила русы кудри ко буйной головѣ,
Заставила шататися по чужой сторонѣ,
Приневолила любити чужемужнихъ женъ.

Какъ чужая-то жена лебедушка бѣлая,
А моя шельма-жена—полынь горькая трава,
Полынь горькая трава на межѣ въ полѣ растетъ,
На раздольѣ, на межѣ, на широкомъ столбичкѣ.
Я со этой-ли тоски расчешу кудри-виски,
Расчешу кудри-виски—пойду въ темные лѣски,
Изъ-за-лѣсу, изъ-за-горъ—подымалась туча-громъ,
Подымалась туча-громъ со сильнымъ со дождемъ,
Какъ со этого дожда стала улица грязна,
Стала улица грязна, въ переулочкахъ вода;
Ко сударушкѣ пройти добру молодцу нельзя.
Размальчишка молодой воръ догадливый такой—
Сталъ канавки прорывать, сталъ онъ воду выпущать;
Стала улица просыхать, стала дѣвушка ходить,
Стала дѣвушка ходить, хороводы заводить;
А я мостикъ намощу—ко сударушкѣ пройду!

10.

Бѣлая березонька преклонясь къ землѣ растетъ;
На эту березоньку слетѣлися пташечки,
Пташечки, пичужечки, горькія кукушечки.
Кукуетъ кукушечка во своемъ тепломъ гнѣздѣ:
«Свѣтъ ты мое гнѣздышко, совитое, теплое!
Совитое, теплое, гнѣздо разореное!»
Подъ этой березонькой собралися молодушки,
Одна-то молодушка призадумавшись стоитъ,
Призадумывшись стоитъ, при печали говоритъ:
«У меня, молодушки, четыре заботушки:
Первая заботушка — чужа дальняя сторонушка,
Другая заботушка — свекоръ да свекровушка,
Третія заботушка — деверь да золовушка,
Четверта заботушка — мужъ удалая головушка.
Мужъ удала голова — чёшетъ кудри завсегда,
Онъ гуляетъ отъ меня по всѣмъ селамъ, деревнямъ,
По всѣмъ селамъ, деревнямъ, по господскімъ дворамъ,
По господскімъ дворамъ, по солдатскимъ по вдовамъ,
По солдатскимъ по вдовамъ, по дѣвчонкамъ-сиротамъ,
По дѣвчонкамъ-сиротамъ, по чужемужнімъ женамъ».
Дѣвчоночка-сиротинка звала его ночевать:
— Приди, приди, Ванюшка, ночуй ночку у меня!
«Боюсь, боюсь, дѣвушка, просплю долго у тебя.»

— Не бойсь, не бойсь, Ванюшка, я на зорькѣ разбужу,
По утру ранымъ-ранехонько за ворота провожу,
За ворота провожу, три словечушка скажу:
Первое словечушко — хотятъ Ванюшку поймать,
Другое словечушко — во желѣзушки ковать,
Третіе словечушко — во солдатушки отдать.
Подуй, подуй, погодушка, занеси Ванины слѣды! —

11.

Подуй, батюшка верховый вѣтерокъ;
Услышь, дѣвушка, молодецкій голосокъ!
Какъ у нашихъ у мирскихъ воротъ,
Не одна дѣвка стояла съ молодцемъ.
Молодецъ дѣвкѣ таки рѣчи говорилъ:
«Полно, дѣвушка, въ конторушку ходить,
Полно, дѣвушка, конторщичковъ любить.
Всѣ конторщики смѣются надъ тобой!»
Какъ за матушкой за Волгой за рѣкой,
Коситъ Ванюшка шелковую траву,
Онъ косилъ, косилъ, косу въ сторону бросалъ;
«Пропадай моя укладная коса;
Ты умри, умри, угрюмая жена!
Ужь я взялъ бы красну дѣвку за себя,
Урядилъ бы, украсилъ для себя!»

12.

Ходилъ Ваня по базару,
Онъ искалъ себѣ товару,
Не нашелъ себѣ товару—
Купилъ себѣ косу.
Онъ чужое сѣно коситъ,
А свое-то сохнетъ;
Онъ чужую жену любитъ,
Своя стоитъ плачетъ;
Стоитъ плачетъ и рыдаетъ,
Своего мужа ругаетъ,
Что съ другой гуляетъ,
Жену забываетъ:
Не по промыслу, Ванюша,
Заводы заводишь,
Ты заводушки заводишь—

Трехъ дѣвушекъ любишь:
Онъ Груняшу да Дуняшу,
Любушку-Уляшу;
Онъ Груняшѣ купилъ ленту,
Дунѣ голубую,
Своей любушкѣ-Уляшѣ
Шалевый платочикъ.
Ты носи, моя Уляша,
Носи не хвалися!
Если жь будешь хвалитися,

[illegible] стану,
[illegible]
[illegible] —

Сказ[illegible]лый не живъ, не здоровъ,
Вечо[illegible] вдоль по улицѣ прошелъ,
Любі[illegible] свистахъ просвисталъ,
Судар[illegible]ремъ голосъ подавалъ;
Услы[illegible]цкій голосокъ,
Распахнула дѣвушка ши[illegible]й браный положекъ,
Растворила дѣвушка широкія ворота,
Принимала дѣвушка за бѣлы руки дружка.
«Что же ты, миленькій, вечоръ ко мнѣ не бывалъ?»
— «Сударыня-дѣвушка! мнѣ не времечко было.
Не время, не времечко — все несчастьице мое!
Со угрюмой женочкой побраночка случилась;
Тебя ругатъ, дѣвушка: ты шельма — сука;
Меня ругатъ, дѣвушка: я сукинъ сынъ, дуракъ».—
«Давно я тебѣ, миленькій, говаривала:
Поѣзжай, поѣзжай, миленькій, въ Саратовъ-городокъ,
Купи, купи, миленькій, шелковую плоть;
Ты бей, учи, миленькій, угрюмую свою жену».
— «Сударыня, дѣвушка, все не рѣчь ты говоришь;
Со угрюмой женочкой мнѣ вѣкъ вѣковать.
А съ тобой, красна дѣвушка, одинъ часокъ часовать».

14.

Никогда со мной горя не бывало,
Сегоднишній денекъ тоска, скука обуяла,

Распостылая моя женочка захворала,
Ты хворай-ка, моя хозяюшка, по больше,
Ты умри-ка, моя хозяюшка, поскорѣе!
Отпусти ты меня, добра молодца, на волю,
Что на волюшку, добра молодца, на легку работу.
Я пойду ли съ горя во чисто поле,
А съ чистаго поля зайду въ рощицу зелену
Я срублю-то сосенку кудряву,
Я пайму себѣ плотничка верьхова,
Я построю себѣ, добрый молодецъ, горенку нову,
Я возьму себѣ, добрый молодецъ, жену молодую,
Малымъ дѣтушкамъ возьму мачиху лихую.
«Ты сгори-ка, сгори, горенка новая,
Ты умри-ка, умри, мачиха лихая!
Ты возстань-ка, возстань, матушка родная!»

15.

Мальчикъ моложеватый,
Бѣлый, кудреватый,
Что ты рано женатъ?
Не хочу я съ женой жить,
Хочу дѣвушекъ любить,
Имъ гостинчики носить,
А жену свою сушить.
Ужь я высушу жену
Суше вѣтру—вихорю,
Суше травы-ковылю.
Ужь ты дѣвушка сударушка!
Не ходи ты въ лѣсъ одна:
Изъ лѣсочку, изъ куста
Распрестрашна смерть пришла;
Ужь я, мальчикъ молодой,
Этой смерти не боюсь,
Въ поясъ смерти поклонюсь:
Воротися, смерть, назадъ,
Умори мою жену!
Не успѣлъ слова сказать—
Подъѣзжаю ко двору;
Впереди жена лежитъ,
Подъ переднимъ окномъ.
Подъ хрустальнымъ стекломъ,
Подъ бѣлымъ полотномъ.

16.

Ужь я пашеньку пашу,
Самъ на солнышко гляжу:
Высоко ли мое солнце,
Красно солнышко взошло.
Какъ чужія-то жены
Мужьямъ ѣсть принесли,
А моя шельма жена
Долго хлѣба не несла;
Знать не устряпалася,
Не уварахталася.
Ужь я выпрягу лошадку,
Дугу объ землю хвачу,
Ужь я вырѣжу лозу
На мою шельму-жену.
Подъѣзжаю ко двору—
Жена ходитъ по двору,
Набѣленая, нарумяненая,
Набѣлена—бѣло,
Нарумянена—ало,
Въ кокошничкѣ рогачкѣ,
Въ коновитной фаточкѣ,
Во парчевыхъ рукавахъ;
Во кумачномъ сарафанѣ,
Во бумажныихъ чулкахъ,
Въ переплетахъ башмаки.
Ужь я брошу лозу—
Поцѣлую жену,
Поцѣлую, обойму,
Разлапушкой назову.

17.

Куда ни пойду гулять—ноженьки мои нейдутъ;
Куда ни гляжу съ горя—глаза мои не глядятъ;
Только я лѣсочкомъ шла—дружка свово не нашла.
Я слышала въ темныимъ лѣсу листики шумятъ,
Шумятъ-гремятъ листики осиновыя,
Бѣлая березонька, преклонясь къ землѣ, стоитъ
На этой березонькѣ двѣ пташечки сидятъ,
Двѣ пташечки—горькія кукушечки,

Кукуютъ кукушечки и день и ночь,
Журятъ-бранятъ пташечки чужу сторону;
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ-крушитъ;
Чужой отецъ-батюшка безъ вины журитъ-бранитъ.

18.

Ужь вы кумушки, голубушки мои!
Вы придите-посидите у меня!
Поглядите на мое житье-бытье;
У меня у молодой злая мачиха лиха,
Посылаетъ меня и туда и сюда,
Во чисто поле гулять, зелено просо полоть.
Я полю, полю, пополываю—
Да на солнышко поглядываю.
Высоко ли мое красно солнце взошло?
Взошло оно—за облачко зашло,
А мнѣ молодой не видно ничего:
Только видно одинъ зеленый садъ;
Мимо садика дороженька лежитъ,
По дороженькѣ колясочка бѣжитъ,
Во колясочкѣ дворянскій сынъ сидитъ,
Онъ сидитъ-то да покрикиваетъ,
Добрыхъ коней своихъ прихлыстываетъ.

19.

Какъ и батюшкинъ теремъ
Распечатанъ, растворенъ;
Комарики, комары,
Злоосенніе мои!
Не летайте, комары,
Въ мой зеленый садокъ,
На тесовую кровать,
Подъ шитъ браный положокъ,
Не кусайте, комарики,
Мое бѣлое лицо;
Мое бѣлое лицо
Разгорѣлось горячо.
Разгорѣлось, разболѣлось
Словно розовый цвѣтокъ, —
Далеко въ полѣ растетъ.
Я пойду-ли молода,

Въ зеленъ садикъ погулять,
Во зеленомъ во саду
Разгоню я грусть-тоску!

20.

Соловей мой соловеюшка,
Соловеюшка, вольна пташечка!
Полетай, мой соловеюшка,
На мою ли на сторонушку;
На моей-ли на сторонушкѣ
Есть привольное житье,
Есть привольице хорошее,
Да раздольице широкое.
Ты провѣдай, соловеюшко,
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Только воля красныхъ дѣвушкамъ;
Была воля и молодушкамъ:
Нынѣче воля миновалася,
Съ черной грязью перемѣшалася,
Съ черной грязью съ придорожною,
Со дорожною, со колесною.
У меня ли молодешенькой
Кривошлыкая свекровушка,
Посылаетъ меня и туда и сюда;
Посылаетъ меня во темный погребъ
Я во темномъ погребѣ призамѣшкалась,
Сладкой водочки натрескалась,
Зелена вина налопалась;
Я иду, иду мирскимъ дворомъ,
Кривошлыкая свекровушка
По новымъ сѣнямъ похаживаетъ,
Чеботой стѣны проламываетъ,
Только дай Боже до вечера дожить —
Накучу я, намучу своему сыну
На нелюбую невѣстушку.

21.

Размывала туча грозная,
А другая полуденная:
Дочь у матери въ гостяхъ была,
Въ гостяхъ была—разбранилася.

Поѣхала—не простилася,
Среди пути становилася,
Середь пути—лѣсу темнаго,
Супротивъ садика зеленаго,
Супротивъ гнѣзда соловьинаго:
«Соловушекъ, вольна пташечка,
Горемычная кукушечка!
Ты возвейся высокохонько,
Полети-ка далеконько,
Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
А матушкѣ жалобнѣй того:
А мнѣ, горькой, жить тошнехонько,
На чужой дальней сторонушкѣ,
У свекора, у свекровушки,
У деверя, у золовушки;
Посылаютъ меня по воду
И холодную и голодную,
И разутую и раздѣтую.
На той рѣчкѣ гуси-лебеди
Возмутили воду свѣжую,
А я молода, дожидалася,
Когда вода устоялася—
Размахнула широкохонько,
Почерпнула глубокохонько.»

22.

Изъ-за лѣсу изъ-за темнаго
Изъ-за частаго изъ березничка,
Изъ-за мелкаго изъ орѣшничка,
Выбѣгалъ конь, добра лошадь,
Поводочикъ въ ногахъ топчетъ,
Сѣдельцо на боку несетъ.
За нимъ бѣжитъ добрый молодецъ.
«Ты стой, постой, конь—добра лошадь!
Ты не ходи, мой конь, на Дунай-рѣку,
Ты не пей, мой конь, изъ ручья воды;
Изъ ручья красна дѣвица умывалася,
Она бѣлыми бѣлилами бѣлилася,
Она алыми румянами румянилася,
Она черными сурмилами сурмилася,
Она въ цвѣтное платье наряжалася,

Во хрустально чисто зеркало глядѣлася,
Красотѣ своей дѣвичей дивовалася,
Глядючись она слово молвила:
«Красота ли моя, красота дѣвичья!
Ты кому-то, красота, достанешься?»
Какъ досталась красота моя мужу старому
Я могу же, красота, тебя убавити,
Да что краснова золота увѣсити,
Да что крупнова жемчугу развѣсити.
Ужь вы люди, люди добрые!
Не видали-ль вы какъ туча шла,
Не слыхали-ль вы какъ громъ гремѣлъ,
Моего стараго мужа молоньей сожгло?»

23.

Охъ ты Дуня, Дуняшечка,
Дуня бѣлая, румяная,
Не слушала Дунюшка
Ни матери, ни отца,
Не любила красавица
Холостыхъ парней дряней;
Полюбила красавица
Женатаго бравова.
У женатаго бравова
Зла-сердитая жена:
Гдѣ поспядится—косится,
Гдѣ ни сойдется—бранится,
Все разлучницей зоветъ:
«Ты разлучница моя,
Разлучила ты меня,
Разлучила, развела
Съ молодымъ мужемъ меня!»
Я во стыдъ, млада, взойду,
При народѣ пристыжу,
При народѣ, въ хороводѣ,
При матери, при отцѣ,
При братѣ, при сестрѣ,
При братниной женѣ:
Сыму съ дѣвушки платокъ,
Словно аленькій цвѣтокъ,

Я со шеюшки другой—
Лазоревой-голубой!

24.

Поляна моя, полянушка, полянушка луговая,
На полянушкѣ растетъ травка шелковая!
На травынькѣ тропинушка пролегала,
На тропинушкѣ калинушка выростала;
На калинушкѣ кукушечка куковала
Не полно-ли тебѣ, кукушечка, куковати,
Не пора-ли тебѣ, залетная, перестати?
Молодушка молодая не полно-ль тебѣ тужить, плакать?
Не наполнить тебѣ сина моря слезами;
Не утѣшить тебѣ мила дружка словесами?

25.

Охъ, матушка, тошно мнѣ,
Сударыня, грустно мнѣ,
Умереть съ горя хочу,
Не люблю я, матушка,
Не люблю сударыня,
Свово мужа-дурака,
Полюблю я, матушка,
Полюблю, сударыня,
Съ тиха Дона казака.
Казачекъ молоденькой,
Казачекъ хорошенькой,
Удалъ добрый молодецъ.
Онъ ходитъ по бережку,
Онъ ходитъ по крутеньку,
По желтому по песку.
Онъ чешетъ кудерюшки;
Расчесываетъ русые,
Бѣлымъ рыбьимъ гребешкомъ,
Расчесамши русые,
Казакъ шапочку надѣлъ;
Надѣмши онъ шапочку,
Надѣмши высоконьку,
Вдоль по улицѣ пошелъ;
Пройдемши онъ улицу,
Пройдемши широкую,

Ко сударушкѣ зашелъ.
Сударушка-любушка
Душа красна дѣвушка,
Ты неправдою живешь,
Неправдою, дѣвушка,
Неправдою, красная;
Ты обманываешъ меня!
У твоихъ воротечекъ,
У твоихъ широкихъ,
Бѣлъ горючь-камень лежитъ;
Изъ-подъ того камышка
Изъ-подъ бѣлъ-горючаго
Быстра рѣчушка бѣжитъ;
Черезъ эту рѣчушку,
Черезъ эту быструю
Тонка жердочка лежитъ,
По этой по жердочкѣ,
По этой по тоненькой
Мой миленькій переходилъ;
Переломилась жердочка,
Переломилась тонкая, —
Мой миленькій потонулъ!

26.

Ахъ вы кумушки, голубушки-подружки!
Вы которому святителю молились,
Вы которымъ чудотворцамъ обѣщались?
Что у васъ мужья молодые,
У меня ли, молоденькой, старичище;
Не пущаетъ старичище на игрище.
Я отъ стараго уходомъ уходила,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,
За вереюшкой одѣвалась,
И я позже всѣхъ въ бесѣду приходила,
Я на кончикѣ младешенька садилась,
И я всѣхъ прежде съ бесѣды торопилась.

27.

Охъ ты дѣвушка незамужняя:
Какъ за-мужъ не шла — горя не было,
За-мужъ вышла — горя прибыло:

Какъ отецъ и мать — далеко живутъ,
Какъ и братъ съ сестрой — за быстрой рѣкой,
Одинъ-то со мной постылый мужъ;
Онъ постылъ, не милъ, разсукинъ сынъ:
Онъ со вечера кудри чешетъ,
Ко полуночи — гулять ушелъ,
На бѣлой зарѣ — домой пришелъ.
Онъ ложится спать на кроватушкѣ,
На край лицомъ, ко мнѣ спиной —
Въ головахъ-то у насъ — чугунъ жару,
Во ногахъ-то упасъ — сугробъ снѣгу,
Промежду-ли насъ змѣя лютая
Люта змѣя — гнѣздо свила,
Гнѣздо свила — дѣтей вывела.

28.

Я полосу
Переполозу —
Со милымъ дружкомъ
Повидаюся.
Давно съ дружкомъ
Не видалася,
Со той поры
Какъ разругалася;
Мы свидимся
У батюшки, у матушки;
У батюшкѣ —
Во бесѣдушкѣ,
У матушки —
Въ почестномъ пиру,
Постылый мужъ
Впереди сидитъ,
Размилый другъ —
На скамеечкѣ,
А я, млада,
Супротивъ его.
Кивнемъ, моргнемъ, —
Сами вонъ пойдемъ.
Постылый мужъ
Догадается,
Изъ бесѣдушки

Подымается,
Меня, младу,
За рукавъ тащитъ,
За рукавъ тащитъ—
Анъ рукавъ трещитъ,
Вдоль улицы—
Мимо кузницы.
Изъ кузницы
Молодой кузнецъ,
Куетъ, куетъ,
Приколачиваетъ,
Меня, младу,
Приговариваетъ;
Сулитъ, сулитъ,
Мнѣ ключъ съ замкомъ,
А мнѣ, младой;
Его не хотѣлося,
Мнѣ хотѣлося
Пистолетъ съ ружьемъ;
Ружьемъ-то я
Постылаго мужа застрѣлю,
Пистолетомъ я
Мила дружка подарю.—

29.

Нынѣ будни, завтра праздникъ,
Бѣлися, румянься,
Приходи моя надежа,
Къ сосѣду въ бесѣду;
У сосѣда во бесѣдѣ
Сидятъ холосты ребята,
У холоста глаза пусты,
Очень завидущи.
Онъ глазами-то поводитъ,
Изъ ума выводитъ;
Чорны брови подымаетъ,
На дворъ вызываетъ.
Выдь-ка, выдь-ка, сударушка,
На красенъ крылечекъ,
Промолви-ка, сударушка,
Тайное словечко.

Мой муженишка-негодай,
Никуда негоденъ
Только годенъ мой мужнишка
По печи валяться,
Съ тараканами бороться,
Со сверчками драться.
Поведу я недоростка
Во лѣсъ по малину,
Привяжу я недоростка
Ко горькой осинѣ.
Я не буду къ недоростку
Ровно три недѣли
На четвертую недѣлю
Схожу, побываю.
Стоитъ недоростокъ
У горькой осины,
Сучечки-крючечки
Бока ободрали,
Дождевыя капельки
Всю башку пробили,
Комарики-сударики
Всѣ ляшки объѣли.
Каково тѣ, недоростокъ,
У горькой осины:
Таково то, недоростокъ,
Мнѣ жить за тобою!

30.

Я пойду-ли, молода, съ горы на гору гулять,
Я пойду-ли, молода,—гусей лебедей гонять,
Тига-гуси, тига-гуси,
Тига сѣрые съ двора!
Мои гуси-то разлетѣлися,
Разлетѣлися по крутенькимъ бережкамъ,
По крутенькимъ бережкамъ, по желтымъ по пескамъ.—
Я по бережку похаживала,
Гусей, лебедей поганивала,
Тига-гуси, тига-гуси,
Тига сѣрые съ песку!
Аль вы, гуси, панырялися,
Я-ль, молода, не нагулялася?

Аль вы, лебеди наплавались?
Я-ль, молода, расплакалась,
Отцу съ матерью разжаловалась:
Отжила я свои добрые годы,
Прожила я своево милаго дружка,
Нажила я себѣ мужа-дурака!
Онъ дуракъ, дуракъ, дурачья его стать,
Съ дураками дуракъ водится,
Съ дураками забавляется;
Не умѣетъ дуракъ голову чесать,
Не умѣетъ надъ кудрями холь держать,
Не умѣетъ съ молодой женой жить,
Не пуща[illegible]гулять;
Хоть и п[illegible]окошечко глядитъ
Не стоит[illegible]съ кѣмъ,
Не баитъ[illegible]ака?
А я съ м[illegible],
По Невѣ-
Гусей-лебе

[illegible]уси
[illegible]оды!

Мои гуси
А я, млада, пои
Я пошла, млада, со рѣчушки домой,
Мнѣ навстрѣчу маіоръ ѣдетъ молодой,
Подъ маіоромъ душой — конь вороной
Идучи конь спотыкается,
Маіоръ-шельма улыбается.
Не шути ты, маіоръ, шуточки со мной,
Ты не бей меня по бѣлому лицу!
У меня, младой, личенько загарливое,
У меня, младой, сердечушко забольчивое,
У меня, младой, не любый старый мужъ,
Узнаетъ меня по бѣлому лицу,
По бѣлому лицу, по румяной по щекѣ.
«Ужь я знаю отъ чего лице горитъ,
Ужь я знаю отъ чего сердце болитъ:
Горитъ лицо — отъ маіоровой руки,
Болитъ сердце — по маіорѣ молодомъ».

31.

Бѣленькій, кудреватый,
Холостъ дѣтина неженатый!
Самъ гулять не ходитъ и меня не пущатъ,
Пустйтъ ли, не пуститъ онъ при вечерѣ,
При вечерѣ, при вечерней при зарѣ.
Я ли, молода, заигрива была,
Проиграла ночку до бѣлаго дня.
Кочета поютъ — я домой нейду,
Другіе поютъ — я ухомъ не веду;
Третіе-то спѣли — я поиграла да пошла,
Иду ко двору — деверь ходитъ по двору;
— Деверь, деверьюшка, ладинъ братъ!
— Проводи меня, деверьюшка, къ мужу спать.
«Поди, поди, невѣстка не бойся ничего;
Не бойся ничего — твой мужъ крѣпко спитъ;
Отвори дверку тихохонько,
Пройди горенку плавнехонько,
Лягъ къ нему, невѣстушка, на кроватушку,
Ребрышкомъ къ стѣнѣ, лицомъ отъ мужа!»
— Что ты, ты, жена не теперь-ли пришла? —
«Что ты, старъ, не съума-ли сходить сталъ?
Я ли, молода, всее ночку проспала!»

32.

Вѣтры мои, вѣтры, вы буйные вѣтры!
Не можете ли вѣтры, горы раскачати?
Гусли мои, гусли, звончатыя гусли!
Не можете ли вы, гусли, вдову взвеселити?
У меня, у вдовушки, четыре кручины,
Четыре кручины да пятое горе,
Да пятое горе—что нѣтъ его болѣ!
Первая кручина—нѣтъ ни дровъ, ни лучины,
Другая кручина—нѣтъ хлѣба, ни соли,
Третія кручина—молода овдовѣла,
Четверта кручина—малыхъ дѣтушекъ много,
А пятое горе—нѣтъ хозяина въ домѣ.
Я посѣю горе во чистымъ полѣ:
Ты взойди, мое горе, черной чернобылью,
Черной чернобылью—горькою полынью.

33.

Какъ по лугу, лугу зеленому,
Ходила гуляла вдова молодая;
Вдова молодая плакала, рыдала,
Плакала, рыдала, слезно причитала:
— Хоромы мои, хоромы, развысокіе теремы!
— Отчего вы, мои хоромушки, раскрыты стойте?
— Али вамъ, мои хоромушки, хозяина нѣту,
— А вамъ, мои дѣтушки, нѣту батюшки роднаго,
— А мнѣ, молодешенькѣ, нѣту мужа никакого!
Навстрѣчу-ль мнѣ, горемычной, два купчика молодые:
«Здраствуй лапушка вдовая, воротись, радость домой!
Я твоимъ буду хоромамъ коренной хозяинъ,
Твоимъ малымъ дѣтушкамъ батюшка родимый;
Тебѣ, молодой вдовушкѣ, буду миленькимъ дружкомъ!
— Не бывать-то тебѣ, дѣтинкѣ, въ зеленомъ саду,
— Не срывать-то тебѣ, дѣтинкѣ, горькой ягодки-калинки,
— Не ѣдать тебѣ, дѣтинкѣ, сладкой ягодки малинки;
— Не быть тебѣ во моемъ дому коренныхъ хозяиномъ,
— Не быть тебѣ моимъ дѣтушкамъ батюшкой родимымъ,
— Не быть тебѣ мнѣ, молодой вдовѣ, миленькимъ дружкомъ!

---

*) Большая часть этихъ пѣсенъ напечатана была въ Саратовскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ. *Ред.*

ПОВѢСТИ О ЦАРѢ СОЛОМОНѢ.

I.

Повѣсть царя Давида и сына его царя Соломона премудраго [1]).

Бысть у царя Давида три дѣвицы, а не было ни единаго сына. И пача царица Веставія божіимъ повелѣніемъ, не вѣмъ сына, не вѣмъ дщерь; и приспѣ время рожденію и роди сына и нарекоша имя ему Соломономъ. И какъ будетъ седми лѣтъ, и даша его на соблюдѣніе доброму своему слуги, дядки именемъ Чкалъ. Дятка учалъ любити и блюсти съ великою радостію, единаго никуда не пущая. А мати Соломонова Верставія пошла съ дѣвицами на потѣху, и Соломонъ почалъ по сѣнямъ ходити и говорити со своими отроки, почалъ въ деревцѣ вѣсочки дѣлать и въ вѣсочкахъ вѣсить песье г...о съ женскимъ умомъ. А царица мати его пришла въ тѣ сѣни на потѣху, рече: «Что ты дѣлаешь?» И Соломонъ рече: «Вѣшу песье г...о съ женскимъ умомъ». И царица мати его удивися и рече дядки Чкалу: «Чкалъ! пойди съ Соломономъ къ морю и выми сердце изъ Соломона, да принеси ко мнѣ, живо испеки: сердьце его съѣмъ, а тѣло его въ море кинь». И Чкалъ дятька рече: «Господине, чадо Соломоне! пойдемъ къ морю». И Соломонъ пошелъ къ морю. Дятка Чкалъ почалъ говорити: «Днесь, Соломонъ, мати твоя Верставія тебя велѣла потеряти». И Соломонъ рече: «Дядька Чкалъ! поди да вынь сердце изо пса и то сердце аки человѣческое; а меня продай гостямъ заморянамъ на корабль». И дядька Чкалъ вынялъ сердце изо пса и сердце аки человѣческое и принесъ къ царицы,—спекше сердце съѣла; а Соломона продалъ на корабль

[1]) По рукописи половины прошлаго вѣка, принадлежащей Е. Д. Филимонову.

гостямъ. Гости же заставили Соломона каши варить и ходить по заморскимъ гостямъ. И пришли къ царю Давиду, принялъ даръ съ честію съ великою и противъ великихъ даровъ и гостинцовъ воздалъ гостямъ великою честію. И молвилъ царь Давидъ гостямъ: «Гости заморяна! Есть въ моемъ царствѣ колымага [1]) добрѣ и добра, а цѣны той колымаги никто не отгадаетъ». И поставили колымагу предъ царя и рече царь: «Гости заморяна! естьли такой человѣкъ, отгадалъ бы той колымаги цѣну?» И гости предъ царемъ промолчали. И рече царь: «Отгадай [illegible]аги цѣну, а не отгадаете колымаги цѣну и я [illegible] головы поснимати и дорогіе товары за себя [illegible] отгадаете той колымаги цѣну, и я вамъ велю [illegible]езданно и безъ пошлины и всѣмъ вамъ воздамъ [illegible]ю и съ дары великими и проводники велю [illegible]ости тому отвѣту не могутъ дать и цѣны [illegible]е вѣдаютъ и пошли со царева двора невесел[illegible]чальни. И вышелъ противъ гостей Соломонъ [illegible]е гостямъ: «Гости заморяна! что вы за ст[illegible]терти сажатися не идете»? Гости и въ великій [illegible]му думаютъ, и за столъ не идутъ. И во вторый рече им[illegible]ломонъ: «Гости заморяни! что вы невеселы и думу дума[illegible] со царева двора шедше? отъ царя кое зло приключилось вамъ»? И гости рекутъ къ Соломону: «Тежела есть царева загадка, и намъ не отганути; а сказалъ намъ царь Давидъ: «только не отгадаете той колымаги цѣну и я съ васъ велю головы снять и товары ваши велю за себя взять; а будетъ отганемъ, и онъ намъ во царствѣ велитъ торговать безданно и безпошлинно, и онъ проводитъ насъ со дары и проводники съ великою честію». И Соломонъ гостямъ сказалъ: «Гости корабельники! возверзите печаль на радость: васъ отъ смерти избавлю и ту царску загадку отгадаю, воздадите мнѣ великій даръ». И гости ему поклонилися до земли и принесли ему даръ, и рече Соломонъ: «Гости заморяна! дайте мнѣ еще другія портища, съ чѣмъ мнѣ къ царю итить за столъ, и за скатерти садиться и загадку цареву отгануть». И гости заморяна пойдутъ во царе-

[1]) *За тѣмъ одно* слово пропущено.

ву двору и съ Соломономъ. Царь Давидъ почалъ говорить: «Гости корабелники! отгадайте той колымаги цѣну». И Соломонъ емлетъ со стола хлѣба кромуху и пришелъ ко царю Давиду и рече: «Государь царь Давидъ! хлѣбъ дороже злата и сребра». И понде со царева двора въ великѣй чести: гостей отъ смерти избавилъ и животъ имъ далъ. Гости Соломону поклонилися до земли и пошли на корабли и Соломонъ пойде жъ съ ними и пришли на корабль и имали великіе дары нести царю Давиду и принесли. И царь Давидъ гостинцы принялъ и гостямъ заморянамъ честь великую воздалъ и тѣшился на своей потѣхи и рече гостямъ: «Азъ вамъ загадку великую загану и вы отгадаетель? Конецъ моего царства стоитъ древо во златомъ вѣтьѣ и у того древа самоцвѣтной камень, а сверху того древа мѣсяцъ сіяетъ, а около того древа у корени вкругъ по земли бѣлая пшеница и пива ржаная сильна. Аще не отганете тому древу цѣну и я съ васъ велю головы поснимати, а товары ваши велю за себя взять, а отганете тому древу цѣну и вы въ моемъ царствѣ торгуйте безданно и безпошлинно и всѣмъ вамъ воздамъ честь великую». И гости изумѣлися, не могутъ тому отвѣту дать и пошли ко своимъ кораблямъ. И вышелъ противъ гостей Соломонъ кашеваръ и рече имъ: «Гости заморяна! пора вамъ за столъ и за скатерти сажаться: И гости рекли: «Не до стола намъ пришло, царская кручина на насъ и загадка тежела». И думаютъ, стоячи на корабли, думу великую о всѣхъ головахъ; и рече Соломонъ: «Гости заморяна! что мнѣ дадите, азъ васъ избавлю и царскую загадку отгадаю и вамъ царь животъ дастъ»? И гостямъ слово то полюбилось, слышачи у кашевара, бьютъ челомъ своимъ головамъ и принесли ему даръ великъ. И рече Соломонъ гостямъ: «Дайте мнѣ дорогія парчи, съ чѣмъ ко царю итти за столъ, и за скатерти сажатися и загадку его отгануть». И пошли къ царю и послѣ стола царь загадку загануль, и Соломонъ рече за столомъ: «Конецъ царства твоего древо въ златомъ вѣтьѣ—то твое царство; а у того древа самоцвѣтной камень, то твои ближніе пріятели и стольные многіе князи и боляра; а сверхъ того древа сіяетъ мѣсяцъ, то ты государь царь Давидъ; а около того древа вкругъ у корени пшеница бѣлоярая, то твои боляра

околничныя, столники, стряпчи и дворяня; а вкругъ нива ржаная, то твое сильное православное воинство». И царь Давидъ взглянулъ на Соломона и рече: «Кто еси ты»? Соломонъ рече: «Азъ есмь изъ заморья дѣтище». И гости пошли со царева двора въ великѣй чести и царь Давыдъ отпустилъ и рече: «Былъ еси у меня сынъ Соломонъ»; царица рече: «мертвъ бысть» и царь рече: «живъ есть у гостей и живетъ—великъ даръ емлетъ». А Соломонъ пошелъ за море и говоритътако: «еще насина степень»,—и торговати пошелъ за море. И пріиде во царство ко царю Давыду за гостьми въ великѣй славѣ, и высокъ и младъ есть. И пришедъ ко царю Давыду съ великими дарми и гостинцы, царь приялъ дары съ великою радостію и противъ даровъ воздалъ великую честь. И пріиде Соломонъ на свой корабль. Въ то время пришли отъ царицы ея дѣвицы, заморскаго товару смотрѣть. И Соломонъ на кораблѣ сталъ дѣвицъ виноградомъ кормить и медомъ поить и показалъ на кораблях три камени самоцвѣтные, которые сіяютъ за свѣчи мѣсто во дни и въ нощи. И изумилися, смотрѣчи на самоцвѣтные камени и на Соломонову красоту и мудрости, и сказали царицѣ про самоцвѣтные камени и про его красоту, и царица велѣла предъ себя взять: «Пойди, Соломонъ, къ царицы, тебя зоветъ къ себѣ». И пойде Соломонъ къ царицѣ на дворъ, подноситъ даръ и царица спросила: «Есть ли у тебя самоцвѣтный камень?» И Соломонъ рече: «Есть, государыня царица, три самоцвѣтные камени: отъ нихъ свѣтитъ во дни и въ нощи». И царица рече: «Принеси ко мнѣ самоцвѣтной камень.» И Соломонъ рече: «Царица! Мнѣ тотъ камень несть ко царю Давыду въ подарокъ, а другій камень держать у себя на кораблѣ, да свѣтитъ». И царица рече: «Что говоришь въ приданые дать?» И Соломонъ рече: «Кто со мной пребудетъ ночь, тому и камень дамъ». И царица рече: «Азъ съ тобою пребуду». И Соломонъ рече: «Царица! дай мнѣ сроку царю Давыду камень отдать, и къ тебѣ принесу и съ тобою пребуду ночь». И пошелъ ко царю на дворъ, и царь Давыдъ за столомъ сидитъ и рече: «Гости заморяна! Есть ли у васъ такая потѣха и такое узорочье? предъ царемъ котъ свѣтитъ: стоячи, держитъ свѣчу и съ виномъ скляницу держитъ предъ царемъ?» И Соломонъ рече: «Государь царь Давыдъ! дай сроку: буде не отгадаю загадки, вели мнѣ го—

лову снять острымъ мечемъ по могучія плеча». И царь далъ сроку въ таковъ день пріити. И пріиде Соломонъ ко царю Давыду и принесъ вещь. Царь Давидъ рече гостямъ: «Гости заморяна! есть ли у васъ такая потѣха и такое узорочье?» И Соломонъ пустилъ изъ рукава мышь: по столу пробѣжала, котъ свѣчу погасилъ и потѣху цареву учинилъ, склянницу котъ съ виномъ разбилъ. И Соломонъ премудрый ухватилъ своего звѣря мышь, да опять за рукавъ пустилъ. Сталъ премудръ Соломонъ и бьетъ челомъ царю: «Государь царь Давыдъ есть виноватъ предъ тобою: тебѣ, царю, доспѣхъ учинилъ». И пойде со царева двора въ великѣй чести и узрѣ его царица, посла по него: «Скоро буди ко мнѣ и камень принеси». Соломонъ пойде къ царицы и принесъ камень къ царицы, подалъ царицы вскорѣ, и царица рече Соломону: «Поди ко кровати царской и лягъ со мною, со царицею, и подъ царевымъ одѣяломъ на царевой постели». И царица рече: «Что ты не говоришь? для чего ты нѣ подвигнешься ко мнѣ?» Соломонъ рече: «Страшуся царевы постели». И царица одѣла его и взяла руку его и положила на свою шею и подвигнула его руку на свои груди и промолвила: «Что то?» И Соломонъ рече: «Тѣмъ есть скороменъ». И подвигнула его руку по своему чреву и промолвила: «Что то?» И Соломонъ рече: «То мой камень изъ полаты». И подвигнула его руку ко своему сраму и рече: «Что то?» И Соломонъ рече: «Оттуду есми вышелъ и увидѣлъ свѣтъ и по царству пробѣжалъ». Царица рече: «Кто ты еси мудръ?» И скочилъ со царевы постели, и палъ предъ нею и заплакалъ предъ нею: «Государыня, мати моя! азъ есть сынъ твой Соломонъ. Государыня! Я вѣсилъ: и умъ твой съ песьимъ г...омъ равно; и у всякія женщины волосы долги, а умъ коротокъ». И пошелъ ко царю Давыду, бьетъ челомъ царю Давыду: «Государь царь Давыдъ! ты мой батюшко, а я твой сынъ Соломонъ.» И бысть въ великѣй радости и со своею царицею; на свое царство сожастъ. И царь Соломонъ пойде по многимъ городамъ и поклонишася ему многи цари и князи и подаютъ ему выходъ честный и даръ. И ходилъ царь Соломонъ много время, и цари и князи подъ его руку помогали. И царь Давыдъ пропустихъ лѣта и говоритъ тако: «Сынъ мой, Соломонъ! пора тебѣ женитися». Царь Соломонъ по отцову слову, царя Давыда по велѣнію, изо многихъ царствъ

выбираетъ себѣ дѣвицу прекрасную и мудрую, и посла посланіе ко царству ко царю Пору и отписалъ тако: «Въ прошлое лѣто былъ есми я въ твоемъ царствѣ и со царицею твоею пребылъ ночь и спялъ съ правыя руки перстень златой». И послалъ Соломонъ тотъ перстень златой ко царю Пору въ дарѣхъ. И царь Поръ сталъ печаленъ, что перстень его и подписано царство его на перстнѣ томъ. А самъ царь Соломонъ привелъ жену свою къ отцу своему. Царь рече: «Сынъ мой, Соломонъ! жена твоя, а моя сноха красна: смерть тебѣ будетъ нѣ въ кое время.» Свѣдалъ же царь Поръ, что царь Соломонъ не женатъ и посла по своему царству кличь кликать великъ, чтобъ Соломона увѣдать, женатъ ли или нѣтъ И вышелъ княженецкой слуга и рече: «Государь царь Поръ! я тебѣ отвѣдаю, что Соломонъ женатъ ли или нѣтъ и тебѣ приведу царя Соломона и царицу жену его». И смѣися ему, рече царь Поръ: «Можешь ли взять?» И рече слуга: «Царь! повели сдѣлать рукавицы золотыя, самоцвѣтнымъ каменѣмъ и жемчюгомъ». И потелъ княженецкой слуга до царя Соломона въ царство его и показа гостю рукавицы золотыя съ жемчюгомъ. И гость рече: «Нецѣнныя рукавицы, царю или царицы носить; иди на царской дворъ». И скажутъ царицы про рукавицы, и царица велѣла предъ себя взять. И пришелъ посланникъ царевъ Поровъ ко царицѣ, и рече ему царица: «Сказали мнѣ, что есть у тебя рукавицы съ самоцвѣтнымъ каменіемъ и съ жемчюгомъ?» И онъ ей показалъ. Царица рече: «Что тѣмъ рукавицамъ дѣлать?» И посланникъ рече: «Государыня царица! отъ неволи продаетъ:—на проходъ нужнаго на чюжомъ царствѣ нѣсть и я есми души своей дѣвки водоноски, а у насъ тому не жадны». И царицы полюбились тѣ рукавицы и рече цареву посланнику: «Есть ли у вашего царя Пора царица?» И посланникъ рече: «Пытастъ еще имъ царь Поръ царицу себѣ и мѣсто уготованно». И царица рече: «Азъ иду за вашего царя Пора премудраго». Посланникъ рече: «Аль и я для того посланъ, царь Поръ для тебя». И царица рече: «Не можно намъ уйтить отъ царя Соломона, понеже онъ премудръ». И посланникъ рече: «Твоя бъ охота была бъ, а я могу тебя увезти». И царица рече: «Птить тебѣ со мною по земли: царь Соломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ; а у меня будь хоть орлиныя крылья, и Соломонъ яснымъ соколомъ, а моремъ щукою догонитъ». И по-

сланникъ рече: «Дамъ тебѣ забудущаго зелія и тебя доспѣю мертву и унесу на корабль». Царица велѣла ключи придѣлати у ложницы своей. «И тебя мертвую взнесу». И по совѣту, дастъ посланникъ царицы зеліе, и царица мертва бысть. И пришли царевы люди и увидѣли царицу мертву и рекли царю Давыду: «Государь царь Давыдъ! у царя Соломона жена умерла, а твоя сноха». Царь Соломонъ рече: «Отца моего слово сбылось мнѣ». И пойде царь Соломонъ къ мертвой царицѣ и узрѣлъ мертвую свою царицу: лежитъ на одрѣ, и царь Соломонъ велѣлъ сковать гвозди желѣзные и велитъ горячей нажечь гвоздь и желѣзо кипячее и мертвую жещи. Соломонъ рече: «Не мертва буде, пробужу; а мёртва, и схороню еѣ съ великою честію». И у гробницы поставилъ стражей крѣпкихъ. Посланникъ, пустилъ на стражей сонъ мертвой: заснули стражи. Посланникъ, выня гробницу со царицею, и принесъ на иной корабль и побѣжа на кораблѣ по морю и прибѣжалъ къ Порову царству и оживилъ царицу, и ко царю Пору живу привелъ. Царь Поръ посланнику честь великую воздалъ, а царицу взялъ.

И послѣ того стражіе пробудились, а царица увезена. И царю Соломону сказали: «Государь царь Соломонъ! царица твоя увезена и съ гробницею». Царь Соломонъ растужился и падъ на землю, и полетѣ по поднебесью яснымъ соколомъ и не нашелъ подъ небеснымъ облакомъ, и пойде по землѣ лютымъ звѣремъ и нигдѣ не обрѣте, и поплы щукою въ море и не нашелъ. И бысть печаленъ. И пришелъ посланникъ отъ царя Пора и рече царю Соломону: «Царь Поръ послалъ къ тебѣ: нѣ въ кое лѣто присылалъ еси ко мнѣ посла своего и перстень златой въ дарѣхъ и съ царицею моею пребылъ и въ моемъ царствѣ; а нынѣ я съ твоею царицею пребываю: твоя царица у меня нынѣ, увезена, у царя Пора во царствѣ». И царь Соломонъ печаленъ бысть и скоро посла своего во царство ко царю Пору: «Вели отвѣдать, есть ли моя царица у царя Пора». И далъ послу великъ закладъ. И посланникъ рече: «Государь царь Соломонъ! дай мнѣ великъ царскій закладъ съ самоцвѣтнымъ камешемъ». И поиде Соломоновъ посланникъ въ дальную страну и показалъ гостю вѣнокъ царской златый съ самоцвѣтнымъ камешемъ, и гость посмотрѣлъ и рече гость: «Не мойской вѣнокъ; подобаетъ

тотъ вѣнокъ царю или царицы носить: иди на царской дворъ и скажутъ царицѣ про вѣнокъ царскій златый съ самоцвѣтнымъ каменіемъ и съ жемчюгомъ». И царица велѣла предъ себя взять тотчасъ и рече царица: «Съ котораго ты царства и съ коей земли?» — «Азъ есмь отъ царя Соломона изъ ево царства». И рече царица: «Есть ли у тебя вѣнокъ царскій златый?» И посланникъ рече: «Есть, государыня!» И покажетъ ей вѣнокъ царскій златой, и царица великую честь и даръ сподобаетъ посланнику и учала съ нимъ говорить про Соломоново житіе и царство. И какъ посланникъ Соломоновъ великую цѣну смлетъ за вѣнокъ и подивсла царица, какъ у царя Соломона ушла. И царь Соломонъ учалъ сбирать и собра войска своего 40,000 и пошелъ на царя Пора со всѣми силами многими. И пріиде ко царю Пору во царство и поставилъ своихъ крѣпкихъ воеводъ и силу и рече своимъ богатыремъ и уланамъ и князьямъ крѣпкимъ: «Стойте вы съ силами, а меня царя и князи и крѣпкіе воеводы, отпущайте ко царю Пору во царство и увижу своимъ яснымъ окомъ; а вы, сильные воеводы, ждите двоеннаго гласа къ себѣ отъ меня. Буду во царствѣ Поровѣ, то труба вострубитъ и вы борзо сѣдлайте своихъ добрыхъ коней; а въ другой часъ труба вострубитъ и вы посѣдлайте на добрыхъ своихъ коняхъ, не жалѣйте; а въ третей часъ труба вострубитъ, и вы напущайте сѣките и топчите, живота не давайте. А буде троеннаго гласа не услышите, и подите въ свою землю въ мое царство, а меня не ждите и въ животѣ меня не будетъ и великую по мнѣ память творите, а меня простите и благословите». А самъ царь Соломонъ пошелъ въ царство Порово въ нищецкомъ платьѣ и пошелъ ко цареву двору. И узрѣла его царица и она пошла и учала въ великѣй тоски пребывать и думу думать: приступи страхъ великъ. И пошелъ Соломонъ и не знаетъ никто; едина узрѣла его царица. И пойде Соломонъ ко царицѣ въ цареву палату и рече Соломонъ: «Что ты страхъ великъ держишь, понеже я пришелъ?» И царица не знаетъ, что промолвить, предъ нимъ стоячи. И Соломонъ рече: «Али ты меня знаешь, что я пришелъ за твоею красотою и за дорогимъ умомъ и смысломъ?» И царь Поръ изъ за стола вышелъ и царица пошлетъ царя Соломона въ палату и прикры

его ковромъ. Въ тотъ часъ пришелъ царь Поръ ко царицѣ въ палату, и любуетъ ее и ложится на царскую постелю. И царица рече царю Пору: «Что ты меня любуешь? Пришелъ царь Соломонъ ко мнѣ». И царь Поръ рече: «Моему брату, царю Соломону гнѣватца онъ, саблею и мурзавецкимъ копьемъ досталъ есми яко тебя, ты есми пришла ко мнѣ». И царица рече: «Соломонъ: выди». И Соломонъ вышелъ и емлетъ царицу за руку и говоритъ: «Моя жена». И царь Поръ рече: «Кабы твоя была, и она бы у тебя была во царствѣ: мудръ еси Соломонъ, два медвѣдя въ одной коморѣ не ужившутся, а два мужа съ одною женою не могутъ ужиться. Коей ты смерти хочешь?» И царь Соломонъ рече: «Государь царь Поръ! твоя воля царская у тебя въ рукахъ». И царь Поръ рече: «И пошлю тебя и велю тебѣ голову снять острымъ мечемъ или по улицамъ размыкать или красныя смерти». И царь Соломонъ рече: «Дай мнѣ красныя смерти — повѣшену быть». И царь даетъ его пилату и пилатъ поставилъ на рѣли три оселка 1 шелковой, 2 серебряной, 3 золотой. И пилатъ рече: «Государь царь Поръ! твоя страшная и грозная смерть поставлена на царя Соломона». И царь Поръ рече: «Поведите его на страшную смерть». И въѣхалъ царь Поръ со царицею и весь миръ смерти, что царь Поръ хощетъ царя Соломона. Рече: «Брате пилате! молви царю Пору, что царь Соломонъ проситъ ворона меду пити, чтобъ не страшна смерть царева была Соломонова; и проси у нево злаченыя трубы:» «смалу есми бывалъ охотникъ въ трубу играть ратную»». И пилатъ принесъ ворона меду и трубу злаченую. И царь Соломонъ испиваетъ кубецъ ворона меду, играетъ въ злаченую трубу. А какъ трубитъ, и земля воздвигнется отъ трубнаго гласу; тѣмъ затруби и молвилъ: «Сѣдлайте добрыхъ коней, поспѣшите, цари и князи, пріидите ко царю самому». И пилатъ рече: «Дѣлай скоро, стоитъ страшная смерть твоя предъ тобою и предъ твоими очми». И постоялъ царь Соломонъ и рече: «Брате пилате! не сойду я отселѣ даромъ»; а другую рѣчь речетъ: «Не торопись, будетъ повѣшенъ, видишь, въ коемъ мѣстѣ смерть моя будетъ». И вознелъ на второй оселокъ серебряной и ратнымъ гласомъ въ трубу вострубилъ также: «Поспѣшайте, мои милые друзи, не жалѣйте добрыхъ своихъ коней». И

земля дрожитъ,—«и царь Поръ стоитъ со царицею у моей страшныя смерти, и вы цари и князи и уланные воеводы поспѣшайте скоро ко мнѣ». А самъ царь Соломонъ идетъ на третій восходъ, узрѣлъ своихъ сильныхъ воеводъ и вострубилъ ратнымъ гласомъ, а труба злачена говоритъ, что плачетъ: «Наѣзжайте, сѣките, топчите, живота не давайте и милости не кажите». И царь Соломонъ въ великѣй радости исходитъ къ земли, на нижной сходъ; сего царя и князи и уланные воеводы падаютъ предъ царемъ Соломономъ на царскія колѣни, и Соломонъ ко царю Пору говоритъ: «Глупая твоя царица и неразумная! погубить человѣка хотѣла и велѣла еси три оселка сдѣлать: оселокъ шелковой, а другой серебряной, а третій золотой; удавила бы веревкою лышною: хотя бъ лыко отъ лаптя и оторвала и тѣмъ бы удавила, таково бы и смерть принялъ». И царь Соломонъ скоро ополися и велитъ повести во златой оселокъ, а царицу въ серебряной, а пилата велѣлъ въ шелковой оселокъ, а дворовыхъ людей велѣлъ поимати за себя, съ товары и животы во свое царство взять. И начаша жить и Бога хвалить, что его Богъ избавилъ отъ смерти. Емуже слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

II [1]).

Бысть во градѣ Іерусалимѣ царь великій именемъ Давидъ, сынъ пророка Іосія; по древнему закону имѣлъ женъ много, 30 царицъ, 70 наложницъ дѣвицъ красныхъ и чадородія у него—ни сына, ни дщери не было. И нача молитися царь Давыдъ Господу Богу Савоову, чтобъ Богъ ему подаровалъ дѣтище, сына въ наслѣдіе послѣ его царствія граду Іерусалиму

[1]) По рукописи начала XVIII вѣка, съ картинами, принадлежащей И. Е. Забѣлину. Въ этой рукописи утрачены листы 51 и 53 и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырвано по нѣсколько строкъ. Текстъ утраченныхъ листовъ и испорченныхъ страницъ рукописи мы предлагаемъ по современному ей списку повѣсти, принадлежащему также И. Е. Забѣлину. Этотъ послѣдній списокъ почти буквально сходенъ съ печатаемою рукописью; для картинъ въ немъ оставлены пустыя мѣста. Но и этотъ списокъ неполонъ: въ немъ утрачено десять первыхъ листовъ (до словъ: *И скажи ей, что де сказалъ* сына твоего) и нѣсколько листовъ въ концѣ Онъ прерывается словами: *сосѣдова сына украде дѣтище и принесе въ домъ свой.* *Ред.*

царемъ. И бысть у царя Давида царица Вирсавія именемъ и услыша Богъ молитву ихъ и зача въ чревѣ царица ево Вирсавія сына; и бысть совершеніе чреву ея и царица роди сына и нарекоша имя ему Соломонъ, бѣ бо красенъ лицемъ и премудръ зѣло. И како дѣтищце будетъ трехъ недѣль и нача ходити въ полатѣ: и бысть у царя радость велія. И какъ будетъ Соломонъ девяти недѣль, и нача глаголати отцу своему, царю Давиду отъ своей мудрости: «Великій государь мой батюшка царь Давидъ Іесневичь! что есть сіе гаданіе мое? въ нѣкоемъ градѣ бысть царь вельми славенъ зѣло и бысть у него въ полатѣ 30 птицъ павлиновъ златоперыхъ: изъ тѣхъ павлиновъ по одной бралъ и съ ними потѣшался у себя въ палатѣ своей; изъ тѣхъ птицъ единa птица зѣло царю полубилась и мила, и та птица златоперая пава не восхотѣ съ павлиномъ совокупитися и потопталася съ невѣжливою мякиною птицею з гусемъ». И рече ему царь Давидъ: «повѣсть сію азъ, сыне мой, разумѣю, что съ гусемъ потопталася». И виде царь Давидъ вельми мудро свое дѣтище, что божіимъ повелѣніемъ мудро глаголетъ, и потомъ даде царь Давидъ сына своего Соломона на сбереженіе нѣкоему своему вѣрному боярину Ачкилу. И во едино время бысть дѣтищу Соломону въ полатѣ, спящу ему въ колыбели, и ту нощь прінде къ матери его, Вирсавіи царицѣ, посацкой человѣкъ Евреинъ и нача ея наловати, глаголюще: «Госпоже, благородная царица Вирсавія! вельми ты мнѣ люба и мила, токмо боюся сего царевича Соломона: не престаетъ онъ мнѣ видѣться во ... И рече ему царица Вирсавія: «Господине! мой любезный, аще ты сего отрока сына моего боящися и не хощеши со мною любовь творити, и азъ его сегоже часу погублю, дамъ ему отраву смертную». И какъ царица нача блудное дѣло съ тѣмъ мужикомъ творити, и царевичь Соломонъ изъ колыбели выскочилъ вонъ и закричалъ великимъ гласомъ: «О несытый посацкій мужикъ! не по себѣ еси ты виноградъ щиплешь и садъ батюшкинъ царской крадешь и чужую ниву орешь и на краденой кобылѣ ѣздишь». И прибѣже къ боярину своему Ачкилу и ляже подлѣ его спати и плача неутѣшно и рыдая. И боринъ его збережатой Ачкилъ былъ во ужасѣ велицѣмъ и рече ему: «Благородный государь, царевичь Соломонъ! повѣжды мнѣ (почто) борзо утекъ еси?

али тебя государя во снѣ страхъ нѣкій объятъ привидѣніемъ или тебя государя мамы и пяньки чимъ прогпѣвали?» И рече ему царевичь Соломонъ, боярину своему Ачкилу: «Господине Ачкилъ! нынѣ азъ во снѣ видѣлъ привидѣніе страшное и азъ къ тебѣ отъ того привидѣнія утекохъ въ полату, а видѣлъ азъ привидѣніе и слышахъ: кабы въ полату въиде звѣрь лютый и учалъ матушку мою ясти; азъ въ привидѣніи воздрогнулся и еще больше сего видѣхъ: кабы лѣсный звѣрь медвѣдь пріиде въ конюшню и сѣлъ на любимаго коня отца моего и учалъ по всей конюшнѣ ѣздить; и того азъ не могъ стерпѣти и побѣже сѣмо». И вставъ царевичь Соломонъ и поиде ко отцу своему царю Давиду и поклонися ему и рече: «Отче мой, государь царь Давиде! что сіе бысть тому винограду, зѣло цвѣтущу всякими цвѣти различными? всѣ древеса цвѣтоша винограда того, а плода отъ нихъ никогда не было; въ томъ же садѣ бысть древо вельми украшено паче всѣхъ тѣхъ виноградныхъ древъ, и берегъ его царь вельми; и то древо принесе ему плодъ— едино червленно яблоко и царь положи его на златое блюдо и зритъ на него и тѣмъ себя утѣшалъ, и единымъ днемъ царь тѣшился самъ яблокомъ и положи въ златый ларецъ до утра; и во едино время учинися въ винограде томъ и, стражемъ винограда того успувшимъ, и внезапу вскочи въ виноградъ той смердящій скотъ козелъ и погрызе у винограда любимое древо и осквернии его слинами вонючими?» И рече царь Давидъ сыну своему Соломону: «Мудра вельми твоя рѣчь, сыне мой Соломоне: вся ея разумѣю, токмо древа сего единаго не могу разумѣти». И рече царевичь Соломонъ: «Государь мой батюшка Давидъ! се моя премудрость (рече) буду тебѣ толковати въ предъидущія лѣта возраста моего». И бысть Соломонъ возраста своего трехъ лѣтъ: играющу ему со отроки, боярскими дѣтьми, и нача изъ древа вѣски дѣлати и положи во единъ вѣсокъ на блюдѣ серебряномъ злато, а на другой вѣсокъ на блюдѣ калъ песій. И въ то время случися матери его Вирсавіи, царицѣ, съ дѣвицами итти къ царю Давиду къ столу; и виде Вирсавія сына своего, царевича Соломона, въ полатахъ игры творяща со отроки боярскими: вѣсиша на блюдѣ злато да съ нимъ песей калъ, и перетянулъ калъ тремя златники тяжеле злата. И вопросила его мати его: «Почто, сыне мой Со-

ломоне, тако творпши?» И рече ей царевичь Соломонъ: «Азъ есть сіе тако творю: что на блюдѣ злато, то есть всякія жены разумъ таковъ легокъ, что худже и песія калу, у всякія жены власъ долгъ, а умъ коротокъ». И мать ему противъ тѣхъ рѣчей ничего не отповѣдала, только аки звѣрь лютый скрыхнула зубы своими и поиде ко царю въ полату. И бысть нощи, призва царица вѣрнаво своего болярина и посла его по всему граду Іерусалиму всякаго чину изобрати тайно дѣтище во образѣ царевича Соломона. И наиде боярипъ дѣтище у нѣкоего человѣка кузнецова сына во образѣ царевича Соломона и принесоша его къ царицѣ Вирсавіи. И потомъ царица Вирсавія повелѣ призвати болярина того, которому царевичь данъ на сбереженіе, именомъ Ачкилу, и глагола ему тайно: «Господине Ачкило! послушай мене и моихъ словесъ: возьми сына моего царевича Соломона и иди съ нимъ на теплое море и заколи его на берегѣ моря и вынъ изъ него сердце и испеки и принеси ко мнѣ, а тѣло ево броси въ море». И боярипъ Ачкило рече къ ней: «Государыня, благородная царица Вирсавія! помилуй сына своего, царевича Соломона, и меня раба своего не дай напрасной смерти. Аще сіе провѣдаетъ царь Давидъ, велитъ меня казнити горькою смертію, а жену и чадъ моихъ и весь родъ мой погубитъ». А самъ стоя плакашеся горько. Рече ему царица: «Аще сего не сотвориши, и азъ наведу на тя царю и пріимеши горькою смерть». И рече ему (sic!) боярипъ Ачкило: «Государыня, благородная царица Вирсавія! послушай меня раба своего. Слышалъ я въ богодухновенныхъ книгахъ, въ бытіи: «аще кто подыметъ рабъ руку на владыку, а именно на господина своего, достойно тому рабу рука отъять и голова отсѣщи; а ты, государыня, имѣешь у себя единороднаго сына и того велишь предати напрасной смерти». Рече ему царица: «Не сынъ есть мнѣ сей, но супостатъ ми нынѣ есть при старости моей, не помпокъ душѣ будетъ; есть у меня сынъ избранный, имѣю его у себя владѣти ми: будетъ при старости моей питатель и по смерти моей помпокъ»—и показа ему дѣтище, кузнецова сына въ образъ царевича Соломона,—«аще сего не сотвориши, смертію умреши; иди борзо и сотвориши по глаголу моему: аще сего не сотвориши, то нынѣ избери себѣ смерть или животъ». И боярипъ плакаше горько и поклонися царицѣ и рече: «Госуда-

рыня, благородная царица Вирсавія! слышалъ я во уложеньѣ, въ судебной книзѣ, писано: «не рожденъ—не сынъ, не окупленъ не холопъ, а вспоя вскормя ворога не видать». И поклонився царицѣ, и поиде отъ нея изъ полаты.

И прінде въ полату къ царевичу Соломону, плача и рыдая вельми. А царевичь Соломонъ въ полатѣ играетъ со отроки боярскими и того ничего не вѣдаетъ И увидѣ боярина своего Ачкилу, пришедшаго къ нему, зѣло плачуща горько, и отложи царевичь Соломонъ игру свою и приступи къ боярину своему Ачкилу, вопрошая ево: «Про что ты, сбережатой мой боринъ, плачешь вельми и сѣтуешь? Изыде нездорово изъ полаты отъ матери моей?» И рече ему боярин Ачкило: «Какъ мнѣ не плакати? вельми плачу, государь, и сѣтую, а повѣдати тебѣ государю, не смѣю здѣ, развѣ на единѣ скажу». И царевичь Соломонъ повелѣ всѣмъ отрокомъ отступити и нача боярин наединѣ сказывати царевичу Соломону: «Государь, царевичь Соломонъ! повелѣ матушка твоя, царица Вирсавія: протила мнѣ горькою смертію, велѣла мнѣ изобрать лышѣ смерть или живот; велѣла тебя, государь, свести на теплое море и на берегу морскомъ заклати тя, а сердце твое изъ тебя вынять и испещи и принести къ себѣ, а тѣло твое, государь, велѣла кинуть въ море». И рече ему царевичь Соломонъ боярину своему: «Не плачь, господине мой сбережатой! возложи на Господа печаль твою и Той насъ препитаетъ и соблюдетъ отъ напрасныя смерти сея и будемъ жити во вѣки; воля матушкина: что хощетъ, то и творитъ». Въ то число прилучися царю Давиду отъѣхати изъ дому въ весь ради потѣшенія; и пришедшей нощи, помолися царевичь Господу Богу о соблюденіи своемъ и поиде Соломонъ съ боярином своимъ Ачкилою на теплое море и обрѣтоша на пути пса съ сукою играющихъ, и рече царевичь Соломонъ боярину своему Ачкилу: «Поиди, боринъ! возьми пса играющихъ съ сукою и заколи его и и выпь изъ него сердце и испеки и принеси матери моей и дажды ей, да ястъ. Азъ поѣду въ дальныя незнаемыя грады, веси питатися Бога ради и какъ буду въ возрастѣ божінмъ повелѣніемъ, надѣяся на Господа Бога своего, а либо возвращуся вспять либо къ отцу своему и матери, а ты нынѣ будеши живъ; токмо тебѣ заповѣдаю: какъ ты сердце псово ис-

печешь и принесешь къ матери моей Вирсавіи царицы и скажи ей, что де заклалъ сына твоего на тепломъ морѣ при брезѣ, а сердце его вынялъ, испекъ и принесохъ къ тебѣ, а тѣло его зинулъ въ море и поклонися матери моей, чтобы она меня поминала». И боярин Ачкило обѣщася сказати все матери его и потомъ царевичь Соломонъ и боярин Ачкило плакася на многъ часъ и цѣловастася другъ съ другомъ и пойде Соломонъ по брегу моря въ дальныя страны, грады и веси, идѣже путь его предлежитъ. На предлежащее да возвратимся.

О боярынѣ Ачкилѣ. И какъ боярин Ачкило плакася горько по царевичѣ Соломонѣ, испекше сердце псово и принесе его царицѣ Вирсавіи и сказа ей, что «повелѣнное сотворихъ: заклалъ царевича Соломона при брезѣ морстѣмъ, а сердце его вынялъ, испекохъ и принесохъ къ тебѣ, а тѣло его зинухъ въ море». Царица же взя сердце псово и нача ясти и снѣде сердце псово все и рече: «О люто и зло, яко сердце его смердитъ зѣло лихостію».

И царю Давиду пріѣхавшу изъ веси тоя въ домъ свой, и вшедъ въ полату свою и вопроси сына своего царевича Соломона,— по обычаю своему восхотѣ отъ него утѣшатися имъ и призва боярина своего Ачкилу и повелѣ ему царевича Соломона принести къ себѣ въ полату. И боярин Ачкило поиде ко царицѣ въ полату и рече: «Государыня, благородная царице Вирсавія! Какъ изволишь? царь Давидъ сына своего царевича Соломона повелѣ мнѣ принести». И рече ему царица: «Поди, боярин; скажи царю Давиду: сынъ де твой милый немощствуетъ зѣло люто нѣчто во умѣ своемъ мудромъ, испусти ума и бысть безгласенъ». И боярин пріиде и сказа царю все о царевичѣ Соломонѣ, какъ ему царица сказала. Скочи царь Давидъ со престола своего и побѣже къ царицѣ своей въ полату и узрѣ кузнецова сына на одрѣ лежаща чая сына своего царевича Соломона, и взя его на перси своя и облобыза его и рече со слезами: «О милый мой сыне, любезнѣйшій свѣте очію моею и жезле старости моея преломися и мудрыя твоя словеса помутилися, языкъ веселоглаголавый загради, лице зрака твоего премѣнися, очи его исчезосте и не могу азъ видѣти радости и упованія моего царствія! погибль,

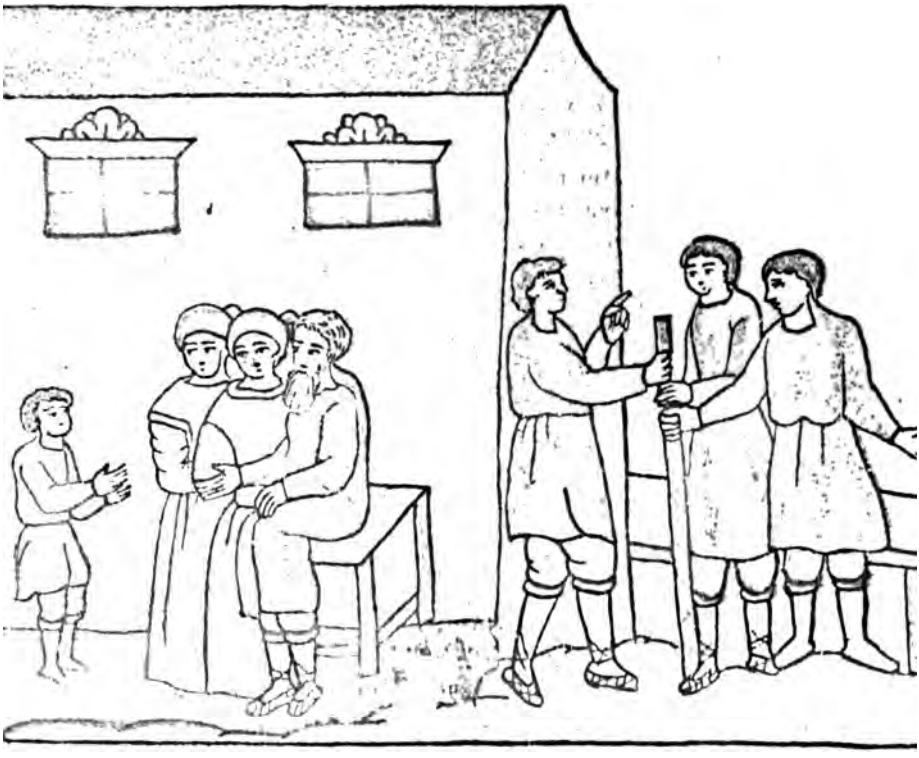
нынѣ пріиде на мя печаль». И рыдая горько, и облечеся царь Давидъ въ черныя ризы, возложи [1]) на ся постъ велій и милостыни много творяше нищимъ довольно. И постяся три лѣта и мѣсяцъ 7.

И какъ царевичь Соломонъ, шествуя по брегу моря теплаго, и пріиде въ весь нѣкую и обрѣте крестьянина, рожь молотяща на гумнѣ съ трема сыны своими. И сяде царевичь Соломонъ на ометѣ ржаномъ. И какъ крестьянинъ отмолотилъ хлѣбъ, и есть бо у него много хлѣба, что не можетъ во что сыпать, и рече крестьянинъ своимъ: «Чада моя возлюбленная! азъ есть [illegible] аша при смерти лежаше; и азъ житіе свое вам[illegible]ти, чтобы вы по смерти моей межь вами зло[illegible] того крестьянина три сына и три дочери. [illegible]стьянинъ то имѣніе свое на три части: злато [illegible]илъ — едина доля, скотъ и кони положи — втора[illegible] доля — хлѣбъ всякой. И рече отецъ сынамъ [illegible] моя милая! послушайте мене и моихъ сло[illegible]даетъ мнѣ злату и сребру цѣну, отъ чего с[illegible]сіе взято, тому злато и сребро; а который м[illegible]отъ коней, который конь всѣхъ честнѣе и которая скотина [illegible]ловѣка богатѣетъ и еще скажите мнѣ: съ которою скотиною человѣкъ ге[illegible]ъ и въ которой скотинѣ человѣкъ опочиваетъ: — тому [illegible]а вся; и еще кто отповѣдаетъ мнѣ: сколько въ кото[illegible]бѣ зеренъ, тому и хлѣбъ весь». И тутъ дѣти отцу своему не могли ничего отповѣдать. И единъ сынъ иде ко омету печаленъ зѣло, гдѣ царевичь сѣдитъ Соломонъ и рече ему царевичь Соломонъ: «Брате! что скорбиши и чемъ с[illegible]туеши?» И крестьянской сынъ рече ему: «Отецъ нашъ раздѣлилъ намъ имѣніе свое, кони и скотину и хлѣбъ всякой и рекъ намъ мудростію веліею и повелѣ намъ мудрымъ своимъ рѣчамъ отвѣтъ дати и намъ немогущимъ отвѣщати противъ его рѣчей». И рече царевичь Соломонъ: «Брате! не мудрость отца вашего, но глупость; азъ все слышалъ. Азъ младъ лѣты и малъ, сію рѣчь и мудрость его всю разумѣю: имамъ отвѣтъ дати; можете ли вы меня большимъ братомъ назвать»? И рече крестьян-

---

[1]) Въ рукописи: *возложиши*.

ской сынъ: «Государь дѣтище младый! помилуй насъ трехъ братьевъ; дай отвѣтъ отцу нашему и раздѣли намъ житіе отца нашего». И взя его въ домъ свой. И увидѣ крестьянинъ младое дѣтище въ дому своемъ, вопроси его: «Скажи мнѣ, младое дѣтище: откуду еси пришелъ и кто есть отецъ твой и мати? и почто сѣмо обитаеши здѣ? и есть ли у тебя отецъ и мать? и какъ твое имя?» И рече царевичь Соломонъ крестьянину: «Азъ есмь града божія Іерусалиму, отца праведна, отецъ мой пѣвецъ, мати моя блудница; отецъ мой по горло сидитъ въ водѣ, проситъ пити, а напитися не можетъ». И крестьянинъ удивися Соломоновѣ премудрости и назва его сыномъ и радъ бысть ему вельми. И вопроси его Соломонъ крестьянина и рече ему: «Что, отче, чадомъ своимъ рекъ еси мудрая словеса о животѣ своемъ и имъ не возмогоша отповѣдати тебѣ, азъ сію мудрость твою могу отповѣдати». И рече царевичь Соломонъ крестьянскимъ сыномъ: «Киньте жребій: кому будетъ скотина и кони, и кому будетъ хлѣбное имѣніе?» И кинуша они три брата жребій. Большему сыну достался хлѣбъ, среднему сыну досталось злато и сребро, меньшему сыну достались кони и скотина. И бысть вечеру сущу, и рече царевичь Соломонъ крестьянскимъ сыномъ: «Послушайте братія моя! Отецъ вашъ умрутъ и мати, и послѣ [illegible] будете въ разномъ чину: большій братъ будетъ во отечествѣ [illegible] чину,—счастливъ будетъ, средній братъ будетъ купецъ, меньшій братъ воинъ будетъ и пріиметъ боляpство у царя; вси вы богати будете». И рече крестьянинъ: «Скажи мнѣ, младое дѣтище: «Ест[illegible] три дочери, кому которая дочь моя будетъ жена?» И ре[illegible]ичь Соломонъ: «Вѣдомо тебѣ буди: большая дочь будетъ попадья; средняя дочь будетъ боярыня». И рече крестьянинъ царевичу Соломону: «Вижу тя отроча вельми разумна и мудрость въ устѣхъ твоихъ. Скажи мой отвѣтъ словесемъ моимъ: что есть, отъ чего злато и сребро сотворено?» И рече Соломонъ: «Злато сотворено отъ царскихъ очей: всему богатству царь злато украшеніе, всякаго человѣка честь; а сребро отъ неправды и мзда есть: единаго человѣка богатитъ, а другаго разоряетъ; сія есть,—разбой и татьбу подымаетъ, тѣло веселитъ, а душу его во адъ сводитъ, въ муку вѣчную». И крестьянинъ зѣло подивися



скорому и мудрому его отвѣту, и бысть крестьянинъ въ ужасѣ велицѣмъ. И потомъ царевичь Соломонъ повелѣ злато и сребро отдати среднему сыну и повелѣ отцу сына наказати вельми, чтобы держалъ имѣніе свое праведно, а не лихоимствомъ. И паки рече крестьянинъ царевичю Соломону: «Скажи мнѣ, чадо богоданное, вторый отвѣтъ: съ которымъ конемъ человѣкъ говоритъ и въ которой скотинѣ человѣкъ опочиваетъ?» И рече царевичь Соломонъ: «Человѣкъ говоритъ со скотомъ съ конемъ, онъ какъ ржетъ; возникъ всякое число работаетъ на немъ или ино что творитъ, а покаряются кони коню ослятѣ, что онъ всѣмъ конемъ глава. А въ скотину человѣкъ живъ входитъ и паки исходитъ, то есть скотъ овенъ: сего людіе всякого заколаютъ, а мясо снѣдаютъ, а въ кожу весь облачается и главу, и руцѣ и нозѣ, потомъ человѣкъ въ нея входитъ и паки исходитъ, когда на опочивъ разоблачится; потомъ человѣкъ спочиваетъ на скотинѣ: крылатыхъ гусей человѣцы убиваютъ, мясо снѣдаютъ, а перія употребляютъ, — перины дѣлаютъ и на нихъ опочиваютъ». И потомъ царевичь Соломонъ повелѣ отцу коней и скотину всю сыну меньшему отдати и повелѣ ему сына своего наказати, чтобы жилъ не гордостію и не величаніемъ, чтобы имѣлъ ко всѣмъ православнымъ христіаномъ любовь и милость. И тутъ крестьянинъ началъ отъ страха трепетати и не могъ сидѣти. И потомъ возста крестьянинъ съ женою своею и съ дѣтьми противу его, видя отрока вельми мудра и нача его крестьянинъ о третіемъ отвѣтѣ вопрошати: «Скажи мнѣ, чадо мое богоданое, третій отвѣтъ: что счету въ моемъ всякомъ хлѣбѣ и что именуется тѣло христово и безъ котораго хлѣба человѣкъ не умираетъ?» И рече царевичь Соломонъ: «Счетъ хлѣбу твоему у человѣка зубы во ртѣ: сколько человѣкъ зубами откуситъ хлѣба, — сколько было зеренъ въ кускѣ, по стольку и пожуетъ: много укуситъ, много и жуетъ, только безъ хлѣба ниже; тѣло именуется господне, хлѣбъ отъ рая пшеница: когда іерей божественную литоргію служитъ надъ хлѣбами пшеничными, причащается, и явится тѣло христово и безъ него никоторой человѣкъ вѣрой не живетъ; по причащается и не умретъ». И потомъ повелѣ хлѣбное имѣніе отдати большему сыну и повелѣ его наказать, чтобъ жилъ

смиреніемъ, а не воровствомъ и не татьбою и не клеветникомъ, жилъ бы вѣрою и правдою и милостынею; милостыню бы творилъ почасту нищимъ. И потомъ крестьянинъ, падъ на ногу Соломону царевичу и съ женою своею и съ дѣтьми, и вопроси его о имени, и рече Соломонъ: «Имя мое—Разумникъ нарицаюся». И нареченъ его крестьянинъ въ дому своемъ быти наставникомъ, и бысть радость велія въ дому крестьянскомъ о царевичѣ Соломонѣ. И потомъ царевичь Соломонъ учалъ у крестьянина въ дому жити и поживе у крестьянина въ дому три года.

И началъ царевичь Соломонъ суды творити: собравъ крестьянскихъ дѣтей множество отроковъ, а самъ царемъ у нихъ бысть; а иныхъ дѣтей воеводами поставляюще, а иныхъ въ судіи; а иныхъ служивыми людьми постави и служебники. И потомъ возгради себѣ градъ въ древесѣхъ плетеныхъ вельми мудро и посылаше тоя вси жители многія и начальники и помѣстники; и узрѣвше людіе Соломонову мудрость, како младъ да вельми мудръ и како градъ сотвори и во градѣ постави начальники чиномъ, по человѣку зря,—удивишася зѣло и рекоша, яко во всей вселенной такова отрока не обрѣтается. И начаша къ нему приводити дѣтей своихъ въ наученіе витежскому дѣлу и собрашася къ нему всякихъ дѣтей многое множество. И потомъ крестьянинъ поживе при Соломонѣ 5 лѣтъ въ дому своемъ и умре и съ женою своею и дѣтей своихъ приказалъ царевичу Соломону, чтобы у нихъ онъ былъ имъ наставникъ и учитель, Соломонъ царевичь у тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, черныя работы не зналъ и работать не хочетъ. И рече Соломонъ крестьянскимъ дѣтямъ: «Братія моя милая! послушайте мене: отецъ мой, Богомъ данной, и мати наша умре и велѣли мнѣ васъ не покинуть; и азъ младъ, нынѣ девяти лѣтъ и мнѣ вашей работати [1]) — не мощь: стану азъ вамъ скотину вашу и кони пасти: сила моя и разумъ таковъ». И рекоша братія его: «Государь нашъ, братецъ Разумникъ! Хотя бы ты былъ великаго возраста двадцати лѣтъ и больше, и мы бы на тебя никакія работы не спрашивали. А нынѣ ты, государь нашъ братецъ Разумникъ, лѣты младъ, а умомъ паче

[1]) Въ сп. № 2: *вашей работы дѣлать.*

всѣхъ старыхъ людей превзыде; мы тебѣ имѣемъ паче роднаго отца, нежели брата: ты нашъ наставникъ и учитель».— «Миръ вамъ, братіе! да будетъ съ вами. Божественное писаніе пишетъ: аще кто въ дому своемъ не дѣлаетъ, той и не ястъ; лѣнивымъ человѣкомъ въ дому своемъ горши больнаго человѣка: больной лежитъ да не истъ, а лѣнивый лежитъ да ястъ». Взя скотину и кони и погна въ поле. И бысть вещь предивная, яко кони и скотину пасти день, а къ вечеру суды судить войску своему и со отроки крестьянскими игры творяще. И бысть сему три годы творяще царевичь Соломонъ по вся дни. Давиду царю пріѣхавшу изъ вси тоя въ другой разъ и узрѣ кузнецова сына со отроки боярскими игры творяща: постави стулъ и повелѣ отрокомъ доспѣти молоты деревянны и нача на стулѣ ковати, и видѣ царь Давидъ, смутися умомъ и нача помышляти, яко не Соломонъ сей отрокъ есть; наипаче въ постъ виде и сѣтуя о томъ. И во едину нощь молящуся царю Давиду Господеви Богу, прилежно вопія псаломъ сей: «Господи! услыши молитву мою и вопль мой къ тебѣ да пріидетъ!» и протчая. *И абіе бысть ему молящуся* [1]), и абіе пріиде къ нему съ небеси гласъ: «Давиде! Давиде, царю! что вопіеши ко мнѣ?» И рече царь Давидъ: «Господи! яко благоволилъ еси плодъ чрева моего и роди мнѣ жена сына и внезапу что есть сіе отроча? дряхло, испусти умъ свой царской, приложися ковачемъ!» И рече ему ангелъ господень: «Давиде! Давиде! не твой сынъ, но градского кузнеца именемъ Θлпады, а отрокъ, твой сынъ, царевичь Соломонъ, въ замори, Египетской вси у крестьянина живетъ пастухомъ: кони и скотину пасетъ». И потомъ невидимъ бысть ангелъ господень.

И бысть утро; призва царь Давидъ боярина своего Ачкилу и рече ему: «Скажи ми, боярине вѣрный: чіе есть сіе отроча, паречеся Соломонъ царевичь? гдѣ взялъ еси его и куды моего сына царевича Соломона истерялъ? Аше мнѣ не повѣси ту правду, то будеши моимъ мечемъ пораженъ». И рече боярин: «Великій царь Давиде! Азъ, рабъ твой, согрѣшихъ предъ тобою; достоинъ есть, по глаголу твоему сего [2]) смертію казненъ быти». И падъ

[1]) Въ спискѣ № 2 словъ, напечатанныхъ курсивомъ, нѣтъ.

[2]) За этимъ пропущено находящееся въ спискѣ № 2 слово: *часу*.

на землю, аки мертвъ. И рече ему царь Давидъ: «Буди живъ отъ сего часа, токмо повѣдай мнѣ истинну». И бояринъ Ачкило нача царю Давиду сказывати всю истинну, какъ царица Вирсавія сына своего царевича Соломона велѣла погубити *и какъ* [1]) его стращала мнѣ горькою смертію: «и посла меня съ нимъ къ теплому морю и повелѣ на брезѣ морстѣмъ заклати его, и сердце его выняти и на углѣхъ испещи и принести къ себѣ ясть, а тѣло его повелѣ повергнути въ море», и какъ имъ попалися на пути песъ съ сукою играющихъ, «и царевичь Соломонъ повелѣ мнѣ онаго пса потребити, а сердце его изъ него вынять и на углѣхъ испещи и принести къ царицѣ матери своей Вирсавіи, да ястъ вмѣсто царевича Соломона; и како царевичь Соломонъ поиде живъ по брегу моря теплаго и гдѣ нынѣ онъ, не вѣмъ, пребываетъ: живъ ли или нѣтъ, того не знаю; а какъ царица прибрала сына себѣ вмѣсто царевича Соломона, азъ того не знаю». И *сказа* [2]) боярин Ачкило царю Давиду все подробну. Царь же Давидъ посла онаго боярина Ачкилу царевича Соломона искати и съ нимъ златую карету, отъ самаго царя, искуснаго злата. И рече ему: «Аще который человѣкъ пастухъ въ замори, и сей да сядетъ въ сію мою корету и пріѣдетъ ко мнѣ, аще ли не сыщется сего, то скорою смертію умреши». И даде ему войско много людей съ нимъ ѣхати. И услыша то его царица Вирсавія, что царевичь Соломонъ живъ и посланъ отъ царя Давида боярин его Ачкило царевича Соломона искати, и бысть царица во ужасѣ великѣмъ, умыслихъ, како бы ей кузнецова сына уморити смертію. «Дамъ ему, отроку, смертную казнь, и онъ воскорѣ умретъ». Тако и сотвори и погребѣ его будто царевича Соломона, а мужикъ тотъ посацкой, Еврешнъ, которой съ нею царицею живе, и услыша, что царь Давидъ царевича Соломона посла искати, и пріиде въ домъ свой и удавися.

Отсланный боярин Ачкило въ замори теплаго моря царевича Соломона во градѣхъ и весѣхъ, въ пустыняхъ искалъ и не нашелъ, возвратися вспять ко граду Іерусалиму, ко царю Давиду, и приключися ему ѣхати мимо нѣкакой вѣси,

[1]) Эти два слова внесены на прорванное мѣсто печатаемой рукописи изъ списка № 2, гдѣ вся фраза читается такъ: «*и какъ сю страшила смертію напрасною*».

[2]) Въ спискѣ № 2; въ печатаемомъ вырвано.

гдѣ царевичь Соломонъ обитаетъ, пасетъ кони и скотину. И видѣ посолъ пастуха млада, пасуща и невѣжливо творяща противъ посла: самъ хлѣбъ ясть, и сяде к..ъ пущати, испустивши к..ъ, нача вши бити. Ему же послу зрящу на него, и не позна его. Царевичь же Соломонъ узна боярина своего Ачкилу и смутися сердцемъ своимъ зѣло; и рече посолъ къ царевичу Соломону: «Почто ты, пастухъ, невѣжливо творишь, увидя насъ, такихъ честныхъ людей»? И рече ему царевичь Соломонъ: «Не тотъ невѣжа, кто *тако творитъ*; *тотъ невѣжа, кто насъ*[1]) тако осуждаетъ: времени проходъ не изжидаетъ. Море стоитъ, въ море рѣки и источники текутъ, и потому море столько же изъ себя выпуститъ. Не азъ сіе сотворилъ, но Богъ создалъ тако перваго человѣка Адама и по Адамѣ мы такожь творимъ; то есть, и азъ творю не худое, но доброе: новаго прибавилъ, а старины изъ себя убавилъ. А съ недруги своими управляюся». И тутъ посолъ подивися мудрому его отвѣту и показа ему посолъ карету златокованную, вопроси о царстѣй каретѣ: «что цѣна ей»? Онъ же, вынялъ изъ пазухи хлѣбъ, и рече имъ: «Господа мои, царскія бояра! Скажите царю своему Давиду: каретѣ ево *цѣны нѣсть, потому что карета сія не искусна; а сему укрыту хлѣба всего наче*[2]) тысящъ злата и сребра: аще въ его царствѣ злата и сребра не будетъ да хлѣба много будетъ, живы будете во вѣки; аще сего хлѣба не будетъ, то живъ человѣкъ не будетъ: хлѣбъ есть тѣло, а злато камень; отъ хлѣба человѣкъ спасется, отъ злата и сребра никогда человѣкъ спасенъ не бываетъ, токмо погибель и мзда». Посолъ же въ великѣмъ ужасѣ бысть и потомъ поѣде посолъ ко граду Іерусалиму, ко царю Давиду.

И какъ онъ пріѣде ко царю Давиду и сказа ему, что царевича Соломона нигдѣ нѣту: «не обрѣтохомъ, токмо въ нѣкоей вѣси младое дѣтище пасетъ кони и скотину и сказа намъ такія мудрыя словеса», все царю подробну розсказа. И какъ Давидъ царь услыша отъ нихъ пастуховы мудрыя

[1]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2 на испорченное мѣсто печатаемой рукописи.

[2]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2; въ печатаемой рукописи это мѣсто оторвано.

словеса, яже отъ него, и радостенъ бысть царь Давидъ вельми: «во истинну сынъ мой есть царевичь Соломонъ! почто вы его не взяли»? И посла царь Давидъ вторицею по царевича Соломона двухъ своихъ вѣрныхъ бояръ онѣхъ же и съ ними тоюжъ карету златую и уряди войско свое на сбереженіе царевича Соломона и посла оныхъ бояръ съ войскомъ въ туже весь, идѣже царевичь Соломонъ.

И какъ пріѣхавши въ ту весь, ко царевичу Соломону, а ему насущу кони и скотину. И сотворшу царевичу Соломону въ лозіяхъ сплетенъ градъ, башни сдѣланы и поставлены пушки во вратѣхъ древяны и по стѣнамъ такожде пушки древяныя и бердыши древяныя и копія все древяное; и самъ сидитъ во градѣ, аки царь. И бысть у него судебный престолъ и сяде на него и взя жезлъ въ руку свою. Послы же подъѣхали тайно подъ градъ, восхотѣша мудрости его Соломоновой видѣти. И бысть божіимъ повелѣніемъ, учинися въ тоже время во стадѣ его: восхотѣ конь поняти себѣ кобылицу и попался съ нею и приживе жреба; и еще кобылицѣ носящей во чревѣ жреба, и прискочи иный жребецъ и отня у того жеребца кобылицу и нача съ нею жити. И прискочи той жеребецъ во градъ къ царевичу Соломону, который прежде съ кобылицею попался, и паде предъ царевичемъ Соломономъ на колѣни своя, вельми ржуща. Царевичь Соломонъ, аки человѣка его вопрошая, и жеребецъ ему со слезами отвѣща [1]). Возставъ царевичь Соломонъ и нача коней кликать по имени и жеребца сильного, и кобылицу. И прискакаша кони вси во градъ и стояша вси со страхомъ предъ нимъ. Царевичь же Соломонъ сяде на престолѣ своемъ и нача судити ихъ, вопрошая ихъ аки человѣки праведно и разумно. И прежде жеребецъ противу его проржаху единъ по единому и кобылица паде на ногу свою, умильно ржуще, и потомъ вси кони громко закричаша и падоша вси предъ нимъ на колѣни своя. И царевичь Соломонъ возста, взя узду и нача жеребца сильного возпуздати; онъ же аки немощенъ, главу свою повѣсилъ и яко человѣкъ повинуяся

[1]) За тѣмъ порядокъ двухъ листовъ въ рукописи перепутанъ. Возстановляемъ его по списку № 2.

судіи своему. И привяза его къ столбу, во градѣ на то учиненному, и сяде на престолѣ своемъ, взя жезлъ свой, аки судія истинный. И посломъ же зрящимъ тайно и ужасающимся, а немогущимъ терпѣти царевича Соломона, и рече царевичь Соломонъ конемъ: «Послушайте, кони, суда божія. Блуднику и прелюбодѣю судитъ Богъ: аще кто у жива мужа жену отъиметъ, и тотъ достоинъ суду, а по суду казни градскія». И повелѣ двумъ жеребцамъ съ одну сторону стати и еще двоимъ жеребцамъ съ другую сторону, и повелѣ бити немилостивно конямъ задними погами. И начаша кони бити жеребца немилостивно задними погами и прибиша его, что насилу дышуща, и потомъ простиша его. Жеребецъ же едва возста отъ земли и падоша ему на колѣни своя вси кони и побѣгоша въ поле.

Тогда прінде корова ревуща зѣло ко царевичу Соломону. Рыча во стадѣ быкъ зѣло великъ и силенъ и совокупися съ нею и зачала *отъ него теленка* и пришедъ той же быкъ *восхоть съ нею* еще пребыти; она же *отбиваяся отъ него и не восхоть* [1]) съ нимъ по вторый; и тотъ быкъ, ударя корову во бокъ, и вышибъ теля изъ коровы недоношенова времени. И царевичь Соломонъ нача звати воловъ и коровъ по имени, и прибѣгоша къ нему вси волы и коровы и падоша вси на колѣни своя царевичу Соломону. И рече царевичь Соломонъ: «Послушайте, волове, суда моего: аще который мужъ жену обременившую біетъ жезломъ, полехку учитъ, и той законъ божій исполняетъ; аще ли мужъ жены своей не бережетъ и біетъ беременную смертно и дитя изъ нея вышибаетъ, и тотъ мужъ достоинъ убійцы и по винѣ своей достоинъ суду духовному и казни». Взя вола за рога и повелѣ съ обоихъ сторонъ двумъ воламъ бити немилостивно; привязавше его къ столбу и кожу на немъ всю изодраша и едва жива оставиша его, и потомъ простиша вола и отпусти ихъ *въ поле* [2]). Послы же, видѣвше чудо сіе и премудрость царевича Соломона, и не возмогоша *терпѣти* [3]), и бо-

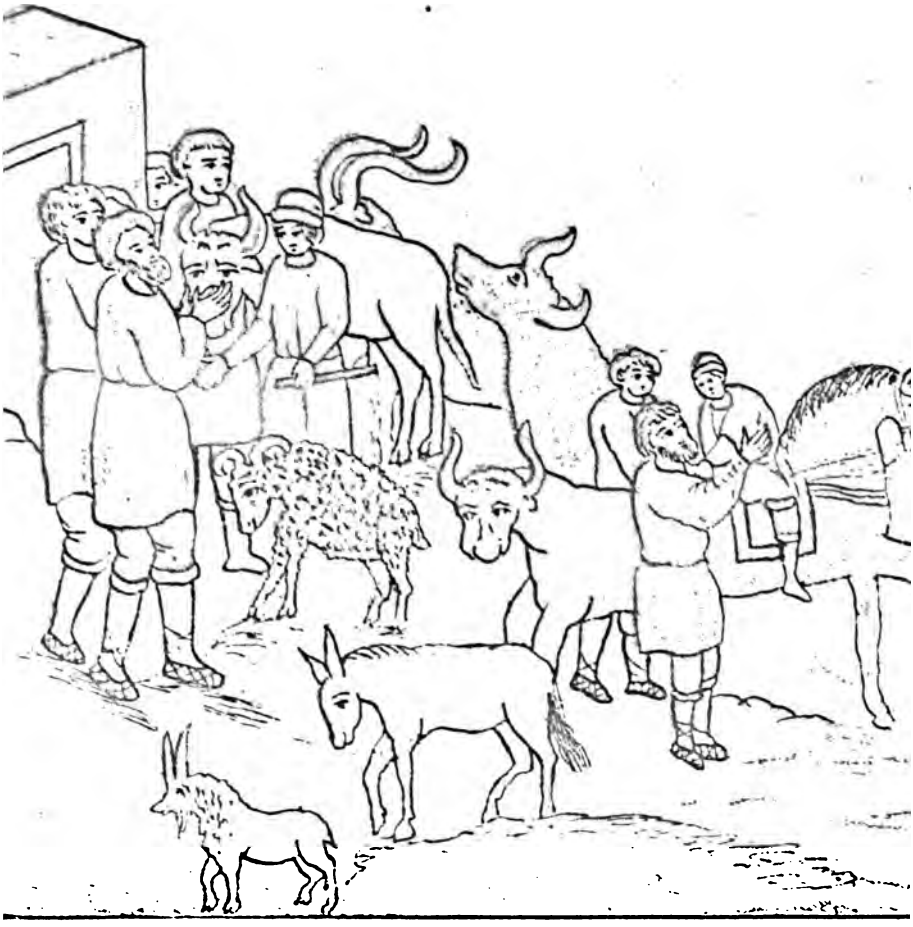
[1]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2; въ печатаемомъ это мѣсто прорвано.

[2]) Изъ списка № 2.

[3]) Это слово, вставленное изъ списка № 2, въ печатаемой рукописи пропущено.

яринъ Ачкило прискочи къ царевичу Соломону во градъ и поклонися ему до земли, и рече ему царевичь: «Брате посолъ! Не гораздо дѣлаешь, не посольски творишь: не вѣжливо во градъ входишь, аки къ деревенскому мужику въ пустую избу. А у меня здѣсь градъ, а во градѣ сидитъ судія воевода, а за то невѣжство несмысленные люди въ борзѣ погибаютъ. Аще бы ты посолъ отъ царя своего пришолъ ко граду, и ты бы гонца предъ себя прислалъ: подобаетъ послу, не доѣзжа за три поприща, гонца во градъ прислать, чтобъ царь града того на стрѣтеніе къ послу чиномъ боинскихъ людей изготовилъ. Азъ есмь младъ во градѣ единъ токмо божіе повелѣніе створю и царскій чинъ исполню». И посолъ, боярин Ачкило поклонися ему до земли: «Прости мя, господине! Виновенъ есть предъ тобою». Вда же ему посолъ царя Давида грамоту. Царь же Соломонъ, грамоту цареву пріимъ, и прочте ея. Во грамотѣ царевѣ пишетъ сице: «Въ теплое море, на брегу, веси крестьянской въ чистомъ полѣ, пастуху премудрому и благородному, царевичу Соломону. Азъ, царь Давидъ Еврейскій, пишу къ тебѣ. Во ушію моею вниде о тебѣ, о премудромъ отвѣтѣ твоемъ. Бысть у меня, во градѣ Іерусалимѣ, родися отъ царицы моей Вирсавіи царевичь именемъ Соломонъ, зѣло прекрасенъ; а грѣхъ моихъ ради великихъ, то мое чадо безвѣстно погибе, и бысть ко мнѣ гласъ божій о тебѣ, что ты еси сынъ мой возлюбленный, царевичь Соломонъ. Аще ты еси сынъ мой возлюбленный, и ты дай отвѣтъ моей премудрости: что есть въ моемъ государствѣ, среди моего града Іерусалима стоитъ древо златолиственное; на томъ древѣ было яблоко, златомъ украшенно; а верхъ у того древа, аки солнце сіаетъ; а по сучьямъ цвѣты и каменіе самоцвѣтное; кругомъ древа выросла пшеница бѣлоярая, а кругъ того града Іерусалима выросла рожь въ полѣ сильна? И ты о той моей повѣсти съ посломъ моимъ дай отвѣтъ». И рече царевичь Соломонъ царевымъ посламъ: «Послушайте, послы, и скажите отвѣтъ моему царю Давиду. Во градѣ Іерусалимѣ стоитъ древо златолиственное: то есть, отъ града Іерусалима [1]); а верхъ у него

[1]) Въ спискѣ № 2: *о градѣ Іерусалимѣ.*



сіяетъ паче солнца,—то есть, самъ царь праведнымъ судомъ сіяетъ; а что у того древа подъ сучьемъ каменіе самоцвѣтное, то есть его бояра вѣрныя; а что у коренія пшеница бѣлоярая, то есть градскіе жители; а что есть кругомъ града зернами посѣяна рожь сильна, — то есть православное христіанство. И скажите царю Давиду сію рѣчь отъ меня: что сынъ твой Соломонъ въ третіе лѣто будетъ предъ тобою и явится тебѣ въ тайнѣ; а сегодне азъ не ѣду къ нему».

И послы поѣхаша ко царю Давиду и сказаша все подробну тѣ его мудрыя рѣчи и отвѣтствованія царя Давида. Царь же Давидъ вельми печаленъ бысть о сынѣ своемъ, царевичѣ Соломонѣ, и плакалъ на долгъ часъ.

И какъ царевичь Соломонъ отпусти пословъ царевыхъ и погна всю скотину ко двору своему и призва крестьянскихъ дѣтей и поучивъ ихъ всякой премудрости и утвердилъ ихъ крѣпко, чтобы они жили вмѣстѣ совокупленно со своими сестрами, до своего указу имъ и росходиться не велѣлъ. А самъ сталъ царевичь Соломонъ срежатися на отъѣздъ. Они жъ рекоша ему съ плачемъ великимъ: «Куды, братецъ нашъ Разумникъ, поѣзжаешь отъ насъ и покидаешь насъ сирыхъ»? Онъ же рече имъ: «Путь мой токмо Богъ одинъ вѣдаетъ: алибо Богъ велитъ, возвращуся къ вамъ». Потомъ же царевичь Соломонъ сѣлъ на коня своего и всѣхъ цѣлова ихъ и поѣхалъ во Индію богатую къ Пору царю. И какъ пріѣхалъ во Индію богатую къ царю Пору индѣйскому, и царь его вопросилъ о родѣ и отечествѣ, и онъ царю сказалъ, «что де азъ изъ теплаго моря крестьянскія вѣси сынъ дворянскій, а имя мое — Разумникъ нарицаюся». И царь Поръ, видя красоту лица его и мудрость, и повелѣ ему быти у царицы своей въ кравчихъ. И царица, видя соломонову мудрость и красоту лица его, и нача его любити во егда же .....[1]) разжизатися. Въ нѣкое время, бывшу царевичу Соломону у стола предъ царицею стояти, и царица рече: «Безстыдникъ[2]), итти за тебя въ мужество, хощу съ тобою любовь творити». И даде ему перстень златой мужа своего, Пора царя. Взя Соломонъ пер-

[1]) Здѣсь одно слово вырвано; а въ сп. № 2 оно пропущено.

[2]) Въ спискѣ № 2: *истинно.*

стень у царицы, сотвори съ нею грѣхъ и живяше по своей воли. И еще дала ему царица три камня царскія самоцвѣтныя: въ нощи аки свѣщи горятъ, въ день аки отъ солнца сіяетъ. Взя у царицы казны царскія, злата и сребра всякихъ вещей многое множество, всякихъ парчей *драгихъ* [1]), устрои корабль [2]) тайно и поѣде *кораблемъ* на теплое море, а царицѣ велѣлъ *ожидать* себя вскорѣ.

И какъ отъѣхалъ отъ Индіи богатыя и пріѣде ко граду Іерусалиму кораблемъ и ста предъ градомъ. И приключися тутъ быти на брезѣ морстѣмъ человѣку царя Давида и рече ему царевичь Соломонъ: «Брате! поиди, возвѣсти царю Давиду, что пріѣхалъ де кораблемъ изъ-за моря, изъ индѣйскія богатыя вести заморянинъ [3]), а имя мое Разумникъ, и приказалъ бы царь Давидъ поставити меня предъ себя, и азъ ему великіе дары принесу и челомъ ему ударю». Вѣстникъ же ко царю Давиду пріиде, возвѣсти ему о царевичѣ Соломонѣ, что де пріѣхалъ кораблемъ гость заморянинъ, а велѣлъ предъ тобою царемъ *поставити. И рече ему* [4]) царь Давидъ и повелѣлъ его поставити предъ себя въ палаты свои. Отрокъ ста передъ царемъ Давидомъ и рече ему Давидъ: «Откуды ты еси отроча? и которой вести гость? и какъ твое имя»? И рече царевичь Соломонъ: «Азъ, великій царю, дѣтище индійскія вести богатыя, а имя мое Разумникъ нарицаюся, прибрелъ въ твою царскую державу товары свои продати, а здѣшнія товары закупити». И царь Давидъ повелѣлъ ему въ своей державѣ торговати и велѣлъ ему царь быти въ полату къ царю.

Пріиде во уши Вирсавіи царицы о немъ, что гость изъ Индіи богатыя прибылъ кораблемъ съ товары дивными и со узорочьи. И царица Вирсавія посла къ нему на корабль своихъ сѣнныхъ боярынь выбирать, товаровъ драгихъ смотрѣти и царевичь Соломонъ показа боярынямъ сѣннымъ три камня самоцвѣтныя и дивишася. И пришедше боярыни и дѣ-

---

[1]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2 на испорченныя мѣста печатаемой рукописи.

[2]) Въ спискѣ № 2: *и три корабля.*

[3]) Въ рукописи: *Самарянинъ.*

[4]) Изъ списка № 2 на испорченное мѣсто печатаемой рукописи.

вицы ко царицѣ и сказаша ей про каменія, что есть у того заморскаго гостя три камени самоцвѣтныя: во дни аки отъ солнца сіяетъ, а въ нощи аки свѣщи горятъ; «и мы, государыня, зѣло удивились тѣмъ каменямъ; мнимъ, что у царя такихъ камеиевъ нѣтъ». И царица Вирсавія велѣла гостя онаго предъ себя поставити и пойде царевичь Соломонъ ко царю Давиду къ столу, взя великія дары и принесе ему. Царь Давидъ дары у него принялъ и честь ему велію воздаде.

И какъ столъ отшелъ, и потомъ царевичь Соломонъ взя тѣ каменіи и пойде ко царицѣ матери своей Вирсавіи и поклонися ей честно. И царица Вирсавія спросила его: «Котораго ты града веси и какъ твое имя»? И рече царевичь Соломонъ: «Азъ есть града Индіи богатыя изъ замори, а имя мое Разумникъ, прибрелъ, государыня, вашей державы съ товарищкомъ своимъ, чтобъ мнѣ продать, а здѣшнія товары закупить». И рече ему царица Вирсавія: «Прошу тя, гость заморянинъ: сказали мнѣ сѣнныя мои боярыни дѣвицы, что есть у тебя тѣ каменія *самоцвѣтныя, — во дни, аки отъ солнца сіяютъ, а въ нощи аки свѣщи горятъ». И рече ей Соломонъ: «Есть, государыня, благородная царица, у меня три каменія: единъ* [1]) камень поднести царю Давиду, а другій камень отдать за нимъ въ приданыя, а третій камень про себя держать въ кораблѣ для свѣту». И рече ему царица Вирсавія: «Гость заморянинъ! продай мнѣ единъ камень». И речь царевичь Соломонъ: «Аще кто со мною переспитъ нощь сію, тому и камень отдамъ». И положи предъ царицею единъ камень, и той камень освѣти всю полату царицыну и немощно на него человѣку зрѣти. И царица рече Соломону: «Гость заморянинъ! ляжь ты со мною въ нощь сію». Взя его за руку и приведе къ одру царскому и царевичь Соломонъ *убоялся суда божія и ста предъ одромъ, изумьяся, како бы матери своей изобличитися безгрѣшно. И рече царица Соломону: «Гость заморянинъ! поиди смѣло ко одру моему. Чего боишися? Или тебя скупость обяла, каменя ради, что неидешь сѣмо?» И рече ей царевичь Соломонъ:*

---

[1]) Напечатанное курсивомъ внесено изъ списка № 2; въ печатаемой рукописи эти мѣста оторваны.

«Государыня, благородная царице Вирсавіе! Ты меня зовеши на свою постелю да одьяло царское страшитъ мя.»

И царица его ухвати за шею и поцѣлова и положила его съ собою спати на одрѣ своемъ. Взя его за руку и положила его на перси своемъ и рекла ему: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «Сынъ воскормленъ, то есть мое сахарное кушанье». И царица подвигнула соломонову руку по бѣлому своему чреву и рече: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть мой каменны и златы теремъ; въ томъ есть теремѣ азъ опочивалъ.» И царица подвигнула соломонову руку подъ свое рамо и рече: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть врата моего терема, оттуду азъ изыдохъ, и сей божій свѣтъ узрѣлъ и пошелъ.» И царица, изжидая отъ него времени похотнаго и рече ему: «Како ты премудръ и скупъ еси и не хощешь воли моей сотворити, каменя ради.»

И вскочи Соломонъ со одра своего и падъ на землю и лежа на земли, аки мертвъ на долгъ часъ. И царица, зря на него, ужасеся вельми и царевичь Соломонъ возста отъ земли и вопія горько со слезами: «О господже моя, благородная царице Вирсавіе! воззри нынѣ на мя, на любезное на чадо свое; ты мнѣ родившая мати истинная своего сына: азъ есмь не купецъ заморянинъ, но сынъ твой царевичь Соломонъ, которой посланъ бысть тобою на погубленіе съ боярином Ачкилом на теплое море, чтобъ меня ему заклати. И меня Господь Богъ соблюлъ отъ тоя напрасныя смерти и жива мя предъ вами постави, и тебя, мати моя, избави отъ грѣха сего напраснаго. Во истину ты мати моя, родившия моя, родившая мя; и напредь глаголахъ тебе: «у всякія жены волосы долги да умъ коротокъ». И услышавъ сіе царица Вирсавія глаголы царевича Соломона, и бысть аки мертва, зря на него и не могуща отнюдь провѣщати. И охапи Соломонъ матерь свою и нача ея любезно цѣловати и умильно отвѣщати и сяде съ нею на царскомъ одрѣ бесѣдовати.

И послышали сѣнныя боярыни дѣвицы радость велію у царицы въ полатѣ и глаголъ великъ нощію и пріидоша ко царицѣ въ полату и, зрѣвше въ полатѣ царицу едину съ купцомъ оха-

пивши на одрѣ царскомъ сѣдящихъ, и устрашишася вси и побѣгоша изъ палаты.

И бысть шумъ великъ и послыша тотъ шумъ царевы ближніе боляря, что у царицы въ палатѣ нощію радости и шумъ велій, возвѣстиша царю Давиду о семъ. И вскочи царь Давидъ съ постели своея борзо и взя мечь свой царской, и иде и вниде ко царицѣ въ полату съ яростію. И узрѣвъ царицу за столомъ съ купцомъ заморяниномъ сѣдящихъ, охапившихся, умильно цѣлующихся, и царь Давидъ устрашися вельми, просто взя мечь свой царской и хотя царицу и купца напрасной смерти предати.

И вскочи царевичь Соломонъ и паде на ногу отцу своему царю Давиду, вопія: «Государь мой батюшко, царь Давидъ Есеевичь! Азъ не купецъ заморянинъ, но сынъ твой прелюбезный, Соломонъ царевичь; ты мя роди самъ. И бысть отъ рожденія своего трехъ лѣтъ у тебя государя въ дому и внезапу что бысть въ полунощи, — и наиде на мя безвѣстная смерть, и Господь Богъ до сего часу жива мя сотвори и постави мя предъ лицемъ твоимъ». И царь Давидъ отъ радости не могъ сына своего охапити и паде на столъ и нача вопити къ Богу: «Господе Боже Саваоѳе отецъ нашихъ, авраамовъ, исааковъ, іяковль, создавый перваго человѣка Адама! такожъ и потомъ соблюде сына моего Соломона и до сего часа жива». И лежа на столѣ на долгъ часъ, творя достойныя молитвы и поя псалмы. И потомъ ухвати сына своего царевича Соломона и нача его любезно цѣловати и миловати и вопрошая его: «Повѣждь ми, сыне мой драги, жезле и подпора старости моей и царствію моему: како тя Богъ соблюлъ отъ напрасныя смерти, и нощію изгибе и гдѣ пребылъ еси до сего времени?» И царевичь Соломонъ все сказа подробну отцу своему похожденіе свое. И царь Давидъ бысть въ великой радости. И потомъ повелѣ царь Давидъ по всему граду Іерусалиму проповѣдникомъ вопити, чтобъ стекалися князи и бояра и августилины, вси людіе евреи на дворъ ко царю Давиду на великую радость и на поклонъ ко царевичу Соломону. Тогда услышавше граждане и вси князи и бояра, вси Евреи снидошася ко царю Давиду на дворъ, и поклонишася царевичу Соломону и принесоша ему великія

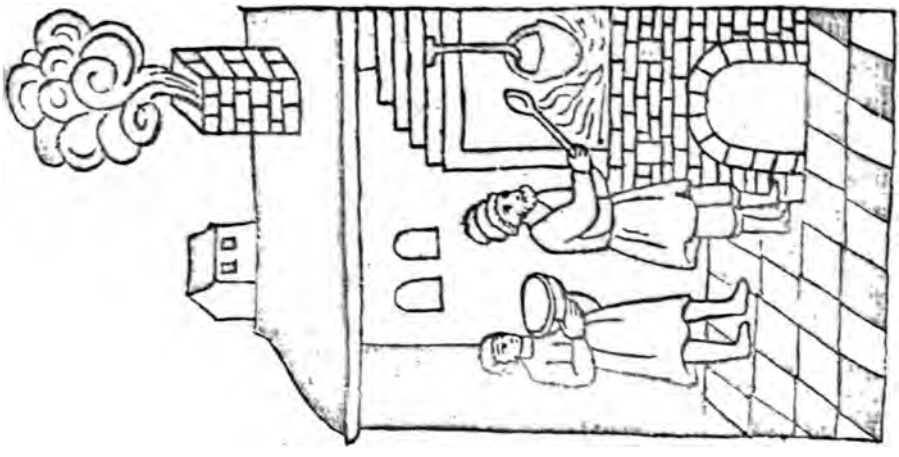
дары. И посади царь Давидъ сына своего Соломона на свой царски престолъ, и даде ему въ руку свой царски скипетръ царства Іерусалима; и вси князи, и бояра и Евреи поклонишася царю Соломону съ радостію великою и поздравили ему. И бысть радость велія по всему граду Іерусалиму о царѣ Соломонѣ. И пронде слова о премудрости его во вся окрестныя страны и грады.

И потомъ рече царь Давидъ сыну своему, царю Соломону: «Чадо мое, царю Соломоне! Вижу тя вельми мудра; азъ старъ во царствіи моемъ во градѣ Іерусалимѣ и ты, чадо мое, царю Соломоне, разсуди судъ сей. Бысть у нѣкоего Евреина народися дѣтище въ дому и прилучися сосѣдовой женѣ въ томъ дому быти; чадъ у нея не бысть; и быша рожденію младенцову, успувше матере и всѣмъ въ домѣ, и прибѣжа нощію сосѣдова жена и украде дѣтище и принесе въ домъ свой и учини дѣтищу краденному рожденіе, и ляже на одрѣ своемъ и повелѣ мужу своему заколоти овцу и кровію помаза срамъ свой и призва бабу и повелѣ іерею съ потребою быти и какъ изготовити младенца крестити; и наутріе возсташа вси въ дому того жители, гдѣ прежде младенецъ родися въ колыбели, младенца не обрѣтоша». Въ тоже утро нача краденаго сосѣдъ младенца крестити и пріиде въ церковь Евреинъ, отецъ младенцевъ, и опозна его сына своего, бѣже ко царю Давиду и бьетъ челомъ о дѣтищѣ. И повелѣ царь Давидъ Евреина того украдшаго младенца предъ себя поставити и матерь со младенцемъ. И повелѣ царь Давидъ [illegible] царю Соломону ихъ судити. И сяде царь Соломонъ, [illegible] вопроси ихъ матерь родившую и укравшую и не [illegible] ихъ его знати. И повелѣ младенца пополамъ пресѣщи и родившая мать поклонися царю Соломону, чтобы младенца не рубити, а украдшая мать бьетъ челомъ царю Соломону, чтобъ младенца пресѣщи пополамъ. Видя царь Соломонъ мать родившую и отдаде младенца той, которая не повелѣ казнити. И по нѣкоемъ времени рече царь Давидъ сыну своему царю Соломону: пора тебѣ, сынъ мой Соломонъ, женитися на премудрой царицѣ цареградскаго царя Вотоломона на дщери его именемъ Соломонихѣ». И повелѣ царь Соломонъ отцу своему послати по царевну Соломониху

и послы поѣхали въ Царьградъ и привезоша къ нему царевну Соломониху и царь Соломонъ вѣнчася со оной во святѣй божіей церкви и бысть бракъ честенъ и радость во градѣ Іерусалимѣ. И на утріе пріиде царь Соломонъ и съ царицею своею Соломонихою ко отцу своему царю Давиду поклонитися и рече царь Давидъ сыну своему царю Соломону: «Чадо мое! мудръ бо еси и по нѣколицѣмъ времени будеши у нея подъ г.з..мъ сидѣти и потомъ отъ нея смерть свою узриши, токмо на силу премудростію своею тое смерть одолѣеши; не въ долзѣ времени сіе совершится». И царь Соломонъ поклонися ему до земли. И потомъ поиде царь Соломонъ и съ царицею своею Соломонидою отъ отца своего въ своя особныя палаты, гдѣ бы имъ жить и царствовати со царицею Соломонихою и и живяше царь Соломонъ съ женою своею царицею Соломонидою не долгое время.

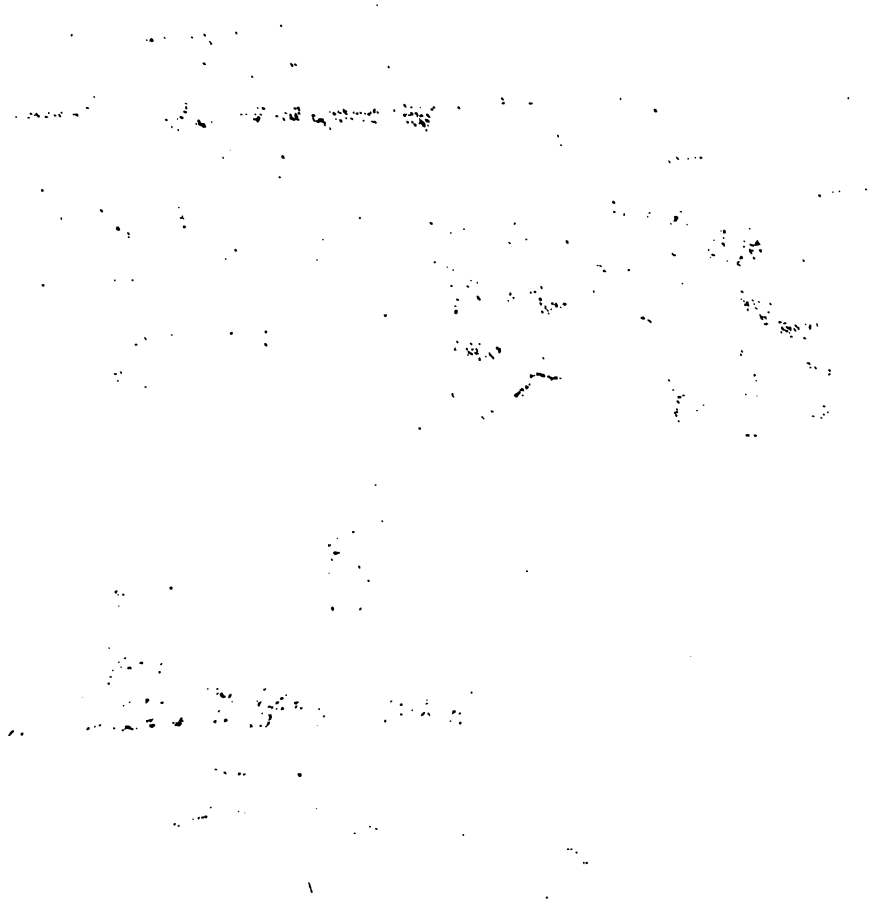
И по нѣкоемъ времени, пріѣхавше во градъ Іерусалимъ послы отъ царя нѣкоего кораблемъ ко царицѣ Соломонихѣ, чтобы ей втай обманомъ согласившись купно съ нею увезти къ царю своему, за котораго она желала прежде замужъ, когда ей бывшей дѣвицѣ сущей. И въ нѣкое время случися царю Соломону отъѣхати некуды изъ дому своего ради потѣшенія; тогда же пріидоша къ ней послы оны отъ царя своего и поклонишася честно; и царица Соломонида много съ ними говорила, како бы имъ увезти ея и ей бы уѣхати отъ царя Соломона и умысливше сице: сдѣлати ключи къ церкве оныи и напоити ея зеліемъ, чтобы ей до трехъ дней быти аки мертвой. И повелѣ царица Соломонида сдѣлати ключи; взявши церковные ключи и повелѣ кузнецу сдѣлати съ нихъ равны таковыижъ, чтобы имъ втай нощію отперети и увезти ее къ себѣ на корабль. Они же шедше тако и сотворища по глаголу ея, взяша церковные ключи по повелѣнію ея и повелѣша сдѣлати кузнецу ключи таковыежъ, какіе церковные ключи къ церквѣ и принесоша ей въ полату въ тай. И повелѣ царица напоити себя спящимъ зеліемъ, что до трехъ дней будетъ аки мертва; и напоища ю и отъидоша абіе, а ключи взяша съ собою. И пріиде Соломонъ и узре мертву царицу свою Сололомониду и ужасеся въ себѣ. И царь Соломонъ сему не повѣрилъ и прожегъ ей желѣзомъ раж-

деженнымъ руку и постави ее въ церковь и хождаше къ ней Соломонъ по вся дни до тріехъ дней. И во едино время нощію пріидоша тыи посланники отъ царя, вѣдуще, яко не умерла, но жива есть царица Соломонида, и отверзше двери и взяша ю къ себѣ на корабль. И потомъ пріиде Соломонъ по обычаю своему ко царицѣ своей въ церковь и не обрѣте ея во гробѣ и уразумѣ, яко въ правду жива есть и не умерла. И потомъ повелѣ царь Соломонъ сдѣлати перчатки многія самымъ искуснымъ мастерамъ и устроити ихъ златомъ и сребромъ хитро, понеже бо вѣдаетъ Соломонъ, что она великая охотница до тѣхъ перчатокъ и разосла своихъ пословъ во всѣ окрестныя грады и страны государству съ перчатками. И единыя божіимъ изволеніемъ пріѣхавше въ той градъ, гдѣ живетъ царица Соломонида; и возвѣщено ей бысть о семъ, что де пріѣхали послы изъ нѣкоего царства съ перчатками драгими и узорочіе на нихъ златомъ и сребромъ сотворено хитро и царица повелѣ ихъ привести во скорѣ къ себѣ въ полаты. И по повелѣнію ея пріидоша оныя во скорѣ, несуще на блюдѣ перчатки, и царица нача тѣ перчатки смотрѣти и увиде посолъ на рукѣ у царицы знакъ прозженный царя Соломона; и нача царица тѣ перчатки торговать и рекла: что симъ перчаткамъ цѣна?» И рече: «Изволь великая, государыня царица Соломонида принять въ подарокъ отъ насъ». И поклонишася ей и пондоша изъ полаты вонъ и возвратишася во градъ Іерусалимъ ко царю Соломону. И какъ пріѣхаша ко царю Соломону и возвѣстиша ему, что обрѣтоша въ нѣкоемъ царствѣ царицу Соломониду и видѣша знакъ на рукѣ ея: «и опознавши и возвратишася къ тебѣ, царю Соломону, во градъ Іерусалимъ, истину глаголемъ»—и разсказаша ему, въ которомъ царствѣ живетъ царица Соломонида. И потомъ Соломонъ, собравъ войска своего много, и уряди единъ полкъ въ бѣлыхъ, а другій въ красныхъ, а третій въ черныхъ и поѣде съ ними въ то царство, гдѣ живетъ царица его Соломонида. И пріѣхалъ въ ту землю и, не доѣхавъ, постави ихъ въ нѣкоемъ удолиемъ мѣстѣ тайно, чтобы никто не видалъ ихъ и нача имъ наказывати рече: «Аще азъ затрублю въ рогъ въ первой разъ и вы кони сѣдлайте, а въ други разъ затрублю и вы на кони садитеся, а въ третій затрублю, чтобы вы были близь меня». И наказа



нимъ крѣпко, а самъ, снемъ съ себя одѣяніе царское, и возложи на ся иную худшую одежду и поиде во градъ. И пріиде на царской дворъ и нача въ поварни работати, потомъ же нача кушанья стряпати, и какъ у него въ домѣ, такъ и тутъ кушанье таковоежъ дѣлаетъ и всякое; и потомъ принесено бысть царицѣ Соломонидѣ, она же, вкушая, и опознa и рече: «Никакъ кто есть отъ царя Соломона или бо самъ здѣсь? у него въ домѣ таковое кушанье». И тако Соломонъ нача работати на дворѣ: дворъ месть и пескомъ усыпаетъ и сѣнникомъ устилаетъ вездѣ и по переходамъ такожде. И случися итти царицѣ Соломонидѣ по переходамъ и увидѣ сіе и рече:» Всеконечно кто есть отъ царя Соломона или бо самъ онъ здѣсь; у Соломона царя таковъ обычай въ домѣ». И царь Соломонъ не возможе утаитися царицы ради жены своей. И нѣкогда случися царю тому отъѣхати изъ дому своего некуды, ради потѣшенія и тогда пріиде къ ней царь Соломонъ прямо, не обсылаючи въ полаты ея, и тогда царица его Соломонида испужалася и рече ей Соломонъ: «не бойся». И нача съ нею глаголати и потомъ рече къ нему царица Соломонида: «Како царь пріѣдитъ, куды тя отъ царя скрыти?» и рече: «токмо развѣ въ сундукъ тя посадити?» И царь Соломонъ рече: «Посади, токмо не умори мя тамо». И царь пріѣде въ домъ свой и царица узрѣ, что царь ея пріѣхалъ и рече Соломону: «Влѣзи въ сундукъ, азъ тя скрыю отъ царя своего тамо». И Соломонъ влѣзе въ сундукъ, царица его покры крышкою и сяде на него. Тогда сбытся реченные слова царя Давида отца его: «Самъ бо, рече, сынъ мой Соломонъ, аще и мудръ есн, а у жены своей будеши подъ г.з..мъ ея сидѣти и смерть свою отъ нея узриши; токмо премудростію своею тое смерть одолѣеши». Такъ и сотворися не въ долзѣ времени. И царь вниде въ полаты ко царицѣ Соломонидѣ, а царица его сидитъ на сундукѣ и речетъ царю своему тако: «Что есть царю сіе? на царѣ сижу, а съ царемъ говорю?» И царь не разумѣ глаголъ ея. И рече ей: «Какъ тебѣ на царѣ сидѣти? съ царемъ говорити можеши, а на царѣ сидѣти не можеши». И рече ему царица: «Что кабы твой недругъ царь Соломонъ здѣсь былъ? чтобъ ты надъ нимъ сдѣлалъ?» И рече ей царь: «А что мнѣ надъ нимъ сдѣлати, не вѣмъ: онъ мнѣ ничего не сдѣлалъ».

И царица рече: «Онъ у меня подъ г.з..мъ сидитъ ..... сундука». И повелѣ ей царь вскрыти сундукъ; царица вскры сундукъ и рече ему: «Царь! какъ ты премудръ, а у жены своей подъ г.з..мъ сидѣлъ еси?» И хотѣ его царя казнити вскорѣ. И рече ему царь Соломонъ: «Какъ ты меня хощеши аки свинію въ хлѣвѣ убити? не вѣси ли, яко азъ царь славный и богатый: и ты сдѣлай на семъ мѣстѣ лобномъ шибелицу и повѣси на ней три петли: едину злату, другую сребряну, а третію шелкову, и азъ въ которую пожелаю, въ тое и пойду». И царь повелѣ вскорѣ тако сотворити и сотвориша по глаголу его, и поѣде самъ царь и со царицею своею Соломонидою и съ дѣтищемъ своимъ, и повели его вѣшати. Идущимъ же имъ путемъ, и абіе озрѣся Соломонъ вспять и видѣ царицу съ царемъ и рече: «Передніи колеса лошадь везетъ, а заднія весили ихъ несутъ». И царь не разумѣ въ глаголѣхъ его силы. И абіе второе узрѣся Соломонъ вспять, разсмѣяся, видѣ царицу съ дѣтищемъ и рече: «Кобыла идетъ, и жеребенка почто за собою влечетъ?» И царь не разумѣ, что Соломонъ говоритъ. И привели его къ шибелицѣ и обстали кругомъ народъ многое множество, зряще чудеса бываемая. И Соломонъ взыде на третій степень лѣствицы и рече царю: «Прикажи, царю, дати мнѣ рогъ трубити: велики бывалъ азъ охотникъ трубить». И царь повелѣ ему дати рогъ. И Соломонъ затруби громко, и войска его зашевелились, стали кони сѣдлати и Соломонъ влѣзе по лѣствицѣ еще выше и затруби громко и потомъ войско его начало на кони садитися и Соломонъ (влѣзе) еще выше къ самой петлѣ. И царица Соломонида рече царю: «Обманетъ насъ, повели ему скорѣе к ти въ петлю». И царь Соломонъ затруби въ рогъ и трубі долго и громко и выѣхали въ бѣлыхъ и кони бѣлые. И царь оглянулся вспять и ре Соломону: «Что сіе?» И рече ему царь Соломонъ: «То есть, ангели идутъ по душу мою». И вторицею озрѣся царь и видѣ всѣхъ выѣхали въ красныхъ и рече царь: «Что сіе». Рече Соломонъ: то есть идутъ ангели по тѣло мое. И третицею озрѣсяцарь вспять и выѣхали всѣ въ черныхъ и кони черные. И рече царь: «Что сіе?» Рече Соломонъ: то есть идутъ діаволи по душу твою. И труби Соломонъ долго и громко, и бросилъ рогъ на землю и засмѣялся и рече царь: «что Соломонъ смѣешися, видя смерть свою?» И рече Соломонъ: то есть—



мои голуби твою пшеницу клюютъ». И царь оглянулся: одно войско Соломоново близь и прочихъ порубиша и приступиша ко царю. И Соломонъ спиде и взя царя, повелѣ его повѣсити въ златую петлю, а жену свою царицу въ сребряну, а дѣтище ихъ въ шелковую: тако скончася. И потомъ поѣде Соломонъ ко граду Іерусалиму со всѣмъ воинствомъ своимъ. И пріѣхавши, нача царствовати и суды судити по прежнему. Тогда жена нѣкая шла путемъ несла въ рукахъ своихъ чашку муки и разнесе у ней вѣтеръ муку и приде она жена къ царю Соломону; и пришла ко царю Соломону, бьетъ челомъ на вѣтеръ. И царь Соломонъ повелѣ призвати кораблешниковъ гостей, и вскорѣ пріидоша къ нему и рече имъ Соломонъ: «Просили вы у Бога о вѣтрѣ въ той часъ, когда жена сія шла путемъ». Они же рекоша: «Просили, чтобъ намъ Богъ далъ погоду ѣхати кораблями». И рече Соломонъ: «Заплатите сей женѣ за муку, потому что у ней вѣтръ разнесъ по вашему прошенію муку, вы просили о погодѣ». Тогда же они наметали ей полну чашу злата и жена она поклонися царю Соломону до земли и отъиде въ домъ свой въ радости.

И тако сія повѣсть имѣтъ конецъ.

III.

Повѣсть о прекрасномъ и наличномъ царѣ и о Соломонѣ. [1])

Бысть въ нѣкоемъ царьствѣ царь славенъ зѣло, величаше себе славою, называя себе красный и наличный царь. И сотвори пиръ великъ зѣло на боляръ своихъ. Егда же бысть весель, глагола боляромъ своимъ: «Милыя мои князи и бояре! изыщите мнѣ невѣсту красну и добру, якоже азъ красный наличный царь». Они же молчаша, ничтоже царю отвѣщаша; токмо единъ другъ царевъ глагола: «О царю! кто можетъ изыскати тебѣ жену такову красну, якоже ты, красный наличный царь?» И выступи нѣкій гость, именемъ Паша, и глагола царю: «Добро молчати и добро говорити. Азъ былъ за моремъ въ царствѣ Соломона царя и видѣхъ царицу его зѣло красну, подобну тебе царю красотою». И рече ему царь: «О милый

[1]) По рукописи XVII вѣка, принадлежащей С. Б. *Ред.*

мой Паша гость: кто ли можетъ у жива мужа жену отнять? а царь Соломонъ мудръ есть.» И выступи другъ царевъ боярипъ и глагола ему: «Красный наличный царь! даждь мнѣ таковъ корабль злата и сребра и каменія драгаго и того гостя Пашу въ товарыщи і ѣду за море въ царство соломоне по смышленію моему и привезу тебѣ царицу ту.» Глагола ему царь: «Друже милый! пожалованъ будешь.» И снаряди боярипъ корабль всякою красотою и сотвори боярипъ въ кормѣ чердакъ зѣло красенъ, а въ немъ написа образъ царя своего краснаго и наличнаго, въ корабли же написа всякимъ умысломъ, сотвори небо подъ верхомъ корабля, и сотвори мѣсецъ и звѣзды и противу ихъ постави стекла хрусталныя и бысть свѣтлость велія: и дивляхуся люди красотѣ кораблю тому и хваляху зѣло. И донде слухъ до палаты царевы. Царица же, слыша, захотѣ ити смотрить корабля; Соломонъ же не бысть во Іерусалимѣ, но въ Хевронѣ. Царица же его дерска суть, поиде на корабль и видѣ украшеніе его и дивляшеся добротѣ его. И, падъ предъ нею боярипъ зъ гостемъ Пашею, глагола ей: «Великая царица! Мы раби нищіи краснаго наличнаго царя.» И глагола ему царица: «Како нарицаеши его красна и налична?» Рече же боярипъ: «Аще не бы красенъ былъ, то бы азъ не возилъ образа его съ собою.» И глагола ему царица: «Покажи ми образъ царя своего.» Глагола ей боярипъ: «Не возможно мнѣ на земли чюжей образа царьска казати.» Она же рече: «Покажи ми, яко царица азъ есмь, но боярынямъ моимъ да не покажеши.» И глагола боярипъ Паши гостю: «Отвори мнѣ комару на кормѣ корабля.» І иде царица тамо и видѣ образъ царя краснаго и наличнаго и дивися ему велми. И принесе ей боярипъ дары честны зѣло и рече царица: «Хотѣла быхъ і азъ видѣти царя краснаго и наличнаго; но не вѣмъ, како ја вижу его.» Глагола ей боярипъ: «Аще восхощеши видѣти его, дай намъ слово крѣпкое и поставимъ тя предъ царемъ краснымъ и наличнымъ смышленіемъ своимъ.» И глагола имъ царица: «Како смышленіе ваше? царь Соломонъ мудръ зѣло.» И глаголаша ей: «Егда пріидетъ отъ Хеврона града, и ты глаголи ему: ««царю Соломоне! скорбна есмь азъ, зѣло жалею по тебѣ»»;—и дадимъ тебѣ по смышленію зелія і изнеможеши и глаголи къ Соло-

мону: ««не могу, царю»» и моли Соломона: ««аще умру, погреби тѣло мое близь пути корабельнаго, зѣло возжелахъ ту погрестися.»» А мы тебѣ дадимъ иного зелія, і объумреши, послѣди же оживимъ тя.» Она же сотвори тако, якоже ей повелѣша. Соломонъ же не позна ея льсти і иде ко отцу своему Давыду и глагола ему: «Отче! царица скорбитъ моя зѣло.» И глагола ему отецъ его: «Чадо! что не родится, то и не скорбитъ.» Царица же потреся зеліемъ вторымъ і объумре тѣло ея, душа же бѣ въ ней. Соломонъ же возвѣсти отцу своему: «Царица моя умре.» Глагола ему отецъ его: «Чадо! отъ скота и до человѣка что не родится, то и не умретъ. Возми клещи желѣзныя и розожги въ огни и прожги у нея деснюю руку: аще умре, и погреби ю ту.» Соломонъ же сотвори тако и глагола отцу своему: «Согрѣшихъ, отче, послушахъ тебѣ: умре царица моя.» И глагола ему Давыдъ: «Чадо! послушай мене: что старыя люди молвятъ, збудется.» И погребе Соломонъ царицу свою ту. Бояринъ же прежереченный той зъ гостемъ Пашею, заплатя пошлину Соломону, и воздвигпуша вѣтрила своя, пойде вонъ изъ Ерусалима, и взя тѣло царицыно на корабль и сотвори смышленіе о ней: и помаза ю зеліемъ и бысть жива. Точію скорбь ея—прозжже Соломонъ длань ея деспую, и то изживи у нея бояринъ и понде въ путь свой радуясь, желая пріяти дары и честь отъ краснаго наличнаго царя и пріиде въ царство его. Царь же дастъ обѣщаніе свое, дары и честь велику и порадовася о смышленіи ихъ безумномъ царь красный паличный, яко у жива мужа Соломона жену отъятъ; а не вѣдый, хваля себя. Царь же Соломонъ мудръ зѣло, хотя видѣти гробъ царицы своея и шедъ, не обрѣте ю ту и глагола отцу своему Давыду: «Прости мя, отче: не послушахъ тебе; глаголалъ ты мнѣ: что старыя люди рекутъ, то збудется;—по истинѣ глаголъ твой праведенъ: прелсти мя царица моя и прелстися на краснаго наличнаго царя; спусти мя тамо, да иду.» И глагола ему отецъ: «Не ходи, чадо, да не посрамлена будетъ мудрость твоя.» Рече же Соломонъ: «Молю ти ся, отче: дай мнѣ благословеніе; ничтоже бо постражу тамо и мудрость моя со мною къ тебѣ да ся обратитъ.» И собра Соломонъ множество кораблей и вой своихъ и зъ коньми и поѣха по морю

къ царю красному и наличному. И призва боярина своего, именемъ Авеса и брата его Іова и дѣти Саруевы и глагола имъ: «Милыя мои! потщитеся нынѣ, идемъ въ царьство чюжее; аще жива мя хощете видѣти и сами живы быти: азъ иду къ царю красному наличному самъ третей; а вы стойте близь моря, да егда услышите рогъ трубящь, скоро кони сѣдлайте; егда же услышите во вторый рогъ трубящь, то всядите на нихъ; аще услышите въ третій рогъ трубящь, то скоро поспѣшите пріити, аще хощете видѣти мя жива; аще ли не поспѣете, то не узрите жива.» И сня съ себе одежду царьскую и положи на себя одежду худу и раздранну и пойде въ царьство краснаго наличнаго царя.

Его же не приключися въ царьствѣ своемъ: поѣхалъ ловити звѣри. Соломонъ же пріиде на дворъ царевъ, крикну громко гласомъ и назва царицу свою именемъ: «Даждь мнѣ милостыню ради краснаго наличнаго царя!» И позна царица царя Соломона и глагола боярину, другу цареву, еяже увезе изъ Ерусалима: «Приведи ми нищаго сего въ палату.» Боярынъ же не позна, еже Соломонъ есть и введе его въ палату; самъ же изыде изъ полаты. И глагола ему царица: «Царю Соломоне! почто ходиши зде?» И глагола ей царь: «Почто прельщаешися на краснаго наличнаго царя?» Рече же царица: «Царю Соломоне! не будеши живъ ты здѣ.» Соломонъ же посмѣяся ей и глагола: «О несмысленая! неудержимаго не удержиши: Соломонъ мудръ есть и мудрости его не возметъ никтоже.» Она же, яко звѣрь, рыкаше на него, и окова его руцѣ и позѣ, и посади его въ сундукъ или въ комарку малу. И пріѣха красный наличный царь съ лову, начятъ ясти и пити и веселитися и глагола ему царица: «Аще здѣ будетъ царь Соломонъ, что учиниши ему?» Глагола ей царь: «И воронъ кости не занесетъ здѣ соломоновы.» Глагола царица: «Не глаголи того; сіеже глаголи, что сотвориши ему?» Отвѣща ей: «Умретъ Соломонъ казнію.» Она же рада бысть о смерти соломоновѣ і изгна изъ полаты всѣхъ и показа ему царя Соломона. Онъ же не позна его, яко Соломонъ есть и глагола ему: «Кто ты еси, человѣче?» И рече ему: «Азъ Соломонъ царь.» Рече же ему: «Почто ходиши здѣ?» И глагола ему царица: «Не дай ему говорить трехъ словъ, убей его,

да не умудритъ тя.» И глаголя царь Соломонъ: «Не слушай, царю, безумныхъ женъ: власы у нихъ долги, а умы скудны. Азъ есмь царь Соломонъ, а ты въ полатѣ хощешъ убити мя; сотвори себѣ славу велику: постави мнѣ виселицу близъ моря и повѣси мя ту; да здѣлай мнѣ петлю златую, а бояринъ моему сребреную, а второму шелковую.» Царь же красный наличный послуша его, повелѣ бояромъ своимъ въ рогъ трубити и готовымъ быти казнити Соломона. И посади его на колесницу скована съ бояры его и повезе его на повелѣнное мѣсто. Егда быть на полу пути, Соломонъ же рече: «Красный наличный царь! что Соломонѣ вопрошу тебе? Поведай мнѣ: что передныи колеса кони везутъ, а заднии камо спѣшатъ.» Царь же красный наличный посмѣяся Соломону, рече: «Сказали про тебя: мудръ еси; а мнѣ мнится ни во чтоже мудрость твоя.» Соломонъ же посмѣяся, глагола ему: «Наличный царь! Чему ся смѣеши? Къ смерти ідеши.» І умолче Соломонъ глаголати; довезе его до мѣста нареченнаго и приступи спикулатарь къ царю Соломону. Соломонъ же возопи къ царю красному наличному: «Царь! принеси ми рогъ булавъ меду, да ся напію.» Царь же наличный принесе ему рогъ меду изъ своихъ рукъ. Царь же Соломонъ на лѣствицу на ступенъ первую и вторую выпи рогъ съ медомъ и вострубя великимъ гласомъ. І услыша сила царя Соломона, седлаша кони. Царь же красный наличный не разумѣ войска соломонова и глагола Соломонъ: «Даждь мнѣ еще рогъ меду, да пію.» И даде ему вторый рогъ и выпи и вострубя: и сяде сила соломонова на кони и распусти хоругви свои. Царь же красный наличный: «Что се, Соломонѣ, зрящи близъ моря, яко хоругви царскія трепещутъ?» Глагола ему Соломонъ: «Красный наличный царь! Я на четвертой ступени лѣствицы стою, ничтоже вижу; аще ты видиши, то Богъ шлетъ на мою смерть херувими, серафими; зѣло убояся душа моя: дай мнѣ пити третицею.» Даде ему царь рогъ меду. Онъ же воступи 6 ступеней, выпи рогъ съ медомъ и вострубя великимъ гласомъ. И глагола красный наличный царь: «Что се творишн, царю? Ізраилевы не творятъ сего цари.» І обыдоша вои соломоновы краснаго наличнаго царя и нача сещи, посѣкоша множество вой краснаго наличнаго царя, а бояръ его живыхъ поимаше и краснаго

наличнаго царя и боярина его, которой бѣ привезъ изъ Ерусалима царицу соломонову и гостя Пашу. Соломонъ же стоя на виселицы, тогда пріяхъ бояра его Іова і Авеса, дѣти соруевы, выскочи на виселицу и снятъ оттуда Соломона, падъ, поклонишася ему до земли: «Здравствуй, царю Соломонѣ!» И глаголя: «Будѣте здравы и вы!» И посмотри на побитое войско многое множество и глаголя имъ: «Потщилися, друзи мои милыи! низложили врага моего на землю: Іова бо избиваетъ единъ сто мужъ, і Авеса, братъ его, триста мужъ побитъ.» И приведоша предъ Соломона краснаго наличнаго царя скована. Тогда, видя его наличный царь, и прослезися, глаголя: «Прельсти мя еси, Соломонѣ, мудростію своею; поистиннѣ говорила мнѣ царица: ««не дай ему трехъ словъ молвити, убей его,»» і азъ не послушахъ ея: нынѣ самъ смерти достоинъ.» И повелѣ его Соломонъ росковати и снати съ него діадиму царьску: положи ю Соломонъ на себе; на царя же наличнаго роздранную свою одежду положи. Приведоша боярина того, еже кой уведе царицу изъ Ерусалима и гостя Пашу; повелѣ ихъ всѣхъ трохъ связати, посади ихъ на колесницу ту, на ней же бѣ Соломонъ сидѣлъ, повезе ихъ въ царство. Царица же веселяшеся о смерти соломоновѣ, дожидая краснаго наличнаго царя своего; пойде во стрѣтеніе ему. Соломонъ же въеха во градъ и поби люди оставшія и взя царицу свою, и все злато и сребро и всякую вещь и каменіе драгое и разори царьство краснаго наличнаго царя и поеха вонъ и взя съ собою наличнаго царя и царицу свою. Егда же [1]) бысть на мѣстѣ томъ, еже глагола красному наличному царю: «Помнишн ли, царь, я тебѣ загадку загапулъ: предныи колеса кони везутъ, а задніи куды спѣшатъ? а ты мнѣ сказалъ: дивлюся тебѣ, царю Соломонѣ: сказали тебя мудра, а ты ничего не знаешн; яже умолча, нынѣ ты разумѣй; тебѣ глаголъ сей: предныи колеса кони везутъ, а задныи привязаны—тебя привязала ко мнѣ на смерть.» И глагола ему наличный царь: «Нынѣ разумѣхъ всю мудрость твою.» Привезе его къ виселицы; онъ же видѣ и воздохнувъ и рече: «Горка мн смерть.» И глагола ему царь Соломонъ: «Не прель-

[1]) Въ рукописи: *Еюже.*

щайся, уловятъ тя: что глаголетъ мудрость моя? Не познай жены чюжей, да не уловитъ тя доброта ея.» И повеси его ту: «Се тебѣ петля златая згодилася» И глагола боярину, другу его: «Ты скоро не выслуживыйся!» Онъ же, стое, воздохнувъ горько: «Братія молча і азъ похвалихся предъ царемъ наличнымъ.» И глагола Соломонъ: «Повесите его лыпною петлею.» И повесиша его. И приведоша гостя Пашу и глагола Соломонъ: «Мужикъ страдникъ! добро бы тебѣ молчати на чюжей земли. Что видиши? Повесите его мочалною петлею: достойны того всѣ вы троя.» И глагола къ царицы своей: «Милая моя! не прельщайся на краснаго мужа.» И снятъ съ нея дидиму царску и постави ю въ одной срацыни. И приведоша жребца неученаго и привязаша ю по персемъ [1]) ея и пусти его; онъ же сокруши плоть ея и кости. Царь же Соломонъ мудръ есть: даде указъ по достоянію всѣмъ и возяратися во Іеросалимъ.

---

[1]) Въ рукописи: *пелсема*.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДРАМА [1])

Антипрологъ.

НАТУРА ЛЮДСКАЯ

Натура людска, въ образъ Бога есмь созданна,
Разумъ, память и воля суть мнѣ дарованна,
Не дарованна: паче данна, не отъята
Отъ преслушавшой Бога чрезъ зміа треклята.
Занеже ми есть отъята мудрость и святыня,
Безсмертіе, нетлѣнность, житія простыня,
Разумѣ разумомъ, яко злоимъ объяхся;
Знаетъ и память, яже въ раѣ наслаждахся;
Воля ми безвольная оковася узомъ,
Съ нею разумъ и память единымъ союзомъ:
Дерзнетъ воля на радость, память памятаетъ,
Яко за малу радость вѣчная скорбь чаетъ.
Егда хощетъ простерти въ самовольство руки,
Разумъ речетъ: памятай діавола штуки,
Како тя безсмертную въ рай уловиша
За дерзость сѣтьми смерти и тѣми сокрыша,
Тымъ ся ми разумъ. Память воля упражнятъ,
Вѣсти же ни отъ кого отмѣнныя чаетъ.

ОМЫЛНАЯ НАДЕЖДА [2]).

Что, натуро людская, сѣтуешь созданна,
Надъ все зданіе лучій Богу подобанна?
Имущой образъ Бога что ти не довлѣетъ,—

---

[1]) По рукописи прошлаго вѣка Императорской Публичной Библіотеки XIV, Q, 28 (въ Описан. рукоп. гр. Толстова отд. II, № 423), ex bibliotheca Arcangelina. Имя сочинителя драмы въ рукописи не названо. Можетъ быть, она принадлежитъ Димитрію Ростовскому. Многія мѣста испорченны переписчикомъ и возстановить ихъ трудно. *Ред.*

[2]) Въ рукописи: *омыанная.*

Красота и лѣпота егда ти свѣтлѣетъ?
Имашъ ты покорена вся, яже суть въ мірѣ:
Лѣтвующіи, ходящіи [1]) и пловущіи звѣри,
Вся сія покорена суть подъ твоя нозѣ.
Убо не сѣтуй, паче радуйся по Бозѣ.

Натура.

Вся ми суть покорена, но и азъ поддана
Смерти, егда согрѣшихъ въ рай, первозданна!

Надежда.

Не отчайся, Натуро: имѣй мя, Надежду;
Возведъ очи, посмотри: зостаешъ между
Коими вѣщми: се ти вѣкъ златый послужитъ.
Миръ въ брань не претворится, луна не натужитъ;
Любовь, кротость, незлобіа съ тобою пребудутъ;
Фортуна, вѣчна радость неотступны будутъ.

Натура.

Аще тако есть, добрѣ: се скорбь отлагаю,
Радостна веселюся, скачу и играю.
Златъ вѣкъ, миръ, счастье, радость мене окружаютъ,
Убо сердцу моему скорби не стужаютъ.

Вѣкъ златый.

Счисляй, о Натуро людска, внѣ златыя часы:—
Златый ти вѣкъ вѣщаю нехитрыми гласы.

Покой.

Смотри, Натуро людска, на сію маслину:
О ней мира, не вбрани чрезъ мене чай выну.

Любовь.

Азъ Любовь симъ союзомъ къ тебѣ привязанна:
Понеже ма имѣешь, вся тебѣ суть данна.

Кротость.

Всегда въ Кротости сердце ти да веселится,
Тому злобная язва никогда случится.

Незлобіе.

Чрезъ Незлобіе на тя гнѣвъ никто воздвигнетъ,
Радуйся: злоба бо тя никогда постигнетъ.

Въ рукописи: *хотящіи*.

Радость.

Внимай сладкогласному сему инструменту;
Сего слыша, никогда дознавай ламенту.

Фортуна.

Дотоль, Натуро людска, пребывай весело,
Донележе фортунно не станетъ ми коло.

Натура.

Благополучныи нынѣ приспѣша ми часы,
Егда радостотворны слышу отъ васъ гласы.
Такъ есть, якось Надежда прежде возвѣщала —
Съ златымъ мнѣ вѣкомъ радость истѣ обѣщала,
Радость на златомъ вѣцѣ и въ нѣдрехъ фортуны.
Радости! весели мя, исправь своя струны.

Строитъ и Разсужденіе приходитъ.

Разсужденіе.

Тако ся уловила чрезъ вѣсть неистову!
Се радости измѣну имаши готову.
Смотри, како измѣна вещи преплетаетъ
И благополучіе бѣды сообщаетъ.
Уловила Надежда тебя нечаянно,
Егда Разсужденіе бѣхъ отъ тя попранно!
Гдѣ Надежда омылна, яже тя прельстила,
Яже ти словесъ сѣтьми лѣстнѣ уловила?
Слыши, что Вѣкъ желѣзный будетъ глаголати,
Егда златый Вѣкъ можетъ ему постояти.
Зри и что противная противнымъ сотворятъ;
Увидишь, яко радость на плачь ти претворятъ.

Желѣзный вѣкъ.

Что при натурѣ людской себе водворяешь?
Или мене крѣпчайша на себѣ не знаешь?
Удержиши ли прелесть, въ десницѣ ти сущу,
Егда моя желѣзну кулю испущу?
Зри: злато и желѣзо катится еднако,
Не можешь быти лучшимъ надъ мя, вѣруй всяко,
Златыми си часами людей уловляешь
Въ своя сѣти, а моихъ желѣзныхъ не знаешь.
Азъ убо совокуплю со желѣзомъ злато,
Да вѣсть Натуро, яко есть не злато, блато.

Не будешь отъ союза сего разплетенный,
Но во вѣкъ со мною будеши слученный.

Брань.

Ты чрезъ увидаему льстиши ю маслину.
Зри: мечь брани ту сѣчетъ и такъ будетъ выну.
Да не речеши: «миренъ въ вѣкъ миръ пребываю»,
Въ самый корень маслины мечь свой угружаю.

Ненависть къ любвѣ зубы.

Ты, Любве, что вѣщаешь пожити сугубы
Симъ союзомъ, сія вся претрутъ мои зубы.

Ярость стрѣла къ кротости.

Ты речешь, яко Кротость язвы не достигнетъ;
Се чрезъ стрѣлу Ярости язва ту постигнетъ.

Злоба.

Ты незлобіе знаком'ъ что натуру язводишь?
Рцы, како ту отъ уза злоба освободишь.
Се жало въ неповинномъ агнцѣ углебаетъ,
Ниже съ него изыти когда помышляетъ.

Къ радости плачь; плачъ.

Радости! своя струны ты устроеваешь,
А змоченну слезами плату не внимаешь.
Радость, сладость, плачь платомъ тебѣ воспящаю,
Омоченнымъ слезами, струны отягчаю.

Зависть къ фортунѣ; спрѣчь Коли.

Престани, Коло, точитися всуе,
Въ котромъ Натура заводится буе
Прежде ти въ адъ: не стерся крюкъ мой, препинаетъ,
Да натура фортуну, какова есть, знаетъ
Въ точащомся фортунѣ силы не познаетъ;
Неудержанно Коло зря, да разсуждаетъ.

Натура.

О люто окаянство въ сустномъ семъ міри!
Почто лестной надеждѣ азъ бѣдна ахъ вѣры?
Веселыми помыслы впредь мя исполнила?
Нынѣ тужде радость на плачь претворила,
Егда злата желѣзный вѣка побѣждаетъ,
Брань покоя маслину мечемъ посѣкаетъ.

Во всемъ полно измѣны и непостоянства,
Горе въ житіи моемъ всего окаянства,
Ничто истиннѣйшаго паче смерти чаю,
Жду гроба, а красоты вѣнецъ мой слагаю,
Иду окруженная печальми и бѣды.

Всѣ.

Мы твоими, Натуро, купно пондемъ слѣды.

Смерть.

Го! го! го! радуюся, Смерти, отъ Адама,
Царствующая даже и до Авраама,
По Авраамѣ дотоль свободно царствую
Человѣческимъ родомъ сильна властенствую,
Царей и князей подъ моя покоряю нози,
Сильны вои падаютъ предо мною мнози.
Всѣ боятся: всѣхъ бо азъ отъ сею косою
Препинаю якъ цвѣты полныя з росою.
Едина сильна, славна есмь смерть во вся вѣки,
Безъ останка потреблю азъ всѣ человѣки.
Сама Натура людска добрѣ то познала:
Прозрѣвши мою силу, съ фрону сего встала,
Вѣнецъ красоты съ главы своея сложила,
Мя боящися, власти та моей вручила.
Сяду на престолъ, возьму и вѣнецъ на главу,
Да всѣ видятъ у смерти безсмертную славу.

Жизнь.

Стой и не прикасайся трону человѣка,
Иже ти не подлежитъ во вся вѣки вѣка.
Азъ есмь Жизнь, яже придохъ того оживити,
Живота безконечна въ вѣки сподобити;
Ты же властелинствовать не дерзай безъ суда,
Изыйди оттоль скоро, иди полна студа:
Азъ власть имамъ живити, азъ и умертвити,
Смерти или житію вѣчному вручити.

Прологъ.

Маловременна лестна міра сего слава,
Ищущимъ себѣ въ сладкихъ смертна есть отрава.
Яко бо въ себѣ жало медъ утаеваетъ
И, уста наслаждающъ, внутренность уязвляетъ:

Сице и сего міра сладость въ себѣ имѣетъ,
Сладкую жизнь множае желчію кончаетъ.
Образъ сего въ Иродѣ есть треокаяннымъ,
Зѣло въ суетныхъ мира сластѣхъ окованнымъ.
Уже за временную, гибнущую славу
Противъ самого Бога гордую си главу
Возноситъ: Того чрезъ зависть искаше убити,
Дабы маловременной чести не згубити.
Ищуще же, невинныхъ множество отроковъ
Изби за агнцевъ сущихъ безъ пороковъ,
За что и самъ воскорѣ, истымъ судомъ Бога,
Претерпѣ; днесь во адѣ терпитъ зла премнога.
Со не токмо словомъ и дѣломъ изъявимъ,
Да крѣпость нынѣ Бога рожденна прославимъ,
Сему всякъ съ охотою, молимъ, да внимаешь,
Ты же, архіерею, да благословляешь.

КОМЕДІЯ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Явленіе 1-е.

Земля.

Аще не отъ естества есмь земли стенати,
Яко вещи бездушной слезы проливати,
За сладко пловущія водныя потоки,
Шумящія съ внутрности твердѣйшой опоки;
Обаче не держу, повторяя: горе!
Точу слезъ прегорчайшихъ пространное море.
Увы, увы! проклята за грѣхъ есмь Адама
И Еввы, яже яблко урве си рукама—
Въ раи заповѣданно. Азъ за красныи цвѣты
Волчецъ родити буду мерскій во вся лѣты.
Красна бѣхъ, доброплодна, раждахъ не оранна;
Нынѣ тща аще и есмь, потомъ поіанна,
Никогда же на перво буду возвращенна,
Ниже по проклятіи паки освященна.

Небо.

Не сѣтуй, Земле скорбна, паче веселися:
Честь ти болша преждніи нынѣ устроися,
Не клятіе, но большу улучишь святыню
Чрезъ Бога воплощенна вѣчну благостыню,

Той мя, Небо, преклонивъ на тя, земле, снидѣ
Человѣкъ бысть, человѣкъ да на небо изыиде.
Отъ твоея созданны трости сообщися.
Божеству убо тебѣ не лѣть есть пещися
Будешь мнѣ, неклятому небу, пріобщенна;
Азъ земля, ты же небомъ будешь нареченна,
Яко же Богъ нареченый есть человѣкомъ,
Смертенъ человѣкъ Богомъ живымъ во вѣки вѣкомъ

Земля.

Небо! роса словесъ ти мя не орошаетъ,
Но паче вздыханіемъ тяжкимъ изсушаетъ:
То глаголетъ, емуже быти не возможно,
Азъ же божія знаю словеса неложна,
Имн же есмь проклята; ты же мя случаешь
Со собой бо съ водою огнь то сообщаешь.
Можетъ ли тьма тамъ быти, гдѣ свѣтлость сіяетъ?
Гонитъ отъ себя тьму свѣтъ, а не сообщаетъ.

Небо.

Земле! не печалися; скоро ся утѣшишь.
Миръ на тебѣ вѣщающъ скоро гласъ услышишь
Миръ мірови даруяй пріиде къ тебѣ миренъ
Іисусъ Христосъ, сынъ Божій, агнецъ кротокъ, смиренъ.
Той тя милосердіемъ на перво претворитъ,
Той тя быти другиню мнѣ, Небу, сотворитъ.

Земля.

Прійдетъ? аще и пріидетъ, огнь вовреши пріидетъ;
Не благословеніе, мечь изъ устъ его изыидетъ.

Небо.

Ни, земле! речетъ: азъ есмь на землю пришеды,
Да жизнь имать и лишенъ всякъ земли прошеды.

Земля.

Побѣдихся, о Небо, для твоей порады;
Жду отъ Бога реченной чрезъ тебѣ отрады.
Пѣніе: Христосъ раждается славите и прочая.

Милость Божія.

Непзреченна Милость Бога, необъята,
За преступство Адама мірови отъята:

Егда тотъ запь [illegible] нину прикоснуся плоду,
Наведе прокл[illegible] общему си роду,
Заключи двер[illegible] тую небеснаго града,
Отверзе тьму [illegible] тѣшну лютѣйшаго ада.
Но не прогнѣ[illegible] въ вѣкъ Богъ, не враждуяй
Пріиде подълѣ [illegible] милость мірови дарствуяй.
Человѣкомъ бываетъ чрезъ милость премногу,
Да бренна человѣка уподобитъ Богу,
Нынѣ небо земля бысть, земля небомъ убо.
Земля, небу [illegible] чена, радуйся сугубо!
Ликуй, небо! м[illegible]
Человѣкомъ напол[illegible].
Да сорадуются ти [illegible]
Егда сожительств[illegible]
Земле, за змія [illegible]!
Радуйся, яко б[illegible]
Уже не къ тому [illegible],
Но будешь украш[illegible]ты.
Первый Адамъ с[illegible]ими,
Вторый Адам[illegible]
Пресвятыми, [illegible]ды
И вожделѣнными ти [illegible]

Земля.

О Милости божія неизглаголанна!
Азъ, Земля, грѣхомъ Еввы весьма окаянна,
Подъ твои пречистыя скланяюся нозѣ,
Чту тя, славлю и хвалю во вѣки о Бозѣ:
Понеже мя грѣшную дотоль сохраняла,
Нынѣ же красотою неба увѣнчала.
Сама облакомъ легкимъ съ небеси находишь,
Тягость же мою бренну на небо возводишь.
Буди благословенный во вѣкъ вѣковъ Боже,
Яко твоя милость мнѣ грѣшной поможе!

Небо.

О милости всещедра! подъ прекрасныи нозѣ
Преклоняюся, Небо, волею по Бозѣ.
Молю: идѣже еси, да буду съ тобою,
Совокупи мя, земле, во вѣкъ со собою.

Милосердіе.

Земле! чрезъ милость Бога небу приближися,
Небо! чрезъ милость Бога земли примиряся:
Се васъ союзомъ златымъ на вѣки сопрягаю,
Миръ, единство и любовь на васъ полагаю.

Небо.

Слава во вышнихъ Богу днесь о семъ да буди!

Земля.

Миръ земли благовольны да воспоютъ люди.

Пѣніе: Слава въ вышнихъ Богу и прочая.

Явленіе 2-е.

Вражда или зависть.

Горе ахъ Люцеперу и цѣлому аду!
Такъ то намъ Милость божа сотвори отраду.
За единъ токмо помыслъ всѣхъ съ неба свергаетъ,
Человѣка за дѣло въ небо исправляетъ.
Лучшели есть браніе, нежели духъ чистый?
Ахъ человѣкъ сталъ Богомъ, азъ же духъ нечистый
Отъ всѣхъ есмь нареченна,—азъ прежде созданна,
Азъ архіерейскимъ ликомъ вѣнцомъ увѣнчанна;
А человѣкъ прахъ, пепелъ, персть едина бренна,
Мнѣ на поруганіе тако вознесенна.
Егда Люцеперъ мнѣлся равенъ Богу быти,
А человѣкъ врагъ дерзнулъ дѣломъ совершити;
На время намъ сообщенъ, имѣетъ отраду,
Мы же на вѣки вѣковъ вздохомся аду.
Горе! горе! снѣдаетъ ядъ мою утробу;
Персть, вѣчному имуща предатися гробу,
Въ нашихъ прежнихъ жилищахъ себе водворяетъ.
Горе! горе! сердце ми зависть растерзаетъ
Зря горести услаждаюсь снѣденіемъ сердца
Горькій въ міра сладостяхъ буди ти мордерца.
Дондеже Богъ есть Богомъ, адъ безсмертный адомъ,
Смертнымъ ада сѣяти буду на тя ядомъ.
Процвѣтутъ моя плоды, убійство и вражда,
Тѣмъ плодомъ утолится кровавымъ ми жажда.
Вулкане, о Вулкане, тя молю усильнѣ,

Остра ми оружія надобно есть зѣлнѣ.
Поспѣшете на помощь, охотны Цыкліопы!
Возжигайте огнь, бронты, бійте въ млатъ, стеропы!
Мечи, копія, узы, остры куйте стрѣлы:
Сія въ Іудейскіе разсѣю предѣлы,
Сотворю пролитіе крове, яки море, (*крится*)
Не единому сотворитъ мечь горькое горе,
Упіется копіе не въ едну утробу,
Поплыветъ крове токомъ не единъ ко гробу.
Будетъ здѣ и невинный мечемъ погибати,
Будетъ себе самого мечемъ побивати,
Тако чрезъ сѣть смертную пойдетъ въ ада узы
Исцѣлитъ растерзанну утробу Медузы,
Цыкліопы вси вместе говорятъ.
Се огнь возжигаемъ, въ млаты ударяемъ,
Копіа и узы для тебѣ, медузы и мечи
И стрѣлы въ іудейски предѣлы готуемъ,
Готуемъ тебѣ, подметуемъ. Примайся,
Цыклиопе; бій крѣпко, стеропе, бронте.
Не лѣнися, Враждѣ прислужися.

Пастырiе.

Два будто пошли въ городъ для покупки, а третій при овцахъ быхъ, наступившой же нощи пошолъ тѣхъ искати и прочее.

Пастырь 1. Борисъ.

Судари мои свѣты! здорово ли живете?
Вы въ семъ мѣстѣ собраны подавно сѣдите.
Не видали ли моихъ товарищъ, идущихъ
Въ городъ или зъ города кошели несущихъ?
Одинъ уже и пристаръ, маленько горбатый,
Кривъ на глазъ, имя ему Аврамъ сторожатый;
Другой молодъ, именемъ Афоня названный,
Въ старомъ шубіонку, что намъ въ подпасочки данный.
Пошли въ городъ для хлѣба на ужину купити,
А мене оставили овечокъ хранити.
Замѣшкали; а уже нощь темна приходитъ,
А на менѣ едного страхъ велікъ находитъ.
Я, бросивъ и овечки, пошелъ ихъ искати.
Въ городъ далеко, страшно, здѣ ихъ буду ждати,
Сядетъ.

Ой Аврамъ, Аврамъ! тоже зайшолъ на кружало!
Когда ему какое тамъ лихо не стало!

Пастырь 2. Аврамъ.

Борисе! чего ты здѣсь, а овци покинулъ?

Борисъ.

А ты для чего, въ городъ пошодши, загинулъ?
Пришелъ вечеръ, я овцы загналъ во ограду;
А самъ уже пошолъ былъ васъ искать ко граду.
Кое васъ тамъ такъ долго лихо удержало?

Аврамъ.

Не покручинься, братецъ: зайшолъ на кружало,
За алтынецъ винишка и съ парнишкомъ испивъ.

Борисъ.

Отъ вѣть я догадался! а мнѣ то не купивъ?

Аврамъ.

Никакъ, купилъ и тебѣ: какъ вѣть не купить?
Малецъ, вынь ми съ кошеля. Не зволишли испить?

Борисъ.

Нутко сядьтежъ и сами пораз напьемся
Хлѣба купили ли? *(Афоня говоритъ: есть)* гораздо подкрѣпѣмси.

Афоня.

Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ тебѣ соль, вотъ и калачи!
Кушай, старичокъ здоровъ, а насъ не ворчи.

Аврамъ.

Да кушайможъ поскоряя, пора итти къ стаду,
Штобъ иногда какой волкъ не влѣзъ во ограду.

(поютъ ангели, а они забудутся кусы въ ротахъ. Думаютъ что одинъ на одного смотритъ, нескоро въ небо).

Аврамъ.

Што, братъ, гдѣ же такъ гетакъ поютъ хорошенько?
Еще я такъ не слыхавъ; ты слышишь, Афонько?

Афоня.

Я вже слышу и вижду ей птички высоко.
Смотрѣте. Едбакъ ваше не досмотритъ око:
Ты старъ, ты на глазъ хромъ. Вотъ въ гору смотрите.

Борисъ и Авраамъ.

Е! е! е! видимъ, видимъ..

Афоня.

А што правда птички.

Авраамъ.

Братъ, кажется, робятка стоятъ не велички?

Афони.

Сударь! и хто видалъ робята съ крылами?
Птицы то залетѣли межи облаками:
Етакъ бы хорошенко робята не пѣли.
Смотри, смотри: не видно, вотъ и полетѣли.

Борисъ.

Лететѣжъ здоровенько, а мы поседѣмо;
Маленько покушавши, къ овечкамъ идѣмо.

Авраамъ.

Когдабъ же такъ надъ стадомъ нашимъ всю мощь пѣли,
Тобъ мы, ихъ слушаючи, спати не хотѣли.
Афоня! ты учися на дутки играти,
Штобы мы не хотѣли да и ты дремати.

Явленіе 3-е.

Ангелъ къ пастырямъ.

Убоятся.

Радость, о пастыріе, отъ мене пріимѣте
И не ужасайтеся; но словомъ внемлете.
Радость нынѣ велія мірови явися,
Спасъ человѣческому роду родися
Отъ пренепорочныя Маріи дѣвицы,
Небесныхъ купно земныхъ жителей царицы.
Близь града Вифлеема въ вертепѣ глубокомъ,
Между воломъ и осломъ, на мѣстѣ высокомъ,
Въ яслѣхъ, на остромъ сѣнѣ, пеленами ввитый,
Нищъ лежитъ всего міра царь презнаменитый.
Такъ убо веселыма ногама идѣте,
Достойную ему честь и поклонъ дадѣте.

Борисъ.

Осударь! кто ты таковъ? ты княжего рода?
Чаю, что князь твой или воевода.

Ангелъ.

Азъ есмь архангелъ не отъ земна рода,
Но отъ небесныхъ ликовъ воевода,
Неприступну престолу Бога услугую
И тайны того міру азъ благовѣствую,
Еже и вамъ вѣщаю, отъ его посланный;
Тому поклонъ да будетъ отъ васъ нынѣ данный.

Аврамъ.

Чаю тебе, государь, къ князямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ нищимъ пастухамъ. Что ты заблудилъ
Или не вслухалъ? вѣстникъ къ намъ таки не ходилъ.

Ангелъ.

Аще и царь есть царемъ, нынѣ же смиренный,
Волею между скоти встай положенный,
Нищету возлюбивый, васъ нищихъ взываетъ;
Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ пастырей чаетъ.

Борисъ.

Осударь! надобноли что въ поклонъ понести,
Штобъ не велѣлъ, якъ нашъ князь, у шею вонъ вести?

Ангелъ.

Господь вашъ и Богъ благихъ вашихъ не требуетъ,
Не хощетъ себѣ даровъ, но онъ да дарствуетъ.
Чисто сердце за дары тому принесите,
Вѣру, надежду, любовь ему предложите.
Глаголанная мною скоро сотворѣте,
Азъ буду не видимъ, вы въ вертепъ идѣте.

Борисъ.

Штоже такъ итти худо худѣмъ? украсѣмся,
Въ чулки, лапти новые, пойдемъ, приберемся.
Афоня! позабирай калачи и вино;
Да и ты приберися, пойдемъ всѣ за одно.

Пѣніе:

Ангелъ пастыремъ вѣстилъ:
Христосъ ся вамъ днесь родилъ
Въ Вифлеемѣ, градѣ Давидовомъ,
Въ колѣнѣ Іудовомъ отъ дѣвы Маріи.

Хотяще знать извѣстно,
Еже имъ благовѣстно,
Въ Виѳлеемъ скоро пошли,
Отроча въ яслѣхъ знашли,
Матерь со Іосифомъ.
То дивное рождество
Не изречетъ вѣтѣйство:
Зачала дѣво сына въ чистотѣ
И родила въ цѣлостѣ
Дѣвства своего.

Явленіе 4-е.

ПАСТЫРІЕ ПРИШЛИ КЪ ВЕРТЕПУ.

БОРИСЪ.

Постойте же вы здѣся, я посмотрю пойду,
Естьли въ яслѣхъ реченный, и знова къ вамъ приду.
Есть братцы, есть и не спитъ, и матушка сѣдитъ,
Ангели поютъ и старъ Іосифъ тамъ стоитъ.
Ходѣмъ; я скажу: здравствуй; ты рцѣ: милость пошли;
А ты скажи: прости намъ, что ни съ чимъ здѣ пришли.

АВРАМЪ.

Тихонько же отопри. Не спитъ ли рожденный?
Не замай спитъ, чтобъ не былъ нами возбужденный.

ПѢНІЕ ВЪ ВЕРТЕПѢ.

Нынѣ весь міръ да играетъ:
Дѣва Христа рождаетъ,
Младенца первенца,
Небеснаго облюбенца.
Во вертепѣ днесь рождаетъ
И во яслѣхъ полагаетъ
Іисуса Христа Бога иста,
Повиваетъ Бога чиста.

БОРИСЪ *поклоняется.*

Здравствуй, о Спасителю, намъ нынѣ рожденный,
Самовольно въ яслѣхъ смиренъ положенный!
И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чимъ бы тебе нашему согрѣтися свѣту!
На небѣ, якъ сказуютъ, въ тебе полатъ много;

А здѣсь что въ вертепишку лежиши убого,
Въ яслѣхъ, на остромъ сѣнѣ, между бун скоты,
Нища себя сотворивъ, всѣмъ даяй щедроты?
Это намъ деревенскимъ здѣ лежать приличпо,
А тебѣ, Спасителю, этакъ необычно.
Но понеже извольнѣ такъ себя смиряешь,
Царь царемъ сый нищету толику примаешь:
Буди благословенный Боже во вѣки вѣковъ,
Возлюбивый насъ грѣшныхъ тако человѣковъ!
И паки реку: буди Богъ благословенный,
На спасеніе міру всему нарожденный!
И ты, того рождшая, будь благословенна,
Мати Бога и Дѣва во вѣкъ прославленна!
Ты, кормилецъ старенькій, буди же хвалимый,
Отъ него же отрокъ здѣ положенъ хранимый!
За лучшое привѣтство на насъ не дивѣте,
Пастухамъ деревенскимъ, молимся, простѣте.

Аврамъ.

И азъ ти кланяюся, Боже воплощенный,
Да насъ возвеселиши, въ плоти умаленный!
Плачеши, здѣ лежащій за грѣхи Адама;
Обрадуй же плачуща и мене, Аврама.
Дай благословеніе всѣмъ намъ, Бога чадо!
Спаси наше, еже мы въ полѣ пасемъ стадо!
Спаси и домы наша и въ нихъ всѣхъ живущихъ!
Помилуй и насъ нищихъ, здѣ при тебѣ сущихъ!
Мы тя хвалимъ и хвалить будемъ по вся годы.
Да хвалятъ тя, Спасе нашъ, во вѣки вся роды!
Къ тебѣ, Бога мати, главу преклоняю,
Тебѣ, святый Осипе, челомъ ударяю:
Помолитеся за насъ къ воплощенному Богу,
Да подастъ намъ во свояси щастливу дорогу.

Аѳоня.

Напослѣдокъ и я нищъ къ тебѣ припадаю,
Боже намъ нарожденный, и Тя величаю:
Буди благословенный Боже нашъ во вѣки,
Яко еси возлюбилъ тако человѣки!
Оставивши на небѣ златыя полаты,
Изволилъ еси пожить здѣ между бытляты.
На одномъ сѣнцы лежишь, якъ какой сирота;

Всѣхъ одѣваешь, а Ти окрываетъ нагота.
Подобало бъ, дабы мы чимъ Тя подарили,
Послали бъ что миконько или чимъ покрыли;
Но прости: нищи есмы, нимамы ничтоже.
Прости ны, милостивый и всещедрый Боже!
Прости и благослови и ты, Мати Богу,
И ты, святый Осипе, за милость премногу!
Идѣмо во свояси: насъ благословѣте:

Всѣ.

Въ путь идущимъ и дома сущимъ помозѣте.

Пастырiе людямъ возвѣщаютъ.

Радуйтеся людiе: родися Спаситель,
Истинный всего мiра Богъ и откупитель.
Мы тому самовидцы, своимъ зрѣли окомъ:
При градѣ Виѳлеемѣ, въ вертепѣ глубокомъ
Лежитъ въ яслѣхъ на сѣнѣ отрочокъ маленькiй,
Тамъ и матушка его и Осипъ стареньхiй.
Мы имъ поклонилися да домой ступаемъ;
А что тамъ видѣли, всѣмъ вамъ возвѣщаемъ.
Здравствуйте, радуйтеся, веселы ликуйте,
А Христа рожденнаго всѣ купно празднуйте!

Явленiе 5-е.

Любопытство звѣздочетское

Что въ теченiи круговъ вышнихъ ся являетъ
Новаго, яко умъ мой недоумѣваетъ?
Вѣмъ о моемъ искусствѣ, имъже не хвалюся:
Мѣсто зодiй, звѣздъ рещи не мало сумнюся,
Полудня кругъ на мѣстѣ, зовомъ анстаритосъ,
Блюдетъ своего мѣста полунощный вритосъ;
Овенъ станетъ на востокъ, солнце вонь вселится
И теченiе начнетъ, Юнецъ удалится.
Близнята, Ракъ, Левъ, Дѣва полудня обнимутъ;
Вѣсъ, скорпiй, стрѣлецъ, козлищъ полунощи пріимутъ,
Скудель, воду лiющи, къ нимъ же прилучится;
Двойство рыбъ водолюбныхъ при немъ ся явится.
Поллюксъ стоитъ, Кастору свѣтла одѣляющь;
Блещитъ отъ него Касторъ свѣтло занимающь,

Звѣзда морска, навклѣромъ являющи пути,
Цѣнозура не можетъ съ мѣста ся двигнути.
Вижду же въ своемъ чину дождевные пады
Являющіи сушу, такожде плеяды,
Сихъ быти неразличныхъ азъ да созерцаю,
Имена ихъ подробну сице нарицаю:
Сія подъ седми на два раздѣленныи чины,
Являющіи сушу и дожда пучины:
Пасиео, Пиео, Тихе, Евдоръ, Амвросія,
Коронисъ, Иплоксаврисъ, дождевны суть сія;
Електра, Алкіона, Мая, Астеропе,
Келена танесета, Инеиста, Меропе
Сія вторы седмица сушу изъявляетъ.
Въ семъ звѣздъ мой умъ теченіи чинъ и силу знаетъ;
Но не вѣмъ, что за звѣзду нынѣ впжду нову
Не на обычномъ мѣстѣ. Мню ю неистову:
Всяка звѣзда на твердѣ небесномъ сіяетъ,
Сія между облаки себя водворяетъ,
Блещитъ несравненно надъ всѣхъ звѣздъ свѣтила;
Не можетъ умъ понти, что есть въ ней за сила,
Что болѣе полунощъ всѣ звѣзды смѣряетъ,
Ея луча въ полудне себе исправлаютъ.
О кто бы ми повѣдалъ, что есть въ ней за сила.
Иду, гдѣ Валаама мудраго могила.
Воскресни, Валааме, гробъ ти открываю.
Что се звѣзда нова, повѣжь ми, желаю.
Ты аще тѣломъ сложенъ въ гробѣ почиваешь,
Но между звѣздочетцы искусствомъ сіяешь.

Валаамъ.

Что умъ свой любопытствомъ всуе утруждаешь,
Валаама же словесъ не воспоминаешь?
Не вѣси, яко, еще во Арави сущи,
Прорекохъ о сей звѣздѣ, сице глаголющи:
«Егда всѣхъ послѣдѣйшо вѣковъ время придетъ,
Тогда отъ Іакова нова звѣзда взыдетъ.»

Любопытство.

Что же есть въ ней за сила? Нѣтъ въ ней звѣздна чина,
Ниже когда явится звѣзда такъ едина—
Ближае всѣхъ отъ земли, навише облакъ ходитъ
И не къ западу себе, но къ югу приводитъ.

Валаамъ.

Создатель всѣхъ звѣздъ, луны и свѣтлаго Ѳеба,
Строитель всемощнѣйшій пространнаго неба,
Иже прежде денницы и отца родися,
Въ часъ здѣ рожденъ, сею звѣздою явися.
На полуденну страну звѣзда та простуетъ;
Хотящъ правду увѣдать, ей да послѣдуетъ:
Обрящетъ Іакова сѣмя тамъ ближенно,
Отъ негоже родися слово воплощенно.
Той будетъ мѣти область надъ всю подсолнечну,
Распростретъ свою славу во вѣкъ безконечну.

Любопытство.

Вѣрую, Валааме, словесамъ ти истимъ;
Но хощу еще окомъ зрѣть ми прозорчистымъ:
Сице мене мнѣніе увѣщаетъ духа,
Яко зрѣніе лучше вѣритъ паче слуха.
Иду; волхвовъ за тою звѣздою исправлю,
Да увидятъ истинну, гако ихъ поставлю;
Тебе же за искусство азъ честь воздаваю,
Почивай съ миромъ; гробъ ти честно затворяю.

Явленіе 6-е.

Продъ съ вельможи.

Продъ на престолъ сѣдяй глаголетъ.
Непреодолѣнныи мужіе и мудри,
Въ бранѣхъ, совѣтехъ, словѣхъ вашихъ богомудри,
Державы моей столпы непоколебимы,
Дражайшіе бисеры моей діадимы!
Четверовластный скипетръ подъ солнцемъ сіяетъ,
Егоже ваша храбрость въ морѣ распространяетъ.
Десница ваша мою умножаетъ славу,
Яко никогда кому преклоняю главу;
Сердца ваша моему сердцу сопряженны;
Сего ради сердце ми радуется зѣло,
Яко васъ единодушныхъ себѣ пріобрѣло.
Но яко любвѣ вашей возблагодарствую?
Кіимъ васъ саномъ и мздою за то ударствую?
На коемъ кедрѣ вашу начертаю славу?
Коимъ Дафномъ премудру вѣнчаю вамъ главу?

Кто санов, кто богатства отъ меня желаетъ,
Обогащу и почту, токмо да вѣщаетъ.

Сенаторъ 1.

Четыровластный земле Іудской господине!
Свѣтило очесъ нашихъ ты еси едине;
Мзда наша и богатство, наша то и слава,
Егда благополучна видимъ тя и здрава.
Довлѣетъ намъ любовь та, иже насъ нижайшихъ
Насыщаешь монаршихъ словесъ ти сладчайшихъ.

Сенаторъ 2.

Добрѣ нѣкто отъ мудрецовъ сице повѣдаетъ:
Яко кротость то творитъ, что сила не знаетъ.
Влагаешь на насъ узы сладкіа, монархо!
Владѣй убо, здравствуй, крѣпчайшій тетрархо!
Торжествуй надъ врагами, мы же неотступно
Вѣрно пособствовати будемъ тебѣ купно.

Сенаторъ 3.

Радуйся, о преславный царю, во вся роды!
Прославляйся во вѣки вѣковъ и вся годы!
Не подаждь дреманія мечу изощренну,
Да имѣешь вселенну тебѣ покоренну.

Сенаторъ 4.

Спрягъ еси любовію намъ сердца къ своему;
Златымъ узомъ фортуна престола твоему
Да припряжется. Буди ты побѣдоносный!
Долголѣтно носищи вѣнецъ свѣтоносный!

Иродъ.

Благодаренъ привѣтства и любви вашой;
Не отпадутъ отъ мысли долго сія нашой.
Радость нынѣ къ радости моей приложися.
Веселися, Ироде, нынѣ, веселися!
Пѣвцы! сладкіа гласы въ устахъ растворѣте,
Господина своего пѣснми веселите!
Вели, да медоточнѣ поютъ немедленно.

Отрокъ 1.

Воскорѣ господина творю повелѣнно.

Пѣнiе.

Аполлiо, музы! сѣмо воспѣшѣте,
Сладкiа пѣсни съ нами воскликнѣте!
Да веселится велегласный Ирод,
Да торжествуетъ отселѣ въ родъ и родъ.

Иродъ.

Гряди, вели что мно воспѣти любезно.

Отрокъ 2.

Вскорѣ ушесамъ вашимъ воспоютъ полезно.

Пѣнiе.

Io! io! восклицайте,
Ирода увеселяйте,
Воскликнѣте сладки гласы,
Златые бо имать часы.
Аiоне! бiй у струны
Направо коло фортуны,
Направо точится пилно
И будетъ такъ неомылно.

Посланникъ отъ трiехъ царей.

Поклоненна Восточна тебѣ далъ трое царь:
Мелхiоръ стара, Гаспаръ, третьяя Валтасаръ.
Волилъ царь новый Iюды въ земля твой родити;
Они схотѣли ему дары понести:
Ливанъ одна, друга смирнъ, а третяя злато.
Просимъ тебѣ: ты не зволь оскорбити за то,—
Твою землю Виелеемъ пошолъ поклонился
Нову царю Iюдейску да домъ воротился.
То моя господина у тебе желае,
Да твоя путешество имъ волно дае.

Иродъ.

Что новаго посланникъ сей наю приноситъ?
Мира ли, или брани, или чего проситъ?

Сенаторъ 1.

Сего послаша сѣмо восточны три цары,
Дабы мѣли путь вольный, со драгими дары,
Чрезъ землю ти идуще со многими труды
Поклонъ дати, косму не вѣмъ, царю Юды.

Продъ.

И кто есть царь Іюдейскій, еще мнѣ живущу?
И кто скипетръ обыйметъ, ту въ десницѣ сущу?
Азъ есмь царь и властелинъ, кромѣ мя никтоже.
Кто ми треокаянный соцарствовать може?
Ты же, глупче, приносишь вѣсть о царю Іюды
Кую? се тя, извлекъ мечь, разсѣку на уды.

Посланникъ.

Воля твой царю Юда голова рубати.
Я невинна; мой царь здѣ схотѣлъ мя послати.

Сенаторъ 2.

Не изволь умертвити, монархо, посланна:
Не отъ его бо воли сія содѣянна.
Господіе послаша того къ твоей власти,
Да имъ бы путь былъ миренъ и кромѣ напасти.

Продъ.

Како путь миренъ дамъ имъ? Не будетъ безъ борьбы,
Иже ми нанесоша нечаянной скорби.

Сенаторъ 2.

Скорбь сія кая есть скорбь? Пусти его въ мири,
Да и тыхъ увѣщаетъ въ истомъ къ тебѣ вѣры.
Рцы, да царя новаго честно привитаютъ;
Привитствовавшы, тебѣ о немъ возвѣщаютъ,
Или, тамо идуще, здѣ изволятъ быти:
Вѣмъ, яко и самъ хощешь отъ нихъ вопросити,
Гдѣ рождайся; потомъ самъ схощешь привитати.
О привѣтствіи же не лѣть теперь глаголати.

Продъ.

Встань [1]) и гряди къ господамъ, глаголи же тако:
Яко о ихъ шествіи радуюся всяко;
Да изволятъ идуще мене посѣтити,
Молю: радъ и что отъ нихъ вопросити;
Гдѣ узнали рожденна, и азъ хощу знати,—
Яко они, подобный тому поклонъ дати.

Посланникъ.

Добро. Моя рада, что здорово ходила,
Больше того не буду, кому говорила.

[1]) Въ рукописи: *Въ сама.*

Иродъ.

Вѣрные ми вельможи! предлежитъ намъ дѣло,
Еже ми нынѣ радость на скорбь претворѣло.
Подобаетъ увѣдать, кій то нарожденный
Новый царь на престолъ мой будетъ посажденный, —
Отъ моея ли крове или прежде бывшихъ
Монаршихъ наслѣдниковъ, себе утвившихъ.
Но ближайшій наслѣдникъ Ирканъ орону бывый
Не встанетъ, мечемъ моимъ главу положивый.
Такожде Аристовулъ, внукъ его любимый,
Не возстанетъ, на престолъ праотцемъ садимый.
И кто оста..... оронъ мой наслѣдствуяй,
Усмотрѣте разсуднѣ, всякъ гадательствуяй.

Сенаторъ 1.

Превеликій монархо! всуе умъ смущати
Не требѣ, ниже пословъ въ страны посылати:
О немъ ти восточные принесутъ вѣсть цары,
Гдѣ обрящутъ и дадутъ нову царю дары.

Сенаторъ 2.

О семъ дѣло настоитъ, егда волсви пріидутъ:
Безъ согласія отъ тя всѣ да не изыйдутъ.
Рцы, да тебѣ возвѣстятъ о царѣ рожденномъ,
Отъ нихъ привѣтствованномъ и дарми почтенномъ.
Тоже и ты обѣщай ему дары дати,
А въ тайнѣ оружія вели готовати.
Поклонимъ ти подъ нозѣ его выю горду.
Вели быти готову мечу и оскорду.

Иродъ.

Аще не восхощутъ о немъ дати вѣсти,
Кто намъ можетъ о цари рожденномъ повѣсти?

Сенаторъ 3.

И какъ не изволятъ, въ рукахъ твоихъ суще?
Не могутъ ми минути, вѣсти не несуще.

Сенаторъ 4.

Да мысль ти, о монархо, свободна пребудетъ,
Вели, да на ихъ пути крѣпкая стражь будетъ,
Аще къ царю тещи имутъ, вели удержати,
Аще же воспять пойдутъ, вели здѣ предстати.

Иродъ.

Добри вои! на стражи будете не спящи,
Всѣхъ путемъ шествующихъ, опасно хранищи,
Наипаче егда цари пойдутъ отъ Востока
Рожденнаго на царство почтити отрока:
Тѣмъ безъ сумнѣнія ихъ скоро удержѣте
И къ престолу моему сѣмо приведѣте.
Мы же на мало время въ свояси отъидемъ,
Тоже въ время обычно паки сѣмо придемъ.

Вои.

Съ охотою, монархо, творимъ повелѣнна.
На время та завѣса буди закровенна.
Стойможь и сохраняймо намъ заповѣданна:
Не хотѣмъ царя нашего быти поруганна.

Явленіе 7-е.

Царей, идущихъ по срединѣ, стража удержатъ.

Стражъ 1.

Господіе! молимъ васъ, звольте мало стати,
Царю Ироду о васъ требѣ докладати:
Въ нынѣшнее бо время Іудея смутися,
Аки бо царь си новый народися.

Царь 1.

Творимъ царя вашего наю повелѣнно.
Извольте доложити, молимъ, немедленно.

Стражъ 2.

Се иду и возвѣщу монарсѣ воскорѣ;
Извольте помедлити мало при семъ дворѣ.

Сенаторъ 1.

Господинъ нашъ, царь Иродъ любезно желаетъ,
У престола своего васъ до созерцаетъ.

Сенаторъ 2.

Гости вожделѣнныя! Звольте, посѣтите
Монарху лицемъ вашимъ и увеселите;
Съ охотою чекаетъ и радостно пріиметъ,
Яко друговъ любезныхъ любовно обыметъ.

Царь 1.

Съ охотою на дворъ царскъ рады поспѣшаемъ,
Лице его пресвѣтло узрѣти желаемъ.

Царь 1 *къ Проду глаголетъ.*

Преславнѣйшій монархъ Іюдейскія страны,
Саномъ царства почтенный надъ всѣхъ царей сан!
Здравствуй благополученъ лѣта безчисленна!
Всякаго супостата имѣй покорена!

Царь 2.

Доколѣ Фебъ не станетъ, въ бѣгу златополучный,
Дотоль царю Юдейскій будетъ благополучный.

Царь 3.

Четыровластный скипетръ четыре міра части
Скоро твоей господской да покоритъ власти!
Се и мы главы наша тебѣ покоряемъ,
Единыя свободы точію желаемъ,
Да даси намъ путь мирен безъ всякаго порока,
Посѣтити новаго рожденна отрока.

Иродъ.

Радуюся, яко васъ здравыхъ созерцаю,
За привѣтство равныя слова воздаваю.
По трудѣхъ путешествія извольте почити.
Хощу нѣчто ко любве вашой предложити:
Коимъ случаемъ всѣ три, не зъ едныя страны,
Въ едно намѣреніе и путь сей собранны? [1]).

Царь 1.

Мы трое равны есмы въ ученіи значномъ,
Въ звѣздочетствѣ. Но егда на небѣ презрачномъ
Увидимъ что нова и не можетъ пояти
Всякъ своимъ умомъ, звыкли въ едино сбирати.
Предъ девятмя мѣсецами узрѣхомъ на небѣ
Нову звѣзду,—о томъ намъ сбратися было требѣ, —
Яже не на небесѣхъ была утверженна,
Но въ облацѣхъ надъ небо пречудно явленна
И, якъ звѣздамъ обычно, не въ западъ течаше,
Но противъ естества на Югъ та идяше.
Ту звѣзду разсуждая, на долзѣ пребыхомъ.

[1]) Въ рукописи: *собраный.*

Многихъ волхвовъ искусныхъ въ память приводихомъ,
Егдаже помянухомъ славна Валаама,
Имъ же та звѣзда пророчеся еще здавна:
«Отъ Іякова,—рече,—звѣзда возсіяетъ.»
Еріѳрея Сивилла тоже провѣщаетъ:
Тоже отъ Израиля возстанетъ человѣкъ
Славенъ, честенъ и премудръ, вожделѣнный отъ вѣкъ,
Тому вся земля имать быти покоренна,
Того царя познаетъ надъ всѣхъ прославленна.
Къ тому, звѣздѣ ведущой, и мы путшествуемъ,
Да поклономъ и дарми того почествуемъ.

Продъ.

И гдѣ есть она звѣзда, по нейже идостѣ?
Дадите ми ю зрѣти, о ней же рекостѣ.

Царь 2.

По той звѣздѣ идуще, егда здѣ приспѣхомъ,
Абіе бысть, аки бы никогда видѣхомъ:
Скрыся и оттолѣ наю не есть зрима;
Не вѣмы, или будетъ паки намъ видима.

Продъ.

Кіи дары хощете тому дарю дати,
Молю возвѣстите ми: и азъ хощу знати.

Царь 1, царь 2, царь 3.

Азъ злато. Азъ же ливанъ. Азъ приношу смирну;
Сія дары прилична суть царю всемірну.

Продъ.

По премногу, о друзи, мнѣ ся возлюбисте
За честь, юже толику царю сотвористе.
Хотѣлъ быхъ привѣтствовать съ вами царя нова,
Но дарствія моя ту еще не готова.
Молю: гдѣ обрящете и мнѣ возвѣстите,
Вѣстію мене о немъ, молю, ввеселите.
Мѣю сребра и злата, камене добуду;
Витати царя нова, сколь мнѣ мощно, буду.

Царь 1.

Благослови ны, царю, во путь намиренный;
Ты же здравъ живи сѣмо, миренъ, надаренный

Иродъ.

За посѣщеніе вамъ благодарю зѣло.
Землю ми Іюдейску проходите смѣло,
Его же желаете царя посѣтите.
Азъ паки желаю мнѣ о немъ возвѣстите.

Царь 1 *къ рожденному глаголетъ.*

Отъ чиста злата въ небѣ имѣя полаты
И градъ святый, емуже блещутъ стѣны златы,
На драгихъ каменіяхъ красно основанны,
Тобѣ въ вѣчно жилище Боже зготованны:—
Ты же почто оставилъ красоту толику
И воспріялъ еси ты нищету велику?
Надъ всѣхъ царей честнѣйшій такъ себе смиряешь,
Егда между скотами тебѣ водворяешь?
Порфиры и мягкія одежды дарствуешь,
Людемъ, а на твердѣйшемъ самъ сѣнѣ бѣдствуешь?
Солнца огня теплоту даешь твоей твари,
Грѣешь землю бездушну воздушными пары;
Самъ въ глубокомъ вертепѣ себѣ на хладъ давый,
Аки надъ всего міра нищихъ обнищавый.
Пріими убо малую отъ меня часть злата,
Пріими, дражайшій злата, злато отъ мя блато!
Не придохъ, не могу бо, тя обогатити,
Вся въ руку имущаго, но токмо вручити.
Пріими, а мя помилуй, Боже милосердый.

Царь 2.

Азъ предъ тобою, Боже, тощъ да не явлюся,
Ливанъ отъ мене пріими, смиренно молюся.
Вѣмъ, яко ты Богъ еси безсмертный, нетлѣнный,
Безбоязненный, во вѣки сущій неизмѣнный.
Человѣка, чрезъ змія въ раи поврежденна,
Пришелъ еси цѣлити и живить мертвенна;
Но не инакъ, точію чрезъ смерти и раны,
Цѣльба, жизнь человѣку паки будутъ даны.
Врачу душамъ и тѣламъ! ливанъ ти приличенъ:
Плотію смертенъ сущій, божествомъ же вѣченъ.
Пріими, врачеванія знакъ, ливанъ: молюся
Ино что болшо нѣсть ми; тѣмъ да умилюся
Твоимъ даромъ никаковъ даръ будетъ сравненный

За великъ отъ мя пріими сей даръ умаленный,
Пребогатый, преславный надъ всѣ человѣки,
Буди благословенный Боже во вся вѣки!

Царь 3.

Вѣчный Боже, на земли нынѣ воплощенный
Отъ вѣка Богъ, подъ лѣты человѣкъ рожденный!
Кую ти азъ дамъ титлу, яко человѣку,
Иже царемъ и княземъ даешь титлы зъ вѣку?
Царь, иже тебѣ злато за даръ приношаше,
Царя ти быти міру прообразоваше;
Вторый, иже принесе тебѣ ароматы,
Врачемъ душъ и тѣлъ дерзнулъ тебе нарицати;
Азъ тя архіереемъ, Боже, нарицаю,—
Яко архіерею смирну предлагаю.
. . . . . [1]) повелишь пасити
Но со кадиломъ смирну тебѣ приносити,
Проженешь сѣнь встхую, егда тя на жертву
Богу отцу принесешь за тварь твою мертву.
Архіерею, за весь міръ молящъ Бога!
Да будетъ твоя милость и на насъ премногa!
Благослови отъити во страны своя здравымъ
Путемъ благополучнымъ, веселымъ и правымъ.

Вси три.

Удаляемся тѣломъ, духомъ же съ тобою
Хощемъ быти, Ты насъ имѣй съ собою.
Подобаетъ намъ инымъ путемъ шествовати,
Да не зволимъ Ироду о семъ возвѣщати,
Да коваренъ сый царя не убіетъ,
Крови невинной всуе да не излiетъ.

Пѣніе.

Весь міръ нынѣ веселися
Христосъ Спаситель родися. *2-жды*
Пришли къ нему три цары, трое цары,
Поклонъ даютъ, кладутъ дары; *2-жд.*
Ливанъ, смирну, купно злато, купно злато;
Зъ различныхъ странъ даръ той взято *2-жд.*
Мы же ему сердце даймо, сердце даймо,
Чистымъ сердцемъ величаймо.

---

[1]) Пропускъ въ рукописи.

Явленіе 8-е.

Иродъ.

Есть ли возвѣщеніе о царѣхъ прешедшихъ?
Что ми не есть вѣдомо о ихъ мимошедшихъ?

Сенаторъ 1.

Изволишь, о монархо, стражемъ здѣ продстати;
Аще прешли или ни, изволь вопрошати.

Сенаторъ 4.

Стражіе монаршему лицу предстанете,
О чесомъ васъ вопроситъ, отвѣты дадѣте.

Сенаторъ 3.

Царей прешедшихъ аще вспять шедшихъ видѣсте,
Почто неудержанныхъ наю не повѣсте?

Стражъ 1.

Никако не явися ни единъ идущій,
Азъ бо бѣхъ неусыпно стражбу ми стрегущій.

Стражъ 2.

Како бы не дерзнули мы ихъ удержати?
И какъ быхомъ не дерзнули намъ возвѣщати?

Сенаторъ 2.

Измѣна есть, о царю: инъ путь возлюбили,
Дабы о нарожденномъ ти не возвѣстили;
Прелестники сущіе тя, царю, прельстиша,
Слово свое царское волшебно сломиша.

Иродъ.

И тако царми званныи царско хранятъ слово!
Сердце ихъ царьми звати мое не готово.
Не мудрецы,—глупцы; и всякъ не братъ, но измѣнникъ;
Не хотѣлъ ми быть другомъ, всякъ будетъ же плѣнникъ.
Но прежде настоящо дѣло совершемо:
Гдѣ есть новый царь рождейся, поищемо.

Сенаторъ 1.

Четверовластный царю! Азъ мыслихъ на долзѣ
Кромѣ иныхъ замысловъ, чтобы къ твоей пользѣ;
Но не успѣли того: бо не увѣдали мѣста,
Кая того царя нова гдѣ роди невѣста.

Вели убо рабиномъ пріити премудрѣйшимъ,
Отъ книжниковъ еврейскихъ много искуснѣйшимъ:
Негли кое въ книгахъ чтуще здѣ пророщтво,
Обрящутъ того царя новаго намъ сродство.

Сенаторъ 4.

Не противу глаголю словеси твоему;
Но аще и младому умови моему
Тако мнится, яко, мечь во Іюдѣй спорѣ
Простерши, изыщемо нова царя вскорѣ.

Сенаторъ 2.

Добръ твой совѣтъ, обаче мощно испросити
Отъ книжниковъ, потомъ же сіе сотворити.

Иродъ.

Добрѣ. Два ми воскорѣ пригласи рабина
Здѣ съ книгами; имянемъ вели господина.

Парень.

З охотою, монархо, иду по нихъ скоро,
Лицу ти пречестному здѣ представлю скоро.

Иродъ.

Мы же чрезъ сіе времяна да не празднословимъ,
Помыслмо, како того наступцу уловимъ.

(*Пришедшимъ рабиномъ.*)

Добрѣ здѣ пришли есте, други возлюбленны,
Изрядно въ писаніи всякомъ изученны!

Рабинъ 1.

Здравствуеши! Что слышно добраго, монархо?
Что ти видимъ прискорбна, великій тетрархо?

Иродъ.

Сего ради васъ призвахъ, да устъ вашихъ сладость
Горьку ми скорбь претворитъ на сладкую радость.
Егда нѣкій царь новый въ Іюдеи родися,
И уже во вселенной вездѣ сый прослыся?
Нѣцы отъ Востока шедше тріе царіе,
Мой престолъ поругавше, тому даша дары.
О немъ ми возвѣстите: гдѣ и естьли тако
Или ня; да скорбь мою отъимите всяко.

Равинъ 1.

Монархо! аще мене послушать возможно,
Азъ тебѣ отъ Талмутовъ исповѣмъ неложно.
О рожденномъ отроку глаголать начну ти,
Токмо не прогнѣвайся, смирно ся молю ти.
Написалъ Исайя пророкъ у Талмуты,
Яко мѣлъ родитися отъ колѣна Іюды
Зъ дому Давида; въ главѣ такъ седьмой вѣщаше,
Егда царю Ахазу собесѣдоваше:
«Се дѣва во чревѣ пріиметъ, родитъ сына,
Еммануилъ наречетъ; тая того вина:
Престолъ Давида [1]) отца его престолъ будетъ,
Царству же его конца во вѣки не будетъ.»
И Соломонъ премудрый тоже глаголаше,
Яко то въ сіе время быти имѣяше.
Написалъ: «Родится мужь въ іюдействѣй странѣ,
Иже праотцевъ спасетъ зъ пекелной отхлани.»
Іеремія въ главѣ третей его чаетъ,
Отъ сѣмени Іаковля изыти вѣщаетъ:
На землѣ явися и живетъ съ человѣки.
Невидимы знакъ будетъ между человѣки.
Еще Валаамъ мудрый, аще жилъ безбожно,
О немъ силою Бога пророче неложно:
«Отъ сѣмени Іаковля пріидетъ мужъ великій
И будетъ обладати надъ всѣми языки.»

Продъ.

Добрѣ. Еще же маю, аще убо вѣста,
Гдѣ рожденъ есть. Въ писаніи поищѣте мѣста.

Рабинъ 2.

Монархо! Отъ мене ты слушай того мѣста,
Гдѣ такого отрока родила невѣста.
Мѣсто его Михея пророкъ изъявляетъ,
Иже во главѣ пятой сице повѣдаетъ:
«Ты, Виѳліемъ, не меньши во владыкахъ Іюды:
Съ тебе изыдетъ пасый Израиля люди.»
Отколь дается знати, яко зъ Виѳліема
Собышася Михеемъ сія глаголема;
Въ Виѳліемѣ родися; а въ коемъ же мѣстѣ,

---

[1]) Въ рук: *дѣвица*.

Втайнѣ о немъ Аввакумъ сице даетъ вѣсти;
Тако отъ Аввакума бѣ прорекованный:
«Посреди двохъ животныхъ будешь познанный.»

Продъ.

И тако ми ушеса славы насладисте!
Лучше бы, дабы тако здѣ не приходисте!
Миѣхъ, яко въ моемъ радость сотвористе сердцы,
Вы въ слезахъ, яки люты топите мордерцы.
Не хощу васъ. Идѣте зъ очесъ монхъ вскорѣ,
Да не зрю васъ никогда на монаршемъ дворѣ. [1])

Продъ.

Егда ли обрящется власть гдѣ превысока,
Бы по малой радости слезнаго потока
Не вкусила. Ахъ! слеза такъ виссонъ омочаетъ!
Зрящу на скипетръ, болѣзнь сердце ми пронзаетъ:
Коликимъ величествомъ отвнѣ увѣнчанный,
Толикимъ внутрь жалости узомъ окованный!
Тридесять седмь лѣтъ саномъ царства бѣхъ почтенный,
Нынѣ же внезапну буду извлеченный!
Извлеку прежде мечь мой на завистну выю,
Иже хощетъ отъяти діадиму сію.
Будешь, будешь первѣе въ подземенномъ долѣ,
Нежели на Іюдейстѣмъ сѣдящи престолѣ.
Восхощешь избѣгнути?.. но не будетъ время;
На злату діадиму узъ понесешь бремя;
Хотящъ въ благихъ оплывать на Прода вронѣ,
Поплывешь и утонешь въ крови своей тонѣ.

Сенаторъ 1.

Престани, о монархо, о семъ сѣтовати.
Хощу нѣчто полезно ти совѣтовати:
Вели вождя призвати со сильными вои,
Со всякимъ оружіемъ и крѣпкими зброи.
Тыхъ въ вноземску звольнишь землю отпустити,
Повелишь всѣхъ отрочатъ на главу избити:
Между тѣми наступцу твоего убіютъ,
Твоя же мысль и сердце въ радости почіютъ.

---

[1]) Не пропускъ ли здѣсь?

Иродъ.

Добрѣ глаголешь. Гряди, пригласи ми воя,
Да придутъ въоруженныи ко мнѣ не безъ строя.

Парень.

Господина моего творю повелѣнно:
Шедши, воя приведу сѣмо немедленно.

Сенаторъ 1.

Двоюлѣтныхъ повелѣ бить отрокъ мещадно,
Хотящу наслѣдити не будетъ отрадно.

Вождь 1.

На повелѣніе ти пріидохъ готовый,
Имамы творить дѣломъ, еже речеши словы.

Вождь 2.

Что повелиши, царю, тое будетъ дѣломъ;
Желаемъ ти работать душею и тѣломъ.

Иродъ.

Хощу, да будутъ ваши мечи обнаженны
И серца ко моему сердцу сопряженны.
Мечи, въ купу сложивше, да всякъ лобызаетъ;
Аще ми будетъ вѣренъ, симъ да освѣщаетъ;
Еще же крове нашой смѣшавше вкусѣмо.
Юнче! гряди воскорѣ, чашу подаждь сѣмо.
Се азъ въ первыхъ источу, ты же твори тако,
И ты, да и во бранѣхъ будетъ вамъ еднако.

Вождь 1.

Готово; зри не токмо з рукъ кровь источити,
Но и главъ не пощадѣмъ за тя положити.

Иродъ.

Пимо, се глаголюще: Буди въ храбрость нашу,
Новъ же царь да испіетъ о насъ смертну чашу.

Вождь 1.

Благополученъ всегда да долгоденствуешь!

Вождь 2.

И надо царемъ новымъ здравъ да долгоденствуешь!

(Піютъ).

Иродъ.

Нынѣ убо десницу крѣпко вооружите;
Въ Виѳлеѣма предѣлы скорѣе бѣжете;
Будите безъ милости, будите жестоки:
Избите двоюлѣтны и вящше отроки,
Да между тыми новый царь убіенъ будетъ,
Моя же вѣчна слава въ цѣлости пребудетъ.

Вождь.

Готовы дѣломъ сія исполнити;
Ты же, монархо, зволь благословити.

Пѣніе.

Гласъ слышавъ—въ Рамѣ Рахили рыдаше,
Яко любезныхъ чадъ си не видяше,
вопль испускаше.
О чада моя, чада прелюбезна,
Очесемъ моимъ красотою полезна!
плачу васъ слезна.
Никогда плача азъ не утолюся;
Дондеже лицемъ васъ не наслаждуся,
сама убьюся

ѣніе 9-е Убіеніе отрочатъ неслышимое, но зримое.
ѣніе 10-е Плачь и рыданіе о убіенныхъ отрочатъ подобіемъ плачевной Рахили.

Глаголати ли имамъ или молчати буду,
Егда мя вопросите, кто есмь и откуду?
Глаголати пространно плачь ми препинаетъ,
А хлипаніе часто рѣчь ми присѣкаетъ.
Молчати невозможно сердцу болѣзненну,
Имущему печальми душу уязвленну.
Мощно ли утайти огнь, въ нѣдрехъ скровенный?
Иный не утайть болѣзни духъ опечаленный,
Но отъ болѣзненныя души провѣщаетъ
Внутрь сущую всѣмъ; «я въ горѣ есть»—возвѣщаетъ.
Возвѣщу убо и азъ на мене смотрящимъ
И яже о мнѣ знати извѣстно хотящимъ.
Азъ есмь плачь, рыданіе скорбныя Рахили,
Ежже сердце многи скорби уязвили,

Вѣстели о людіе, кто та Рахиль бяше?
Та, яже Іякову сожительствоваше; —
Іяксву супруга мужу святу, честну,
Видѣвшему иногда лѣствицу небесну,
По нейже восхождаху, нисхождяху моги
Ангеловъ, сказующихъ спящу тайны многи.
Того мужа та жена, о ней написано:
«Гласъ въ Рамѣ Рахилинъ слышано:
Рахиль плакаше своихъ чадъ прелюбезнѣйшихъ,
Погубляемыхъ отъ рукъ немилостивѣйшихъ,
И утѣшити себе отнюдь не хотяше,
Понеже дѣтей своихъ истребленныхъ зряше».
Но речетъ кто, яко та двоихъ токмо мѣла
Сыновъ, ихъже по долгомъ неплодствѣ родила:
Іосифа прекрасна и Веніамина,
По первородному чадѣ послѣднаго сына;
Обаче тыи цѣлы, а живыи пребываше
И въ народъ ся премного тыи расплодиша;
О комъ убо печется та слезная мати?
О комъ тужитъ, сѣтуетъ? о коемъ дитяти?
Таковая глаголющь не вѣсть тайны Бога,
Егоже постижныи судьбы бездна много.
Да увѣсть убо тайну ту, не всѣмъ вѣдому,
Яже дѣема бяше въ Яковлѣ дому:
Безчадна Рахиль долго духомъ ся тужаше,
Яко супружескаго плода не рождаше.
Егдаже разрѣшилъ Богъ оноя неплодство,
Услышавъ мольбу теплу, даде чадородство,
Даде ей купно и даръ зъ своей благостыни—
Пророческаго духа быть ей пророкини,
Еже будущая то умнѣ предсмотрѣти
И вѣдати, каковы будутъ ея дѣти,
Дѣти, внуки, правнуки въ послѣдняя роды,
Счастье ихъ и несчастье, плѣны и свободы.
Во первыхъ убо, егда родила первенца
И еще не вскормила своего младенца,
А уже въ ночномъ сонномъ видѣніи зряше
То, еже Іосифу быти имѣяше:
Зряше того ведома, егоже связаша,
Яко плѣнна раба отъ братій продаша,
Плачуща и рыдающа, къ рождьшей вопіюща;

«Рахили! О Рахили!» слезнѣ глаголюща:
«Рахили, мати моя! почто мя остави,
О мати! чадо твое? отъ злыхъ рукъ избави!»
Того Рахиль въ видѣніи сонмѣмъ часте зряши,
Обаче со ужасомъ воспряну, стенящи,
И, объемши младенца матерски руками,
Слезы отъ очію си точаше рѣками.
Таже, егда зачала и Веніамина,
Прежде рождества того послѣдняго сына,
Еще во утробѣ своей младенца имущи,
Уже пророческій вѣкъ предъузрѣ будущій:
Племя Веніамина како имѣ быти,
Въ бѣдахъ, скорбѣхъ, печалѣхъ гинути, не жити,—
Ово отъ своихъ, ово отъ чуждыхъ гонимый,
Отъ всѣхъ убиваемый, весьма нещадимый.
Предзряше пророчица она всю подробну
Имѣвшую брань быти междусобну,
Въ неже Веніамина отъ сподствѣтлаго солнца
Истребится отъ своихъ племенъ до конца,
А за едино токмо скверна грѣха дѣло,
Егоже и помыслomъ вспомяну не мало.
Предзряше и другое злое время мати,
Яко мечь Ассиріевъ имѣ поядати
Останокъ Веніаминь, а непзбіенныхъ
Зряше въ плѣнъ вавилонскій скованныхъ веденныхъ.
То Рахиль пророчески егда зряше убо,
Прегорькимъ рыданіемъ рыдаше сугубо
Ово о избіенныхъ, ово о плѣненныхъ
Чадъ своихъ прелюбезныхъ, въ конецъ разоренныхъ.
Иныхъ всѣхъ и о нѣхъ рыдаше не толма
Якоже о семъ часѣ возрыдая больма,
Егда узрѣ мечь острый скоро обнаживша
Виѳліемскія дѣти избити имѣвша.
Ратуеми внуки себе защищаху,
Плѣненны свободы себѣ желаху;
А иже пелѣнами повиты дѣти—
Како мощно имъ бяше себе защитити?
То предзрѣніе слезы Рахили точаше
И отъ горькаго плача престать не даяше
Даже до скончанія. А егда плачася
Роди Веніамина и вскорѣ скончася,

Тѣло ея честное камо погребенно,
Рахилею оное мѣсто нареченно;—
Мѣсто, идѣже потомъ Виѳлеемъ создаси,
Отъ гроба Рахилина Рахиль градъ прозвася.
И егда въ Виѳлеемѣ лютость сотворися,
Рыданіе Рахили и плачь обновися:
Аще бо и мертвая тамо почиваетъ,
Обаче ся душа на все то смотрятъ.
И яко бывши жива, отъ имѣвшихъ быти
Рыдаше, такожде и преставшіі жити
Особь быти вещи, горчая рыдаетъ,
Яко же еваньгелистъ то воспоминаетъ:
«Слышится въ Рамѣ гласъ, горцѣ стенящій,
Отъ Виѳлеема града съ плачемъ исходящій,
Гласъ Рахилиі плачущей, но несравненно
Паче перваго плача много болѣзненно:
Тогда бо единою гортанію кричаше
И отъ единыхъ очесъ слезы испущаше;
А нынѣ, елико есть дѣтей, кровь ліющихъ,
Толико есть матерей, плачевнѣ ревущихъ».
Того плача азъ семь гласъ и вѣстникъ повсюду,
Отъ Рахили дошедши даже и досюду,
Возвѣщающь слышащимъ печаль вельми смутну,
Младенцовъ избіенныхъ смерть зѣло укрутну.
Кто во васъ сердоболенъ духомъ умиленнымъ,
Поне мало поболи сердцемъ сокрушеннымъ;
Споболи рахилинымъ болѣзнемъ сердечнымъ,
Соплачи тоя теплымъ слезамъ безконечнымъ:
Иродъ, лютъ властолюбецъ, добра ненавистникъ,
Самаго діавола истинный намѣстникъ,
Новорожденна царя хотя погубити,
Посла неповинные младенцы избити;
Посла вооруженныи, аки на рать, воя,
Аки не на дающихъ супостатъ покоя.
Но, о прелюбезнѣйшій мучителю! слыши:
Егда ся незлобивыхъ младенцевъ біеши,
Егда ли тыи на ти полки собираютъ?
Егда ли на царство ти брани возставляютъ?
Котріе отъ материихъ сосцевъ отрываютъ,
Неповинныхъ мечами лютѣ убиваютъ.
Еже азъ умнымъ окомъ егда созерцаю,

Сице къ сердцу моему плачевнѣ вѣщаю:
«О сердце, сердце, твердѣйши опоки!
Что удержиши слезныя потоки?
Что, отъ жалости, аки воскъ не таешь,
Слезъ не истощаешь?
Зри, коль жалостныи и скорбные часы!
Сквозѣ пронзаютъ утробу ми гласы,
Слезныхъ матерей, плачущихъ о чадѣхъ
Въ весѣхъ и градѣхъ.
Чада любезна! въ кровь сіи углебаютъ,
Матери въ слезахъ горькихъ утопаютъ.
Егда біютъ вои чадъ немилосердны,
Неблагосердны.
Лютѣйшіи звѣря изъ рукъ похищаютъ,
Отъ сладкихъ сосцевъ обще отрываютъ,
Всѣхъ закалаютъ, агнецевъ незлобивыхъ
Не творятъ живыхъ.
Вся Виѳлеемска земля превращенна,
Въ кровь неповинныхъ дѣтокъ обагренна,
Въ полахъ и стогнахъ течетъ крове море.
Горе! Ахъ! горе!
Четырнадесять тысящь положили
И еще крове тыхъ ся не напили,
Не напоили звѣрообразнаго,
Ирода злаго.
Впойтъ невинность, въ небо вопіющи,
Утолишь жажду всѣрчистой пловущи
Рѣцѣ, егда самъ пойдешь въ ада рупѣ
Къ вѣчной мупѣ.
Плачу и плакать непрестанно буду,
Печали сея во вѣкъ не забуду,
Буду рыдати на злаго Ирода
Въ роды отъ рода.

Пѣніе: "Гласъ слышенъ въ Рамѣ" и прочая.

ждь вой приноситъ главы отрочатъ и Иродъ радуется и чаетъ и отпускаетъ.

Явленіе 12.

Вождь.

Торжествуй, славый монархо, оттолѣ,
Мирно сѣдящій на твоемъ прѣстолѣ!

Четыренадесять тысящь отрочать избихомъ,
Таможе и наступцу твоего уловихомъ;
Се въ знамя принесохомъ дѣти иные главы,
Да дѣтище твоея не терзаетъ славы:
Еняже ти живущи не хотѣли склонити,
Торжественнѣ на мертву изволь наступити.
Кидаютъ.

Иродъ.

Радость объятъ мя нынѣ толь велія зѣло,
Сколь великую прежде сердце жалость мѣло.
Вамъ же благодарствую за толики труды,
Вѣнецъ побѣдоносный отъ мене вамъ буди.
Не замедлю великимъ саномъ васъ почтити,
Нынѣ же помозите мнѣ ся веселити [1]).
Пѣвцы! торжественныя пѣсни воскликните;
Поюще же, во длани весело плещите,
Да мало утѣшимся по счастливомъ бою,
Потомъ будетъ склонитися время къ упокою.

Пѣніе.

Аполліо! Музы! сѣмо поспѣшете, *и прочая.*

Иродъ.

Довольно ликовъ! Пѣвцы! нынѣ престанете.
Вельможи и вы вои! въ свояси идѣте.
Хощу мало уснути, сѣдяще на оронѣ,
На пресладкомъ почити Морееуша лонѣ.
Аще случай явится, скоро здѣ придѣте,
Въ царскомъ управленіи словы пособѣте.
Юнцы! вѣнецъ, скипетръ, мечь отъ мене возьмѣте:
Гдѣ ми есть сокровище, тамо понесете;
Сами же паки вскорѣ ко мнѣ приходите,
Здравія ми опасно и вѣрно блюдите,
Велѣте что инаго еще воскликнути,
Донелиже пресладцѣ возмогу уснути.

Пѣніе.

Спишь, окаянне, сномъ обремененный!
Гласъ невинности въ небо возведенный,
За кровь рыдаетъ, отмщеніе проситъ
О нечаянну смерть тебѣ голоситъ.

(Отроки отбытъ Продовы.)

---

[1]) Въ рукописи: *веселите.*

Явленіе 13 е.

Невинность.

Внимай, о небо, невинности гласу!
Не презри крови пролитой въ семъ часу
Насъ немовятнокъ, злобы не творившихъ,
жизнь оставшихъ!
Ничто же въ жизни злаго содѣяхомъ,
Не токмо злыхъ дѣлъ и словесъ не знахомъ,
Кромѣ любезнѣ матерь нарицати,
сосца вкушати.
Даждь отмщеніе отъ суда ти свята
На кровопивцу Ирода проклята:
Пролилъ еси кровь жизни отчаянне
ти окаянне!
Отвори гортань несыту змінну,
Пій, юже излилъ еси, кровь невинну;
Ея жаждалъ, нынѣ утолися,
возьми напися.
Простри утробу жадну несыту,
Лій въ ню кровь сію, лій чрезъ тя прилиту,
Пій и матерей пролитыя слезы,
Встосны и стезы.
Пій истекшія отъ скорбну зѣницу
Смотрящихъ воевъ на люту десницу,
Бьющу насъ; агнецевъ для твоей трапезы
Пій кровь и слезы.
Отъ крове нашой намъ порфиру сшилесь,
Бисерами слезъ материихъ спестрилесь,
Увѣнчались намъ вѣчнымъ вѣнцемъ главы
вѣчныя славы.
По малой жизни мы вѣчне царствуемъ,
Тебѣ же вѣчну смерть ходатайствуемъ
Не злобы нашой, но Бога судьбами,
мстяща законами.

Истинна и два ангела.

Ангели! сѣмо невинность да придетъ,
Гласъ твой предъ Бога престолъ уже взыде
Іще слезы да зритъ и кровь вашу чисту!
Оже пролисте неповинну исту.
Даждь я ангеломъ и вѣнецъ на главу

Пріими и гряди во вѣчную славу;
Пріими маслину, то есть знакъ побѣды
За Иродовы на васъ всѣхъ обиды,
Егоже Отмщеніе безъ всяка откладу
На безконечны муки вѣчну предастъ аду.
Азъ, истая Истинна, вѣщаю ти исто,
Яко ему готово во адѣ уже мѣсто,—
Въ Цербера всегда будетъ гортани сидѣти,
Будетъ огнемъ серчистымъ объятый горѣти.
Ты же иди въ жизнь вѣчну. Ангели! пріимите,
Между ангеловъ лики сію водворѣте;
Со торжествующею въ небѣ торжествуйте.
Се азъ вама предъиду, вы мнѣ послѣдствуйте.

Явленіе 13-е.

нувся Иродъ стогнетъ и немощнымъ гласомъ отрочатъ зоветъ.

Юноши! ахъ юноши! камо отъидосте?

Юноши.

Се есмы господине. [1])

Иродъ.

Чесо ради мя спяща здѣ пренебрегосте?

Парень 1.

Господине! великимъ быхомъ яты страхомъ
И того ради отъ тя спяща отбѣжахомъ.

Иродъ.

Кій страхъ?

Парень 2.

Исходило нѣкое лицо все бѣло,
Двѣ чаши носящее дерзновенно смѣло;
Мы недоумѣхомся, чтобы было тако,
Ужасны не могохомъ при тебѣ стать всяко.

Иродъ.

Горе ми окаянну! Азъ се видахъ спящій,
Еже ми прорицало смерть въ часъ настоящій;
Невинность то ко Богу за кровь си взывала,

Написано съ боку.

Юже излихъ, и тою мене напавала,
Слезы скорбны матерей пити ми даяше,
Отищеніе въ небо и смерть ми взываше.
Горе! смерть ми настоитъ: все тѣло не може.
Юноши! молю, вскорѣ устройте ми ложе.

(Строятъ)

Здравствуй всякій, сѣдящій на моемъ престолѣ!
Азъ бо на немъ сидѣти не буду оттолѣ.
Побѣжите, да сѣмо пріидутъ вельможи.
Рците, яко царь лежитъ на смертельномъ ложи.

Парень 1.

Ты иди! Господина азъ буду хранити;
Но не изволь долгаго времени медлити.

Пѣніе.

О прелестнаго міра! Лютѣйшаго звѣря
Нынѣ вѣнчаетъ, а утро пожираетъ;
Дарствуетъ нынѣ злато, утро мещетъ въ блато;
Сидитъ на престолѣ, потомъ въ низкомъ долѣ.
О лукавствія міра! Лукавства не мало:
Въ преслаждайшомъ меду смертно пмать жало;
Гдѣ сахаромъ лестныя слова посыпаетъ,
Пелунную горесть тамъ утаваетъ.

Явленіе 14-е.

Парень 2.

Великій господине! Вельможи пріидоша.
Смотри скорбныхъ, яко тя больна обрѣтоша.

Продъ.

Умилосердитесь! Дайте ми пораду!
Не дайте ми умерти: подайте отраду.

Сенаторъ 1.

Бѣжи, юнче, по врача, да будетъ здѣ вскорѣ,
Егоже обрящеши на моемъ подворьѣ.

(Отрокъ пошелъ)

Сенаторъ 2.

Друзи! Азъ неслыханный смрадъ въ немъ ощущаю:
Не живуща, но смертна весьма его чаю.

Сенаторъ 3.

Рцы намъ слово, о царю! Что тебѣ болѣетъ?

Иродъ *(немощнымъ гласомъ)*.

Ахъ! увесь изнемогохъ; все тѣло дряхлѣетъ.

Сенаторъ 4.

Уступѣмо подалѣ: азъ не могу стати
Близко смрадна: ноздри бо требѣ затыкати.

Врачь.

Здравствуйте, первѣйшіи Ирода вельможи!
Что се вашего царя сложило на ложи?

Сенаторъ 1.

Тя вѣмъ врача искусна осмотрити болѣзни;
Можетъ ли аще съ нами пожити въ сей жизни?

Лѣкарь *осматриваетъ*.

Не гнѣвайтеся на ма: царь вашъ болѣнъ зѣло.
Не вѣмъ, аще му кое сопоспѣшитъ дѣло.
Смотрите: по всему тѣлѣ множится огница,
Всю утробу повреди лютая чревница;
Се уды всѣ сорвенныи, всѣ весьма согниша,
Ноздри ощущеніе свое заградиша,
Увесь въ болѣзнехъ смертныхъ и жити не може.
Извольте готовити ему гробно ложе
И сами, аще кто з васъ хощетъ здравъ быти,
Изволите опасно всякъ себе хранити.
Смертенъ есть и всякаго онъ смертна сотворитъ,
Аще обоняніа кто здѣ не затворитъ.
Азъ больш стоять не могу; господа, простѣте!
И сами, совѣтую, долго не медлѣте.

Иродъ.

Что вамъ врачь глаголаше, да азъ вѣмъ недужный;
Повѣсте, что ми будетъ въ сей часъ горькій нужный.

Сенаторъ 2.

Смертенъ ти часъ настоитъ. Изволь ожидати;
Намъ же здѣ ради смрада немощно стояти.

Явленіе 15-е.

Продъ.

Ахъ вельможи и вои! что остависте мя?
Стоите, дондеже тѣла азъ низложу бремя.
(Голосъ) Уже не время.
Ахъ горе! Кій гласъ уши страшный проникаетъ?
Болѣзненно ми сердце смертію страшаетъ?
Въ гробъ посылаетъ.
Тако ли то, фортуно, измѣняти знаешь?
Вчера на престолъ, нынѣ въ гробъ мя посылаешь?
Вскорѣ дознаешь.
Не давно вельможъ, воевъ чина окружали;
А нынѣ окаянна всѣ мя отбѣжали.
Время дознали.
Ахъ! съ мірскими благами тяжко ся разстати;
Тяжше въ рѣцѣ гегеенской вѣчно утопати,
Не изринати.

Шепчучи говоритъ.

Ей! дай кто помощь и руку,
Ей кто добръ! утоли муку.
Ахъ! страшная впжду,
А, а! терплю страхъ.
Ахъ! душу устрашаютъ,
Ахъ! тѣло удручаютъ
Ахъ, ахъ, ахъ! *И упадетъ надъ пропасть.*

Отмщеніе.

Толико, окаянне, творити дерзнулесь:
Противъ Бога ярость, глупче, воздвигнулесь.
Се ти азъ, Отмщеніе, то сотворю вскорѣ,
Яко струпомъ си будешь скоро въ ада мори.
Коль смертныхъ язвъ невинныхъ сотворилесъ,
Толь тебѣ во адъ вѣчный дверей отворилесь!
Смертію отрочатъ всѣхъ животъ изгубити
Тщался есп; самъ въ смерти вѣчно будешь гнити.
Мирно съ Богомъ на земли не хотѣлесь жити:
Съ смертію будешь, или смерть тобою владѣти.
Не помогутъ вельможи, ни вои избранны.
Иди во адъ на вѣки, иди, окаянный!
Блесни, молнія, съ неба! Разби, перунъ, тѣло!

Земле! пожри. Во вѣки тамъ будетъ се дѣло.
Такъ будетъ всяку грѣшну, кто Бога убиваетъ,
Различными грѣхами мучитъ, распинаетъ.
Се гегенну готову зря, всякъ да боится,
Да Ироду гордому здѣ не собразится.

Пѣнiе.

О гордость міра! Что се сотворила?
Сама себѣ во адъ двери отворила,
Отъ Люцыпера завистію злою
Для непокою.

Явленіе 16-е.

Иродъ *въ узахъ ада.*

Горе! горе! Ахъ, горе! Нестерпимой муки!
Въ гортань достахся ада, не точію въ руки!
Горе! Палитъ мя пламень, палитъ мое тѣло;
Изъ утробы дышущу, горе! палитъ зѣло;
Внутрь мене огнь пекельный душу сожигаетъ;
Змій въ сердцѣ и утробѣ жало угрызаетъ;
Грызетъ мою утробу мука нестерпима.
О муки! Ахъ огня, въ вѣкъ неугасима!
Горю! горю! Мучуся, мучуся во вѣки!
Не воскресну отъ смерти между человѣки!
Ахъ! почто азъ родихся? Ахъ! почто родихся?
По малой жизни во смерть въ вѣчную вселихся.
Проклятъ родитель, маги проклята ми буди!
Почто мене родили, почто между люди?
Проклятъ тотъ день буди, буди часъ проклятый,
Воньже рожденъ есмь, иже муками объятый!
Всѣ дни, часы, минуты, прокляты вся годы,
Яже изжихъ суетно, проклятый во вся роды!
Проклята гордость! Тя ми во вѣкъ погубила,
Та мя противу Бога брань творить учила.
Прокляты и вельможи за своя совѣты,
Наустившіе мя бить [1]) невинные дѣти!
Прокляты и всѣ вои, что не пощадѣша!
Почто число толико беззлобныхъ избиша?

---

[1]) Въ рукописи: быть.

Паче всѣхъ азъ есмь проклятъ, ту терпящій муку!
Проклятъ самъ себе давый въ Люцыера руку:
Здѣ во вѣки мучуся. Ахъ! мука велика!
Мука безконечная во вся вѣки вѣка.!
Смотря на мя, гордяйся гордиться престани,
Да некогда со мною въ сей будешь гортани.

Пѣніе.

О гордость міра! *и прочая*

Явленіе 17-е.

Смерть.

Радостна нынѣ есмь Смерть: егожъ желала,
Того нынѣ чрезъ крѣпость мою доказала.
Едина торжествую; азъ бо побѣдила,—
Кровію внеліемску землю напонла.
Чьтырнадесять тысящь, отъ сею косою,
Покосила отрочатъ, якъ траву зъ росою.
А што лучшее—царя Ирода убила
И въ Цербера гортани того посадила:
Власть имамъ надъ естествомъ всяка человѣка,
Тымъ сильна обладати буду во вся вѣка,
Сяду на престолѣ, возьму и вѣнецъ на главу,
Да всякъ мене боится, видяй мою славу.

Жизнь.

Почто, окаянная, тако торжествуешь?
Или мене на землѣ, жизни, не чуешь?
Не умре натура людска, но вѣкъ жива будетъ,
Твоей области длина никогда не будетъ.
Низложи вѣнецъ, бѣжи отъ престола славы:
Тамъ живи, дондеже ту сокрушу ограды,
Ты, яже еси нынѣ отселѣ изгнанна,
Вѣжды, яко во вѣкъ вѣчный будеши попранна.
Азъ имамъ на престолѣ седѣти во вѣки
И содить со собою моя человѣки.
Вы натуру людску сѣмо приведѣте,
Близь меня на престолѣ сѣмо посадѣте:
Славою и честію азъ ту увѣнчаю;
Яко моя другиня будетъ, тако чаю.

Сяди, натура людска, сѣмо на престолѣ
Азъ тя жизнь, оставляти не имамъ оттолѣ.

НАТУРА.

Жизнь, съ небеси данна, будь благословенна!
Главу ти преклоняю азъ, натура бренна,
Яко человѣчество тако возлюбилось: —
Съ тобою пребывати всегда сподобилось.

ЖИЗНЬ.

Пріими вѣнецъ пречестный первый ти на главу
Вѣчну буди, имуща всегда о инѣ славу;
Смерти же тя никогда не имамъ предати,
Но по малой жизни въ жизнь вѣчну хощу взяти.

Явленіе 18-е.

КРѢПОСТЬ БОЖІЯ.

Разными дарованьми человѣкъ почтенный
Отъ Бога, Егоже есть дланью сотворенный:
На что на памятаай суетѣ вдадеся?
Противъ самаго Бога града вознесеся?
Яко иногда ангелъ, съ неба низверженный,
Иже бѣ противъ Бога умомъ вознесенный.
Но, ахъ! кротость низвергохъ съ небеснаго града
И предай того лютой во вѣкъ муцѣ ада
Сице и человѣки, гордо вознесенна,
Сотворихъ съ Люцыпиромъ быти посажденна, —
Ирода, проклятаго, иже сустою
Уловленъ, сплетенъ же злости слѣпотою,
Искаше Хртста Бога рожденна убити:
Мнѣлъ бо себе большаго, неже Бога быти.
Кто есть великій, яко Богъ, Ироде проклятый?
Сѣди нынѣ умаленъ, ада узы ятый.
Сице всякому будетъ, иже убиваетъ
Христа грѣхами сні и на крестѣ распинаетъ.
Иродъ искаше убить, а ты убиваешь.
Вѣдай, что тебѣ или чесого чаешь.
Азъ есмь крѣпка, яко левъ. Азъ ти сотру роги
Гордый ти за прочіи убью грѣхи многи.
Аще же кто агничее сердце уготуетъ,
Вѣдай, яко левъ крѣпкій съ такими пожируетъ.

Агнцу, иже за тебѣ закланъ быть родися
Не якъ лвовый Иродъ, кротокъ поклонися.

Эпилогъ.

Показавши измѣну міра сего лестну
Тебѣ, слышателевн нашему пречестну,
За любовные слухи всѣмъ благодарствуемъ,
Такожде нарожденнымъ Христомъ привѣтствуемъ!
Здравъ и благополученъ да долгоденствуешь,
Потомъ вѣчно на небѣ съ нимъ же да царствуешь
Всѣ едиными усты и сердцы желаемъ,
Простѣте согрѣшившихъ въ дѣйствѣ, умоляемъ.

СМѢСЬ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ О ОБЩЕСТВѢ ДУХОБОРЦЕВЪ.

(Писано въ 1805 году).

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія открылось въ Россіи такое общество, существованіе коего въ семъ государствѣ по всѣмъ обстоятельствамъ казалось бы невозможнымъ. Среди простаго народа, народа по большой части непросвѣщеннаго и привязаннаго къ однимъ наружностямъ въ религіи безъ познанія духа оной, вдругъ являются люди, не только отвергающіе всѣ обряды и наружныя установленія грекороссійской церкви, но даже не пріемлющіе и наружнаго крещенія водою и причащенія тѣла и крови христовой подъ видомъ хлѣба и вина.

По натуральному слѣдствію таковые люди не могли оставаться покойными какъ со стороны сосѣдей, такъ и со стороны самаго правительства, тѣмъ паче, что никто не зналъ и не понималъ ихъ духа. Они отвсюду терпѣли почти безпрестанныя гоненія: каждая встрѣча съ священникомъ, съ исправникомъ или засѣдателемъ вовлекала ихъ въ слѣдствія и, въ заключеніе, каждая встрѣча съ сосѣдями сопровождаема была ужасными для нихъ ругательствами и обидами, каждой ихъ поступокъ дѣлалъ ихъ въ глазахъ другихъ извергами и возмутителями общаго спокойствія. Высшее правительство судило объ нихъ большею частію по донесеніямъ нижняго начальства и они не рѣдко посылались въ ссылку, какъ государственные преступники.

Такимъ образомъ гоненія духоборцевъ не прежде должны были кончиться, какъ въ кроткое и мирное царствованіе Александра I-го.— Въ 1801 году находившіеся въ слободско-украинской губерніи для обревизованія оной сенаторы Лопухинъ и Нелединской—Мелецкій первые открыли передъ государемъ людей сихъ въ настоящемъ ихъ видѣ, и по представленіямъ сихъ ревизоровъ Его Величество, желая отдѣлить духоборцевъ какъ въ слободско-украинской, такъ и въ новороссійскихъ губерніяхъ живущихъ, Высочайше дозволилъ имъ сдѣлать переселеніе на Молочныя Воды.

Въ прошломъ 1804 году просили о подобномъ туда переселеніи и находящіеся въ тамбовской и воронежской губерніяхъ духоборцы, и имъ сіе переселеніе такъ же дозволено.

I. Происхожденіе духоборцевъ.

Названіе духоборцевъ дано имъ уже въ 1788 году и, вѣроятно, бывшимъ тогда екатеринославскимъ архіепископомъ Амвросіемъ. Симъ названіемъ конечно хотѣли означить тогда ересь, — содержащую ученіе духоборцевъ, такъ какъ непоклоненіе иконамъ названо иконоборческою ересью; но духоборцы сами, производя названіе сіе отъ духа, къ объясненію онаго говорятъ, что они духомъ Богу служатъ и духомъ бодрствуютъ. И такъ по ихъ истолкованію надлежало бы называть ихъ духободрцами. — Прежде того правительство называло ихъ иконоборцами, а ихъ ученіе иконоборческою ересью, такъ какъ они отвергаютъ между прочимъ и поклоненіе иконамъ. Чернь называла ихъ всякими ругательными именами, но болѣе всего молоканами и фармазонами; молоканами потому, что они не наблюдали постовъ и ѣли во время оныхъ молоко и мясное, а слово фармазонъ есть испорченное и значитъ тоже, что — масонъ. — Что касается до нихъ самихъ, то они всегда называли и называютъ себя просто христіанами, а прочихъ мірскими людьми.

Начало ихъ происхожденія имъ вовсе неизвѣстно, ибо они, какъ простолюдины и безграмотные, не имѣютъ у себя никакой исторіи; преданіе такъ же не сохранило между ними о томъ памяти. Они говорятъ только, что они происхожденія трехъ отроковъ: Ананіи, Азарія и Мисаила, пострадавшихъ за непоклоненіе образу Навуходоносора. Безъ сомнѣнія чрезъ то хотятъ сказать, что они такъ же страждутъ и готовы страдать за непоклоненіе иконамъ и за отверженіе церемоній и обрядовъ наружной церкви.

Общество духоборцевъ донынѣ было общество разсѣянное. Они нигдѣ не составляли изъ себя цѣлыхъ селеній, но въ разныхъ селеніяхъ жили только по нѣсколько семействъ. Сверхъ того они разсѣяны и по всѣмъ странамъ Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ полуденныхъ ея губерній; братья ихъ есть въ Архангельскѣ, въ Азовѣ, въ Георгіевскѣ, въ Ставрополѣ, въ Колѣ, даже въ Иркутскѣ и въ самой Камчаткѣ. Они увѣряютъ такъ же, что многіе изъ ихъ братьевъ находятся въ Германіи и Турціи, но въ Германіи они больше гонимы, нежели между магометанами.

Сношенія между находящимися въ Россіи бываютъ по случаямъ, когда напримѣръ кому нибудь изъ нихъ собратіи случится быть въ тѣхъ

мѣстахъ за своими нуждами или по торговымъ оборотамъ: въ случаѣ жъ нужды посылаютъ иногда и нарочныхъ.

II. Образъ или жизнь духоборцевъ.

Если не касаться до правилъ исповѣдыванія вѣры, то духоборцы могутъ служить образцомъ въ домашней и общественной жизни. Въ 1792 году екатеринославскій губернаторъ Каховскій въ донесеніи своемъ къ бывшему тогда генералъ-прокурору Вяземскому между прочимъ представлялъ, что послѣдователи духоборческой ереси ведутъ жизнь примѣрно хорошую и, уклоняясь отъ пьянства и праздности, пекутся неусыпно о своемъ домостроительствѣ и суть благонравны. Государственныя подати и другія общественныя повинности они всегда несли исправно, даже часто въ излишествѣ противу прочихъ крестьянъ, по причинѣ всегда чинимыхъ имъ отъ сельскаго начальства притѣсненій всякаго рода. — Лѣность и пьянство не терпимы у нихъ до того, что зараженныхъ сими пороками исключаютъ они изъ своего общества.

Но какъ скоро касаются до такихъ обязанностей ихъ и дѣйствій, въ кои хотя нѣсколько входитъ вѣроисповѣданіе, то тутъ открывается совершенное несходство и даже противуположность ихъ въ сравненіи съ прочими крестьянами. Духоборцы вовсе не ходятъ въ наружную церковь, не покланяются иконамъ, во время молитвы не дѣлаютъ на себѣ рукою крестнаго знаменія, не наблюдаютъ обыкновенныхъ постовъ и не участвуютъ въ весслостяхъ мірскихъ людей. Вотъ уже столькожъ причинъ, совершенно отдѣляющихъ ихъ отъ всякаго обыкновеннаго общества крестьянъ и такъ же служившихъ всегдашнимъ поводомъ и къ безпрестанному ихъ гоненію.

Духоборцы думаютъ, что всякая наружность въ дѣлѣ спасенія вовсе безполезна и что наружная церковь, по причинѣ паденія истиннаго христіанства, сдѣлалась вертепомъ разбойниковъ; и потому признаютъ церковь единую, святую, соборную и апостольскую, которую Господь явленіемъ своимъ собралъ, осіялъ и осіваетъ и украшаетъ дарованіями Духа Святаго, и которая потому есть собраніе вѣрныхъ и истинныхъ христіанъ. Въ семъ увѣреніи они дѣлаютъ между собою частыя собранія изъ своихъ собратій, однакожъ не имѣютъ для того особо назначеннаго какого либо мѣста, такъ какъ въ мѣстѣ не находятъ они никакой святости, но собираются другъ къ другу безъ всякаго различія. Они не назначаютъ также для сего и особыхъ какихъ либо дней, почитая ихъ всѣ равными и не имѣя никакихъ праздниковъ: всякой день свободный бываетъ днемъ ихъ собранія.

Впрочемъ собранія сіи большею частію бываютъ въ обыкновенные церковные и царскіе праздники, когда прочіе мірскіе люди не работаютъ; потому, что если бы стали они работать во время сихъ праздниковъ, то тѣмъ навлекли бы на себя ругательства мірянъ и могли бы подвергнуться истязанію въ пренебреженіи государственныхъ установленій.

Такимъ образомъ всякой изъ нихъ можетъ сдѣлать у себя собраніе, когда захочетъ, приглася къ себѣ свою собратію. Если же таковое собраніе дѣлаетъ недостаточный, который не имѣетъ чѣмъ накормить собравшихся къ нему, то прочіе доставляютъ ему и нужную къ ужину пищу или иногда приносятъ оную съ собою; ибо въ собраніяхъ они и ужинаютъ. — Пришедъ въ собраніе, они привѣтствуютъ другъ друга,—мущины мущинъ и женщины женщинъ, взявшись другъ съ другомъ правыми руками, дѣлая другъ другу три поклона и цѣлуясь троекратно, при чемъ каждый читаетъ свою молитву. Три поклона и троекратное цѣлованіе дѣлаютъ они во имя Трипостаснаго Бога, въ очищеніе плоти и для отгнанія гордости: рука за руки берутъ въ знакъ союза любви, благовѣщанія, познанія разума, познанія тайнаго Бога внутрь себя.

Въ продолженіи собранія читаютъ молитвы одинъ послѣ другаго, какія кто знаетъ, поютъ всѣ вмѣстѣ псалмы и поучаются слову божію. А какъ они всѣ почти не умѣютъ читать, а потому и не имѣютъ у себя и книгъ, то все сіе производится въ собраніяхъ наустно. Священниковъ обыкновенныхъ у нихъ нѣтъ, они признаютъ священника единаго, праведнаго, нелживаго, нескверна го, отлученнаго отъ грѣшниковъ и превознесеннаго превыше небесъ,—Христа; Онъ же единъ и учитель ихъ. И такъ въ собраніяхъ поучаются они слову божію другъ отъ друга. Всякой можетъ говорить, что знаетъ къ назиданію своей собратіи: даже самыя женщины изъ того не исключаются; ибо, говорятъ они, и женщины имѣютъ разумъ,—*а свята ва разумъ.*—Молятся стоя или сидя, какъ случится.

По окончаніи собранія такъ же бываетъ троекратное цѣлованіе, какъ и при началѣ онаго, и послѣ того вся братія расходится по своимъ домамъ.

Все сказанное здѣсь о времени и мѣстѣ духоборческихъ собраній относится къ тѣмъ только духоборцамъ, кои жили, или живутъ еще разсѣянно по селеніямъ вмѣстѣ съ прочими крестьянами; что жъ касается до поселившихся на Молочныхъ Водахъ, то они дѣлаютъ собранія свои на открытомъ воздухѣ въ двухъ кругахъ,—кругѣ мущинъ и кругѣ женщинъ.

Наиболѣе уважаемая въ обществѣ духоборцевъ добродѣтель есть братолюбіе. У нихъ нѣтъ между собою собственности, но каждый

имѣніе свое почитаетъ общимъ. — По переселеніи ихъ на Молочныя Воды они доказали сіе и на самомъ дѣлѣ: ибо они сложили тамъ всѣ свои пожитки въ одно мѣсто, такъ, что теперь у нихъ тамъ одна общая денежная касса, одно общее стадо и въ двухъ селеніяхъ два общихъ хлѣбныхъ магазейна; каждый братъ беретъ изъ общаго имѣнія все, что ему ни понадобится.

Странноприимство такъ же не послѣдняя между ими добродѣтель, ибо съ проѣзжающихъ чрезъ ихъ селенія не берутъ они ничего ни за постой, ни за пищу. Впрочемъ дабы братія ихъ не могли со временемъ развратиться отъ пристающихъ у нихъ сторонняхъ людей, то для сего построенъ на Молочныхъ Водахъ особой общественный домъ, гдѣ должны останавливатѣся всѣ таковые проѣзжающіе. Здѣсь такъ же пристаютъ и угощаются свѣтскіе начальники на счетъ общества, и тутъ же хранится у нихъ общественная сумма.

Къ ближнему духоборцы сострадательны: самыя мѣстныя начальства при всѣхъ взводимыхъ на нихъ клеветахъ, не одинъ разъ засвидѣтельствовали предъ высшимъ правительствомъ, что они въ нуждахъ оказываютъ ближнимъ пособіе и великія благотворенія; они жалостливы даже къ домашнему скоту: ибо никогда почти не бьютъ онаго.

Строго такъ же наблюдается между ими почтеніе дѣтей къ плотскимъ родителямъ и вообще младшихъ лѣтами къ старшимъ, хотя сіи старшіе и даже родители не присвоиваютъ себѣ надъ ними никакой власти, почитая себя духовно имъ равными.

Наказаній между братьями нѣтъ никакихъ, кромѣ исключенія изъ общества, и сіе исключеніе бываетъ за такіе только поступки, изъ коихъ общество ясно видитъ, что въ исключаемомъ потерянъ уже духъ христіанства, и кои могутъ подать соблазнъ и другимъ братіямъ. Но прежде таковаго исключенія, каждый изъ братіи, какъ скоро замѣтитъ въ комъ подобной поступокъ, по точному смыслу священнаго писанія, напоминаетъ ему, что онъ дѣлаетъ худо; если проступившійся отъ того не усовѣстится, то увѣщеваетъ при двухъ или трехъ братьяхъ; если не послушается трехъ, то обличается въ цѣломъ собраніи, но если и тогда останется упорнымъ, то рѣшительно уже исключается изъ общества.

Бываютъ однако же примѣры, хотя весьма рѣдкіе, что нѣкоторые изъ ихъ братіи, не сдѣлавъ явно никакого поступка, по которому бы могли подлежать исключенію изъ общества, сами собою оставляютъ оное безъ сомнѣнія для того, чтобъ пожить по своей волѣ безъ всякого принужденія: случалось даже, что жены оставляли своихъ мужей. Таковыхъ они не удерживаютъ, но даютъ имъ свободу, надѣливъ

притомъ по возможности и имуществомъ. Впрочемъ исключенные изъ ихъ общества и сами собою отдѣлившіеся могутъ и опять приняты быть въ оное, если совершенно раскаются предъ нимъ въ своихъ проступкахъ и оставятъ развратную жизнь; чему такъ же не рѣдко бываютъ примѣры.

Упражненія ихъ обыкновенныя, смотря по званію, кто въ какомъ изъ нихъ находится. Такимъ образомъ купецъ занимается купечествомъ и земледѣлецъ земледѣліемъ, но какъ большая часть изъ нихъ суть земледѣльцы, то и обыкновеннѣйшее ихъ упражненіе есть земледѣліе; нѣкоторымъ образомъ предпочитаютъ даже сіе благородное упражненіе всѣмъ прочимъ.

Въ обществѣ ихъ совершенно нѣтъ никакихъ старшинъ, кои бы управляли и распоряжали обществомъ; но общество управляетъ всѣми и каждымъ; письменныхъ постановленій и правилъ такъ же нѣтъ у нихъ никакихъ. Суда по обыкновенному духу простаго народа, въ обществѣ духоборцевъ должно бы кажется быть разногласіе и безпорядокъ; однакожь таковаго безпорядка никогда еще у нихъ не замѣчено. На Молочныхъ Водахъ до трехъ и даже до пяти многолюдныхъ семействъ уживаются въ одной большой избѣ.

Что касается до управленія семействъ въ частности взятыхъ, то слабость и нужды женскаго пола, неопытность юношей и воспитаніе не пришедшихъ еще въ возрастъ дѣтей конечно требуютъ уже другаго порядка. Въ каждомъ семействѣ натурально долженъ быть старшій и сей старшій есть родитель по плоти. Долгъ его есть промышлять о нуждахъ своего семейства, смотрѣть за поступками дѣтей, исправлять ихъ недостатки и научать закону божію. — Когда умираетъ родитель, то мѣсто его заступаетъ старшій изъ братьевъ; а въ случаѣ неспособности сего послѣдняго въ управленіе семейства вступаетъ другой способнѣйшій.

Образъ воспитанія дѣтей у духоборцевъ самой простой и единственной. Какъ скоро дитя начинаетъ говорить и понимать, то родители начинаютъ изустно обучать ихъ краткимъ молитвамъ и псалмамъ; пересказываютъ имъ что нибудь изъ священнаго писанія и такимъ образомъ всегда продолжаютъ наставлять ихъ изустно въ христіанскомъ законѣ; когда же дѣти выучатъ уже нѣсколько молитвъ и псалмовъ, то вмѣстѣ съ другими ходятъ въ собранія, читаютъ въ свою очередь выученныя имя молитвы и поютъ съ прочими псалмы.

Впрочемъ и кромѣ родителей каждый изъ духоборцевъ за долгъ считаетъ научить чему нибудь полезному всякое дитя своей собратіи, какъ скоро имѣетъ къ тому случай, и удержать отъ зла, если то въ немъ замѣтитъ.

При таковомъ воспитаніи духъ родителей мало по малу переходитъ и въ ихъ дѣтей, образъ мыслей глубже въ нихъ вкореняется, и ихъ склонность къ добру сильнѣе утверждается добрыми примѣрами. Увѣряютъ и очень естественно, что между множества дѣтей каждой безошибочно отличить можетъ всѣхъ духоборческихъ дѣтей отъ всѣхъ прочихъ, такъ какъ колосье пшеницы между овсомъ.

III. Ученіе духоворцевъ.

1. Главнѣйшій догматъ исповѣдыванія духоборцевъ есть служеніе и поклоненіе Богу духомъ и истиною. Всякую наружность, яко ненужную въ дѣлѣ спасенія, отвергаютъ.

2. Они не знаютъ никакого символа вѣры, но говорятъ только о себѣ, —что они закона божія, вѣры Іисусовой. Извѣстный въ нашей церкви символъ вѣры они читаютъ и все содержащееся въ оном признаютъ за истину, но полагаютъ его въ числѣ обыкновенныхъ своихъ псалмовъ.

3. Бога признаютъ въ трехъ лицахъ единаго, неисповѣдимаго. Вѣруютъ, что памятію мы уподобляемся Богу Отцу, разумомъ Богу Сыну, волею Богу Духу Святому, такъ же: первое лице, свѣтъ — Отецъ Богъ нашъ; второе лице, животъ—Сынъ Богъ нашъ; и третье лице, упокой—Святъ Духъ Богъ нашъ; изображеніе Тріипостаснаго Бога въ натýрѣ: Отецъ высота, Сынъ широта, Духъ Святый глубина. Сіе же берутъ и въ нравственномъ смыслѣ: Отецъ высокъ и никто не можетъ выше его возглаголить; Сынъ широкъ разумомъ, глубины никто не можетъ испроповѣдать.

4. Понятіе, которое они имѣютъ о Христѣ, основано на евангельскомъ ученіи; они признаютъ пришествіе Его во плоти, дѣянія, ученіе и страданія; но болѣе все то берутъ въ духовномъ смыслѣ и утверждаютъ, что все, что ни содержится въ Евангеліи, должно совершиться въ насъ. Такимъ образомъ Христосъ долженъ въ насъ зачаться, родиться, возрастать, учить, страдать, умереть, воскреснуть и вознестись; и въ семъ-то полагаютъ они процессъ новаго рожденія, или обновленія человѣка. Они говорятъ, что самъ Іисусъ былъ и есть Евангеліе вѣчное, живое и посылалъ оное словомъ проповѣдывать. Онъ самъ есть слово и пишется токмо на сердцахъ.

5. Вѣруютъ, что кромѣ Бога и Христа Его нигдѣ нѣтъ спасенія; но если Богъ не призывается отъ чистаго сердца, то и онъ самъ спасти человѣка не можетъ.

6. Ко спасенію человѣка нужна несомнѣнная вѣра во Христа; но вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ какъ и дѣла безъ вѣры; вѣра живая одна, и есть сердечное принятіе Евангелія.—

7. Въ разсужденіи крещенія говорятъ, что они крестятся словомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, сказавъ: «Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.»

Крещеніе сіе совершается тогда, когда человѣкъ покается чистымъ желаннымъ сердцемъ и взываетъ къ Богу: тогда оставляются ему грѣхи его и онъ уже думаетъ только о Богѣ, а не о мірѣ. Сіе единое крещеніе исповѣдуютъ они во оставленіе грѣховъ.

Новое рожденіе и крещеніе духовное, по ихъ разумѣнію, есть одно и тоже. Средство къ достиженію новаго рожденія есть живая вѣра въ Бога и молитва. Знаки рожденнаго, или крещеннаго свыше суть дѣла новаго человѣка.

Въ протчемъ крещеніе сіе имѣетъ по ихъ мнѣнію 7-мь состояній, или степеней: *первое* крещеніе есть оставленіе грѣховъ; *второе* помазаніе мура, то-есть познаніе міра или разумѣнія пути господня; *третіе* рѣченіе слова господня, или глаголъ божій; *четвертое* елеосвященіе, или освященіе молитвы; *пятое* исповѣдываніе духовное; *шестое*, причащеніе духовное; *седьмое* кровемученіе, или смиреніе. Кровь означаетъ покрываніе слова божія. Сія же седьмая степень означаетъ еще у нихъ и соединеніе съ Богомъ.

Естьли кто достигъ до соединенія съ Богомъ, въ чемъ они полагаютъ седьмую степень духовнаго крещенія, или новаго рожденія, тотъ живетъ уже въ Богѣ и таковый духовными очами можетъ зрѣть и ангеловъ.

Наружное крещеніе водою почитаютъ безполезнымъ и говорятъ, что вода смываетъ только нечистоту наружнаго тѣла.

8. Они полагаютъ, что каждому истинному христіанину даются два имени: одно плотское, при плотскомъ рожденіи отъ родителей его даваемое; а другое духовное, которое нарицаетъ ему Небесный Отецъ при духовномъ его рожденіи соотвѣтственно его дѣламъ. Сіе послѣднее имя никому здѣсь неизвѣстно, а познано будетъ въ вѣчности.

9. Исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ Богу небесному, благому и милосердому, оставляющему всѣ наши согрѣшенія молитвами. Въ грѣхахъ противу своихъ собратій исповѣдуются предъ всѣми и просятъ у нихъ прощенія. Запираться въ грѣхахъ, когда другіе ихъ узнаютъ, почитается у духоборцевъ великимъ преступленіемъ: есть ли по троекратномъ увѣщаніи таковый не усовѣстится, то они его отвергаютъ изъ общества.

Они сильно охуждаютъ то, когда человѣкъ называетъ себя грѣшникомъ, дѣлаетъ изъ того родъ похвальбы и ложнаго смиренія и какъ

бы извинял тѣхъ, но притомъ не старается исправить себя отъ своихъ грѣховъ. Когда человѣкъ палъ, то тотчасъ долженъ встать, просить у Бога прощенія съ сокрушеннымъ сердцемъ и всѣми силами остерегаться, чтобъ паки не впасть въ подобный грѣхъ.

10. Что касается до причащенія, то они причащаются во всякое время святымъ и животворящимъ, безсмертнымъ и страшнымъ христовымъ тайнамъ, но оставленіе грѣховъ, духовно, внутренно воспріятіемъ въ себя слова божія, которое есть Христосъ и таковое причащеніе, какъ говорятъ они, проницаетъ человѣческій разумъ сквозь костей и мозговъ. Таинство причащенія тѣла и крови христовой, подъ видомъ хлѣба и вина, не пріемлютъ; говоря, что хлѣбъ и вино входятъ во уста — какъ обыкновенная пища, и ничего душѣ нашей не пользуютъ.

11. Постъ полагаютъ они не въ качествѣ пищи, но въ воздержаніи отъ объяденія и другихъ пороковъ, въ чистотѣ, въ кротости, и смиреніи духа.—Воздержаніе отъ мясъ, по словамъ ихъ, не приноситъ душѣ никакой пользы.

12. Святыхъ почитаютъ, но не призываютъ на помощь, говоря, что они угодили Богу собственно для себя; мы должны только имъ подражать, что и называютъ они «призывать ихъ дѣло», впрочемъ они не почитаютъ дѣла угодившихъ Богу праведниковъ всѣ безъ разбора святыми.

13. Бракъ у нихъ не почитаютъ таинствомъ и совершается — по одному взаимному согласію молодой четы. Поелику нѣтъ между духоборцами никакого предпочтенія по богатству и по знатности фамиліи, то родители вовсе не мѣшаются у нихъ въ браки дѣтей. Церемоній и обрядовъ притомъ также не бываетъ никакихъ, довольно для сего одного согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ; тогда объявляютъ они родителямъ и братіи, и живутъ вмѣстѣ. Иногда однакожъ случается, что бракъ ихъ не прежде дѣлается явнымъ, какъ когда уже супруга понесетъ младенца. Впрочемъ какъ скоро мущина познаетъ дѣвицу, то онъ не можетъ уже отказаться, имѣть ее и своей женою; въ противномъ случаѣ онъ исключается изъ общества. Сему же наказанію неминуемо подвергнутся и прелюбодѣи, естьли бы случились оные.

Разводъ, въ намѣреніи вступить въ бракъ съ другими лицами, у нихъ никогда не бываетъ; ибо сіе было бы такъ же прелюбодѣйство. Но естьли бы обѣ стороны пожелали не знать другъ друга для сохраненія чистоты, то сіе конечно зависитъ отъ нихъ самихъ. Мужъ по смерти жены, и жена по смерти мужа, могутъ паки вступать въ бракъ даже до трехъ разъ, чему однакожъ почти не бываетъ при-

мѣровъ; они говорятъ: «христіанинъ обязанъ укрощать плоть свою, а не похотствовать».

14. Усопшихъ поминаютъ они добрыми дѣлами, и никакого уже другаго поминовенія по нихъ не творятъ: праведныхъ самъ Господь помянетъ въ царствіи Своемъ. Такимъ образомъ они и не молятся уже за умершихъ, почитая то для нихъ послѣ смерти безполезнымъ. Впрочемъ кончину христіанина не называютъ они смертію, но измѣненіемъ; а потому и не говорятъ, что братъ нашъ умеръ, но братъ нашъ измѣнился.

При погребеніи усопшихъ, обрядовъ у нихъ не бываетъ никакихъ; такъ же никто объ нихъ и не плачетъ, кромѣ дѣтей, но и въ тѣхъ почитается сіе одною слабостію. Когда духоборцы жили скрытно, то тѣла умершихъ ихъ собратій погребались обыкновеннымъ образомъ на общемъ кладбищѣ; но когда сдѣлались они явны, то хоронили своихъ умершихъ въ особенныхъ мѣстахъ.

15. Сотвореніе перваго человѣка исповѣдаютъ они такимъ же образомъ, какъ говорится о томъ въ священномъ писаніи, то-есть: что тѣло его взято отъ земли, и что Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. По душѣ до паденія онъ былъ чистъ и непорочен и тѣло имѣлъ лучшаго и совершеннѣйшаго сложенія, или по ихъ выраженію, онъ былъ въ смиренномъ тѣлѣ. Паденіе перваго человѣка полагаютъ они въ преступленіи заповѣди божеской. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корени, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Сіе объясняется извѣстнымъ мнѣніемъ, что человѣкъ есть малый міръ.

О душѣ человѣческой говорятъ, что она есть сила; — сила въ Богѣ,—а Богъ въ человѣкѣ.

16. Разсуждая о грѣхѣ наслѣдственномъ, они согласны, что отъ злыхъ родителей большею частію родятся злыя и дѣти; но притомъ утверждаютъ, что грѣхи родителей не препятствуютъ спасенію дѣтей, и что въ дѣлѣ спасенія каждый самъ за себя долженъ будетъ дать Богу отвѣтъ.

17. Въ разсужденіи блаженнаго состоянія праведныхъ и рая, говорятъ, что царство въ силѣ, а рай въ словеси, и что души праведныхъ въ руцѣ божіей, а потому не прикоснется къ нимъ мука; въ разсужденіи же мученія грѣшныхъ и ада, что грѣшныя души во тьмѣ ходятъ, чающе себѣ скорой погибели, и что адъ состоитъ на злобѣ. О переселеніи душъ послѣ смерти разсуждаютъ, что человѣкъ дѣломъ оправдится и дѣломъ погибнетъ, что дѣло каждаго приводитъ въ свои мѣста, и что послѣ смерти нѣтъ уже покаянія.

18. Что ѧъ касается до общаго воскресенія праведныхъ и грѣшныхъ на судъ съ ихъ тѣлами, то духоборцы въ сужденія о семъ не входятъ, предоставляя то единому Богу.

19. Вообще они неохотно или и вовсе не входятъ въ изъясненіе таинственныхъ вещей съ людьми мало имъ извѣстными, основываясь въ томъ на изреченіи Спасителя, сказавшаго: не мечите бисера предъ свиньями. Они говорятъ, что теперь еще не время открывать сіи вещи, и что оныя скоро всѣмъ извѣстны будутъ. Равнымъ образомъ и на вопросъ: какъ скоро ожидаютъ они пришествія христова отвѣчали, что, судя по дѣламъ въ мірѣ творящимся, надобно ему быть скоро.

20. Дабы человѣку спасти душу свою, то для сего не полагаютъ они нужнымъ быть въ ихъ обществѣ; они говорятъ, что дѣло приводитъ ко спасенію, и для того нужно только уразумѣть путь господень и исполнять его.

21. Театръ, по мнѣнію ихъ, есть школа сатанинская, гдѣ самъ сатана и діаволъ присутствуетъ.—Плясуны какъ на театрахъ, такъ и на прочихъ увеселеніяхъ уподобляются гусямъ, которые весною съ маткою выходятъ на траву, скачутъ и прыгаютъ, но всѣ остаются гусями и познанія о Богѣ не имѣютъ; когда же приходитъ морозъ, то они садятся и прячутъ свои ноги.

22. Въ убранствѣ покоевъ духоборцы не поставляютъ никакого грѣха; напротивъ того говорятъ еще, что человѣку христіанину прилично жить чисто и опрятно, чѣмъ они и сами по ихъ увѣренію отличались всегда отъ прочихъ крестьянъ въ ихъ селеніяхъ; нужно только смотрѣть, чтобъ духъ не былъ привязанъ къ симъ убранствамъ. Тоже думаютъ они о картинахъ въ покояхъ, о портретахъ извѣстныхъ людей и даже изображеніяхъ святыхъ. Они говорятъ, что таковыя картины и образа служатъ украшеніемъ дома и приятны для глазъ, но покланяться имъ отнюдь не должно и есть грѣхъ смертельный.

23. О бритьѣ бородъ и употребленіи табаку, они говорятъ, что послику ни борода, ни воздержаніе отъ табаку не составляютъ еще христіанина, то ни въ томъ ни въ другомъ не полагаютъ ни малѣйшей важности. Естьли бы имъ, какъ крестьянамъ, прилично было ходить безъ бородъ, то бы они безъ всякаго затрудненія согласились бы себѣ оныя выбрить.

24. Когда духоборцы жили въ Россіи скрытнымъ образомъ, то необходимость конечно заставляла и ихъ исполнять тогда для виду наружные обряды и установленіе грекороссійской церкви; но послику внутренно они ихъ ни мало не уважали, то, дабы не обнаружить об-

раза своихъ мыслей, всякому обряду, всякой вещи, принадлежащей къ наружному богослуженію, давали особыя свои назначенія и истолкованія въ духовномъ смыслѣ; напримѣръ, разсуждая о просфорахъ, они говорятъ, что *первая* просфора есть согласіе православной вѣры; *вторая*—любовь нелицемѣрная; *третія*—поученіе въ правомъ достоинствѣ; *четвертая*—принятіе святыхъ таинъ; *пятая*—просвѣтитель.

Пріобыкнувъ къ такому гіероглифическому выраженію мыслей, они придаютъ нравственныя значенія и ко многимъ другимъ предметамъ. Такъ напримѣръ: къ каждому дню седьмицы приданы у нихъ слѣдующія значенія въ родѣ краткихъ нравоучительныхъ наставленій.

Понедѣльникъ — Вся дѣла господня повѣдай.
Вторникъ — Второе рожденіе человѣка.
Среда — Зоветъ Господь людей ко спасенію.
Четвергъ — Чтите Господа во Святыхъ Его.
Пятница — Пой, прославляй имя Его.
Суббота — Бойся суда господня дабы не погубить душу свою въ неправдѣ.
Воскресенье — Воскресни отъ мертвыхъ дѣлъ и пріиди къ царствію небесному.

Седьмь небесъ означаютъ у нихъ седьмь евангельскихъ добродѣтелей такимъ образомъ; *первое* небо есть смиреніе, *второе*—разумѣніе, *третье*—воздержаніе, *четвертое*—братолюбіе, *пятое*—милосердіе, *шестое*—совѣтъ, *седьмое*—любовь; тамъ живетъ и Богъ. Подобно сему двѣнадцать христіанскихъ добродѣтелей изображаются у нихъ въ видѣ двѣнадцати друзей. —Сіи друзья суть:

1. *Правда.* . . Она человѣка отъ смерти избавляетъ.
2. *Чистота.* . Она человѣка къ Богу приводитъ.
3. *Любовь.* . . Идѣ же любовь, тамъ и Богъ.
4. *Труды.* . . . Тѣлу честь и душѣ вспоможеніе.
5. *Послушаніе.* Скорой путь ко спасенію.
6. *Неосужденіе.* Безъ труда человѣку спасеніе.
7. *Разсужденіе.* Всей добродѣтели свыше.
8. *Милосердіе.*. Отъ того человѣка самъ сатана трепещетъ.
9. *Покореніе.* . Самаго Христа Бога нашего дѣла.
10. *Молитва съ постомъ.* Они человѣка съ Богомъ соединяютъ.
11. *Покаяніе.* . Нѣтъ такого закона и заповѣди свыше.
12. *Благодареніе.* Радостно Богу и ангеломъ Его.

Кто поиметъ сихъ двенадесяти друзей, за того человѣка заступятъ двенадесятъ ангеловъ и понесутъ душу его въ царство небесное.—

Для образца предлагаются здѣсь и двѣ молитвы, изъ тѣхъ какія читаютъ у нихъ въ собраніяхъ.

1.

Къ кому пойду отъ Тебя, Господа моего, отъ лица Твоего къ кому убѣгу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во адъ, Ты тамо еси; аще возьму крылѣ моя рано, вселюся въ послѣднія моря, тамо рука Твоя наставитъ меня и удержитъ меня десница Твоя. Къ кому пойду и гдѣ обрящу вѣчный животъ, аще не въ Тебѣ, Создателѣ моемъ? Къ кому пойду и гдѣ обрящу многа утѣшенія, радость, пристанище, покой душѣ моей? Къ кому пойду отъ Тебе, Господи Боже мой? Ты бо глаголы вѣчнаго живота имаши въ себѣ. Ты еси источникъ живота, подателя всѣхъ благъ твоихъ. Возжада къ Тебѣ душа моя, возжада къ Тебѣ мое сердце, Боже живота моего! Усладимся пресвятаго Твоего имяни, преслаткаго Господа моего Іисуса. Да уранена имъ будетъ душа моя, да уязвенно будетъ мое сердце, да ничто же будетъ мнѣ любезнѣйшее во всемъ житіи моемъ паче Твоего Пресвятаго Духа, будутъ сладки словеса Твоя гортани моему и устомъ моимъ паче меда, оправданія Твоя вожделенны мнѣ будутъ, Господи, паче злата, каменія честна, много слаще паче меда и сота.

2.

Како Тебе мы имемъ любити, Господа своего? Ты бо еси животъ мой; Ты бо еси спасеніе мое, слава и похвала; Ты бо еси мое богатство, вѣчное сокровище, Ты бо еси моя надежда и упованіе; Ты бо еси мое радованіе, вѣчной покой. Лучше ли мнѣ любить вещь суетную, или вещь безъизвѣстную, превратную, или вещь погибельную, ложную, нежели Тебе, истиннаго живота моего? Животъ Ты еси, мое спасеніе, сего ради всю надежду мою, вся упованія моя, вся желанія моя, вся воздыханія моя къ Тебѣ единому полагаю; Тебе, Господи, взыщу всѣмъ сердцемъ моимъ, всею душею моею, всѣмъ помышленіемъ моимъ; къ Тебѣ единому во углубленіе имамъ вся внутреннія, членови мнози; къ Тебѣ единому изліюсь, весь буду въ тебѣ, а Ты во мнѣ. Увѣмъ и познаю Тебе во истинномъ во единомъ истиннаго Бога Господа, Егоже послалъ Іисуса Христа, во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ благодатію Твоего Пресвятаго духа.

25. Духоборцы, пріѣзжавшіе въ прошломъ 1804 году въ С.-Петербургъ для испрошенія своимъ собратіямъ дозволенія къ переселе-

нію на Молочныя Воды, при обратномъ ихъ отъѣздѣ въ свои мѣста предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, будучи вопрошаемы: не лучше ли имъ провесть праздникъ въ С.-Петербургѣ и послѣ онаго уже отправиться въ путь, сказали: «для насъ все равно потому, что праздникъ съ нами внутрь насъ».

Когда же увѣщеваемы были, чтобы поселясь на Молочныхъ Водахъ жили они тихо и скромно и никого бы не старались обращать въ свою секту, то отвѣчали, что все, что надобно, уже посѣяно, что сѣять для того они больше не будутъ, и что теперь наступило время жатвы, а не посѣва.

О НАРОДАХЪ НА СТРАШНОМЪ СУДѢ

ПО ОДНОМУ ЛИЦЕВОМУ СБОРНИКУ XVII ВѢКА, НОВГОРОДСКОЙ СОФІЙСКОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Эпизодъ о народахъ, собравшихся на послѣднее судище передъ Небеснымъ Судіею, едва ли не самый характеристическій и замѣчательный въ русскихъ изображеніяхъ страшнаго суда и въ описаніяхъ этого сюжета въ толковыхъ подлинникахъ [1]). Въ дополненіе къ общеизвѣстнымъ подробностямъ этого эпизода предлагаю любопытнѣйшій варіантъ по одному сборнику конца XVII вѣка, принадлежащему новгородской софійской библіотекѣ, подъ № 1430, въ листъ, на 57 листахъ (нынѣ въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи).

Этотъ сборникъ, весь въ лицахъ съ объяснительнымъ текстомъ, безъ начала и безъ конца, вѣроятно, составлялъ часть Синодика съ повѣстями [2]). Описаніе страшнаго суда въ лицахъ помѣщено въ этомъ сборникѣ между повѣстями и другими назидательными статьями, изъ нихъ иныя взяты изъ русскихъ источниковъ, что придастъ особенную цѣну Софійскому сборнику сравнительно съ другими того же рода.

Чтобы познакомить читателей съ любопытнымъ содержаніемъ этой рукописи, предлагаю общее обозрѣніе всѣхъ статей ея въ томъ порядкѣ, какъ онѣ слѣдуютъ, а въ описаніи страшнаго суда войду въ бо́льшія подробности.

---

[1]) См. мои Историч. Очерки, II, стр. 133 и слѣд.

[2]) Слич. тамъ же, I, стр. 622 и слѣд.

1) Чудо св. Варлаама о пономарѣ, о моровой повѣтріи и о пожарѣ въ Новгородѣ. Слич. въ моихъ Историческихъ Очеркахъ II, стр. 271 и слѣд.

2) Въ лѣто 6961, о взятіи Царяграда.

3) Маргаритъ. Слово 7, листъ 472. *Всяка человѣка суета есть.*

4) Св. отца Еулогія *о томъ же* (?).

5) Слово отъ Старчества. Извѣстная повѣсть о томъ, какъ душа не выходила изъ мертваго тѣла одного праведнаго человѣка до тѣхъ поръ, пока не была вызвана оттуда самимъ царемъ Давидомъ помощію звуковъ псалтыри. Надъ этою сценою изображены мытарства, по обычаю, въ кругахъ, привѣшенныхъ къ извивающейся линіи, а не составляющихъ звенья адской змѣи, какъ вообще было принято у насъ въ старину изображать этотъ предметъ.

6) Страшный судъ, начиная съ оборота 11-го листа. Этотъ предметъ изображенъ не цѣликомъ, въ одной картинѣ, но раздѣленъ на слѣдующіе эпизоды, отдѣльно одинъ отъ другаго:

— Іоаннъ Предтеча и другія священныя лица молятъ Небеснаго Судію о христіанахъ.

— Горній Іерусалимъ.

— Престолъ Господень съ мѣриломъ праведнымъ.

— Ангелъ трубитъ въ трубу надъ гробами умершихъ.

— Праведники и грѣшники проходятъ рѣку огненную.

— Вострубилъ Михаилъ Архангелъ, и земля и море въ видѣ символическихъ женщинъ отдаютъ мертвецовъ. Слич. въ моихъ Историч. Очеркахъ, II, стр. 137—138.

— Народы, сошедшіеся на страшное судище, рисованы на 14-мъ листѣ, раздѣленномъ на четвероугольники въ четыре ряда, по три въ рядъ. Всего 12. Въ каждомъ четвероугольникѣ особый народъ, писанъ въ видѣ толпы.

Первый рядъ: *Русь.—Жиды*, съ подписью: «Св. Моисей пророкъ вза Пилата и указаше ему Христа, крестъ и копіе». Слич. въ Историч. Очеркахъ, II, стр. 141—142.—*Ляхи.*

Второй рядъ: *Литва.* — *Крымляна*, съ бритыми лбами. — *Турки*, съ обритыми бородами и безъ усовъ.

Третій рядъ: *Елины:* въ нѣмецкихъ короткихъ кафтанахъ, съ разрѣзами на полахъ, въ голландскихъ пышныхъ боркахъ, въ шляпахъ съ полями, въ штанахъ и въ башмакахъ съ чулками по колѣно. — *Агаряне.—Колмыки*, съ усами.

Четвертый рядъ: *Лопляня.—Жмойденя.—Кезелбашене.*

Въ подлинникахъ приводятся на страшный судъ слѣдующіе десять народовъ: 1) Жиды, 2) Литва, 3) Арапы синіе, 4) Индіяне, 5) Из-

манльтяне, *Песьи Главы*, 6) Турки, 7) Срацины, 8) Нѣмцы, 9) Ляхи, 10) Русь. См. Истор. Очерки, II, стр. 134. Это, какъ кажется, древнѣйшая редакція. Ее подновляетъ Новгородскій Софійскій сборникъ присовокупленьемъ народовъ, съ которыми входила Русь въ сношеніе въ теченіе своей исторической жизни. Эти народы: *Крымляне*, *Колмыки*, *Лопляне*, *Жмойдяне*, *Кезелбашене*; что же касается до *Еллинъ*, то, судя по костюмамъ, надобно полагать, что ими замѣнены *Нѣмцы*, то-есть, вообще *нехристь*, *басурманы;* потому что все языческое и иновѣрное наши предки называли то нѣмецкимъ и басурманскимъ, то еллинскимъ.

За листомъ съ изображеніемъ народовъ слѣдуетъ:

— Ангелъ ведетъ праведныхъ въ рай.

— Ангелъ напущаетъ на грѣшниковъ бурю, то-есть, вѣтеръ съ громомъ и молніею. Вѣтръ изображенъ, согласно преданіямъ древнехристіанскаго искусства, въ видѣ мальчика, съ сіяніемъ вокругъ головы, дующаго въ трубу. Этого символическаго мальчика держитъ на рукахъ ангелъ. Слич. въ Историч. Очеркахъ, II, стр. 205. Точно такъ же изображаются вѣтры въ видѣ мальчиковъ, несомыхъ ангелами, въ лицевыхъ апокалипсисахъ, XVI—XVIII вѣка.

— Муки грѣшникамъ, въ отдѣльныхъ четвероугольникахъ. Между прочими встрѣчается и *Милостивый блудникъ*, привязанный къ столбу. Около него ангелъ. См. Историч. Очерки, II, стр. 140—141.

— Мытарства, въ видѣ круговъ, соединенныхъ другъ съ другомъ двумя черточками, означающими тянущійся хвостъ змія.

— Праведниковъ несутъ ангелы въ рай, а грѣшниковъ низвергаютъ въ вѣчныя муки.

— Адъ въ огнѣ.

За эпизодомъ о страшномъ судѣ продолжается рядъ повѣстей и назидательныхъ статей, а именно:

7) Повѣсть священноинока Симеона Суждальца, како римскій папа Евгеній составилъ осмый соборъ съ своими единомышленники.

8) Житіе св. Антонія Римлянина.

9) Св. Андрея Юродиваго. О невѣстѣ. — Како Ѳеодора мучитъ 15 лѣтъ епархъ.

10) Книга о вѣрѣ. О взятіи Цариграда отъ Римлянъ. Начало: «Въ лѣто 1204-е Французове и Латиницы, а именно Балдве Фландеръ со иными» и т. д.

11) Книга Андрея Цареградскаго Христа ради юродиваго. О кончинѣ и о Антихристѣ. — Опять идетъ рядъ изображеній загробной жизни страшнаго суда.

О. Буслаевъ.

ПОВѢСТЬ О ЧУДОТВОРНОМЪ ОБРАЗѢ БОГОРОДИЦЫ, НАХОДИВШЕМСЯ ВЪ ВЫДРОПУСКѢ.

(Сообщена П. Л.)

—

Предлагаемая здѣсь повѣсть заимствована мною изъ сборника XVII вѣка, принадлежащаго Публичной Библіотекѣ (Отд. I. Q. № 239; Толс. II. 277). Кому случалось пересматривать наши старинные сборники, тому извѣстно, какъ много заключается въ нихъ повѣстей и сказаній этого рода. Едва ли не каждый образъ, не только чтимый цѣлымъ народомъ, но и какою нибудь отдѣльною областью, имѣетъ свое сказаніе, которое усердно переписывалось благочестивыми предками и служило любимымъ предметомъ чтенія. Какъ смотрѣть на нихъ тому, кто въ памятникахъ старинной письменности ищетъ прежде всего живаго отношенія ихъ къ дѣйствительности? какое мѣсто занимаютъ они въ ряду послѣднихъ и въ чемъ состоитъ ихъ литературное значеніе?

Въ непосредственномъ отношеніи ихъ къ дѣйствительной жизни сомнѣваться нельзя, потому что въ своей совокупности они выражаютъ собою характеръ народнаго вѣрованія, того религіознаго настроенія, которое было господствующимъ въ старину, которое и теперь сохраняетъ свою силу тамъ, гдѣ старина крѣпко держится преданія. Здѣсь вопросъ не въ оцѣнкѣ, съ современной точки зрѣнія, характера этого общаго въ старину религіознаго настроенія, а въ томъ, что̀ оно значило для своего времени, для своей жизни. Если мы будемъ оцѣнивать значеніе литературныхъ памятниковъ по степени и характеру выраженія въ нихъ общаго сочувствія народа къ ихъ содержанію, того, къ чему направлялись и около чего сосредоточивались народныя симпатіи, по выраженію духовныхъ интересовъ, духовной пищи, которыми въ ту или другую эпоху народъ воспитывался и возбуждался къ дѣятельности; то безъ сомнѣнія не откажемъ въ литературномъ значеніи повѣстямъ и сказаніямъ о чудотворныхъ иконахъ, даже независимо отъ заключающихся въ нихъ нерѣдко элементовъ народной поэзіи. Въ этомъ смыслѣ самыя чудотворныя иконы представятся намъ памятниками, къ которымъ, такъ сказать, тянуло религіозное чувство народа, которые собирали въ себя весьма значительную долю его религіознаго сознанія и изъ которыхъ народъ въ свою очередь черпалъ силу и воодушевленіе, нерѣдко рѣшавшія успѣхъ его истори-

ческихъ подвиговъ. Не будемъ здѣсь упоминать объ историческихъ событіяхъ, относящихся и къ внутреннему устройству жизни народа и къ внѣшней его дѣятельности, въ которыхъ эти памятники принимали живое и непосредственное участіе. Повѣсти же и сказанія объ этихъ памятникахъ въ этомъ смыслѣ представятся намъ, повторяю, выраженіемъ сосредоточеннаго около нихъ религіознаго чувства народа. Уваженіе къ нимъ и благоговѣйное перечитываньe ихъ должно было обратно дѣйствовать на поддержаніе и возбужденіе того же религіознаго чувства. Чудесное, въ большей или меньшей степени заключающееся во всѣхъ сказаніяхъ этого рода, не могло не дѣйствовать на фантазію народа, и должно согласиться, что это дѣйствіе, какъ бы мы ни смотрѣли на содержаніе самыхъ сказаній, было для него благодѣтельно въ томъ смыслѣ, что оно вполнѣ доступнымъ для него способомъ отрывало его отъ подавлявшей его иногда дѣйствительности, переносило его въ другой міръ, указывало ему на присутствіе подлѣ него, въ видимомъ ему предметѣ, божественной силы и тѣмъ укрѣпляло его и ободряло на борьбу съ жизнью. Въ этомъ заключается вліяніе поэтической стороны сказаній, которое также должно оцѣнивать не по современнымъ намъ эстетическимъ воззрѣніямъ, а потому, чего искалъ и что находилъ въ нихъ для себя народъ въ старину.

Литературная обработка, въ какой обыкновенно встрѣчаются въ старинныхъ сборникахъ эти сказанія, получена ими наибольшею частью въ XVI или XVII вѣкахъ, а потому отличается всѣми пріемами господствовавшаго тогда направленія: витіеватостью, искусственностью, реторизмомъ, подборомъ готовыхъ фразъ и оборотовъ, книжнымъ языкомъ, что въ совокупности сообщало особый складъ, особую литературную форму всѣмъ произведеніямъ религіознаго содержанія этого времени. Такая литературная форма, со всѣми своими готовыми и общеусвоенными пріемами, естественно должна была стѣснять свободу и въ самостоятельномъ изложеніи мысли и въ искреннемъ выраженіи чувства, а потому весьма трудно было изъ этихъ пріемовъ выбраться и свѣжей мысли и искреннему чувству. Если и можно указать на немногія сказанія этого рода, въ которыхъ сильное и искреннее воодушевленіе предметомъ иногда преодолѣвало затрудненія со стороны формы и находило для себя соотвѣтствующее выраженіе, то къ нимъ относятся развѣ тѣ изъ нихъ, для авторовъ которыхъ принятый ими на себя добровольно трудъ не былъ урочнымъ и постояннымъ занятіемъ, особенно тѣ, въ которыхъ авторомъ является лицо мірское, не принадлежавшее къ расплодившемуся тогда классу списателей.

Наконецъ нельзя не замѣтить, что судьба по крайней мѣрѣ существенной части содержанія этихъ сказаній сходна съ судьбою произведеній народной поэзіи. Нѣтъ сомнѣнія, что главное содержаніе каждаго изъ нихъ, еще задолго до полученія окончательной литературной обработки, постоянно обращалось въ народѣ, постоянно пересказывалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно дополнялось и распространялось, пока не являлось уже болѣе или менѣе приготовленнымъ для опредѣленной литературной формы. Факты для послѣдней были уже давно готовы, обставились болѣе или менѣе распространенными въ народномъ духѣ подробностями, такъ что списателю оставалось только сообщить всему видъ цѣльнаго и связнаго сказанія съ личными распространеніями уже во вкусѣ господствовавшихъ тогда книжно-литературныхъ пріемовъ.

Въ частности предлагаемая повѣсть замѣчательна и какъ образецъ литературной обработки произведеній этого рода, и по личности списателя, принадлежавшаго къ княжескому роду. Мы не знаемъ подробностей о жизни и образованіи автора кромѣ того, что предлагаетъ наша повѣсть. Князья Звѣнигородскіе, потомки Рюрика, имѣли своимъ родоначальникомъ князя Андреяна Мстиславича, внука Михаила Всеволодовича Черниговскаго († 1246). Такъ какъ авторъ составилъ свою повѣсть по разсказамъ Ѳеодора корчемника, навыкшаго добродѣтели отъ Соловецкаго игумена Филиппа (поставл. въ митрополиты 25 іюля 1566 г.), то отнести время его жизни ко второй половинѣ XVI вѣка [1]). Въ повѣсти онъ является человѣкомъ вполнѣ усвоившимъ господствовавшую тогда литературную форму и притомъ проникнутымъ искреннимъ благочестіемъ. Замѣчательна повѣсть и по чертѣ, характеризующей походъ Іоанна III противъ Новгорода: «послѣ воинства того нерею не сущу ту у церкви, но без пѣнія бывшу» (Сравн. Карамз. VI. 38 и слѣд.).

Что касается до образа, находившагося въ Выдропускѣ во время составленія повѣсти, то извѣстно, что теперь тамъ только списокъ съ нея, а самый подлинникъ давно уже перенесенъ въ Торжекъ и находится въ Новоторжскомъ Преображенскомъ соборѣ. Старожилы Выдропуска не помнятъ времени этого перенесенія и питаютъ глубокое уваженіе къ списку. Въ описаніи города Торжка находится слѣдующее любопытное извѣстіе объ этомъ древнемъ образѣ: «большой крестный ходъ 18 числа іюня установленъ съ незапамятныхъ временъ

[1]) Прозваніе автора *Токматовъ* есть испорченное *Токмаковъ* и авторомъ повѣсти былъ Юрій Ивановичъ Токмаковъ, находившійся у наряду въ войскѣ Грознаго во время похода его противъ Нѣмцевъ (Карамз. IX. пр. 412. Сравн. Акты Арх. Экси. I. 353).

въ честь чудотворнаго образа Божіей Матери, именуемой Одигитріи Выдропусской или Муромской. Когда этотъ чудотворный образъ Божіей Матери стоялъ въ церкви села Выдропуска, то въ XVI столѣтіи, 18 числа іюня, каждый годъ носимъ былъ въ городъ Торжекъ съ крестнымъ ходомъ и обратно чрезъ нѣсколько дней былъ относимъ. Въ бытность сего чудотворнаго образа въ городѣ Торжкѣ, въ Преображенскомъ соборѣ отправлялась непрестанная въ честь его служба, и самый образъ былъ носимъ по домамъ усердствующими гражданами. Со временемъ этотъ чудотворный образъ по какому-то случаю остался навсегда въ городѣ Торжкѣ въ Преображенскомъ соборѣ» [1]). Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о другомъ образѣ — Умиленія Божіей Матери, который, какъ говорится въ повѣсти, сопровождалъ образъ Одигитріи въ его обратномъ пути изъ Мурома въ Выдропускъ, находился нѣкоторое время въ Выдропускомъ храмѣ, а потомъ «не обрѣтеся в церкви, но обрѣтеся паки в муром'сѣи области, в храмѣ великаго чюдотворца Николы, на своемъ прежде стоящемъ мѣстѣ». Не есть ли это обстоятельство позднѣйшая поэтическая амплификація сказанія и не былъ ли этотъ образъ вмѣстѣ съ образомъ Одигитріи перенесенъ въ г. Торжекъ? По крайней мѣрѣ въ этомъ же описаніи города Торжка находится слѣд. извѣстіе: «въ Срѣтенской церкви имѣется образъ Божіей Матери съ предвѣчнымъ на рукахъ младенцемъ, иконнаго писанія, мѣстный въ иконостасѣ, именуемый Умиленіе Божіей Матери, не въ давнія времена обложенный серебреною позолоченою ризою, по устному и всеобщему преданію старожилыхъ прихожанъ и гражданъ, древній и чудотворный. Къ сему образу всѣ граждане и прихожане имѣютъ великую вѣру, какъ къ древнему и чудотворному; почему бываемыя отъ сего образа чудесныя исцѣленія многія и нынѣ передаются устно. Ему празднество совершается въ сей церкви въ первое воскресенье послѣ праздника первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня. На поляхъ при семъ образѣ написано, что сей образъ принесенъ былъ изъ Двинской земли въ Черную гору, въ царствованіе п. и в. к. Ѳеодора Іоанновича; а въ Торжекъ онъ былъ перенесенъ изъ села Выдропуска. Болѣе ничего достовѣрнаго о семъ образѣ неизвѣстно» (стр. 129 — 130).

Л.

—

Повѣсть душеполезна о чюдотворномъ образѣ пресвятыя богородицы, иже в новгородской области в веси нарицаемѣй выд-

[1]) Историческо-статическое описаніе города Торжка, составленое іеромонахомъ Иліодоромъ. Тверь. 1860. стр. 103 — 104.

ропуске [1]). *в храме святаго великаго мученика христова Георгия* [2]), *списано благовѣрнымъ княземъ Егоргіемъ звенигородскимъ, иже именуется токматонъ. благослови отче.*

Страшна повѣсть и дивно чюдо, недоумѣнно сказание и неизреченнъ глаголъ и непостижимъ хощу вамъ, боголюбцемъ, повѣдати. Но ты, владычице, помраченную душу мою, еюже омрачихъ страстными своими дѣлы свѣтлаго солнца, иже славѣ мати, просвѣти свѣтомъ, имже просвѣщаетъ сынъ твой христосъ, свѣтъ истинный, и духомъ пресвятымъ разшири уста моя и наполни премудрости и разума, да твоею помощию, царице, возмогу повѣсть сию чюдную писанию предати.

Бысть убо в лѣта царства благовѣрнаго и христолюбиваго царя государя і великаго князя иоанна василиевича, всея россіи самодержца; и ходившу ему нѣкогда ратию на великий новъградъ, подъ свою державу взяти,—понеже великий новъградъ в то время бысть въ своей воли. Во области же великаго новаграда на пути есть село зовомо выдропускъ, еже нынѣ многими знаемо; в томъ селѣ храмъ бысть во имя святаго великаго страстотерпца и мученика славнаго чюдотворца георгия, иже отъ каппаддокии; в томъ же преславномъ и чюдномъ храмѣ стояше икона у царскихъ вратъ, образъ пречистыя богородицы и приснодѣвы мариі честнаго и славнаго ея одигитрия, сирѣчь крѣпкия заступницы. Благочестивому же государю царю и великому князю иоанну василиевичу всея русиі вся воя ему и хотѣния добрѣ управившу, і все ему желание свершившу, і великий новъградъ во область свою приявшу, и съ великою честию и с побѣдою і с плѣномъ и со многимъ богатствомъ ему к царствующему славному великому граду москвѣ возвратившуся, такоже і всему воинству его идущу вспять комужло во свояси, нѣкий же воинъ царева полку, области града мурома, дерзнувъ взяти из церкви великаго мученика христова георгия на выдропуске образъ пречистыя владычицы нашея богородицы честнаго и славнаго ея одигитрия, стояше ту

---

[1]) Село Выдропускъ находится на Петербургско-Московскомъ шоссейномъ трактѣ, на половинѣ дороги между городами Торжкомъ и Вышнимъ Волочкомъ, на р. Тверцѣ. Настоящее названіе есть испорченное изъ весьма замѣчательнаго древняго названія — *Выдыбожскъ* (выдыбай боже), сохранившагося въ древнихъ памятникахъ и въ описаніи пятинъ Новгородскихъ, и свидѣтельствующаго о глубокой древности этого села.

[2]) На мѣстѣ этого храма, на лѣвомъ берегу Тверцы, теперь стоитъ часовня съ образомъ св. Георгія и съ источникомъ прекрасной воды. Нынѣшняя же церковь, построенная въ прошломъ вѣкѣ, находится нѣсколько ниже по Тверцѣ, на правомъ ея берегу.

у царскихъ вратъ, о нейже нынѣ повѣсть предлежитъ; и принесе ея в вотчину свою, во область муромскую, идѣже бѣ житие его, і постави ю в селѣ своемъ во храмѣ великаго чюдотворца николы. І мало нѣкое время прейде, случися в суботу, что предъ недѣлею святыхъ и равноапостольныхъ женъ мироносицъ, послѣ утреняго пѣния, повелѣ той воинъ перею пѣти канонъ и молебенъ пренепорочнѣй владычицѣ пресвятѣй богородицѣ, еже есть акаѳистъ наричется, с кондаки и икосы ея; по отпѣтии же сего благодарнаго великого канона акаѳиста, повелѣ воинъ перею приложити другий молебенъ и рече: пой ми канонъ полонянке, еже пречистѣй богородицѣ одигитрию, юже полонихъ в новгород'ской области [1]). Перей же повелѣнное имъ сотвори, и начаша пѣти канонъ, и прочтоша евангелие, пѣвцы же рекоша: слава тебѣ господи. О великое чюдо! внезапу трусъ бысть в храмѣ томъ, и приниде вихрь і громъ великъ, і потрясеся мѣсто і храмъ весь, и разступися покровъ церковный, и невидимою силою подъяся образъ отъ мѣста, і изыде отъ мѣста верхомъ церковнымъ. Воинъ же той, перей и вси людие отъ страха падоша і лежаша на многъ часъ яко мертви; егда же возбнувъ и поискавъ на многъ часъ образа пречистыя богородицы і не обрѣтоша. И нача воинъ плакати и рыдати, и рече: охъ увы мнѣ! согрѣшихъ злѣ: како нарекохъ плѣнницею свободну сущу и свободившаго отъ вѣка рождествомъ своимъ отъ плѣнения діяволя и отъ адовыхъ нѣдръ весь миръ? І плачася грѣховъ своихъ на многъ часъ, і отложивъ воин'скиі санъ и вземъ на ся смирения образъ, полагаетъ обѣтъ еже ити пѣшу с великимъ трудомъ в постѣ і в покаяніі в новъгородскую область, в село нарицаемое выдропускъ, до церкви святаго великаго мученика христова георгия, идѣже онъ взя чюдотворный образъ, да тамо плачется грѣховъ своихъ. В той же день и часъ, в первый часъ дне, солнцу восходящу, и утру бывшу свѣтлу и тиху, нѣкто селянинъ села выдропуска, именемъ флоръ, изыде на ниву сѣяти лну, и яко сѣющу ему, и се внезапу бысть мимо его шумъ, яко носиму дыханию бурну в церкви святаго великаго мученика христова георгия; онъже отъ страха того стояше усумнѣв'ся, дивяся преславному чюдеси. нѣкий же человѣкъ села выдропуска понамарскую службу имѣяше и живяше близь церкви тоя, праведенъ сый і бояйся бога: обычай бо бѣ ему по вся дни входити в церковь святаго георгия і кадити в' церкви стоящыя иконы, понеже послѣ воинства того перею не сущу ту у церкви, но без пѣния бывшу; і вниде в церковь по обычаю пока-

[1]) Немногіе старожилы села Выдропуска еще помнятъ объ этомъ названіи иконы полонянкою, но причины названія не знаютъ.

дити оставшия отъ воинства святыя иконы, и зритъ дивное чюдо и радости исполнено, образъ пренепорочной и пречистой богородицы, честнаго и славнаго ея одигитрия, на престолѣ во олтари ницъ лежащъ, *юже* ис церкви взялъ воинъ и снесе в вотчину свою муромскую, і другий образъ с нею пришедшъ пречистыя жъ умиленія. Человѣкъ же онъ, покадивъ в церкви святыя иконы и видѣвъ тѣ святыя иконы, недоумѣниемъ объятъ бысть, радости же и веселия исполнися и рече в себѣ: вѣмъ во истинну, яко сій чюдотворный образъ ратніі плѣниша, и поколико дний вхождахъ в церковь сию покадити святыя иконы и никакоже не *видѣ* чюдотворнаго сего образа. Человѣкъ же той, отъ очію слезы испущая, душею радуяся, тѣломъ же трепеща и умомъ дивяся бывшему чюдеси преславному, и в радости, шедъ, повѣда мужемъ живущимъ *о* мѣстѣ томъ, глагола: пріідите со мною і видите преславное чюдо божіе матере, *еже быхъ* исперва в церкви чюдотворца георгия, чюдотворный образъ пресвятыя богородицы одигитрия, иже всѣми вами знаемъ и чюдеса многая точащи приходящимъ с вѣрою, о *нейже* азъ вамъ нынѣ повѣдаютъ. Бысть в лѣта отецъ нашихъ за грѣхи наша пожаръ великъ на мѣстѣ семъ, храмъ же великаго мученика христова георгия до основанія згорѣ со всѣмъ зданіемъ церковнымъ, послѣ же того великаго пожара начаша росчищати церковное мѣсто и обрѣтоша образъ сей в пепелѣ к земли ницъ лежащъ, благодатію божіею сохраненъ, ничимже вреженъ бысть отъ огня, но токмо мало с тылу дска посмаде. послѣжде же пленѣния сего не обрѣтеся чюдотворный сей образъ в храмѣ нашемъ, но восхищенъ воины; днесь же азъ многогрѣшный приидохъ в'церковь съ епиміяномъ покадити святыя иконы и обрѣтохъ чюдотворный той образъ во олтари на престолѣ, ницъ лежащъ к престолу: невидимо приниде в весь нашу, в храмъ святаго георгия, и нынѣ азъ видѣхъ очима своима. Селяне же, слышав'ше, и скоро текоша во храмъ видѣти чюдо божіе матере, с женами и з дѣтьми и со младенцы, с великимъ тщаніемъ, и обрѣтоша по словеси *понамареви*; и бысть радость велика в веси той о чюдеси заступницы богородицы, еще же отъ радости и слезамъ пролитію бывшу многу. Сѣдый же на поли ленъ человѣкъ онъ повѣда невидимый бывшій мимо его шумъ; слышавше же людіе, наипаче дивишася о чюдеси. Жены же принесоша малыя дѣтища пеленами повиты, и из нѣдръ своихъ помѣтающе предъ образомъ на помостѣ церковномъ, плачюще и вопіюще: о всемилостивая еси богородице! не прогнѣвайся на ны грѣшныя до конца. И плачюще великимъ воплемъ, другъ друга утѣсняюще и другъ друга приемлюще: Умилосердися *теплая заступнице* на рабы своя, не насъ ради грѣшныхъ, но сихъ

ради младенцевъ, *еже* не имутъ грѣха, пощади и ны, владычице! Слышавше же окрестныя люди, иереи и діякони, и вси людіе, стекошася на великое то чюдо; отпѣвше же вечерню и утреню, и освятиша воду, и о молебныхъ литоргію отпѣвше, воздавше благодареніе всемилостивому богу и пречистѣй богородицы, и рѣша иереи и старѣйшины вси тоя: благодаримъ бога и пречистую богородицу, яко еще не оставили мѣста сего и не забыли *еси* насъ в скорбѣхъ нашихъ. И приняша утѣшеніе велико и, воздавша благодарныя молитвы, отъидоша в домы своя с радостію великою. И оттолѣ в вси той, прочее же и во всей новъгородской области, начаша людіе богатѣти духовнымъ богатствомъ, паче же и тѣлесными потребами, вся земля обиліемъ кипя в сѣменныхъ приплодѣхъ и в скотскихъ родѣхъ паче первыхъ лѣтъ: сие богъ дарова и пречистая богородица. Азъ же мню, еже ницъ лежащу икону ко престолу, яко любовь имущу к мѣсту тому и изволи быти в храмѣ великаго мученика георгія; не точию же той, но и другій образъ с нею пришедшъ пресвятыя богородицы умиленія, мѣрою яко лактя единаго. Той же образъ умиленія пречистыя приде из мурома и пребысть ту на выдропуске в'храмѣ томъ, и паки не обрѣтеся в церкви, но обрѣтеся паки в муром'стѣй области, в'храмѣ великаго чюдотворца николы, на своемъ прежде стоящемъ мѣстѣ. Той же воинъ муромецъ, слыша отъ иерея и отъ стража церковнаго, яко образъ пречистыя богородицы умиленія обрѣтеся в церкви на своемъ мѣстѣ, и притекъ в церковь чюдотворца николы, нача плакати и молитися, припадая, помостъ церковный слезами поливая и умиленными словесы моля господа бога и пречистую его богоматерь, и рече: о пречистая госпоже богородице! гдѣ бы и како еси сѣмо возвратися? како азъ грѣшный явлюся предъ лицемъ твоимъ владычице, а повиненъ сый? охъ увы мнѣ, како заступницу всему миру назвахъ полоняйкою? И плакася на многъ часъ предъ образомъ пречистыя богородицы, и пѣвъ молебная; и тако разгорѣвся божественнымъ рвеніемъ, воинъ той рече в себѣ: мню по истиннѣ, яко изыде чюдотворный образъ пречистыя богородицы во своя си, идѣже бѣ и прежде, занеже азъ грѣшный злѣ согрѣшихъ, яко плѣнницею назвахъ. И в той часъ не возвратися в домъ свой, и вземъ благословеніе у ерея, понеже бѣ ему отецъ духовный, и отлагаетъ санъ воинскій и лѣпотныя ризы, и, восприимъ смиренія образъ, касашеся пути пѣшъ. Жена же и дѣти плакашеся, молише его, дабы послушалъ ихъ и отложилъ обѣщаніе свое; онъ же никакоже внимаше глаголомъ ихъ, но, взявъ с собою единаго раба, и пойде с нимъ в' путь, и в великіе трудѣ и постѣ и молитвѣ и слезахъ прейде путь, и достиже

на уреченное мѣсто новгородския области, села выдропуска, церкви великаго мученика георгия. И узрѣвъ образъ пречистыя богородицы одигитрия стоящъ на своемъ мѣстѣ, яко солнце свѣтящеся, онъ же отъ страха паде и лежа на многъ часъ яко мертвъ; напаче ста битися главою своею о помостъ церковный и умилнѣ плакати, милости прося, и каятися грѣховъ своихъ, и рече: о всемилостиваа еси владычице богородице, крѣпкая помощнице и всему христианскому роду стѣна и прибѣжище и заступление! утоли свой праведный гнѣвъ и не отврати лица своего отъ мене, неключимаго раба своего! аще недостоинъ есмь не токмо милости просити, или на образъ твой зрѣти, но и входа церковнаго сего недостоинъ *суще*; но надѣяся на милость благоутробия твоего, молю тя, помилуй мя многогрѣшнаго и непотребнаго раба твоего! о пресвятая дѣво! како не пожьже мя огнь, и како не пожре мя земля? о великое чюдо, како не обрѣтеся камень во устѣхъ моихъ, и како не увязе языкъ мой, еже дерзнухъ взяти образъ твой пречистый? не азъ бо тебе везохъ в домъ свой, но ты, госпоже моя, мене отнесе *мя*. И стоя плача три дни и три нощи в велицѣ умилении и пищи никакоже вкушаше, и толико отъ труда изнеможе, яко и обмирати нача. Людие же стекошася отъ многихъ странъ веси тоя и видѣша толикий его трудъ и дивишася, и повелѣша пѣти божественную литургию. По отпѣтии же божественныя службы вселися радость в сердце воина, и обрадовася душею и мало удержася отъ слезъ, и причастися к просвирѣ, и приемъ пищу укрѣпися. И начаша людие вопрошати его, коея страны еси и что *суть* пришествие твое, и что есть вина плача твоего, видѣхомъ бо тя в великѣй печали. Онже имъ вся случьшаяся повѣда, и вопрошаше селянъ тѣхъ о пришествии пречистыя богородицы чюдотворнаго образа; они же ему повѣдаше чюдо, како божиею благодатию избавленъ чюдотворный той образъ отъ пожара и како приде отъ плѣнения. Воинъ же той и ту живущии людие воздаша хвалу господу богу и пречистѣй его матери, и быть радость велия на мѣстѣ томъ в человѣцѣхъ.

Азъ же сие великое и предивное и неизреченное чюдо слышахъ отъ нѣкоего богобоязниваго и благоговѣйнаго мужа, именемъ Ѳеодора, нарицаемаго корчемника, во иночествѣ же нареченъ бысть Ѳеодосій и удивихся и прославихъ бога пречистую его богоматерь, и писанию предахъ, да никако забвения глубиною покрыется, и без писания и без памяти будетъ. Сейже Ѳеодоръ много лѣтъ житие имѣяше в веси той близъ храма святаго георгия, и притекая к церкви той и припадая ко пречистѣй богородицѣ чюдотворному ея образу в чистѣй совѣсти во вся дни живота своего, и в мирѣ живый держа правило черническое неиз-

менно по вся дни, и отъ рожденія чюжему браку не прикоснувся, и отъ младенчества имый совѣтъ духовный, и добродѣтели навыкъ отъ соловецкаго игумена Филиппа, именованнемъ колычева, иже послѣжде божиею благодатию былъ на москвѣ на великѣмъ престолѣ митрополитомъ; онъже сие повѣда ми, еже извѣстно слыша отъ родителей своихъ и отъ многихъ свидѣтелей. Той же Ѳеодоръ помолився богу и в лѣто 7073 году понови образъ сей, и обложи сребромъ и златомъ и украси боголѣпно, и постави в церкви святаго великаго мученика георгия, идѣже и донынѣ стоитъ, божиею благодатию много исцѣления и милость подающи в различныхъ недузѣхъ с вѣрою приходящимъ. Мы же вѣрніі отцы и братие, старіі и юніі, мужие и жены и всякъ возрастъ, слышавше повѣсть сию, такожде потщимся с великимъ усердиемъ и тщаниемъ притекати к церкви, во смиреніі и в чистѣй совѣсти, со страхомъ и любовию, и припадая к чюдотворнымъ образомъ, якоже к самому христу и пречистѣй его матери и к великимъ угодникомъ его, и просити милости, о христѣ іисусѣ господѣ нашемъ, емуже слава со безначалнымъ его отцемъ и с пресвятымъ, благимъ и животворящимъ его духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. —

АПОЛОГЪ ОТЪ НРАВОУЧЕНІЯ КИРИЛЛА АЛЕКСАДРИСКАГО [1]).

Книга 4. Г. I.

(Сообщенъ А. Е. Викторовымъ.)

Сѣдящу коту в нѣкоемъ презрядномъ вертоградѣ, облизующуся, да отъ прилипшаго к нему праха очистится,— противу ему тогожде времени в близъ бывшомъ тамо блатѣ свинія валяющаяся глаголаше к себѣ: «О коль презящное мнѣ сіе ложе и мягкая постеля! О коль прелюбезнѣйшее мнѣ здѣ пребываніе, коль веліе плоти моей угожденіе, коль прекладкое в тинѣ сей увеселеніе! Честнѣе есть горъ ливанскихъ и источниковъ дамосковыхъ и парномитскихъ (?) банѣй здравіе».

Котъ же, сіе слышавъ, возпегодова и рече ко свиніи: «Что се есть, идѣже лежиши?» Отвѣща ему свинія: «блато и калъ». Тогда котъ ру-

---

[1]) Предлагаемый апологъ найденъ нами въ одной рукописи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря (Доп. Кат. № 30), заключающей въ себѣ Келейный Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго. Апологъ написанъ на переплетномъ листѣ, современнымъ рукописи почеркомъ; самая же рукопись писана въ 1758 году. *А. В.*

гался, к ней рече: «Воистинну свинія еси, понеже сиродными и скверными утѣшаешися и веселишися вещами». Свинія же, слышавши укоризну, глагола: «Иди ты удити мыши твоя! Что тебѣ во мнѣ?» Онъ же рече: «во правду, якоже вижду, добрѣ Соломонъ глаголетъ: не обличай безумна, да не ненавидитъ тебя. Азъ, аще и есмь судія мышамъ, обаче устроеніемъ естества того ради поставленъ есмь, да не излишно дѣютъ человѣкомъ пакости. И тебѣ скверной, аще разумѣеши, отъ того же естества учиненъ есть исправитель в дѣлѣхъ и обычаехъ твоихъ скаредныхъ; ибо самъ очищаюся языкомъ отъ праха, тебе такожде учу очищатися отъ всякой нечистоты, аще внемлеши словесемъ моимъ. Суждуже творящыя людемъ пакости мыши, егда ногтми моими уловляю я и козню, тебе же осуждаю о нечистотѣ твоей. Не вѣси ли, яко и самому Богу коль благопріятна и любезна чистота есть въ душахъ и естествахъ: Онъ бо ю себѣ во пребываніе вѣчное созда, ибо пречистѣйшее и (пречистѣйшій?) миръ сей исполнилъ есть сіяніемъ свѣта чистѣйшимъ; душу отъ пречистаго естества производитъ и плоть младенца, заченшагося во утробѣ матернѣй, чисту возращаетъ, пречудными цвѣты землю украшаетъ и дражайшія бисеры отъ глубины моря, злато же и сребро отъ нѣдръ земныхъ производитъ. Почто убо ты свинія в нечистотахъ услаждаешися? Не вѣси ли яко и во иномъ естествѣ, еже отъ Бога разумомъ почтено, погибаетъ, аще плоть нечистотами оскверняется. Совѣтую убо тебѣ, аще хощеши чисто жити: бѣгай кала и смрада, и, шедъ въ чистую воду, абіе умыйся.» То рекъ котъ ко свинія и умолча; а свинія пребысть в калѣ тинномъ, не слушая полезнаго его совѣта.

ПИСЬМА СУМАРОКОВА, ЩЕРБАТОВА И НОВИКОВА КЪ Г. В. КОЗИЦКОМУ.

I.

Изъ представленій Козицкаго Императрицѣ.

Дѣвица Ирина *Крашенинникова* представляетъ, что послѣ смерти отца ихъ профессора Крашенинникова осталось шестеро дѣтей и мать въ крайней бѣдности. Мать скоро потомъ скончалась, оставя ихъ безъ всякаго призрѣнія и пропитанія. Она уже осмой годъ служа по людямъ работою рукъ своихъ съ великою нуждою питается, но нынѣ достигнувъ до совершенныхъ въ замужство лѣтъ и желая тѣмъ отчасти свобождена быть отъ своей бѣдности, проситъ вашего Императорскаго Величества, дабы взирая на такое ея состояніе и на

усердныя отца ея заслуги, извѣстную пользу отечеству учинившаго, соблаговолили снабдить ее высочайшею милостію на исправку для приданаго.

—

Ея Императорское Величество изволила указать выдать изъ кабинета, освѣдомившись о ея состояніи столько, сколько дѣвицамъ отъ двора замужъ выдаваемымъ, обыкновенно дается. О чемъ и писано къ Адаму Васильевичу Олсуфьеву, 1769 года, Февраля 1 дня.

II.

Милостивый мой Государь Григорій Васильевичь!

Приложенное при семъ къ Государынѣ письмо, въ которомъ писано о театрѣ здѣшнемъ прошу всепокорно Ея Величеству вручить и изходательствовать рѣшеніе, а я скоро поѣду въ деревню. Въ письмѣ семъ моево интереса нѣтъ, а есть публики интересъ. — Н. Н. мой нижайшій поклонъ. Любите меня столько, сколько я васъ люблю, а сколько я васъ люблю, вы ето знаете.

Вашего высокородія
вѣрный другъ и покорнѣйшій слуга.
А. Сумароковъ.

4 іюня 1769 Москва.

(Получено 16 іюня; *рукою Козицкаго.*)

III.

Всемилостивѣйшая государыня.

Зная(ю), что Вашему Величеству исправленіе нравовъ Вашего подданнаго народа всегда присутственно. Театръ есть училище бродягамъ по жизни человѣческой. Мое стремленіе съ тридцать лѣтъ ко театру, въ чемъ я и неожидаемый въ наши времена показалъ успѣхъ. Театръ я давно хотѣлъ оставить ради множества препятствій. Покойной Волковъ тому свидѣтель, что Ваше Императорское Величество возвратили мнѣ Мельпомену и Талію въ Россію при возвращеніи общенароднаго спокойства. Я въ прошедшій годъ много трудился въ сочиненіяхъ, отъ чево началъ очки употреблять и понынѣ стражду зрѣніемъ. Старость ко мнѣ приступаетъ, бѣдность меня окружаетъ, злодѣй мой Арк. Бутурлинъ душу мою тревожитъ и день отъ дня мать мою отъ меня отводитъ и дѣлаетъ мнѣ безпокойства безконечныя день и ночь, не памятуя божественнаго монарша повелѣнія, дабы подъ опасеніемъ Ея Императорскаго Величества гнѣва безчеловѣчныхъ поступковъ воздержаться, хотя я и всѣми мѣрами уклоняюся отъ варварскихъ его нападеній; но при всѣхъ безпокойствахъ о театрѣ, дабы онъ въ Москвѣ не разрушился, ежели не дастся антрепренерамъ привилегія, а имъ разглашено, что оная имъ не дастся, ибо де

театръ не фабрика. Фабрика театръ, но еще и самая полезнѣйшая, да и Нѣмецкій театръ имѣлъ привиллегію. Мнѣ кажется, Государыня, что Семира и Синавъ и Труворъ больше привилегіи достойны, нежели Gespräch im Reiche der Todten, да мои же драмы у насъ національныя. — Сказываютъ то, будто отъ Г. Елагина антрепренерамъ то объявлено во отомщеніе, что Титовъ не правитъ театромъ. Титовъ огорчилъ и публику и актеровъ худымъ смотрѣніемъ и распорядкомъ. Русскимъ маскарадовъ не ...., а театра безъ сея помощи установить не можно. Мнѣ маскарады ничто, но безъ нихъ театра содержать нельзя, а Бельмонти даетъ народу утѣшенія очень хорошія и не такія, какъ обманщикъ Локателли. Гр. Петръ Семеновичь такъ изъяснился мнѣ, что и онъ и вся Москва благодарны будутъ, когда Бельмонтію надлежащая привиллегія дастся, а мой интересъ, что я не имѣя надъ театромъ помощи и не желая оныя, ежели Елагинъ не вмѣшается, помощію Гр. Петра Семеновича привесть театръ въ самое лутшее состояніе, а его сіят. Гр. Салтыковъ моихъ совѣтовъ опровергать не будетъ. И такъ я помощію сво, только бъ Елагинъ не мѣшался, получу успѣхъ. Актеры здѣшніи по письму Елагина, безвременно высланы изъ дома, хотя имъ въ оном жить велѣно и по именному Вашего Величества указу. Они въ отчаяніи и только я ихъ удерживаю, чтобы они не отчаявались и надѣялись на материнскую милость обладательницы. Иныя поѣхали въ Петербургъ, будучи подговорены, будто изъ чужова государства, а здѣсь театръ надобнѣе, нежели въ Петербургѣ, ибо и народа и глупостей здѣсь больше. Ста Моліеровъ требуетъ Москва, а я при другихъ дѣлахъ по моимъ упражненіямъ одинъ только. Времени кладу я себѣ еще три года на сочиненія; но естьли сіе послѣднее мое къ театру усердіе останется суетно, то я принужденъ буду по долгомъ отъ Мельпомены и отъ Таліи терпѣніи по театру замолчать вѣчно.— Исполните, Государыня, всей Москвы, Гр. П. Семеновича и мое, яко основателя, рачителя и автора драмъ, желаніе къ пользѣ и чести нашего вѣка, а сей театръ ущерба коронной казнѣ не..... Вольтеръ во своемъ ко мнѣ письмѣ говоритъ тако: il faut absolument des souverains qui aiment les arts, qui s'y connaissent et qui les encouragent; ils changent les climats, ils font naître les roses au milieu des neiges.—C'est ce que fait votre incomparable Souveraine. Je croirois que les lettres qu'Elle m'honore me viennent de Versailles et que la Vôtre est d'un de mes confrères de l'Academie Française. — Я не ласкаю себя удостоиться, какъ Вольтеръ, поцѣловать въ письмѣ ту дражайшую руку, которую онъ имѣлъ щастіе часто цѣловать, хотя и никогда не видалъ Вашихъ очей, но почитая себя человѣкомъ той же степени,

нижайше прошу указать кому нибудь на сіе мое предложеніе. Удостойте меня Вашего Величество благоволѣніемъ, дабы я хотя чрезъ послѣдняго Вашего раба могъ получить отвѣтствіе, а я въ моемъ предложеніи своего прибытка не имѣю, а умноженія себѣ славы не требую, будучи ею уже довольно насыщенъ. Желаю единыя пользы моему отечеству, а быть адвокатомъ не только Мельпомены и Таліи въ одной Россіи, но и во всей Европѣ пристойнѣе всѣхъ Вольтеру и мнѣ, такъ моя дерзость простительна, а въ какомъ состояніи актеры и чево хочетъ Бельмонти, я при семъ прилагаю изображенія полныя ясностію. — Прошу Вашего Величества о милостивомъ и полезномъ рѣшеніи не для себя и не за себя и желалъ бы, чтобы возставить театръ до отъѣзда моево въ семъ лѣтѣ ради поправки моего ослабшаго здоровья въ деревню, отъкуда, не знаю еще, возвращуся ли я живъ; ибо вѣкъ мой оканчевается, а безъ меня никто театра не воставитъ во скорое время, но доколѣ я живъ, а особливо, доколѣ не ссѣкла меня смерть косою Арк. Бутурлина, преодолѣвающаго всѣ силы мои и на котораго отъ Бога и отъ вашего величества прошу праведныя обороны, буду всегда съ непремѣннымъ моимъ усердіемъ

Вашего Императорскаго Величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

Іюля 4 дня 1769
Москва.

IV.

Письмо Елагина къ Козицкому.

Государь мой Григорій Васильевичь.

Въ отвѣтъ на ваше письмо сообщаю. Актеры Московскіе по прошенію г. полковника Титова жили съ полученнаго мною отъ Ея Императорскаго Величества всевысочайшаго дозволенія въ Лафертовскомъ домѣ. Позволено имъ было жить только до тѣхъ поръ, пока г. Титовъ сыщетъ или построитъ для нихъ домъ; флигель, въ которомъ они жили, отданъ былъ на руки ему г. Титову. А какъ онъ далъ мнѣ письменно знать, что въ разсужденіи недостатковъ ево содержать онъ театра не можетъ, и домъ ему для житья комедіантовъ не надобенъ, то и приказано отъ меня принять его живущему въ немъ надзирателю, по той описи, по которой ему г. Титову отданъ былъ. Ибо никто ко мнѣ до сихъ поръ не отозвался, кому бы онъ надобенъ былъ, и кому бъ препоручить его можно было, дабы въ томъ же состояніи принять его впредь для надобностей казенныхъ, въ какомъ онъ отдается. А хотя бы кто его и требовалъ, то и тогда бы безъ особливаго Ея Императорскаго

Величества повелѣнія отдать его для комедіантовъ было не можно; ибо онъ данъ былъ г. Титову для исправленія его состоянія, а не для комедіантовъ, которые на иждивеніи антрепренера жить обязываются. Я съ должнымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Государь мой
вашего высокородія
покорный слуга Иванъ Елагинъ.

Іюня 7 дня, 1769 г.

V.

Милостивой мой Государь!

За письмо покорно благодарствую. — Я болѣнъ и въ деревнѣ теперь. — Письмо мое покорнѣйше прошу вручить, какъ и прежнее, за которое нижайше приношу благодареніе. — И. И. Мотонмсу мое почтеніе, а я едва вижу, итакъ мои глаза испорчены и думаю, что и я скоро буду Омиромъ въ разсужденіи глазъ, какъ нѣкой Вас. Петровъ въ разсужденіи высокаго склада къ чести нашего вѣка, а я въ честь себѣ то почитаю, что меня любитъ и почитаетъ Гр. Вас. Козицкій, котораго есмь

покорнѣйшій слуга и вѣрный другъ
А Сумароковъ.

Изъ Серпуховскаго уѣзда
іюля 24. 769.

(Отм. Коз. «Получено авг. 2. ч. Обвертъ ея Величеству поднесенъ авг. 3 дня, отвѣтъ же по высоч. повелѣнію посланъ 4 авг.»)

Всемилостивѣйшая Государыня!

На всенижайшее мое Вашему Императорскому Величеству о установленіи здѣшняго театра предложеніе, я нѣкоторое отвѣтствіе чрезъ Г. В. Козицкаго получилъ. Писанное рукою Вашего Величества ко Гр. П. Семеновичу Салтыкову письмо я видѣлъ. Гр. П. Семеновичь, по оному совѣтуя со мной, сколько было можно, нѣчто ко приступу установленія театра учредилъ. Съ оберполицеймейстеромъ здѣшнимъ я многое къ хорошему порядку расположилъ, и по согласію съ Гр. П. Семеновичемъ я сіе дѣло основалъ бы совершенно, ежели бы только побочныхъ препятствій тому не было, а особливо въ разсужденіи сихъ слѣдующихъ вещей, которыхъ кромѣ Вашего Величества рѣшить никто не можетъ. — 1. Г. Вырубовъ, котораго я въ лицо по сіе время еще не знаю, требуетъ четвертой части дохода на воспитательной домъ, хотя доходы театральныя понынѣ еще менше, нежели расходы. Здѣсь же не Парижъ. Тамъ и много авторовъ театральныхъ

и много любителей театра, между которыми много и знатоковъ, народа тамъ больше, а Москва всево тово лишена, и только люди еще во вкусъ приводятся, да и дворъ обыкновенно въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ, а Москва отъ Петербурга далѣе, нежели Версалія отъ Парижа. Тамъ Расины, Вольтеры и Моліеры, а у насъ писатели очень безграмотны, переводы скаредны, подлинники еще хуже, актеровъ надобно созидать; ибо одинъ Сумароковъ и одинъ Дмитревской късовершенству театра еще не достаточны, et le reste des acteurs est une chose très petite; donc il faut créer et les auteurs et les acteurs. А и Дмитревскій, не имѣя основанія отъ моево наставленія, тщетно бы въ Парижѣ видѣлъ Лекена; ибо языкъ Французской съ нашимъ въ декламаціи, какъ снѣгъ съ огнемъ или хотя немного и поменше.—Зборъ на воспитательной домъ странно учреждается здѣшними онаго надзирателями, ибо присланной унтеръ-офицеръ стоялъ во время представленія Вышеслава между кулисовъ, переходя съ мѣста на мѣсто, а каково ето бѣдному автору, прилагающему всѣ силы къ театру, и каково мнѣ сто тяжко было, ето можно вообразить: театръ не Парнасскимъ мѣстомъ, но нѣкою таможнею казался и отнималъ у меня охоту о драмахъ и помышлять, а я досадывалъ на тѣ часы, которыя меня къ Мельпоменѣ послали и вмѣсто разгорячения своей Музы я чувствовалъ охлажденіе и омерзеніе и раскаяніе, что я о Россійскомъ Парнассѣ толико старался, не щадя своево здоровья и глазъ, которыми я отъ прошлаго года едва вижу и будучи крайне болѣнъ ими въ моей деревнѣ, отколѣ я мысленно взираю ко брегамъ Невы и вижу и Россійскую Монархиню, и Россійскую Палладу, къ которой огорченная моя взываетъ Муза. Антрепренеры и актеры, Гр. П. Семеновичь, Мельпомена и Талія со мною согласны, но нѣтъ театра, о чемъ будетъ сія статья. 2. Вышеславъ и Лихонмецъ представлены здѣсь были. Публика была довольна весьма, актеры мною научены были и уже не такъ играли піесы, какъ прежде, будучи научаемы Титовымъ или паче имъ во всемъ порчены, а первая актриса столько во своемъ поведеніи испорчена, сколько она ко декламаціи способности имѣетъ. — Театра безъ вашего указа не даютъ кромѣ двухъ разовъ, когда піесы мои играны, и то П. Семеновичь ради моево прошенія исполнилъ, а новой театръ поспѣетъ не скоро. — Дивно ето, что безъ меня театръ былъ отданъ Россійскимъ актерамъ и Титову, а отъ того новое препятствіе. — 3. Актеръ Василевичь еще до моево знакомства съ ними изъ Москвы почти збѣжалъ, и слышно, что Елагинъ ево или принялъ уже или принять хочетъ, а отъ того здѣсь новыхъ комедій быть не можетъ, ибо некому роли слуги играть, а въ Петербургѣ довольно и Шумскова. — Ежели все

сіе будетъ рѣшено, такъ я, къ сентябрю возвратися изъ моей деревни, потружуся о театрѣ, а по театру собственно все исправно быть можетъ, ибо, какъ я уже нѣсколько изобразилъ, Музы, намѣстникъ здѣшній, полицеймейстеръ, антрепренеры и актеры со мною въ крайнемъ согласіи. Ежели и повелѣніе Вашего Величества тому соотвѣчать будетъ, такъ я уповаю, что Вы, Государыня, увидѣвъ здѣшній театръ, скажете про меня спасибо ему, а сіе слово весьма лестно моему любочестію, ибо мое любочестіе единственно въ томъ состоитъ угождать Вамъ, отечеству и себѣ. Въ протчемъ моево прибытка нѣтъ, хотя театръ будетъ, хоть нѣтъ. Мое о словесныхъ наукахъ стремленіе велико. Ахъ! если бы много не было препятствій, да еще сильное вспоможеніе! котораго желая, вручаю себя Вашего Императорскаго Величества всевысочайшей милости и щедрому священныя Вашея особы покровительству

Вашего Императорскаго Величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

Изъ Серпуховскаго уѣзда
1769 іюля 24.

VI.

Милостивый государь мой
Александръ Петровичь!

Получилъ я вчерашняго дня отъ Вашего Превосходительства обвертъ къ Ея Величеству и имѣлъ счастіе сего дня вручить оный. По прочтеніи изволила мнѣ приказать Всемилостивѣйшая Государыня написать къ вамъ 1. что касается до сбора четвертой части театральнаго дохода о томъ поговоритъ сама съ И. И. Бецкимъ. 2. Тамошній театръ состоитъ во власти Гр. П. С., онъ можетъ съ онымъ учрежденіе сдѣлать по своему разсужденію. 3. Какъ всѣ актеры вольны обязательства дѣлать съ кѣмъ и гдѣ похотятъ, то у нихъ сего и отнимать не должно. За благопріятное ваше ко мнѣ письмо покорно благодарствую. Сожалѣю о вашей глазной болѣзни и желаю вамъ скоро отъ оныя избавиться для вашей и для общей пользы. Николай Николаевичь свидѣтельствуетъ не какъ прежде холостой, но уже женатый. Деревенскую жизнь вкушая, продолжайте любовь вашу дружбу къ городскому, который навсегда пребудетъ

Милостивый Государь мой
вашего превосходительства
покорный и вѣрный слуга Г. Козицкій.

С.-Петербургъ
1769 г. Августа 4 дня

VII.

Милостивый государь мой Григорій Васильевичь!

Я, зная къ себѣ Вашего Высокородія благосклонность, пріемлю смѣлость васъ просить, дабы приложенное при семъ письмо, адрессированное на имя Ея Императорскаго Величества вручить въ собственныя Ея руки; въ чемъ полагаю надежду на васъ, яко на человѣка, желающаго благодѣянія каждому дѣлать; пребываю съ искреннымъ почтеніемъ

Милостивый государь мой
Вашего высокородія
всепокорный слуга князь Михайло Щербатовъ.

Спб.
Маія 22 дня 1773 года.

VIII.

Копія.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Никогдабы я не дерзнулъ собственною моею прозьбою утруждать Ваше Императорское Величество, есть ли бы къ самому сему побужденъ не былъ, не столь желаніемъ моего благосостоянія, сколь искреннимъ усердіемъ быть въ состояніи съ бящщею способностію службу мою продолжать. Я осмѣливаюсь предъ Монархинею, соединяющею качества великаго Государя съ качествами человѣколюбиваго философа, состояніе мое объяснить. Родители мои и жены моей, которая его имѣнію есть единая наслѣдница, съ посредственнымъ достаткомъ оставили намъ въ наслѣдіе примѣръ во всякомъ случаѣ — пользу отечества и усердіе къ своимъ Государямъ за первѣйшій долгъ почитать; они, служа до конца жизни своея, не обогатились и хотя соединенныя ихъ части и могли бы нѣкоимъ образомъ благосостояніе мое сдѣлать, но долгъ, который я заплатилъ за тестя моего, нажитой имъ въ Англіи, неустроенные какъ его, такъ и отца моего деревни, въ которыхъ, препроводя всю свою жизнь въ службѣ своихъ Государей, никогда не бывали, не токмо въ началѣ могли меня содержать, но требовали еще отъ меня денегъ на поправленіе свое, такожъ неимѣніе собственнаго дому завели меня во многія издержки. Не скажу я, Всемилостивѣйшая Государыня, чтобъ сіи приключенныя мнѣ убытки не могъ я возвратить со временемъ, ежели бы неотлучное мое пребываніе въ моихъ деревняхъ не отвратило меня отъ послѣдованія моихъ намѣреній; но усердіе къ службѣ такой Государынѣ, которая толико тщится учинить народъ свой совершенно счастливымъ, привели мнѣ въ забвеніе собственное мое состояніе, дабы токмо помышлять о томъ, не могу ли и я великимъ намѣреніямъ Вашего

Величества въ чемъ споспѣшествовать, и есть ли сила разума моего до чего не достигала, по крайней мѣрѣ до сего часу совѣстію моею оправданъ есмь, что во мнѣ все нужное усердіе безпрерывно было къ прославленію имени и пользѣ Вашего Императорскаго Величества и отечества моего. Между же тѣмъ временемъ умножившаяся моя фамилія, ибо девять человѣкъ дѣтей имѣю я: по желанію моему учинить дѣтей моихъ достойными служить съ пользою отечеству и времени, въ которое они имѣютъ счастіе быть рождены, также и желаніе исполнить во всемъ тѣ должности, которыя отъ Вашего Величества на меня наложены, къ новымъ меня издержкамъ и долгамъ обязывали. Все сіе, Всемилостивѣйшая Государыня, учинило, что наконецъ я болѣе сорока тысячь долгу нажилъ на себя, которой не вижу теперь уже способу инако сплатить, какъ токмо развѣ сократя себя и дѣтей своихъ на такое житіе, которое несовмѣстно съ моимъ состояніемъ, но зная состояніе человѣческое и не бывъ любитель роскоши, не отрекся бы, Всемилостивѣйшая Государыня, и и самое сіе исполнить, есть ли бы не опасался, что сіе можетъ воспретить мнѣ дѣтямъ своимъ нужное воспитаніе дать и отвлечи отъ службы Вашего Императорскаго Величества; не допустить меня вступающаго еще на степень донынѣ не довольно явное мое усердіе показать. Въ таковыхъ обстоятельствахъ, по долгомъ колебаніи между справедливымъ страхомъ обезпокоить Вашу Августѣйшую Особу и страхомъ отнять у себя способы быть толико полезнымъ, колико бы можетъ статься я быть могъ и не оказать усердіемъ моимъ къ Августѣйшей Вашей особѣ всю ту благодарность, которую я чувствую,—наконецъ пріемлю смѣлость, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить: воззри, Всемилостивѣйшая Государыня, на состояніе единаго изъ усерднѣйшихъ Вашихъ подданныхъ, воззри на сію многочисленную фамилію, пылающую тѣмъ же жаромъ усердія къ Вашей особѣ, каковой родившіе ихъ ощущаютъ и, помогши нашему состоянію, учини насъ болѣе способными быть оказать наши услуги и ревность къ отечеству. Прилично одной столь великой Государынѣ самолично безъ всякихъ упрежденій внимать прозьбы своихъ подданныхъ; прилично Вамъ единымъ, считающей часы жизни своя благодѣяніями и великими дѣлами, обновить состояніе упадающаго роду и не заслуги, которыхъ я иль за неимѣніемъ случая, иль паче за малою моею способностію не учинилъ, но искреннее и пылающее усердіе милосердіемъ своимъ ободрить, въ которомъ, взирая на ваши великія дѣла, всегда утверждаюсь. И пребывая съ нанглубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего

Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Михайло Щербатовъ.

С.-Петербургъ
Мая 22 дня 1773 года.

IX.

Милостивый государь мой
Князь Михайло Михайловичь!

Письмо ваше имѣлъ я счастіе поднести Ея Императорскому Величеству. Всемилостивѣйшая государыня изволила оное принять милостиво, и мнѣ дано высочайшее повелѣніе написать къ вамъ, чтобъ вы сами сюда пріѣхали; Самодержица наша желаетъ съ вами по оному въ разсужденіи состоянія вашего тамъ прописаннаго изъясниться; и изволила сказать, что помочь вамъ всячески будетъ стараться. Я же со всегдашнимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ есмь

Милостивый государь мой
Вашего сіятельства
покорнѣйшимъ слугою Григорій Козицкой.

Царское село
1773 года Маія 22 дня.

X.

Всемилостивѣйшая государыня.

Подносимаго всеподданнѣйше Вашему Величеству сего Церковнаго Словаря произведеніемъ было Высочайшее Ваше о надобности истолкованія церковныхъ реченій напоминаніе, учиненное словесно по снисхожденію нѣкогда мнѣ еще какъ бывшему Вашему всеподданнѣйшему Оберъ-Прокурору Сунода. Сохраняя въ незабвенной памяти Вашего Величества слова, которымъ не меньше какъ и дѣламъ Вашимъ вѣчность долженствуется, предложилъ я сіе Высочайшее Ваше желаніе потрудившемуся въ семъ предпріятіи собранію, которое въ сходственность и въ поревнованіе Высочайшей Вашей къ Россійскому слову любви, общественно со мною изданіе сея книжки приняло за первой къ пользѣ Отечества трудъ. Исправленіе Россійскаго языка есть главный предметъ трудящагося общества и на какомъ основаніи оное при Императорскомъ Вашемъ Московскомъ Университетѣ учреждается, о томъ краткое извѣстіе купно съ приносимою книгою повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Счастливъ я буду несказанно и сіе вновь учреждающееся собраніе, естьли сіе первое посильнаго труда его приношеніе удостоится Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества благопріятія и Всеми-

лостивѣйшаго покровительства, которому оное и себя всеподданнѣйше препоручая, остаюсь

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Иванъ Мелиссино.

Въ Москвѣ
Ноября 11 дня 1773 года.

Краткое извѣстіе
о учрежденіи и состояніи вольнаго Россійскаго собранія въ Москвѣ, со 2 августа 1771 по 10-е ноября 1773 года.

Побудитель къ заведенію сего собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ есть Его Превосходительство Тайный Совѣтникъ и онаго Университета Кураторъ Иванъ Ивановичь Мелиссино и о намѣреніи сего заведенія объявлено было въ іюнѣ мѣсяцѣ 1771 года печатными, каковой при семъ прилагается, листами. Почему сверхъ университетскихъ членовъ многіе изъ обрѣтающихся въ Москвѣ знатныхъ особъ и другихъ любителей Россійскаго слова объявили желаніе свое быть участниками сего предпріятія. Августа 2 дня, тото же года учинено открытіе Россійскаго собранія прочтеніемъ рѣчи учредителя онаго Ивана Ивановича Мелиссино о самомъ семъ учрежденіи, и разсуждаемо было о распоряженіяхъ сего вновь начинающагося заведенія; вслѣдствіе чего между прочимъ опредѣлено: 1) засѣданіямъ онаго собранія быть каждую недѣлю по субботамъ отъ 4 до 7 часовъ пополудни, 2) всѣмъ имѣющимъ участіе въ университетской конференціи имѣть также участіе и въ семъ собраніи, 3) начальствовать въ ономъ яко предсѣдателю одному изъ гг. Кураторовъ Университетскихъ, а намѣстнику быть г. Директору онаго Университета. Почему и объявлены Предсѣдателемъ Иванъ Ивановичь Мелиссино, а намѣстникомъ Михайло Васильевичь Приклонской, яко единственныя и наиспособнѣйшія особы къ доставленію необходимой всякаго рода помощи сему собранію отъ Университета; 4) секретаремъ быть одному безсмѣнному и при немъ двумъ погоднымъ, къ чему въ первые и избранъ краснорѣчія профессоръ Г. Барсовъ; 5) дѣйствительныхъ или присутствующихъ членовъ быть до 51 особы, а почетныхъ или отсутствующихъ числу неопредѣленному, и всѣмъ оным давать печатные патенты съ приличными украшеніями, а принимать ихъ вновь по представленію отъ кого нибудь изъ присутствующихъ членовъ, или по письму ихъ самихъ къ собранію или къ предсѣдателю, или по представленію ихъ трудовъ; 6) при раз-

личныхъ мнѣніяхъ всѣ дѣла рѣшить баллотированіемъ, 7) сочиненія и переводы свои членамъ читать самимъ, или чрезъ годовыхъ секретарей, при разсужденіи жъ объ оныхъ сочиненіяхъ и переводахъ сочинителямъ не присутствовать, развѣ потребуется отъ него какое либо изъясненіе, 8) отсутствующимъ особамъ присылать свои сочиненія съ девизомъ и подписывать на имя вольнаго Россійскаго собранія, 9) въ память сего учрежденія быть ежегодно августа 2 дня торжественному засѣданію, 10) быть казначею избираемому отъ собранія, отъ котораго и должное наставленіе ему быть имѣетъ дано, 11) о всѣхъ разсужденіяхъ и опредѣленіяхъ собранія секретарю вести дневную записку, которую сверхъ его подписывать предсѣдателю и намѣстнику.—Но бывшимъ въ Москвѣ несчастіемъ отъ заразительной болѣзни вскорѣ прекѣклось исполненіе сихъ распоряженій на долгое время; а по совершенномъ прекращеніи всѣхъ опасностей дѣланы разные опыты къ сочиненію общаго Россійскаго словаря; разсматриваемъ былъ словарь церковный, который уже и напечатанъ, и писаны письма почти ко всѣмъ Преосвященнымъ Архіереямъ и къ другимъ духовнымъ особамъ о сообщеніи собранію рѣдкихъ словъ въ ихъ вѣдомствахъ употребительныхъ, а въ Москвѣ мало извѣстныхъ, такожъ лѣтописей и извѣстій историческихъ, каковыя сообщенія отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и получены, которыя, такъ какъ и другія сочиненія и книги отъ нѣкоторыхъ членовъ собранія и отъ другихъ доброжелателей полученныя хранятся при этомъ, для употребленія въ способномъ случаѣ.

XI.

Оглавленіе:

Древняя Рос. Вивліоѳика,
издаваемая помѣсячно
Николаемъ Новиковымъ.

Часть 1.

Мѣсяцъ Январь.

Въ Спетерб. 1773 года.

На другой страницѣ:

Ея Величеству
Екатеринѣ великой,
Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской:

(истинной матери Отечества, законодательницѣ премудрой, побѣдительницѣ враговъ Имперіи Россійскія на землѣ и на морѣ, распространительницѣ славы Россійскія, воскресительницѣ Мусъ, покро-

вительницѣ Наукъ и Художествъ, защитницѣ Правосудія и Истины и содѣтельницѣ блаженства Россійскаго,)

Сіе изданіе со всеглубочайшимъ почтеніемъ посвящаетъ въ новый 1773 годъ всеподданнѣйшій рабъ Николай Новиковъ.

Рукою Козицкаго:

Издатель сея книги, которой заглавіе здѣсь приложено, проситъ всеподданнѣйше высочайшаго дозволенія на посвященія оныя всеавгустѣйшему Вашего Императорскаго Величества имени.

Рукою Императрицы Екатерины:

Мой совѣтъ есть, естьли Авторъ мнѣ приписать хочетъ свое изданье то вымарать изъ титела все то, что свѣту показатся можетъ ласкательство, я подчеркнула на титула все излишество.

XII.

Милостивый государь мой Григорій Васильевичъ!

Издавая древности Россійскія о обрядахъ, у предковъ нашихъ въ употребленіи бывшихъ, полюбилось мнѣ болѣ прочаго, что именинники въ день своего Ангела приносили даръ государямъ, и я захотѣлъ оному обыкновенію послѣдовать. Они въ день именинъ своихъ хаживали къ государямъ съ пирогами, называвшимися *именинными*: и сами государи, увижая сіе обыкновеніе, хаживали съ пирогами же къ патріархамъ; и сіе, мнится мнѣ, введено было въ употребленіе для означенія, что человѣку при рожденіи его хлѣбъ есть самонужнѣйшая вещь, и что всякій человѣкъ наиболѣе всего долженъ имѣть попеченіе о хлѣбопашествѣ, а дворяне еще и наиболѣе прочихъ, потому что они ни что иное, какъ люди, которымъ государь ввѣрилъ нѣкоторую часть людей же, во всемъ имъ подобныхъ, въ ихъ надзираніе. Далъ бы Богъ, чтобы почтенныя мои собратія сему повѣрили! Посему именинникъ хлѣбъ или пирогъ, яко наилучшій и необходимѣйшій для продолженія человѣческія жизни даръ, Ангеломъ его въ тотъ день низпосланный, приносилъ къ государю и, подавая оный, какъ будто говорилъ: «Государь, вотъ нужнѣйшая вещь для продолженія человѣческія жизни, вотъ истинное твое и всего государства богатство, я приношу тебѣ въ даръ хлѣбъ въ знакъ моего изобилія и трудовъ, употребленныхъ мною во весь минувшій годъ для приведенія въ цвѣтущее состояніе земледѣлія». А сами Государи, подавая патріарху пирогъ, означали тѣмъ, что они хлѣбопашество въ своемъ имѣютъ покровительствѣ. Я не могу слѣдовать сему похвальному обыкновенію въ принесеніи Ея Императорскому величеству, знаменитѣйшей изъ всѣхъ Россійскихъ государей покровительницѣ земледѣлія и хлѣбопашества, хлѣба или пирога, какъ дворянинъ, отдаленный

отъ деревни своей и слѣдовательно отъ надзиранія за хлѣбопашествомъ, но какъ издатель рѣдкихъ рукописей, осмѣливаюся въ день моего Ангела, посредствомъ вашимъ поднести Ея Императорскому величеству въ даръ печатную книгу, рѣдкостію своею заслуживающею вниманія. Посредствомъ вашимъ снабденъ я отъ Ея Императорскаго Величества, рѣдкими рукописями для продолженія моего журнала, и тѣмъ самымъ ободренъ въ трудахъ моихъ; посредствомъ вашимъ хочу я изъявить и всеподданнѣйшую мою къ Ея Величеству благодарность. Я совершенно буду обрадованъ въ нынѣшній день, если вы пріимѣте на себя сей трудъ и если это угодно будетъ Ея Величеству.

Впрочемъ я пребываю съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ

Милостивый государь мой

вашъ вѣрный слуга

Н. Новиковъ.

Въ Санктпербургѣ

1773 года. Маія 9 дня.

(На обложкѣ этого письма рукою Козицкаго: «Въ именины свои всеподданнѣйше подноситъ Вашему Величеству въ даръ печатную книгу, рѣдкостію своею заслуживающую вниманіе»).

XIII.

Собственноручная другая записка Новикова: «Записка для припамятованія для написанія въ письмѣ къ г. Миллеру.

1. Копіи съ грамотъ.
2. — съ трактатовъ.
3. — съ посольскихъ наказовъ и описаній посольствъ.
4. — съ церемоніаловъ въ Архивѣ находящихся и другихъ достопамятныхъ вещей, по разсмотренію Г. Миллера, къ печатанію годныхъ.»

XIV.

Копія рукою Козицкаго:

Господинъ Коллежскій Совѣтникъ Миллеръ.

По разсмотренію вашему изъ Архивы, которую вы разбираете для удовольствія публики къ изданію въ печать можете сообщать г. Новикову копіи съ описаній посольствъ, съ разныхъ обрядовъ или чиновъ и другихъ достопамятныхъ вещей не меньше какъ и любопытныхъ, о чемъ онъ насъ просилъ.

Е.

С.-Петербургъ

1773 года Окт. 26 дня.

XV.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ!

Болѣзнь моя препятствуетъ самолично принести прозьбу мою, почему принужденъ объяснить оную чрезъ сіе: 1) подать Ея Величеству посланную при семъ книгу *Золотыхъ Часовъ* 1-ю часть, отъ имени нашего общества; 2) приложенное при семъ объявленіе о подпискѣ на *Вивліовику* для будущаго года разсмотрѣть и сообщить ваше мнѣніе, и 3) если возможно будетъ, испросить одобрѣніе Ея Величества въ разсужденіи изданія извѣстій о родахъ княжескихъ и дворянскихъ, ибо безъ сего я не осмѣлюсь приступить къ сему, не вѣдая, угодно ли то будетъ Ея Величеству. Впрочемъ для меня кажется сіе весма важнымъ и полезнымъ предметомъ, потому особливо, что ничемъ такъ преуспѣть не возможно къ собранію полной книги родословной, какъ симъ изданіемъ. Многіе дворяне въ Москвѣ о семъ просили меня и обѣщались присылать книги родословныя, чего въ другое время и получить не возможно.

Обыкновенная ваша ко мнѣ благосклонность и вспоможеніе въ семъ предпріятіи заставляетъ меня ласкаться, что вы и сію прозбу мою не оставите тщетною, почему прекратя сіе пребываю

Милостивый государь

вашимъ вѣрнымъ и искреннимъ слугою Н. Новиковъ.

Октября 30 дня 1773 года.

XVI.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайшее Вашего Императорскаго В-а отъ 26 окт. повелѣніе о сообщеніи г. Новикову копій съ посольствъ, разныхъ обрядовъ и другихъ достопамятныхъ и любопытныхъ вещей сего 4 ч. имѣлъ я счастіе со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ получить. Къ исполненію сего указа тѣмъ ревностнѣе, всемилостивѣйшая Монархиня, приступлю чемъ вящшее пріемлете Ваше Величество попеченіе о удовольствіи публики изданіемъ на свѣтъ такихъ вещей, кои для любителей и творцовъ Россійской исторіи сколь пріятны, столь и полезны быть долженствуютъ. Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Герардъ Фридрихъ Миллеръ.

Изъ Москвы,
7 ноября 1773 года.

XVII.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ!

Приложенный эксемпляръ ноября мѣсяца покорнѣйше прошу поднести Ея Величеству, переплетенныя въ атласъ еще не готовы; я

весма торопился выходомъ изъ печати сего мѣсяца, но типографія Академическая пересилила мои старанія.

Я осмѣливаюсь просить васъ о увѣдомленіи меня чрезъ почту о времени возвращенія вашего въ Петербургъ, ибо въ разсужденіи Вивліоѳики на будущій годъ я имѣю прозьбу мою вамъ принести. Впрочемъ поруча себя обыкновенной вашей ко мнѣ милости пребываю

Милостивый государь
вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Новиковъ.

Ноября 17 дня
1773 года.

Рукою Козицкаго «Ноябрь поднесенъ и отвѣтствовано, что въ началѣ будущей недѣлѣ думаю быть въ городѣ и что сдѣлается неизвѣстно».

Копія съ письма Козицк. къ Адаму Вас, Олсуфьеву въ коемъ проситъ выдать ему изъ кабинета по высоч. приказ. 1000 р.— не сказано за что.

Все рукою Новикова: «1773 года Ноября 3 дня всемилостивѣйше пожалованныя мнѣ Ея Императорскимъ Величествомъ тысячу рублей получилъ отъ его высокород. Григорья Васильевича Козицкаго.

Порутчикъ Николай Новиковъ.

XVIII.

Росписка Новикова.

1774 г. января 1 дня Всемилостивѣйше пожалованныя мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества двѣсте червонцовъ Голандскихъ принялъ я отъ его высокоблагородія Григорія Васильевича Козицкаго и сію росписку далъ Порутчикъ Николай Новиковъ.

XIX.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ.

Сообщаю при семъ два ексемпляра Юлія мѣсяца, который только что вчерась отпечатался, и причиною тому пьянство наборщиковъ. Изъ сихъ двухъ ексемпляровъ покорнѣйше прошу одинъ поднести Ея Императорскому Величеству; другій же для васъ.

Сообщаю я еще новую изъ Москвы полученную мною оду, которая въ разсужденіи рѣдкости своей достойна имѣть мѣсто въ книгохранительницѣ, ибо какъ меня увѣряли, что ихъ печатано только нѣсколько десятковъ.

Наконецъ сообща сіе, пребываю съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ

Милостивый государь
вашимъ вѣрнымъ слугою Николай Новиковъ.

Юлія 6 дня 1774 года.

XX.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ!

Сообщаю къ вамъ два екземпляра 1 листа Еженедѣльнаго сочиненія вновь выходящаго; изъ которыхъ если изволите счесть за надобное прошу покорнѣйше поднести Ея Императорскому Величеству; другой же екземпляръ для вашей книгохранительницы.

Впрочемъ я имѣю честь быть съ истиннымъ моимъ почтеніемъ

Милостивый государь

вашимъ вѣрнымъ слугою Н. Новиковъ.

Юлія 8 дня 1774 года.

(Козицкій писалъ отъ 10 іюля С. М. Козмину и просилъ представить Императрицѣ Древнюю Россс. Вивл. іюль и 1 л. Еженед. соч.).

XXI.

Милостивый государь Григорій Васильевичъ!

При семъ сообщаю третьяго листа *Кошелька* два екземпляра, одинъ, если первые изволили поднести, то и сей покорнѣйше прошу поднести Ея Величеству, другій же для васъ: впрочемъ если имѣете свободное время, то осмѣливаюсь просить о увѣдомленіи меня, угодны ли сіи листы Ея Величеству, ибо сіе одно и есть моею цѣлію, что бы всегда дѣлать ей угодное. Сіе бы самое увѣдомленіе послужило мнѣ ободреніемъ къ продолженію оныхъ.

Книги: офицерскія упражненія и Путешествія Белевы на сей недѣлѣ переплетутся, которыя какъ скоро изготовятся къ вамъ сообщу, пребывая всегда

Милостивый государь

вашимъ вѣрнымъ и покорнымъ слугою Николай Новиковъ.

Іюля 22 дня 1774 года.

XXII.

Милостивый государь Григорей Васильевичъ.

Не сочтите долгое молчаніе неблагодарностію ко всѣмъ милостямъ оказаннымъ мнѣ въ бытность вашу въ Петербургѣ; они крѣпко впечатлены въ мое сердце и благодарность моя къ вамъ вмѣстѣ съ жизнію моею прервется; причина же сему болѣзнь моя: болѣе двухъ мѣсяцовъ страдалъ я отъ груди и глазъ, но нынѣ благодаря Бога чувствую великое облегченіе отъ оной.

Сообщаю при семъ два екземпляра VIII части вивліоѳики для васъ, третій же покорнѣйше прошу поднести Ея Императорскому Величеству.

Новостей здѣшнихъ никакихъ сообщить вамъ не могу кромѣ того, что отъѣздъ Двора произвелъ въ дѣлахъ моихъ такое замѣшательство,

что я не знаю, какъ могу окончить вивліоѳику на нынѣшній годъ, ибо не только что не прибавляются подпищики, но и другихъ книгъ почти совсемъ не покупаютъ.

Приложенное здѣсь объявленіе о подпискѣ на *Сокровище Россійскихъ Древностей* покорнѣйше прошу поднести Ея Императорскому Величеству и употребя стараніе ваше въ ползу моихъ изданій, оказать еще новый опытъ вашихъ ко мнѣ милостей. Безъ сея же помощи я нахожусь въ крайнемъ принужденіи бросить всѣ мои дѣла неоконченными. Что дѣлать, когда усердіе мое во оказаніи услугъ моему отечеству согражданами моими такъ худо пріемлется!

При семъ прилагаю еще напечатанной мною книжки одинъ екземпляръ для васъ, и три на простой бумагѣ для Ивана Семеновича; такъ же сообщаю и чистыя листы съ портретомъ, принадлежащія до *Сокровища Россійскихъ Древностей.*

Впротчемъ прося о продолженіи вашихъ ко мнѣ милостей и благосклонности, такъ же и о удостоваріи меня отвѣтами, пребываю съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и всегдашнею преданностію

Милостивый государь

(Новик. рука) вашъ всеусерднѣйшій и вѣрный слуга
Николай Новиковъ.

Марта 26 дня.
1775 году.

Ея приписка: «Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

Объявленіе.

Издатель древнія Россійскія вифліоѳики предпріялъ сообщить во свѣтъ новое изданіе подъ именемъ Сокровища Россійскихъ древностей. Во ономъ печататься будутъ:

1-е Описанія о построеніи всѣхъ въ Россіи соборовъ, монастырей и приходскихъ церквей, когда и кѣмъ оныя построены, что въ нихъ достойное примѣчанія и такъ же собраны будутъ всѣ надписи надгробныя и прочія достопамятности.

2-е При каждой части сего изданія будетъ портретъ одного изъ Россійскихъ Государей въ медальномъ видѣ, съ пріобщеніемъ краткаго описанія жизни того Государя.

3-е Сообщаемы будутъ гербы Россійскихъ царствъ, княжествъ и прочихъ городовъ съ ихъ описаніями.

4-е Естьли обстоятельствы допустятъ, то сообщены будутъ древнія Россійскія монеты, съ описаніями.

5-е При каждой части сообщаемы будутъ извѣстія о выданныхъ на Россійскомъ языкѣ книгахъ, касающихся до Исторіи и Географіи Россійскія.

Всѣ сіи части снабдены будутъ по возможности историческими и географическими примѣчаніями.

Подписка дѣлается на 8 частей, каждая часть состоять будетъ изъ 15 листовъ и выходить въ свѣтъ будетъ чрезъ два мѣсяца. Которыя особы подпишутся и заплатятъ напередъ деньги, тѣмъ уступаемы будутъ всѣ 8 частей за 6 рублей; то есть каждая часть по 75 копѣекъ; продаваться же будетъ каждая часть по рублю.

По окончаніи же сихъ первыхъ осьми частей, если сіе изданіе будетъ принято благосклонно, тогда оное и еще продолжаться можетъ.

Подписка на сіе изданіе начнется съ сего объявленія, въ С.-Петербургѣ у книгопродавца Миллера, живущаго въ Луговой Милліонной улицѣ, а въ Москвѣ у книгопродавца Ридигера въ Академической книжной лавкѣ у Комиссара Барисюкова и у переплетчика Никиты Дмитріева, живущаго близь Кузнецкаго моста.

Цѣна какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ будетъ одинакая.

XXIII.

Отпускъ письма Козицкаго къ Козмину (докладчику Екатерины II.)

Милостивый государь мой

Сергей Матвеевичь.

Прошу покорнѣйше вашего превосходительства представить Ея Императорскому Величеству нововышедшія переводныя отъ собранія книги: 1) Діодоровой библіотеки IV-тую часть. 2) Цицероново сочиненіе о утѣшеніи. 3 и 4) Двѣ Геллертовы комедіи. 5) Егожъ басенъ и сказокъ часть 1-вую: а сверхъ сихъ отъ госп. Новикова VIII-мую часть древней Россійской вивліоѳики и прилагаемое здѣсь отъ него жъ объявленіе о подпискѣ на *Сокровище Россійскихъ Древностей*. И не соблаговолитъ ли повелѣть Всемилостивѣйшая Государыня подписаться на нѣсколько екземпляровъ сей послѣдней книги и на сколько? прошу покорно меня увѣдомить. Еще утруждаю васъ и симъ прошеніемъ, чтобъ доложить Ея Величеству, какъ находятся у меня нѣкоторыя апелляціонныя челобитныя, не будетъ ли Высочайшаго благоволенія на то, чтобъ оныя повелено было мнѣ было отослать къ Его превосходи-

тельству генералу ректмейстеру. Я же съ достодолжнымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ симъ всегда

Милостивый государь мой
вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Григорій Козицкій.

Москва. 1775 г.
Маія 4 дня.

—

XXIV.

Отпускъ письма Козицкаго Новикову.

Государь мой

Николай Ивановичь.

При письмѣ вашемъ ко мнѣ отъ 26 марта сего года полученныя мною VIII ч. древн. Рос. вивліоѳики и объявленіе о подпискѣ на книгу: Сокровище Россійскихъ Древностей не могъ я самъ за болѣзніею моею имѣть сщастіе Ея Имераторскому Величеству представить, а по прошенію моему поднесена первая и второе представлено Ея Велич. чрезъ его превосх. Серг. Матв. Козмина. Всемил. государыня высочайше изволила указать мнѣ подписаться для Ея Величества на шесть екземпляровъ означенной въ вышеупомянутомъ объявленіи книги, также Сергей Матвѣевичь просилъ меня чтобъ и ему подписать на одинъ екземпляръ да для меня одинъ, за кои восемь екземпляровъ щитая по 6 рублей за каждой изволите при семъ получить 50 рублей ассигнаціи при семъ прилагаемой. За присланные же отъ васъ мнѣ два екземпляра VIII ч. вивліоѳ., чистые листы съ портретомъ, принадлежащіе до Сокров. Рос. Древн. и 1 екземпляръ напечатанный вами книги да 3 екземпляра сей послѣдней батюшкѣ Ивану Семеновичу [1]) какъ я, такъ и онъ вамъ покорно благодаренъ, въ прочемъ я и понынѣ все еще боленъ и желаю вамъ въ трудахъ вашихъ лучшихъ успѣховъ пребывая на всегда

вашимъ покорнымъ слугою
Григорій Козицкій.

Москва.
1775 г.
Маія 11 дня.

---

[1]) Тесть Козицкаго.

ДОНЕСЕНІЕ О МАСОНАХЪ.

Вашему Императорскому Величеству
всепремилосерднѣйшей матери Отечества.

Въ силу Именнаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества объявленнаго мнѣ нижайшему, чрезъ Его Сіятельство графа Александра Ивановича Шувалова, дабы объявленной мною находящейся секте Масонской обстоятельное доказательство, на чемъ оное основаніе свое имѣетъ и кто именно всякаго званія ей участники сообщества,—того ради храня свято ваше Монаршее повелѣніе, прилагая присемъ именной списокъ съ прописаніемъ оной секты, со всеглубочайшею моею рабскою подданностію

доношу:

Всякаго званія чина людей, желающихъ ложа удостоить въ разныя времена, чрезъ случаи, изыскивая своихъ товарищей объ ономъ вышереченныхъ съ ясными доказательствами увѣрить, что оное ни что иное какъ ключь дружелюбія и братства (въ подл. *туа*), которое безсмертно вовѣки пребыть имѣетъ, и тако нашетшихся ихъ сообщества называемымъ просвѣщеніемъ оныхъ удостоиваетъ.

1.

Ложа, которая для посвѣщенія принятымъ, имѣетъ быть въ полномъ собраніи, имѣя къ тому особливо пріуготовленную палату, въ которой учрежденія нижеслѣдующія.

2.

Палата обита чернымъ сукномъ и по оному сукну на стенахъ раскинуты цвѣты бѣлыя, во образѣ звездамъ и посреди оной палаты поставленъ столъ подъ чернымъ сукномъ, и на ономъ столѣ лежитъ мертвая голова и обнаженная шпага съ заряженнымъ пистолетомъ; то во оную приведутъ и огонь вынести должно, и оной пришедшій сидитъ противъ онаго стола; а оная мертвая голова вдѣланная на пружинахъ имѣетъ движеніе, и такъ до онаго касается.

3.

Потомъ изъ оной выведя вонъ, снявъ платья и обобравъ всякаго званія металъ и разувъ правую ногу и снявъ рукавъ рубахи съ лѣвой руки и завязавъ глаза, поставя за двѣ палаты передъ ложею, потомъ отъ ложи чрезъ присланнаго метра съ двумя компаніонами спрашиваютъ: сколько лѣтъ и гдѣ въ службѣ, и когда оное отобравъ, то обнажа шпаги введутъ во оную ложу, въ которой присутствуетъ Гранметръ, имѣя главное свое мѣсто прямо отъ входа, противъ дверей за столомъ сидя въ креслахъ, и оной столъ покрытъ бархатомъ пунцовымъ, на столѣ обнаженная жъ шпага и циркуль, и оной столъ именуется престолъ; отъ онаго жъ стола до самыхъ дверей на полу послана клеёнка, на которой начертаны мѣломъ храмъ Саламоновъ и вкругъ оной предстоятъ находящіяся во ономъ сектѣ масоны, и тогда гранметръ онаго приведящаго внове для посвященія велитъ предать тремъ мытарствамъ, по повелѣнію котораго съ обнаженными шпагами принявъ подъ руки трое кругъ всѣхъ предстоящихъ масоновъ и обведя два раза съ возженными свѣчами, съ употребленіемъ при томъ сильномъ вѣтрѣ и въ воздухѣ огня, и потомъ взведя на особливую къ тому приготовленную гору, имѣя повелѣнія отъ гранметра, дабы онаго скинуть съ горы по поисполненію сему оной представляется предъ гранметра и присягаетъ оному ни инаго какъ Создателю нашему Христу съ прилежаніемъ къ тому печати Салимоновой, которая кладется на лѣвомъ плечѣ и потомъ циркулемъ проколовъ грудь стираетъ самъ текущую кровь платкомъ и развязавъ глаза повелѣваютъ у гранметра цѣловать лѣвую ногу три раза, по окончаніи же сего доказывая, увѣряютъ, что храмъ Саламоновъ не инако есть какъ святое таинство, и защитникъ онаго силою своею есть гранметръ, что же касается о величествѣ сея ложи, то симъ послѣдняя доканчиваю, оная содержитъ въ себѣ три свѣтила, первое свѣтило гранметръ, второе небо, третіе свѣтило звезды; и у онаго жъ гранметра въ подножіе луна, на которой стоитъ правой ногой, украшеніе жъ оной ложи разумъ и просвѣщеніе самаго гранметра, что жъ касается особо о гранметре при собраніи ложи, о его власти, то не инако, какъ за совершеннаго законодателя и храма Саломонова защитника и святителя признаваютъ.

Всемилостивѣйшая государыня!

Вашего Императорскаго величества особливо премного милосерднѣйшей матери и защитницѣ ко мнѣ предъ всѣми бѣдному

всеподданнѣйшій и послѣдній рабъ

Михайла Алеуфьевъ.

Реэстръ.

Гранметранъ и Масонамъ.
а именно:

Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ.
Бригадиръ Александра Сумароковъ.
Кадетскаго корпуса капитанъ Милиссино.
Остервальдъ.
Свистуновъ.
Перфильевъ.
Преображенскаго полку: князь Михайло Дашковъ.
Сержантъ Сергей Пушкинъ.
Семеновскаго полку: Николай Карташовъ, Федоръ Мамоновъ князь Михайло Щербатовъ, Князь Владиміръ Галицынъ, князь Алексѣй Галицынъ, Петръ Тапильской, Иванъ Кропатовъ, капитана Волкова двои дѣтей.
Конной гвардіи: князь Сергей Трубецкой, Иванъ Ребендеръ Иванъ Пустошкинъ, Григорій Кулипка, Иванъ Балтинъ, князь Федоръ Галицынъ, Николай Апраксинъ.
Ингерманландскаго полку: поручикъ Матвѣй Кожевниковъ, поручикъ Петръ Посниковъ, генералъ-вагенъ-мейстеръ, князь Семенъ Мещерскій.
Петръ Александровичъ Бутурлинъ.
Камеръ-пажъ Петерсонъ.
Изъ музыкантовъ: Мадонисъ, Вилда, Шнурфельдъ, Вакари италіанецъ.
Кадетскаго корпуса: танцмейстеръ Пеле.
Купецъ Миллеръ.

И тако по недавнему моему объ оном сектѣ знанія болѣе числа людей оказать не могу, а изъ вышеписанныхъ всякой можетъ наиболѣе особо показать Вашему Императорскому величеству по ихъ давности въ оном, кто имъ извѣстны со всѣми обстоятельствы.

Примѣчаніе.

Года нѣтъ, но судя по почерку, должно отнести къ первымъ годамъ царств. Елисаветы Петровны до 50 г., вѣроятнѣе всего 1746 г., ибо записка Олсуфьева находится въ одномъ дѣлѣ съ зап. и допрос. графу Николаю Головину, который по возвращеніи своемъ изъ за границы, былъ призванъ къ А. И. Шувалову. Ему было объявлено отъ Им-

ператрицы: «хотя она довольныя причины имѣетъ о поступкахъ вашихъ совершенно сумнѣваться, однакожь по природному своему материнему великодушію, въ разсужденіи вашихъ молодыхъ лѣтъ милосердствуя и не желая, чтобъ вы Ея Императорскаго величества всевысочайшей милости вовсе лишились, всемилостивѣйше уповаетъ, что вы впредь себя исправите и сущимъ вѣрнымъ подданнымъ Ея Имп. вел. рабомъ по прилежной своей должности, во всякихъ случаяхъ оказывать станете. И того для имѣете вы отсюда далѣе въ Москву въ домъ вашъ ѣхать такъ, какъ бы вы, по полученіи на то позволенія, прямо изъ чужихъ краевъ туда ѣхали, не заѣзжая въ Петербургъ, куда и служителей своихъ отсюда не пускать и никому о томъ туда ни письменнымъ, ниже другимъ какимъ образомъ подъ лишеніемъ живота знать не давать». И. Головина подозрѣвали въ сношеніи съ прусск. королемъ; пріѣхавшій съ ними полковникъ Остенъ показалъ на него, что онъ везетъ письмо Прусск. королю къ его секрет. Варендоря, имѣетъ отъ него и другія важныя коммиссіи. Между прочимъ ему былъ заданъ слѣдующій вопросъ: «Здѣсь заподлинно извѣстно, что вы во Фрамасонскомъ орденѣ вступили и такъ вамъ о семъ безъ утайки объявить надлежитъ, также и о тѣхъ всѣхъ показать, которыя здѣсь во оном находится, не выключая никого, да и то открыть какія уставы или законы въ оном наблюдаются».

На этотъ вопросъ Голов. отвѣчалъ — «Я признаюсь, жилъ въ этомъ орденѣ и знаю, что графы Захаръ да Иванъ Чернышевы въ оном же орденѣ находятся, а болѣе тайностей иныхъ не знаю, какъ въ печатной книгѣ о фрамасонахъ показано. Графъ Николай Головинъ».

Головину было сдѣлано два допроса; второй неизвѣстно когда, а первый 25 февр. 1747 г.

На особомъ листкѣ:

Гранъметра, орденъ голубая лента, у нея троякая красная съ зелеными каймами, на оныхъ лентахъ полуцыркуль и тріугольникъ, а надеваютъ чрезъ плечо, а Александровъскую на камзолъ.

ИСТОРІЯ О БѢГСТВУЮЩЕМЪ СВЯЩЕНСТВѢ.

Сочиненіе Ивана Алексѣева (1755).

Не малъ убо воистинну сей божественный человѣческому роду даръ на исправленіе дадеся — исторіи о древнихъ вещѣхъ и дѣлахъ полагати, въ безсмертную тѣхъ память и въ пользу многихъ. Колнкія бы дражайшія пользы хотѣли погибнути отъ насъ, аще бы преславныя дѣла честныхъ мужей исторіами не подтвердилися! Нынѣ же не тако; но благія ревности и предивныя дѣла боголюбивыхъ мужей, аки свѣщи возсіявшія въ мірѣ, писанію предаватися обыкоша, даже, сія разгибающе, ревностніи преуспѣваютъ въ силѣ, немощніи исправляются и къ лучшему преуспѣваютъ, а лѣнивіи чувство своего небреженія воспріемлютъ. Дерзнуже глаголати: исторіи древнихъ дѣлъ, пачеже нравоучительныхъ и правильныхъ, вѣсть человѣческіе нравы исправляти и къ Богу приводити внимающихъ. Тѣмъ же Павелъ и глаголетъ: *Помните наставники ваши.* Но како ихъ мощно помнити, аще исторій о нихъ не возъимамы? Сего ради азъ многое и неусыпное тщаніе возъимѣхъ—исторію сію о бѣгствующемъ іерействѣ обрѣсти, вины ради сицевы: понеже частое вопрошеніе ко іерейству сему отъ насъ бываше, почему оно введено и по какой силѣ дѣйствуетъ. На сіе отъ нихъ скорое и удобное всякому во отвѣтъ слово: отцы наши первѣйшіи іереи сіе ввели и благословили, и тѣхъ благословеніемъ дѣйствуемъ. Тѣмъ же нужда ми бысть исторію сію начати отъ первыхъ временъ премѣненія и, повѣсть сію описуючи, коегождо отъ священныхъ чиновъ даже до нашихъ временъ и показуючи всѣхъ тѣхъ дѣла, аки на длани перста, во еже отъ древнихъ признати настоящихъ. Но понеже всѣмъ небрежно бяше о семъ (чтобы описати самѣхъ тѣхъ и дѣла ихъ), аще и мнози во устѣхъ ихъ имутъ, обаче память о нихъ аки искра въ пепелѣ погибати хотяше. И намъ убо поздно на се взысканіе случися пріити, яко совершенно вѣдущихъ едва обрѣсти: не малъ трудъ на се воспріяхъ, испытуя нѣкія

отъ иноkъ и бѣльцевъ искусныхъ, како кто отъ древнихъ священниковъ съ новодогматствующими поступаше и отъ тѣхъ какъ кого пріимаше и коимъ образомъ сіи новорукоположенцы введошася. И елико отъ кого что, аки пчела, обрѣтохъ, нынѣ во единъ сотъ сеи исторіи связахъ и предъ очи всѣхъ предложити намѣренъ есмь. Аще ли кто болѣе сего вѣсть, да приложитъ; аще ли ни, то за благо сіи да пріиметъ, о чемъ здѣ предлагаемъ.

И первѣе реку о отцѣхъ соловецкихъ, благочестія ради изрядныхъ страдальцевъ. Посылаемъ бо бысть исперва къ нимъ по царскому указу и по совѣту Никона патріарха новорукоположенный архимандритъ Іоспѳъ, отъ собора духовныхъ, на мѣсто Никанора, бывшаго въ нихъ архимандрита, съ новыми догматы. Отци же соловецстіи не токмо догматовъ тѣхъ не пріяша, но и архимандрита бездѣльна вспять отослаша. Оному же прибывшу къ Москвѣ, на гнѣвъ велій царя подвиже. Сего ради царь нѣкоего воеводу Игнатія со онымъ архимандритомъ въ соловецкую обитель ко отцемъ паки посла, придавъ ему сто человѣкъ воиновъ, повелѣвая, да въ степень оную пріимутъ архимандрита отци, аще ли ни, то силою да сотворитъ воевода. Видѣвше же отци таковое бѣдство, на нихъ нашедшее, положишася вси на подвигъ мученичества. О чемъ особливо пространная исторія написана.

По сихъ воспріимемъ повѣствованіе о Іовѣ попѣ, благочестія ради по многимъ странамъ скитающемся. Сей убо Іевъ исперва бяше литовскія земли, отъ родитедей шляхетскихъ рожденъ, отца имяше именемъ Тимоѳея. И внегда посланъ бысть Филаретъ, митрополитъ ростовскій, по совѣту духовнаго и мирскаго чина, отъ Москвы къ королю въ Литву, лѣта 7119, для прошенія сына его на россійское царство (въ коемъ прошеніи за слово крещенія сына его прогнѣванъ король, удержа сего митрополита въ неволи на много время). И тѣмъ временемъ Филаретъ преосвященный пріобрѣте сего Іева. И егда свобожденъ бысть отъ короля, взя съ собою сего Іева, еще въ юности суща. И прибывъ съ нимъ въ россійское государство, при келіи его державъ время, (и смиренныя его ради поступи) облече его во иноческій образъ. И бысть сей Іевъ искусенъ инокъ, проходя иноческое дѣло, живя во всякихъ добродѣтелѣхъ и послушаніи изряднѣ. Видѣвъ же его Филаретъ (уже патріаршескій престолъ имѣя) такими добродѣтели и разумомъ Іева украшенна, посвяти его во іерея. И въ сицевомъ чину Іевъ твердъ умъ стяжа и сердце боголюбиво, чесо ради по просьбѣ его отпусти его на собственное жительство, давъ ему благословеніе, да, идѣже можетъ, соберетъ себѣ духовная чада и научитъ иноческой философіи. Отшедшу же сему Іеву, прежде жи-

тельство возъимѣ въ тверскомъ уѣздѣ къ Новуграду, при градѣ Старици, проходя тамо безмолвное житіе, духомъ горя Господеви, егоже тамо тверскій митрополитъ довольно знаяше, якоже услышимъ по сихъ. Видяще же людіе сіе его добродѣтельное житіе, мнози начаша къ нему собиратися на жительство. И сицевыя ради вины нужда бяше ему поставити монастырь, иже и донынѣ той нарицается монастырь Раковъ. Нѣцыи же глаголютъ, яко, отходящу ему отъ Москвы, научи себѣ нѣкое дѣтище, именемъ Іоасафа, и имяше его въ послуженіе свое, о немъ же будетъ послѣди слово. Но яко сей Іевъ зѣло любя безмолвное житіе, того ради въ новосодѣланномъ монастыри устрои братства начальника, а самъ отъиде оттуду, и поселися не зѣло далеко, (въ томъ же уѣздѣ тверскомъ) на утишіи. Но како мощно свѣщи, свѣтло горящей свѣтомъ добродѣтелей, во тьмѣ утаитися? И тамо единъ по единому, увѣдавъ его пребываніе, притекаху къ нему, требующе его разума на путь спасенія наставлятися. И сице ту мнози въ жительство собрашася, коего ради множества нужда ему быть другій монастырь состроити, иже и донынѣ наричется монастырь Никольскій; и въ семъ монастырѣ сей Іевъ поживе до Никона патріарха. Внегда же настати новымъ догматомъ въ Россіи и сихъ ради староцерковное преданіе держащимъ утѣсняти ся, дойде и до сего монастыря іевлева нужда приневоленія къ новымъ догматомъ: тогда немогій ту Іевъ пребывати, отъиде въ рыльскій уѣздъ и живяше при городеньствѣ. Но помалу и малу и тамо, аки древу стоящу ему на высотѣ добродѣтелей, мнози подъ сѣнію его птицы словесніи желающе обитати, ихъ же ради и третій монастырь, нарицаемый Льговъ, лѣта 7177 содѣла. И сіе быть во дни царя Алексія Михайловича и патріарха Іоакима. Сія же вся ему содѣя и споспѣши, во еже наздати толикія ограды и въ нихъ собрати словесныя овцы, и толикой иноческой философіи преданіямъ обучи, не что ино, токмо оное святѣйшаго Филарета благословеніе и изрядный его разумъ, чрезъ неже Всевышняго поспѣшество въ томъ ему быть. Но понеже широко новымъ догматомъ раздающимся и прещенію повсюду належащу, тѣсно быть сему Іеву въ томъ монастыри пребывати, изыде изъ тоя обители, преходя крыяся по мѣстомъ, прінде къ Дону и поселися тамо при Чирѣ рѣцѣ. И видѣ братство къ нему собирающеся, построи и тамо четвертый монастырь и въ немъ постави церковь. И тоя поставленіе смертію своею запечатлѣ, остави ю неосвященну, живъ вяще ста лѣтъ. Старецъ опасный бяше благочестія хранитель и отецъ чадъ духовныхъ изрядный и любовный сихъ питатель млекомъ ученія, отъиде отъ сего свѣта временна въ вѣчный, во мзду трудовъ *своего странствія*, печаль и плачь остави послѣдующимъ ему.

По смерти же сего Іева, нѣкій бяше на Тихвинѣ игуменъ, именемъ Досифей, и той, новыхъ ради догматовъ и належащаго принужденія, остави свой монастырь и пространство житія поиде тѣснымъ путемъ, укрываяся по различнымъ мѣстамъ, въ нѣдрахъ своихъ храня древнія церкве разумъ, въ нейже бяше крещенъ и рукоположенъ истинно. И тако прінде на Донъ къ мѣсту оному новосодѣланнаго монастыря Іевомъ. Людіе же, по Іевѣ оставшіися, видѣвше таковаго отца приходъ къ нимъ, не меньша суща добродѣтелію и разумомъ Іева, радостное ему привѣтство творяще, пріемлюще его и приходъ его облобызающе, вторыя радости виновный, вмѣняюще пришествіе его іевлево быти воскресеніе,—и аки живописанен Іеви образъ поставляющъ явленъ быти имъ Досифей. Внегда же вселится ему во іевлевъ монастырь, видѣ ту церковь новосодѣланную, еще не посвященну; (по прошенію же ту живущихъ), посвяти ю съ присутствіемъ нѣкоего діакона Герасима, живша во Льговѣ при Іевѣ оном. И въ той новопросвѣщенной церкви служилъ пять лѣтъ, принося безкровныя жертвы. Но яко не можетъ градъ укрытися, верху горы стоящъ: по многимъ странамъ вѣдома та церковь и дѣйство ихъ сотворися. Убояся сего сей Досифей, тѣмъ и не дожидаючися отъ архіерея каковыхъ посылокъ, потщася гонзнути мучительскихъ рукъ: оставя церковь и монастырь, прейде оттуду за Астрахань, къ хвалынскому морю, и поселися тамо близъ Кумы рѣки, живъ во оном мѣстѣ лѣта нѣкая богоугодно, сохраняя древнее благочестіе непреклонно къ противному разуму, общества всякаго со иновѣрными удаляяся, не по угодію плоти презирая настоящаго вѣка вещи, весь Богови приложися, тѣсными пути ходя, образъ показуя небеснаго званія, прейде отъ сея скорбныя жизни въ вѣчный покой. Но о коликихъ плачь и рыданіе послѣдующимъ себѣ остави! паче неже іевлева плача въ толикомъ оземствованіи, въ толикомъ удаленномъ странствіи, сирыхъ, бѣдныхъ и непризорныхъ толикій отецъ чадолюбивый, толикій пастырь изрядный и руководецъ истиннаго пути, на таковой пустыни ихъ остави, еликаго уже надѣятися не можаху! Плакаху надъ нимъ мужи, рыдаху боголюбныя жены, юноши слезяху, и всѣмъ отъ очію слезные источники исхождаху о бѣдствіи своемъ. И тако предаша тѣло его гробу честно: кое тѣло погребенное въ нетлѣніи прославленно бысть, скорбящимъ во утѣшеніе и во извѣстіе его спасенія. Но времени же нѣкоемъ, оставшіися дѣти его духовныя, не могуще ту жити о себѣ, пойдоша оттуду на Кубань, взявше съ собою тѣло досифеево, якоже иногда израильтяне кости іосифовы. Но яко неподобательно взяша оно, — подсыпавше бо подъ тѣло его множество сребра, коего отецъ живъ сый отвращашеся,—того ради божій судъ лиши его отъ нихъ.

Идущимъ бо имъ путемъ оными, нападше на нихъ Татарове, обозъ ихъ разбиша, а при тѣлѣ томъ, обрѣтше сребро, взяша, и тѣло оно на части разсѣкоша и по полю на снѣдѣніе звѣремъ и птицамъ разметаша, кои части послѣди донскіе казаки, собравше, къ своимъ мѣстамъ приложьше, погребоша. И тако таковыхъ іереовъ тамо преста быти.

Но грядемъ нынѣ ко инымъ странамъ глиголати. Настоящу въ Москвѣ велію на старовѣрцы гоненію, а наипаче вины ради сея, понеже въ лѣто 7174 отъ всякаго священнѣйшаго чина въ Москвѣ соборъ бѣ, и на немъ о космъждо священномъ дѣйствѣ съ подтвержденіемъ изверженія, отлученія, проклятія, подробну нововводное установленіе положено и писано, то свитокъ наречено, кое при служебникѣ, въ лѣто 7176 напечатано,—откуду всякъ священнодѣйствуай и людинъ опасно наблюдаемъ въ томъ баше. Сего ради небреженія нѣкто бывый въ Москвѣ попъ именемъ Козма, службу имѣя въ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, видя сія належанія, совѣтъ положи съ духовными дѣтьми своими, отъити въ стародубскіе предѣлы, (бяше бо ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гавріилъ Ивановичь, егоже въ нѣконхъ напастехъ укрываше). И угодно бысть всѣмъ совѣщаніе то: оставльше жительства своя, поидоша въ Стародубъ. Полковникъ же, видѣвъ Козму попа, любовное пріятство всѣмъ сущимъ съ нимъ показа и на прошенія ихъ ко атаману куркускому Ламакѣ, повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительство мѣсто, нарицаемое Понуровку. И тамо вси пришедшіи съ Козмою, числомъ 20, поселишася при рѣцѣ Ревнѣ, въ лѣто 7177. Въ Великороссіи же елико день, толико умножашеся на старовѣрцы гоненіе, ищуще тыя, и къ новшествамъ принуждающе силою и муками; конхъ страшныхъ прещеній не могуще носити, многіе народы оставляюще свои природная мѣста, сродники и други, течаху въ стародубскую область, и тамо пустыни населяюще. Откуду населися Бѣлый Колодезь и Синей, Замишево, Шеломы, слободы. И по сихъ пріиде еще нѣкій попъ изъ Бѣлева, именемъ Стефанъ, такожде, якоже и Козма, имѣя на себѣ крещеніе и поставленіе старое, мужъ великія ревности благочестивыя исполненъ, взыскуя себѣ тихаго и безмолвнаго житія, всякаго покоя тѣлеснаго и славы бѣгая. Тѣмъ (времени зовущу) службу по обычаю простыхъ для собранія творише, литургіи же никакоже касаяся и ниже прочихъ таинъ дѣйствоваше, овая же тако ненавидя, яко аще бы кто къ немъ отъ таковыхъ крещенъ пришелъ, не второ крестя, на общеніе не пріимаше. Новорукоположенцовъ за освященныя не вмѣняше и дѣтемъ о нихъ впредь запрещаше. Исперва

сей Стефанъ въ Замишевѣ живяше, и потомъ, въ заселенную съ сыномъ его Димитріемъ, въ слободу Митьковку на жительство прейде. И сіи вси поселенія въ стародубскомъ полку, въ царство царя Алексія Михайловича бяше. Живущу же Стефану въ Митьковкѣ, прінде указъ о новорожденномъ сему царю сынѣ Петрѣ Алексіевичѣ въ Стародубъ, идѣже быти на той часъ сыну стефанову случися, и слыша чтомый сей указъ, умершу царю Алексію Михайловичу, на мѣсто его дщерь его Софья Алексіевна пріимши скипетръ царства великороссійскаго. И сіи слышавше таковыхъ слободъ стародубскихъ населеніе, повелѣ послати къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику указъ, (на кой часъ уже не оный Гавріилъ, но Симеонъ полковникъ въ Стародубѣ бяше), въ коемъ указѣ повелѣвая, дабы такіе забѣглые народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматомъ приводили. Такову же указу разгласившуся, ревнителіе древнихъ преданій бѣгу мшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшася. Слабѣйшіи же, не хотяще стяжанія и домовъ лишитися, къ новодогматствованію приступиша. Времени убо нѣкоему въ томъ пребывающу, утишися таковая зѣльность гоненія, и бысть тишина; паки собрашася гонимін. Но паки отъ того же Симеона гоненіе наста. Видѣвше же людіе толику бурю гоненія на нихъ возстающу, обще вси совѣтъ (съ Козмою и Стефаномъ) положиша отъити въ Польшу. И тако усовѣтовавше поидоша и поселишася въ области пана Халецкаго, при рѣцѣ Вѣткѣ. Стефанъ насельникъ бысть ту, идѣже послѣди монастырь и церковь бѣ, а Козма на край слободы къ Халцу. И сице уселившися, на молитву кійждо со своими въ храмѣхъ простыхъ собирахуся и пѣніе церковнаго чина кромѣ литургіи совершаху. Гоненію же въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствованіе паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ. И сицевыми народы пустыя мѣста и звѣропаственная населяхуся, и въ мѣсто древесъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущая въ вертограды и садовія обратишася, гради вторіи показашася населеніемъ человѣкъ, имиже населися Косецкая, Романово, Леонтіево. Нѣціи же глаголютъ, яко по населеніи Косецкія слободы отлучися Козма отъ Стефана и живяше на Косецкой. Понеже Козма іерей бяше сынъ нѣкоего утѣшенія, и человѣкъ бяше свободныя мысли, града Москвы изволи на позываніе народное къ службѣ пріобрѣсти колокола, и устави звонъ. Стефанъ же попъ бяше прикрутъ и твердъ вѣрою, памятуючи россійское себѣ гоненіе, зѣло сокрывая себе, любя подъ нѣкимъ спудомъ жити и въ невѣдомствѣ. Тѣмъ и зѣло свариіеся въ ономъ

звонѣ на Козму попа, глаголя: Мы (рече) не славитися сѣмо забѣгохомъ, но отъ новинъ и гоненій укрытися, и въ тайныхъ сокровищахъ сихъ цѣло и непорочно соблюсти древнее, а онъ гласъ издастъ, чтобы призвати на ся паки гоненіе. Но сицевое между ими раздѣленіе ревности единой оставляется, благовѣрія же ничто касаемо. Якоже и Козма иногда съ Доміаномъ посварившася о яйцѣ, обаче обои быша небеснаго званія, а не раздорницы святыя церкви. Времени же нѣкоему минувшу, отъиде Стефанъ отъ Вѣтки въ Лоевъ, ревнитель сый велій староцерковныхъ преданій, и живаше въ слободѣ Карповкѣ на утишіи, славы человѣческія бѣгая, духомъ горя, присно взыскуяй горняго, и въ той слободѣ жизнь свою скончa. При смерти дѣтемъ своимъ духовнымъ ни о чемъ тако наказоваше, точію о семъ, да блюдутся новинъ и древнія церкви преданія опасно да соблюдутъ. И глаголя, да всячески отъ новаго рукоположенія сохранитъ себе, и да изволятъ тако умрети, нежели отъ тѣхъ косого дѣйства пріятниками быти и въ томъ наказаніи отъиде на вѣчную жизнь, о чемъ мнози свидѣтели и до днесь обрѣтаются.

Въ десятое убо лѣто, по настатіи заграничныхъ слободъ, нача мѣсто Былевъ, рѣки и пути, людьми населятися, кое мѣсто отъ Вѣтки 20 верстъ къ границѣ. Во второе же лѣто населенія Былева, пріиде къ нимъ черный попъ Іоасафъ, (о немже прежде рѣхъ, быти ему келейникомъ у священноиплока Іева вышепомянутаго) и поставя низъ по пути при рѣцѣ келію, отстояніемъ отъ былевскія слободы пять верстъ, и пребываше въ той келіи уединенъ, проходя безмолвное житіе. Бяше же въ народѣ веліе сомнѣніе о немъ, и злословіе на него мещуще, нарицаху его не Іоасафомъ, но Асапомъ, вины ради сея, яко сей попъ аще и стараго бяше крещенія, обаче о рукоположеніи подзоръ имяше, о немъже сказати ми леть есть. Пребываюту бо Іеву въ монастырѣ Льговѣ, (о немъ же выше) при немъ же и сей Іоасафъ живяше, уже иноческимъ одѣяніемъ облеченъ. Имяше же сей Іевъ съ тверскимъ архіереемъ веліе дружество, кой архіерей, аще и имяше крещеніе и рукоположеніе староцерковнаго преданія, однако же по новымъ книгамъ служеніе совершая. Къ нему посла Іевъ сего служителя своего Іоасафа, прося да посвятитъ его по старымъ книгамъ. Но яко еще не весьма новое въ нихъ бяше укоренено, посвяти Іоасафа тверскій архіерей по чину древнему, о немъ же проси Іевъ. И тако Іоасафъ воспріи рукоположеніе, пріиде паки ко Іеву. Егда же Іеву отъити на Донъ, осташася въ монастырѣ Льговѣ сей Іоасафъ и іеродіаконъ Герасимъ. Но яко тѣсно бяше ту житіе отъ новодогматствованія, разыдошася: Іоасафъ отъиде на Амону рѣку въ пасеку, и по инымъ мѣстамъ крыяся пріиде на Былевъ, его

же рукоположеніе оно, (стоящіи при Стефанѣ людіе) слышавше, яко аще и по старымъ ставленъ, но отступника, гнушахуся рукоположеніемъ того, и тако ругательно его поношаху и злословяху. Видѣвше Іоасафъ тако отъ народа себе хулима и презираема, пути ятся къ оному помянутому Досиѳею на Донъ, (еще ему тогда въ животѣ бывшу, и отецъ его духовный сей Досиѳей бяше, негли камо пребывая съ ними по отлученіи Тихвина тако ему бысть). И пришедъ на Донъ Іоасафъ, проси отца своего Досиѳеа да онаго ради народнаго соблажненія въ того рукоположеніи не повелитъ ему священнодѣйствовать. Что же той на его прошеніе сотвори? не словомъ тое прошеніе разрѣши, но метну жребій, что тѣмъ показано будетъ; и паде жребій на Іосафа священнодѣйствовать. И тако извѣщенъ бысть о себѣ Іоасафъ, отъиде отъ Дону, и прінде паки въ рыльскій предѣлъ, и живяше на рѣцѣ Амони при деревенькахъ, и оттуду въ пограничный городъ Трубчевскъ отшедъ, и потомъ въ Сумы малороссійскій городъ, къ полковнику въ пасеку, а изъ сего во Обояншину въ шигальскую буду, а изъ сея паки на Былевъ прінде и поселися уже отъ Былева въ низъ по пути 7 верстъ. Во времени же семъ не малая бяше былевскимъ въ священнодѣйствѣ нужда; того ради пришедше къ оному Іоасафу, просяху его, да преселится близь слободы ихъ. Іоасафъ же бише благонравенъ и легокъ во обычаи, не помяну ихъ первыя досады, преклонися на прошеніе ихъ, прінде, и поставиша ему келію при слободѣ Былевѣ. Къ нему же мнози на пѣніе собирающеся, духовнѣ себѣ наслаждаху. Подъ сіе время умре Козма попъ живый на Косецкой, о немъ же нѣціи сказуютъ, яко погребе сего Козму Іоасафъ попъ. И тако Вѣтка опустѣ отъ іерейства. Приспѣвающу нѣкогда дню свѣтоноснаго воскресенія, но отъ неимѣнія іерея, не малое вѣтковскому народу наступаше сѣтованіе. И положьшеся общимъ совѣтомъ, на таковый день праздника владычня, призвати отъ Былева сего Іоасафа. Того ради пришедши къ нему лучшіе люди, просиша его, да прійдетъ онъ къ нимъ на Вѣтку, во общую радость, въ день толикаго торжества службы совершити. Той же, яко благопріятенъ сый къ людемъ, не презрѣ толикаго ихъ дальнаго труда и усерднаго прошенія, пойде съ ними къ Вѣткѣ, и обычными пѣніи почтивъ торжество, хотя паки возвратитися къ Былеву. Народи же вси собравшеся падающе къ ногамъ его и просяще со умиленіемъ, извѣщающе толикія и таковыя своя нужды въ немъ, да не отъидетъ отъ нихъ, ниже да сирыхъ тѣхъ оставитъ, аки овецъ непризорне ходящихъ. Видѣвъ же Іоасафъ, яко тіи бяху смятени душами и оставленіи аки овцы не имущіи пастыря, милосердовавъ о нихъ, оставя Былевъ, преселися на Вѣтку жити, въ мѣстѣ онаго

предреченнаго Стефана. И на Вѣткѣ сей Іоасафъ живя, видѣвъ елико далѣя временемъ, толико множашеся народъ, а таинству святыя евхаристіи оскудѣвающу, собравъ стадо свое словесное, предложи имъ нужду святаго причащенія, и глагола, яко подобаетъ сего ради церкви быти. Людіе, се слово услышавше, благословиша предложеніе се, и вси даша обѣты на трудъ созиданія церкви. И по разшествіи въ радости сердецъ яшася вси дѣла, кійждо древо на строеніе тоя представляше. И тако множество древъ на показанно мѣсто навезоша. И состроися сія церковь при Іоасафѣ. И тако пребывъ Іоасафъ на Вѣтку пришедъ 5 лѣтъ, умре, остави сію новосодѣланную церковь непосвященну, старости глубокія достигъ, иноческаго житія добрѣ изученъ. Похваляютъ его нѣціи нравы, яко бяше тихъ, благоувѣтенъ, разсужденія изряднаго, возрасти мѣрнаго, благолѣпно сѣдиною украшенъ, всѣхъ отъ образи могій благочинію научити, ревнитель сый и подражатель во всемъ первымъ отцемъ умершимъ, токмо едине порокъ въ ставленіи прія, староцерковнаго же ради преданія много преселеній имѣ, и много странствуя о томъ прейде отъ здѣшнихъ.

Вѣстно же буди о сихъ, любезный читателю, яко пять сихъ іереевъ, Козма, Стефанъ, Іевъ, Досиѳей и сей Іоасафъ, приходяще отъ Великороссіи, кромѣ Досиѳеа, службы простыя пояху, не требующе отъ иныхъ іереевъ на священнодѣйство благословеній, тѣхъ архіереевъ удовляющеся пребываху, отъ нихъ рукоположени быша, а воздательныя благодати во іереехъ не исповѣдающе. Приходящихъ убо отъ Великороссіи новокрещеныхъ повтораху своимъ крещеніемъ: новорукоположенныхъ же никако пріемлюще іереевъ, но и заповѣдающе всѣмъ по нихъ наставшымъ не пріимати таковыхъ. О чемъ свидѣтельствуютъ вси, якоже иноческаго чина, тако и мірскаго людіе древніи, а наипаче подтверждаетъ сіе наше слово, отвѣтовъ діаконовыхъ вопросъ 48, и книжица діаконовыхъ о сравненіи согласіе 11.

Но грядемъ къ сказанію о Ѳеодосіи іереи. Кой Ѳеодосій бяше крещенія и поставленія древняго: рукоположенъ бо бысть Іосифомъ патріархомъ московскимъ, во градъ Рыльскій въ церковь Василія неокесарійскаго, никольскаго монастыря. Утѣсненъ же бывъ тамо новодогматныхъ введеніемъ, отшедъ оттуду, пріиде на Донецъ рѣку, и живяше тамо въ пустыни. Нѣкогда же ему ѣхавшу съ трудникомъ своимъ по Донцу, впаде въ руки бѣлогородскаго архіерея розсылнымъ. Они же, емше его, представиша архіерею. И той много нудився привести его къ новопреданіямъ, но не возможе. Посла его къ Москвѣ къ патріарху Іоакиму, идѣже отданъ бысть въ градскій судъ. И тамо томимъ муками и принуждаемъ, не покорився, посланъ бысть

въ ссылку подъ началъ въ монастырь кириловъ. И тамо сидѣвъ седмь лѣтъ, въ темницѣ нужней и водней, отъ унынія писаше книги, которыя тѣсноты не стерпѣвъ, склонися къ новотворнымъ догматомъ, [на кой присяги еще не бяше] и приставиша его ко чтенію синодика. Малому же времени въ томъ минувшу, тайно подъѣхавше нѣціи, увезоша его въ поморье, и оттуду въ Керженецъ на бѣльмашъ. И сущіи ту отъ иноческаго чина молиша, да не оставитъ ихъ при духовной нуждѣ. Онъ же отрицаяся сего дѣла, предлагая имъ оно къ новотворнымъ пристатіе. Ти же припадающе къ ногамъ его, просяще его со слезами, обще вопіюще къ нему: на насъ буди грѣхъ сего паденія, о отче! Видѣвъ же онъ всеусердное тѣхъ моленіе и слезы, преклонися на прошеніе ихъ и въ нуждахъ крещенія, исповѣданія и постриганія не оставляше ихъ. И по нѣкоемъ времени съѣхавъ отъ нихъ въ Калугу, и тамо въ праздной церкви въ день великаго четвертка, нощію литургію совершивъ и ко удовленію причастія агнецъ запасный сотвори. Увѣдано убо бысть о семъ Ѳеодосіи на Вѣткѣ, яко въ Калугѣ пребываетъ, нужды ради своея великія; отъ общаго совѣта, послаша нѣкоего инока искуснаго Нифонта въ Калугу просити сего Ѳеодосія граматами, да пріидетъ на Вѣтку, предлагающе ему народное собраніе и великія своя нужды во іерействѣ. Нифонтъ съ посланными граматами достигъ града Калуги, подаде Ѳеодосію сія, къ нимъже и просительная своя словеса приложи. Сонзволи прошенію ихъ Ѳеодосій, прейде отъ Великороссіи въ польскую область, идѣже радостными привѣтствы возблагодариша приходъ его къ нимъ и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возглашающе, ликующе купно и веселящеся, на вступленія того вси увядшіи печалію, весело хождаху. Пришедъ убо на Вѣтку сей Ѳеодосій, видѣвъ многъ народъ стекающся на общую молитву, и толико, яко оной новостроенной церкви не вмѣщати ихъ, приложи радѣніе и повелѣ оную церковь Іоасафомъ содѣланную, въ длину и въ ширину подъ крыльями распространити. И тако разширенѣ ей бывши, проси Ѳеодосій калужанъ да обрѣтающіися церковный канастасъ и со олтарными дверми купивъ, отъ построенныя церкве царя Іоанна Васильевича оставшійся, въ новосодѣланную церковь на Вѣтку пришлютъ. Они же по просьбѣ его присланнымъ отъ Ѳеодосіа вся сія вдаша, имиже Ѳеодосій изрядне украси церковь. И еще украшеннѣй церкви бывши, призва Ѳеодосій отъ Рыльска брата своего, попа бѣлаго Александра новоставленна, его же послѣди во иноческій облече образъ, и еще другаго попа бѣлаго же новое поставленіе имуща, именемъ Григорія, отъ Москвы призва. И съ сими двома, безъ діакона, Ѳеодосій освяти церковь, во имя По-

крова пресвятыя богородицы, въ нюже антиминсъ положенъ бяше оный, кой Меланія старица Бѣлевска, привезла еще ко Іоасафу попу. Нѣціи о семъ антиминсѣ глаголютъ яко на ономъ антиминсѣ не бяше еще написанія, внегда Ѳеодосій храмъ освящаше, тогда и подписанъ бысть, и подписалъ его, сказуютъ, Аѳанасій уставникъ сице: Освятися олтарь священноиноком Ѳеодосіемъ, и прочая. На толикую убо славу новоосвященныя церкве, вси народи во всѣхъ странахъ радости исполнишася, на нюже отвсюду приходяще людіе, видѣти толикій храмъ церкве желающе, егоже ради и паче людіе, оставляюще домы, въ толикій путь труды воспріимаху. Господіе честаіи о зданіихъ своихъ вознерадѣша, и госпожи честныя течаху на оное жительство, дѣвы отхождаху родителей своихъ, на вѣчную чистоту вдающеся, иноческимъ одѣяніемъ покрываxуся. Откуду безчисленными народы наполнися вѣтковское жительство и яко градъ великъ въ населеніи тѣхъ явися.

Но яко толику множеству стекшуся народу, мірское житіе проходящимъ, велія наста нужда въ тайнѣ брака. Чесо ради отъ общаго совѣта, послаша нѣкоего старца въ Калугу, и оттуду привезоша Бориса, бѣлаго попа, такожде крещеніе имуща старое, а рукоположеніе новое. И сего священноиноκъ Ѳеодосій благослови церковныя тайны по древнему совершати. Кой попъ въ Вѣтки многое время поживъ, прейде оттуду въ Воронокъ слободу. По семъ умре священноиноκъ Ѳеодосій, старости достигъ глубокой. Похваляютъ его нѣціи нравы, яко бяше смиренъ, и благопріятенъ, простъ, зависти лишенъ, мира церковнаго хранитель, единъ порокъ имѣя, во еже отъ немощи долговременныя темницы, для слободы, къ новымъ догматомъ пристати, присемъ же и новорукоположеннымъ дверь отверсти и начало подати онымъ священнодѣйствотави, откуду поступающіи по немъ, уже и новокрещеныхъ и новорукоположеныхъ поповъ пріемлюгъ, и даютъ власть священная дѣяти, не яко прежни іереи. Обаче сей Ѳеодосій, яко же и прежніи, новотворныхъ крещеніе повторяше своимъ крещеніемъ и въ семъ согласоваше древнимъ іереемъ, предъ нимъ бывшимъ. Настоящіи же по немъ, въ пріемѣ хиротоніи новыхъ согласутъ Ѳеодосію, а въ крещеніи новотворныхъ иначе поступаютъ. По Ѳеодосіи оста Александръ, и друзіи новорукоположеннііи, и по сихъ преста древняго рукоположенія іерейство. Показуется же отъ граматы Александра діякона, яко во дни Ѳеодосія и мyро древнее окончася, о чемъ пространное имѣется посланіе.

И таковой убо нуждѣ новорукоположенными іереи на многая лѣта простирающейся, восхотѣша народы изъ сего новопріятія извинути въ древнія рукоположенныхъ обычаи. Иначе же не возмого-

ша извинутися, токмо да посвященъ имъ будетъ како либо отъ новыхъ епископъ, и сей по древнимъ да хиротонисаетъ имъ іереевъ.

Что же о томъ и сотвориша? вдавшеся обще радѣтельствомъ во исканіе се, и не обрѣтоша къ нему удобства, точію въ волохской земли, въ ней же удобоприступна себѣ ясскаго митрополита Антонія обрѣтоша. Къ нему же тамо живущіи старовѣрцы свободный входъ въ разговоръ имуще чрезъ многа, тѣмъ и дерзновенно просиша его, да посвятитъ имъ изъ нихъ человѣка во епископа. Онъ же на се сонзволи, и повелѣ подати доношеніе. Кое поданное явѣ сотворено бысть господарю и прочимъ совѣтникомъ его. И вси радостно сонзволиху на то и обѣщавше церковь каменную имъ дати.

По семъ еще въ лѣто господне 1731 вѣтковскаго монастыря игуменъ іеромонахъ Власій, отъ всего собора, о томъ же къ господарю волховскому грамату писа сице: Благородному и высокопочтенному во благочестіи сіятельнѣйшу и прочая; ниже: Въ прошломъ 1730 годѣ, преосвященному всея Молдавіи и прочихъ странъ куръ господину Антонію подали доношеніе, и прочая,—въ коемъ посланіи просиша, да повелитъ митрополиту отъ Вѣтки посланнаго человѣка посвятити. Временемъ же сего належанія и патріархъ цареградскій въ Яссы прибысть, мужъ высокаго ученія. И сему явлено бысть доношеніе и граматы, и персональное отъ старовѣрцовъ [обоего согласія вѣтковскаго и діаконова] прошеніе. Патріархъ убо пріятствова ихъ сія вся, обаче отвѣтствова имъ, яко азъ единъ безъ прочихъ вселенскихъ патріарховъ совѣта не могу сотворити. И обѣща имъ на то скорый отвѣтъ изъ Цараграда прислати. По малѣ же времени отшествія патріарха, присланы быша изъ Цариграда 12 пунктовъ въ Яссы, гречески писаны. Но яко словенски учившимся не возможно читати, просиша, да преведены будутъ на славенскій языкъ. Сему же сотворьшуся, единъ вѣтковскаго согласія похити оныя, къ Вѣткѣ вдася. Діаконова же согласія невѣдуще о томъ преводѣ, просиша митрополита, да повелитъ превести пункты на славенскій языкъ. Видѣвъ то митрополитъ, возмнѣ шпирство нѣкое отъ нихъ быти, яростно ихъ отсла отъ себе. Они же, познавше лукавый вѣтковскихъ подлогъ, скрышася отъ лица митрополита, да не бѣднѣ ихъ животъ погибнетъ. И на томъ преста взысканіе то.

Пункты же оныя присланныя 12, бяху въ таковомъ разумѣ. Да хотяй ставитися исповѣданіе дастъ, новотворные догматы хранити и въ нихъ спасеніе вѣровати и прочихъ сему научити.

Не по многихъ сего случая, бяше нѣкій чернецъ въ Кіевѣ, имѣяй отъ митрополита кіевскаго не малую милость, почему (вмѣсто игуменства) припущенъ былъ къ приказныхъ дѣлъ отправленію. И

увѣрився укралъ изъ секрета съ письма архіерейскаго печать львовскаго и галицкаго. И сочинившу воровскія писми, будто по прошенію ихъ поѣхавъ тайно до Яссъ на посвященіе архіерейское. И въ Яссы пріѣхавъ, привезъ великія подарунки господарю Михайлѣ и митрополиту Георгію, и объявивъ листъ за руками, аки бы града Чигирина людіе просятъ его на епископію. И господарь велѣлъ митрополиту его поставить. Пріявши же сей Епифаній архіерейства чинъ, поѣхалъ отъ Яссъ аки въ Чигиринъ, но объявился на Украйнѣ въ Польшѣ. И тако испроси у поѣздаго офиціала львовскаго епископа, чтобъ ему на Украйнѣ жить, и сорокъ церквей поповъ ставить. И егда отъ архіереи велѣно яти его, онъ убѣгъ за Днѣпръ, и въ Кіевѣ ятъ, вданъ былъ подъ караулъ. И по отпискѣ въ синодъ, а изъ синода въ Яссы, повелѣно сего Епифанія отъ чина епископскаго обнажить: и обнаженъ бысть въ Кіевѣ и растриженъ и плетьми наказанъ, посланъ бысть въ ссылку, въ поморскія страны. И преѣхавше Ярославль, на лѣсу отбитъ и за границу въ нѣкія пустыники привезенъ, и тамо пребысть недѣль съ десять, и на день преображенія господня въ Вѣтку взятъ и безъ великаго испытанія на архіерейское дѣйство опредѣленъ, лѣта 7242. И тако на ономъ возведеніи бывъ, многихъ въ діаконы и въ попы поставилъ. По малѣже возсвидѣтельствованъ и обрѣтенъ сей быти новыхъ догматовъ человѣкъ. Откуду Вѣтковцы, чувство пріявше, за епископа его не почтоша и отъ ставленныхъ имъ граматы начаша отбирати. Увѣдавъ же то прочіе попы, отбѣгоша съ граммататами въ разная мѣста, и донынѣ въ великой чести священная дѣйствуютъ. А Епифаній (мнимый епископъ) въ вѣтковское разореніе въ Кіевъ скорбенъ взятъ и тамо умре и безъ пѣнія.

По семъ въ лѣто 7258 явися въ подольскихъ странахъ нѣкій человѣкъ отъ Великороссіи, именемъ Анфиногенъ: бывъ иногда діаконъ, нарицаше себе епископа. И по старовѣрцамъ граматы своя разсылаше, велика себе нѣкоего именуя, и весьма хитро пиша, призывая къ себѣ забѣглыхъ поповъ и прочихъ знатныхъ (вѣтковскаго и діаконовскаго согласія), обѣщаваяся имъ поставити или діаконовъ или поповъ, или самаго епископа. И сія слышавше, потрясошася многи, удивляющеся внезапному его появленію, притекающе на вѣдѣніе его. И тамо оному архіерейская дѣйствующу, нѣкихъ во діаконы и въ попы рукоположи. Нѣкто же бяше чернецъ Анфимъ, мужъ забѣглаго ума, и удивленъ въ томъ многимъ, но своенравенъ и безсовѣтенъ. Сей иногда за древняя въ Москвѣ много пострада, но и веліе безуміе отъ любоначальства на себѣ показа, имѣже ослѣпе нача себе глаголати попа, о чемъ до того вѣдущіи его отнюдь ни въ мысли имяху.

И тако нарицая себе, притече къ нему, нарицающемуся епископу Аѳиногену и отъ него во архимандрита поставися; возвращься оттуду, воспрія жительство между Гомією и Вѣткою, при Сожѣ рѣцѣ въ пустынки, и тамо обитель собираше. Послѣ же и во епископа заочно сей Анѳимъ отъ Анѳиногена, (возглядъ имѣя на Федима, епископа поставльшаго Григоріа неокесарійскаго), поставися; но прельстися. Ибо въ тое мнимое его поставленіе уже Анѳиногенъ не епископомъ, но у нѣкоего пана капитаномъ сотворися. Обаче нѣкоимъ слѣпымъ Анѳимъ за епископа вмѣнися и дѣйствова епископьская и во діаконы и въ попы поставляше, кои попы имяху не малыя подзоры; ихъже онъ постави, и до нынѣ священная дѣйствуютъ.

Тѣмъ же не вѣмъ, кому здѣ дивитися: народному ли нечювствію, или толикой страшной дерзости Анѳимовѣ? яко толикій мужъ вѣдущій и толико терпѣніе за древнее пострадавый, легкими юзами любоначальства связанъ тако паде, и многимъ смѣхъ на себе привлаче, разумнымъ же страхъ, яко тако скорыми ногами къ подложному епископу притече и неиспытно веліе на себѣ обязательство оному даде, во вся дни почитати и покарятися тому и прочая. Велію науку собою показа внимающымъ, что дѣетъ любоначальство, и коимъ концемъ любящія мирскія чести овѣнчеваютъ. Послѣ бо сего дерзновенія Анѳимъ отшедъ, и тамо по нѣкоимъ странамъ преходя апостольствуя рукополагая прочихъ, возвратися оттуду, возмездіе своего дѣла воспрія: ятъ бо бысть нѣкоимъ въ Польшѣ и могилевскому епископу вданъ. И той остриже ему главу и браду въ темницу затворити повелѣ. И тако прокаженъ, едва оттуду утече, и въ нѣкоихъ мѣстахъ скрыся. Не минемъ же и сіе здѣ глаголати, что въ нынѣшнее настоящее лѣто 7263 содѣяся. Гомельскіе и вѣтковскіе по заграничью жители, къ нимъже приложишася послѣ и въ Малороссіи обрѣтающіися въ слободахъ, написаша бо тіи челобитныя просяще, да отъ великороссійскихъ архипастырей поставится во епископа имъ человѣкъ, на совершенства антимиса, мура и на произведеніе поповъ, при томъ же и да благословятъ возградити сугубыя обители. И той же по сей челобитной еще извѣстнаго нѣсть, ибо на семъ престаемъ глаголати.

Окончаніе.

Доселѣ убо сію исторію о бѣгствующемъ іерействѣ, наченъ отъ первѣйшихъ лѣтъ, въ няже староцерковная премѣненія показашася, произведохъ предлагая, како соловецстіи храняхуся отъ новшествъ рукоположенныхъ, не пріимше онаго присланнаго къ нимъ архимандрита, и каковъ бяше оный Стефанъ великія ревности и Козма, попы: иже

всячески новшествъ охраняхуся, ни крещенія, ни рукоположенія тѣхъ пріимаху. И не токмо сія сами не пріимаху, но и послѣдующимъ себѣ во исходѣ души своея наказоваху, да никто же ни по какой нуждѣ отъ новшествъ рукоположенныхъ пріиметъ. И сице творяху не токмо сіи, но и прочіи. Свидѣтельствоваша сія приказанія оставшіяся тѣхъ іереевъ дѣти духовныя, въ коемъ приказаніи и скончашася. Свидѣтельствуютъ сія и днесь живіи, слышавше и видѣвше тѣхъ дѣтей, дѣломъ и словомъ приказанія сохраньшихъ и въ томъ отъ сего вѣка отшедшихъ. Аще ли Іоасафу и повелѣно бысть Іевомъ отъ тверскаго архіереа поставитися во іереа, но въ семъ нѣсть разгласія съ соловецкими отцы: ибо они подъ исповѣданіемъ новыхъ догматъ ставленаго не пріяша; сей же Іоасафъ во исповѣданіи и поставленіи древняго обычая рукоположенъ и пріятъ бысть въ дѣйства. И ниже оное іоасафово поставленіе на образецъ можетъ быти нынѣшнихъ взыскателей, сихъ ради винъ. Первая вина: яко той архіерей тверскій имяше на себѣ крещеніе и рукоположеніе древнее. Вторая вина: яко и самъ той архіерей, аще нуждею къ новодогматствованію и привлеченъ, обаче древняя любызаше. Что свидѣтельствоваша и новгородскіи Савѣ: Аще (рече) и новымъ касаюся, но весьма въ сомнѣніи. Третія вина: яко всѣхъ согласій разсудительніи таковыхъ съ новшествы рукоположенными не сравняютъ и не абіе сихъ отвергаютъ. Четвертая вина: яко сицевыхъ и каноны не лишаютъ еще благодати. Глаголетъ бо Никонъ на первое правило великаго Василія: яко первіи отступльшіи имутъ благодать рукоположенія. И сихъ ради винъ къ новостемъ приставшіи, а наипаче искру любве еще древнихъ имущіи, не подлежатъ всеконечному отверженію. Тѣмъ и дѣйствуй что въ любви древнихъ, благодатно содѣвастъ, для пріемлющія той персоны. Аще же первыхъ поповъ дѣти духовныя за оное поставленіе Іоасафа и гаждаху, убо и недостойніи суть кары.

Тѣмъже вся сія исторически о отцѣхъ древнихъ предложивше, и словомъ ихъ дѣла видѣвше, повратимъ очи свои на нынѣшнее іерейство и видимъ, сообразны ли суть тѣмъ, на нихъже они уповаютъ? ни. Реку же о семъ сице: Аще бо оныя отецъ соловецкихъ и тѣхъ древнихъ іереевъ отъ праха земнаго Господь Богъ зѣницы ихъ отрѣшивъ ихъ ревности благовѣрія возставилъ бы, и между сихъ настоящихъ ереевъ поставилъ: не аки ли бы злато посредѣ глины возблещали, и аки ангели посредѣ плотскихъ человѣкъ воспрославили бы ся и видѣли бы сихъ подъ именемъ тѣхъ іерейства показующихся? Въ колікое уже безобразіе и нелѣпотство настоящее іерейство пріиде! Оніи іереи быша ревнители благочестія древняго, сіи чествованія мірскаго. Оніи утѣшающеся въ дусѣ; сіи же въ брюсѣ. Оніи упованіе

свое имуще на Бога; сіи же на злато и откупники свои. Оніи прилежаще бесѣдамъ духовнымъ; сіи же бесѣдамъ мірскимъ. Оніи вѣру праву и догматы истинны соблюдаху: сіи же трапезамъ вѣру непреложну имутъ. И что о сихъ реку? оніи іереи истиннїи бяху; сіи же истинныхъ іереевъ токмо имена содержатъ, а достоинствъ правильныхъ далече отстоятъ. Оніи яко пчелныи матки быша; сіи же шершни жалы своими на погоготовѣ имуще, да како любо противныхъ себѣ уязвятъ, уранятъ, изгонятъ. О іерейства сего чюденнаго и своевольнаго, всуе хвалятся отцами, всуе во устѣхъ имя носятъ! И сія убо слышавъ, православный читателю, аще чювство доброе имаши, отъ древняго слышанія, не мало настоящимъ удивишися, въ колікое небреженіе, въ колікое своевольство и безобразіе прінде познати можеши. Кое уже снисхожденіе ихъ видимъ, не далече дверей отступленія, яко не велико уже посредство содѣвается. И сему что виновно есть, не обрѣтаю. Токмо въ широкія врата единому другаго предваренія, яко бы рещи: единъ законы плотскими не воздержно ходя слѣпоту налучи, въ блатѣ страстей погрязе. А инъ мняся свѣтомъ разума ходя, той же вавилонской чаши желая, законы мамонныя подставляетъ, и вѣру столовую снабдѣваетъ. Тѣмъже и купно единъ другаго въ злобѣ и надежды благія не вѣмъ откуду обрѣсти, яко всѣмъ врата широкая любезна и многія усердствуютъ въ на входити, тѣсная же дверь благовѣрія презираетси. И како кто можетъ добре законъ Божій церковный хранити? ни како. Читаемъ бо во исторіи стрѣлецкой, яко въ лѣто 7195 восхотѣша стрѣльцы древлецерковная возвратити и за то душы своя обѣщающе положити, о чемъ мнози не малыя труды показаша. Но егда сіи стрѣльцы съ нѣкіими посадскими разумнѣйшими, по царскому повелѣнію, съ Хованскимъ княземъ, на разговоръ ко Іоакиму патріарху посланы; тогда кія отъ нихъ на патріаршія напитки вергошася, тіи вси подъ руку патріаршу пойдоша кроме любящихъ трезвость. И студъ воздержнымъ сотвориша, а наипаче егда тако о древностехъ старающимся стрѣльцамъ, присланъ бысть отъ двора царска человѣкъ, возвѣщающъ имъ милость царску, на всякой десятокъ по ушату пива простова и поддѣлнаго и по мѣрѣ меда и вина. И се слышавше оніи, оставиша той совѣтъ и по напитки побѣгоша, и въ томъ питіи мудрость ихъ поглощена бысть. И забывше обѣты свои ради покоя тѣлеснаго отпадоша истины. Не вѣмъ же вопстинну, что хощетъ быти и въ насъ, яко всяко рачепіе преста, а плотскій покой верхъ воспріемлетъ. Къ коему еще злѣйше явися: во всѣхъ слободахъ кабацкихъ домовъ умножися, на совершенное отгнаніе добраго разума, а исправляющаго о томъ нѣсть. Мнимін бо духовніи вмѣсто законовъ церков-

ныхъ, сами сребролюбію и тѣлеснымъ прибытиомъ раби быша, желающе въ семъ вѣцѣ покоя и славы и суще враги креста христова сотворишася. Тѣмъ и аки пси объюродѣша, не могуще на всяко беззаконіе лаяти, отъ коего молчанія людскую выгоду себѣ пріобрѣтаютъ, и въ единомъ множествѣ закона похвалу имутъ. Отъ чего не малая есть боязнь, да не оныхъ стрѣльцовъ мракъ и насъ покрыетъ: ибо не новое то гонящимъ по слѣдъ плотскаго мудрованія отпадати Божія правды. Пишетъ Баронiй, яко въ гоненія древняя многи Христа отвергошася, а первыхъ сіи, иже пространно живяху и благая мира любляху. Отъ чего Боже сохрани насъ и помилуй, и даруй намъ по стопамъ твоимъ ходити, и церкве твоея святыя слушати, и со святыми избранными твоими угодити, и Тебѣ славу возсылати во вѣки, аминь.

ПИСЬМО М. Н. МУРАВЬЕВА КЪ КАРМАНОВУ [1])

Государь мой!

Чтобъ увѣрить Васъ, что я друзей моихъ и въ Петербургѣ помню, чѣмъ могу я лучше начать маленькую нашу переписку какъ не бесѣдованіемъ о такой матеріи, которую Вы лучше другихъ слушать любите? Вы догадаетесь, что я говорю здѣсь объ исторіи. Я почту себѣ за великое удовольствіе, ежели напоминаніями моими (онѣ не будутъ рѣдки) буду столько щастливъ, что иногда возбужду вашу склонность къ оной, когда паче чаянія затрудненія должности здѣлаютъ вамъ къ ней отвычку. Простите, что я сужу по себѣ: я лѣнивъ, однакожъ для поощреній друзей моихъ иногда тружуся. Такъ думается, что и вы для своего пріятеля (вить Вы не отречетеся отъ этого) иногда примите перо поздно вечеромъ, чтобы написать какія нибудь приключенія Тверскія. Видите какое я пріемлю участіе во всемъ томъ, что касается Твери: сверхъ того, что у меня остались въ немъ залоги, которые меня часто заставляютъ ее вспоминать, не

[1]) По черновому подлиннику, находящемуся въ бумагахъ М. Н. Муравьева, которыя поступили изъ древлехранилища Погодина въ Императорскую Публичную Библіотеку. Письмо относится къ 1776 году. *Ред.*

былобъ ли это неблагодарно, чтобы, прожившн въ ней цѣлыя десять мѣсяцовъ столь безполезнымъ гражданиномъ, еще и изъ памяти ее истребить? Знакомство ваше, Г. М., которымъ я ей обязанъ, отнюдь не забыто мною въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя мнѣ дѣлаютъ Тверь пріятною. Видите, что оно приключаетъ мнѣ удовольствіе и въ Петербургѣ. Я ничего больше не требую, ежели Вы столькожъ охотно вспомните вашего петербургскаго пріятеля. Я имѣю здѣсь щастіе обращаться со многими изъ тѣхъ, которые наиболѣе дѣлаютъ чести писменамъ нашего отечества. Не подумайте, чтобъ привычка ихъ обхожденіе могла увеличить въ глазахъ моихъ мое собственное достоинство; напротивъ того она мнѣ показываетъ всечасно, сколько далекъ я отъ нихъ. Извѣстной вамъ издатель Россійской древней вивліофики пригласилъ меня къ изданію одного ежемѣсячнаго сочиненія, которое будетъ по большой части изъ переводовъ, касающихся вобще до нравоученія и исторіи и котораго первый мѣсяцъ будетъ печататься въ Сентябрѣ. Вы можете себѣ представить, что я говорилъ съ нимъ и объ васъ. Онъ просилъ у меня рукописи вашей Тверской исторіи и она теперь у него. Мы съ нимъ разсуждали о необходимости имѣть людей способныхъ замѣчать всѣ примѣчанія достойныя вещи и приключенія въ городахъ. Родъ новаго сочиненія, которое его теперь занимаетъ, очевиднымъ тому доказательствомъ. Заглавіе онаго есть: Сокровище Россійскихъ древностей. Первая часть, которая почти вся отпечатана, заключаетъ въ себѣ описаніе трехъ первѣйшихъ Московскихъ соборовъ, зачиная съ Архангельскаго. Вы бы сдѣлали ему великое удовольствіе, еслибы также сообщили какія нибудь . . . . .

ЗАПИСКА ДОЧЕРИ Н. И. НОВИКОВА ВѢРЫ НИКОЛАЕВНЫ, ИСПРАВЛЕННАЯ РУКОЮ КАРАМЗИНА.

Оставшіяся сироты послѣ порутчика Николая Новикова въ горестнѣйшемъ состояніи осмѣливаются пасть къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, испрашивая Всемилостивѣйшаго вспоможенія. Родитель нашъ въ 1792 году по секретному повелѣнію взятъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость: бывшее въ управленіи

его имѣніе Типографической Компаніи, при учрежденіи которой употребленъ былъ имъ собственный не малый капиталъ, взято было въ вѣдомство Московскаго приказа общественнаго призрѣнія. На оставшуюся родовую деревню положено запрещеніе, которою управлялъ родной дядя нашъ, по причинѣ нашего малолѣтства.

Въ 1796 году блаженныя памяти Государь Императоръ по вступленіи на престолъ Всемилостивѣйшимъ указомъ ноября 6-го повелѣлъ освободить его и все отобранное имѣніе возвратить; но оно по поданному отъ него прошенію отдано было главному кредитору надворному совѣтнику Походяшину для удовлетворенія прочихъ кредиторовъ. По возвращеніи своемъ родитель нашъ увидѣлъ себя лишеннымъ всѣхъ почти способовъ къ содержанію себя съ семействомъ одними доходами съ оставшейся небольшой подмосковной деревни. Употребляя различныя средства къ поправленію состоянія своего, принужденъ былъ заложить упомянутую деревню, въ 150 душахъ состоящую, въ Московскій Опекунскій Совѣтъ въ 10000 рублей серебромъ. Часть сей суммы употреблена на поправленіе домашней экономіи, а остальныя деньги издержаны на покупку хлѣба для прокормленія людей по случаю бывшаго здѣсь хлѣбнаго неурожая.

Между тѣмъ возвысившаяся цѣна серебра принудила его дѣлать новыя займы для уплаты въ Опекунской Совѣтъ. Въ 1815 и 16 годахъ хлѣбные неурожаи и прежде бывшія здѣсь военныя безпокойства довели его до послѣдней крайности.

По кончинѣ его остались я съ старшимъ братомъ и сестрою, которыя тяжело больны эпилепсіею и такъ разстроены оною, что не могутъ ни въ какія дѣла входить. Къ умноженію горестнаго положенія нашего въ Бронницкомъ Уѣздномъ Судѣ находятся два векселя, поступившіе ко взысканію, по одному изъ оныхъ угрожаютъ уже намъ описью деревни. Приближающійся срокъ платежа въ Опекунской Совѣтъ за два года устрашаетъ насъ также лишеніемъ послѣдняго убѣжища. Въ такомъ бѣдственномъ состояніи, гдѣ могу обрѣсти покровителя и защитника, кромѣ свыше благословеннаго отца своихъ подданныхъ, великодушнѣйшаго во всей вселенной моего Всемилостивѣйшаго Государя? Возсылая моленія къ Подателю всѣхъ благъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь повергнуть предъ милосердымъ Монархомъ горестное прошеніе злополучныхъ сиротъ, слезами сердецъ ихъ преисполненное.

НѢСКОЛЬКО НАРОДНЫХЪ ЗАГОВОРОВЪ.

(Сообщено А. Н. Аѳанасьевымъ.)

Печатаемые здѣсь заговоры заимствованы мною изъ одной рукописи, заключающей въ себѣ *травникъ* (или *цвѣтникъ*, какъ названо въ другомъ мѣстѣ) и *лѣчебникъ*. Рукопись эта писана разными почерками позднѣйшаго времени и, судя по сдѣланнымъ на ней надписямъ, по частымъ грамматическимъ ошибкамъ и по самому содержанію, она несомнѣнно возникла и обращалась въ нашемъ грамотномъ простонародьи. Такъ на одной страницѣ означено: «выписано города Юрьева Польскаго въ селѣ Симѣ 1838 года», на другой: «писала сей заговоръ муромская мѣщанская дочь» и проч.

Народные *травники*, сколько ни случалось намъ ихъ пересматривать, всѣ болѣе или менѣе сходны: это перечень названій различныхъ цѣлебныхъ, по мнѣнію знахарей, травъ, съ весьма сбивчивымъ и неточнымъ описаніемъ ихъ наружнаго вида и мѣстностей, гдѣ онѣ ростутъ, съ указаніемъ, какъ ихъ добывать и каковы ихъ врачебныя свойства, и съ значительною примѣсью суевѣрій. Г. Харитоновъ въ статьѣ своей о «врачеваніяхъ, забавахъ и повѣрьяхъ крестьянъ архангельской губерніи» (Отечеств. Зап. 1848 г., № 5, Смѣсь) привелъ нѣсколько любопытныхъ выписокъ, которыя достаточно знакомятъ съ характеромъ и составомъ подобныхъ тетрадокъ. Мы съ своей стороны приводимъ слѣдующее сказаніе о таинственномъ цвѣткѣ папоротника: «Есть трава *черная папороть;* ростетъ въ лѣсахъ, около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, какъ у простаго но(не?)чернаго папороти, а съиспода большіе листы; около стебля земля, а на стеблѣ шишка черная, какъ кочетокъ или крюкъ, а въ ней пухъ, и она вся черная; а шишка треугольная, а цвѣтъ на ней что̀ серебро— ночью видно его хоця въ какую писанную (sic) ночь. А цвѣтетъ она наканунѣ Иванова дни въ полночь — однимъ часомъ отцвѣтаетъ, а цвѣтетъ, точно какъ огонь горитъ или пылаетъ. Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хощетъ богатъ и мудръ быти. А брать тотъ цвѣтъ

не просто—съ надобностьми: а именно: взять на Васильевъ вечеръ, т. е. наканунѣ новаго года вечер(ом)ъ, перволучины огарокъ, чтобы онъ съ обоихъ концовъ обожженъ былъ, да на свѣтлое Воскресенье воску огарокъ отъ тоё свѣчи, которую попъ въ рукахъ со крестомъ носитъ и кадитъ людей, да отъ запрестольной Божіей Матери образа воску или огарокъ отъ свѣчи.» Въ Иванову ночь идти къ тому мѣсту, гдѣ ростетъ трава папороть, «а надо очертиться онымъ огаркомъ (лучины), а подъ траву наслать бумаги чистой или полотна бѣлаго чистаго; а очертясь кругомъ, говорить: Талавъ божій, судъ твой—да воскреснетъ Богъ... Бываютъ тогда великіе страхи, что уму человѣческому непостижимо; въ то время приходятъ множество демоновъ и великіе стрихи творятъ, (хотятъ) ее взяти, понеже она очень имъ противна. Если кто ее возметъ, то никакой діяволъ и ворожея и грѣшникъ укрыться не можетъ, и дьявольская сила вся ему будетъ видна и знатна, и ни съ какой своей пакостію отъ него не укрестся: все будетъ видѣть и знать... Цвѣтъ ея, когда отцвѣтетъ, осыплется на то, что послано, и ты тотъ цвѣтъ смети перушкомъ въ одно мѣсто бережно и залѣпи вышеписаннымъ воскомъ въ перѣ: тотъ цвѣтъ завсегда цѣлъ будетъ. А если не залѣпишь, то (нечистые) унесутъ у тебя—для того людямъ не даютъ его взять, что онъ очень имъ противенъ и всю ихъ силу разрушаетъ... Тотъ цвѣтъ носи на лбѣ: узнаешь и увидишь—гдѣ какая поклажа лежитъ и какъ что положено и сколь глубоко, и можешь взять безъ всякаго вреда и остановки, для того, что ты уже демоновъ увидишь; а съ нимъ тебя жестоко бояться станутъ, и когда ты куда ни поѣдешь на какое мѣсто, если (нечистые) тутъ на мѣстѣ есть, то они отходить съ того мѣста станутъ, и можешь всякія поклажи съ тѣмъ цвѣтомъ получить—не заперто! Все узнаешь, что гдѣ есть или лежитъ или дѣлается, и какъ, куда и въ коемъ мѣстѣ; просто сказать—все будешь знать, хотя и въ чужіе города и иныя государства дороги и пропуски: тотъ цвѣтъ положи въ ротъ за щеку и поди, куды хошь: никто тебя не увидитъ, что̀ хошь—дѣлай! (Когда) въ путь ѣхать, то возьми той травы корень и положи въ воду, и мойся той водою, испей её, да поставь судно на землю. Если спать станешь, то въ головы поставь; то никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ—никакой воръ и разбойникъ; понеже кругомъ около тебя великая вода будетъ что̀ озеро, а ты на островѣ будешь. Тотъ-же цвѣтъ носить на головѣ—все видѣть и знать станешь, и вельми счастливъ будешь и достоинъ всякому начальству, во всякой чести будешь. Станутъ тотъ цвѣтъ нечистые духи у тебя торговать, и ты имъ скажи: не продаю! а если продашь, то проси у нихъ съ начальнѣйшего князя колпакъ,

въ которомъ камни драгоцѣнные; и если они его дадутъ, вельми славенъ, и хитръ и храбръ, и богатъ, и знатенъ будешь чрезъ тѣ камни..... А когда цвѣтъ брать станешь, тогда увидишь воду[1]) и всякіе страхи—не кричи и назадъ не гляди и не говори имъ, только молитву твори: Да воскреснетъ Богъ! и прочія молитвы; а если противъ ихъ молвишь, то несносною пагубою—злою смертью пострадешь. И изъ черты не выступай и руки не подавай. А сія трава самая наисильнѣйшая надъ кладами, царь надъ цвѣтами—трава папороть.»

Любопытно бъ было во 1-хъ точнѣе опредѣлить происхожденіе травниковъ, во 2-хъ указать, на сколько народная наблюдательность уловила дѣйствительныя врачебныя свойства травъ и цвѣтовъ; но для рѣшенія этихъ вопросовъ наука почти ничего не сдѣлала. Въ недавнее время г. Тарачковъ (см. Воронежскую Бесѣду) заинтересовался собраніемъ свѣдѣній, издавна живущихъ въ нашемъ простонародьи, и постарался объяснить народныя названія различныхъ травъ, употребляемыхъ знахарями; но и онъ, къ сожалѣнію, на травники не обратилъ вниманія. Вѣроятно, тетрадки эти, такъ дорого цѣнимыя между грамотными поселянами, не попадались ему въ руки.

Лѣчебникъ, занесенный въ описываемую нами рукопись вмѣстѣ съ наставленіями: какъ лѣчить ту или другую болѣзнь, предлагаетъ разные совѣты, полезные въ домашнемъ быту (*напр.*, какъ склеить разбитую посуду, какъ истреблять клоповъ и блохъ, какъ успѣшнѣе разводить пчелъ и проч.), объясняетъ фокусы (какъ пропустить въ бутылку яйцо, какъ ухитриться, чтобы яблоко само каталось по столу и т. п.) и указываетъ симпатическія средства (какъ увѣдать женскую тайну, какъ сдѣлать, чтобы воръ не могъ уйдти изъ дому и пр.)[2]). Тутъ много заимствованнаго изъ печатныхъ источниковъ, но много внесено и изъ повѣрій, обращающихся въ народѣ. Между прочимъ читаемъ о *змѣѣ*: «Весной убить змѣю и разрѣзать ей брюхо, и положить въ брюхо три горошины и зарыть въ землю. Когда выроститъ цвѣтъ, то сорви его въ полночь или въ полдень и положи въ ротъ—и будешь знать что у человѣка на умѣ; а цвѣтъ закатать въ воскъ въ чистотѣ».—«Змѣиная голова: зубами ея наколоть на рукѣ и будутъ отъ того шишки—*не годенъ будешь въ солдаты*; а послѣ потереть канфарой, то (шишекъ) не будетъ.»

---

[1]) Т. е. наводненіе.

[2]) Подобный лѣчебникъ уже былъ описанъ во 2-й части Пермскаго Сборника подъ неправильнымъ заглавіемъ: «Домашній обиходъ, рукописный сборникъ XVII вѣка.»

Наряду съ разными лѣчебными средствами предлагаются и *заговоры*; изъ нихъ нѣкоторые писаны тайною азбукою. Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія этой азбуки, мы успѣли добраться до ея ключа и прочитать загадочныя строки.

Извлекаемъ изъ нашей рукописи всѣ вошедшіе въ нее заговоры:

1. *На собираніе Адамъ-травы.*

На утро сице глаголи:

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному; Боже, очисти грѣхи мои, безъ числа согрѣшихъ—Господи, прости сія.

Достойно есть; псаломъ 50-й—Помилуй мя, Боже! Вѣрую во единаго Бога; Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, молитвъ Пречистыя твоея матери и всѣхъ святыхъ помилуй!

Благослови сію траву копати, а земля-мати благослови своего мнѣ плоду взяти, а ты, трава-Адамъ, на что я тебя копаю—и ты буди къ тому пригодна во вѣки. Аминь.

2. *Какъ приворотить дѣвку.*

a. *Истопи баню жарко и взойди въ нее; когда взопрѣешь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ и выжми тряпицу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда глаголи трижды сей заговоръ:*

На морѣ на-кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стояло древо; на томъ древѣ сидѣло семьдесятъ какъ одна птица; эти птицы щипали вѣти (вѣтви), эти вѣти бросали на землю; эти вѣти подбирали бѣси и приносили къ Сатанѣ Сатановичу. Ужь ты, худъ бѣсъ! и кланяюсь я тебѣ и покланяюсь,—сослужи ты мнѣ службу и сдѣлай дружбу: зажги сердце *(имрекъ)* по мнѣ (*имрекъ)* и зажги всѣ печенья и легкое и всѣ суставы по мнѣ (*имрекъ*). Будь мое слово крѣпко, крѣпче трехъ булатовъ во вѣки!

Вели пряникъ съѣсть.

b. *Взойди въ баню и глаголи трижды со вниманіемъ на пряникъ:*

Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. На морѣ-на кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, на рѣкѣ на Ярданѣ, стояла гробница; во той гробницѣ лежала дѣвица. Раба божія *(имрекъ)*! встань-пробудись, въ цвѣтное платье нарядись, бери кремень и огниво, зажигай свое сердце ретиво по рабѣ божіемъ (*имрекъ*), и такъ зажигай крѣпко и дайся по мнѣ рабѣ божіемъ (*имрекъ*) въ тоску-въ печаль: какъ удавшему (удавленнику) въ петлѣ, такъ бы рабѣ

божіей *(имрекъ)* было тошно по рабѣ божіемъ *(имрекъ)*; какъ утопшему въ морѣ, такъ бы рабѣ божіей (*имрекъ*) было тошно по рабѣ божіемъ *(имрекъ)*—какъ душа съ тѣломъ разстается, во вѣки—аминь. Утвержаю Іисусомъ Христомъ и Пресвятою госпожею Богородицею и всею небесною силою во вѣки, аминь. Всегда и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь, Отца—аминь, Сына—аминь, Святаго Духа—аминь.

Дай пряникъ съѣсть ей.

с. Лягу я рабъ божій *(имрекъ)* помолясь, и встану благословясь, и пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты—въ чистое полѣ, подъ частыя звѣзды, подъ лунь(луну?) Господень. И лежатъ три дороги и не пойду ни направо, ни налѣво; пойду по середней дорогѣ, и та дорога лежитъ въ темной лѣсъ. Въ темномъ лѣсу стоитъ древо тоски; тоскуетъ и горюетъ тоска, печалуется (печалится). И посылаю я тоску въ рабу божію (*имрекъ*): взойди въ ея въ бѣлое тѣло, и въ ретивое сердце, и въ русы власы, въ кровь горячую—въ руду кипячую, чтобы она по рабѣ божіемъ *(имрекъ)* тосковала, и все бы она обо мнѣ думала; въ питьѣ бы она не запивала, въ ѣствѣ бы она не заѣдала, во снѣ бы не засыпала, а завсегда бы она меня раба божія на умѣ держала. Какъ солнцу и мѣсяцу помѣхи нѣтъ, такъ бы и мо(е)му наговору помѣхи не было. Аминь, аминь, аминь.

3. *Въ защиту отъ нечистой силы.*

Наговори на воскъ и приляпи на крестъ, отъ враговъ своихъ.

Знаменуйся рабъ божій *(имрекъ)* крестомъ животворящимъ—одесную и ошую, спереди и созади; крестъ на мнѣ рабѣ божіемъ *(имрекъ)*, крестъ надо мною, крестъ предо мною, крестъ за мною, крестъ діявола и вся враги побѣждаша. Да бѣжатъ бѣсове, вся сила вражія, отъ меня раба божія *(имрекъ)*, видюще яко молнію—кресную силу опаляющую. Близь мене Христосъ и вся сила небесная: Михайла и Гавріилъ, Уріилъ и Рафаилъ—архангелы и ангелы, начала, власти, престолы, господни силы, и нерушимы страшные серафимы, и святые ангелы-хранители, преданные мнѣ на соблюденіе души и тѣлу моему отъ святаго крещенія. А далече отъ мене діяволъ съ своею темнообразною силою стоитъ, и со всѣмъ человѣки прогнанъ бысть, третью стали и шестидесятью ангелы стали божіи (sic). Молитвъ ради пречистыя твоея матери, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помилуй мя грѣшнаго раба твоего *(имрекъ)*—всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

4. *Отъ зубной боли.*

a. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Господня храмина, тебѣ не гарывать, у раба божія *(имрекъ)* зубамъ не балѣвать—отнынѣ до вѣку, во вѣки, аминь. Святой Духъ—аминь!

Сей заговоръ отъ зубовъ проговори трижды. Которая изба на другое мѣсто переставлена—прійди и откавырь щепочку и положи на зубы; какъ разъ проговоришь—избѣ поклонись.

b. Матушка крапивушка, святое деревцо! Есть у меня рабъ божій *(имрекъ)*, есть у него въ зубахъ черви, и ты оныхъ выведи; а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя въ третій день отпущу.

И проговоривши, крапиву привязать книзу, и отвязать въ третій день.

c. *Въ полночь, какъ станутъ бить часы двѣнадцать, въ то время сходи къ церкви и укуси трижды коренную паперть, и три раза скажи:*

Какъ камень сей крѣпокъ, такъ закаменѣй и мои зубы—крѣпче камня!

И три раза плюнь, и поди прочь не оглядывайся, и прочти три раза: Вѣрую.

d. На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ соборная апостольская церковь; въ той соборной апостольской церкви стоитъ мать пресвятая Богородица и преподный Антипій, зубной изцѣлитель. Онъ проситъ и молитъ угодниковъ божіихъ о рабѣ божіемъ *(имрекъ)*: какъ у васъ угодники божіи зубы не болѣли, такъ бы у раба божія *(имрекъ)* зубы не болѣли — во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

Наговори на соль или рѣдьку и на сучекъ ели.

e. Каинъ, Каинъ, Каинъ! вели спросить брата своего Авеля: не болятъ ли у него зубы? Нѣтъ—такъ бы у раба божія *(имрекъ)*—нѣтъ. Во имя Отца и сына и Святаго Духа, аминь, аминь. аминь.

Наговори на соль и клади на зубы.

f. *Если пойдешь некарочно улицей или дворомъ и найдешь кость съ зубами—баранью щеку, то перекрестись три раза и проговори трижды:* Отче нашъ; *потомъ говори еще три раза:*

Кость ты моя, кость зубная! избави меня отъ зубной ломовой болѣзни; а я тебя избавлю отъ мокроты.

И возьми эту кость и подотки ее въ горницу идъ въ сухое мѣсцо, и будешь здоровъ.

5. *Отъ жабы въ горлѣ.*

Въ городѣ Ерусалимѣ, на рѣкѣ на Ярданѣ, стоитъ древо кипарисъ; на томъ древѣ сидитъ птица орелъ, щиплетъ и теребитъ когтями и ногтями и подъ щеками, и подъ жебрами у раба божія *(имрекъ)* жабу. Во имя Отца и сына и Святаго Духа, аминь. Святой Духъ—аминь, Святой Духъ—аминь, Святой Духъ—аминь!

Сей заговоръ отъ жабы когда станешь говорить, тогда тычь среднимъ пальцемъ на правой рукѣ въ жабу; проговори трижды.

6. *На удачную охоту.*

Господи Ісусе Христе, Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго; аминь. Ложусь я рабъ божій (*имрекъ*) ввечеру поздно-напоздно, благословясь и перекстясь; встаю рабъ божій (*имрекъ*) поутру рано-парано, и умываюсь тредённой водой, и утираюсь шитымъ бранымъ тонкимъ полотенцемъ; пойду рабъ божій (*имрекъ*) изъ избы дверьми, изъ воротъ (двора?) воротами; пойду во чисто поле, въ широко раздолье, въ зелену дубраву, и стану и эту зброю ставить на бѣлыхъ на ярыхъ зайцевъ. Какъ-же катятся ключи, протоки во единой ключь, такъ же бы катились и бѣжали всякие мои драгоцѣнные звѣри; сѣрые, ушастые и долгохвостые волки, и черные медвѣди, и красныя брунастыя (?) лисицы, и бѣлые ярые зайцы и зайни (зайчихи); назадъ бы они не ворочались и по сторонамъ бы не обѣгали. Позади носитъ Михайла арханьелъ и Гавріилъ арханьелъ со всею небесною (силою). Во вѣки вѣковъ, аминь. Создай, Господи, благополучіе.

Сей заговоръ глаголи трижды.

7. *Какъ заговаривать кровь.*

a. На морѣ на окіянѣ лежитъ камень Алатырь; на томъ камнѣ Алатырѣ есть два орла орловича, два брата родные — они рубятся, сѣкутся вострыми саблями; промежду ихъ ни руды, ни крови, ни щепоты, ни ломоты. Такъ бы у рабы *(имрекъ)* не было ни руды, ни крови, ни щепоты, ни ломоты. Аминь, аминь, аминь.

b. На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стояла избушка; въ этой избушкѣ двѣ дѣвицы: одна плела шелкомъ, а другая льномъ. Ты, шелкъ, не рвися и ты, ленъ, не рвися; а ты, кровь, переймися у раба божія *(имрекъ)*. Аминь, аминь, аминь.

c. На морѣ на окіянѣ, на святой рѣкѣ на Ерданѣ, бѣлъ горючь камень выплываетъ; а на томъ камнѣ сидятъ три дѣвицы, прекрасныя мастерицы, въ рукахъ держатъ пяльцы, вся рѣки, вся источники, вся

ручныя раны зашиваютъ. Тѣло нѣмо, кость отъ камня, жилы отъ древа шелковника. Порвися (не рвися?) горючь (камень), кровь уймися и запекися аки у мертваго. Аминь, аминь, аминь.

И дунь три раза на то мѣсто, откуда кровь идетъ.

8. *Заговоръ противъ пищалей, стрѣлъ и всякаго оружія.*

Есть море желѣзно, на томъ морѣ желѣзномъ былъ-камень Алатырь; на томъ камнѣ сидитъ мужъ желѣзенъ царь — высота его отъ земли и до небеси, заповѣдаетъ своимъ желѣзнымъ посохомъ на всѣ четыре стороны отъ востока и до запада, отъ юга и до сѣвера, стоитъ подпершись (?), заказываетъ своимъ дѣтямъ: укладу ....[1]) красному и желѣзному, каменному и простому, и проволокѣ—желѣзу литому, стали и мѣди красной и зеленой, свинцу и олову, чугуну и сребру и ядрамъ (подите вы), ядра каменныя и желѣзныя въ матерь свою землю мимо меня раба божія (*имярекъ*), а стрѣлы строганыя въ древо-въ березу, и въ сосну, и въ яблонь, и въ рябину, и въ черное древо и въ перье, а перья во птицу-въ свою матерь, а изъ нея въ рыбу, а рыба въ море[2]).

9. *Чтобы власти и судьи были милостивы.*

Господи, благослови отче! одѣясь свѣтомъ, яко ризою, покрываюся облакомъ, препоящуся поясомъ Пресвятыя Богородицы. Милостивая заступница! свяжи уста и языкъ и гортань у князей и у боярей, и у правителей, и у всякихъ властей, и у приказныхъ служителей.

10. *Отъ трясавицы (лихорадки).*

а. Силою честнаго и животворящаго креста Господня, молитвами всепресвятыя владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и молитвами святаго арханьела Рафаила и преподобнаго отца Изосимы соловецкаго и молитвами святыхъ девяти мучениковъ, иже въ Кизицѣ чудо сосрѣтоша — двою-надесять[3]), и рече имъ святый арханьелъ Рафаилъ: что вы окаяннѣйши и како имена ваши? И онѣ окаяннїи отвѣчаста ему: мы единаго отца дщери-царя Ирода, и егда отецъ нашъ Иродъ отсѣче главу Іоанна Предтечи — и тогда земля пожре насъ живыхъ и пріятъ насъ къ себѣ сатана; по умертвіи же отца нашего Ирода посла насъ въ миръ, людей вашихъ мучить рода человѣческаго. И посемъ намъ всѣмъ имена суть: 1-я Зябуха, 2-я

[1]) Неразобрано.

[2]) Сравни съ 18-мъ заговоромъ во 1 т. Сказаній русскаго народа, Сахарова стр. 22.

[3]) Трясавицъ.

Гнѣтница, 3-я Плѣтѣя, 4-я Мѣсора, 5-я Шашая, 6-я Чорная, 7-я Тѣнная, 8-я Дида, 9-я Ладо, 10-я Омуга, 11-я Утѣха, 12-я Переанда. И посемъ арханьелъ Рафаилъ биша ихъ жѣзломъ немилостивно и даша имъ по тысящи ударовъ; и онѣ окаяннїи рѣкоша ему: аще гдѣ будетъ твое имя написано, и мы къ тому человѣку не прикоснемся. Имя рабу божію *такому-то, такихъ (-то)* годовъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

Ь. Кресту твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресеніе твое славимъ. Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ, Спаси, Господи, и помилуй раба божія *(имрекъ)* отъ трясавичной болѣзни—во имя Отца и Сына и Святаго духа, аминь. Яко съ нами Богъ—съ рабомъ божіемъ (*имрекъ*), буди на мнѣ крѣпкая и крестная сила заперта и заключена крестною силой (sic) и животворящимъ крестомъ Господнимъ, и святыми аньелами: арханьеломъ Михаиломъ и Гавріиломъ, и молитвами пресвятыя матери, и молитвами святаго славнаго пророка Предтечи, Крестителя Іоанна, и молитвами Артемія Веркольскаго чудотворца, и молитвами святаго Мирона-чудотворца. Отыдите отъ меня раба божія *(имрекъ)* проклятыи дванадесять Продовы дщери: Трясавица, Огневица, Знобѣя, Пералея, Горькуша, Крикуша, Черькѣтъ (?), Пухлѣя, Желтѣя, Дрехлѣя, Дремлѣя [1]), и не приходите ко мнѣ рабу божію *(имрекъ)* дванадесять дщерей Продовыхъ ни по утрамъ, ни въ полдень, ни къ вечеру, ни въ ночь, ни въ полуночь, ни въ..... [2]), и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь. *Имрекъ* дома нѣту—я Василій буду отписывать (*послѣдняя фраза трижды*).

Писать натощакъ.

11. Чтобы сдѣлать (свекровь, мачиху или друг.) милостивою.

Взять съ трехъ могилъ земли и говорить:

Будь раба божья такъ, какъ маломощная овца (*или*: такъ, какъ мертвецъ лежитъ во гробѣ — безотвѣтна и бездыханна), и такъ бы она раба божія не думала, не говорила и не отвѣчала предо мной (*или*: предъ ними) ни во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

Обойди кругомъ ея и сыпь (землю) или подъ порогъ посыпь.

Будь рука рѣпяная, кожа воловья, мясо коневьи(е)—во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Сей заговоръ служитъ для иглы—въ руку запускать.

---

[1]) Двѣнадцатой не упомянуто.

[2]) Неразобрано.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ДОЧЕРИ Н. И. НОВИКОВА ВѢРЫ НИКОЛАЕВНЫ КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

Къ сожалѣнію моему не могу представить достаточнаго объясненія на предлагаемые вами вопросы. Будучи въ малолѣтствѣ во время несчастія покойнаго родителя моего (о! ежели бы я тогда была въ совершенныхъ лѣтахъ, безъ всякаго сомнѣнія пала бы къ стопамъ Императрицы, дабы мнѣ дозволено было раздѣлить заточеніе его) не могу обстоятельно знать о причинахъ онаго. Извѣстно только, что дѣло сіе производилось по Тайной Экспедиціи. Въ оставшихся бумагахъ нахожу нѣсколько копій съ писемъ къ разнымъ лицамъ и прошеній, подаваемыхъ въ разныя времена. Въ одномъ изъ оныхъ, къ князю Куракину, собственною его рукою писанномъ, помѣщены слова блаженныя памяти Государя императора Павла I, сказанныя въ 1796 году, когда родитель мой по освобожденіи своемъ удостоился быть предъ лицемъ Его Импер. Величества и между прочими Всемилостивѣйшими выраженіями услышать и слѣдующее: „*Я даю тебѣ мою руку и слово, что и копѣйка твоя не пропадетъ,—дай только мнѣ время и вѣрь моему слову!*“ Но рановременная кончина его оставила сіе Всемилостивѣйшее обѣщаніе и надежды родителя моего неисполненными. Неоднократныя подавалъ прошенія Ея Величеству, вдовствующей Государынѣ, въ одномъ изъ коихъ доносилъ сими словами: «Да будетъ единственнымъ моимъ ходатаемъ у Вашего Императорскаго Величества священное сердцу моему воспоминаніе имяни блаженной и вѣчной славы достойнаго Государя императора Павла Петровича, Вашего дражайшаго супруга, моего же Всемилостивѣйшаго Государя, отца и избавителя, котораго рука нѣкогда отверзла двери темницы моей. Его правосудіе и прозорливость проникло сквозь завѣсу клеветы и признало невинность; Его истинно отеческое милосердіе обѣщало полное удовлетвореніе всего разоренія моего» и проч.

Позвольте мнѣ прибавить къ сему, что я прошу помощи единственно изъ Высочайшаго милосердія, а не по заслугамъ родитель-

скимъ, о чемъ и думать не могу,—и моимъ ли слабымъ способностямъ описывать оныя? Горестныя обстоятельства принудили меня искать пособія у монаршаго престола. Имѣя на попеченіи своемъ больныхъ брата и сестру священнѣйшею обязанностію поставляю употребить всѣ средства къ доставленію имъ спокойной жизни. Вамъ не безъизвѣстно также въ теченіи многихъ лѣтъ продолжавшаяся дружба покойнаго родителя моего съ истиннымъ благодѣтелемъ нашимъ, почтеннѣйшимъ Семеномъ Ивановичемъ Гамалеемъ и супругою покойнаго профессора Московскаго университета Ивана Егоровича Шаарца, которая всегда заступала у насъ мѣсто матери и которая въ бывшее несчастіе съ батюшкою потерпѣла совершенное раззореніе и теперь не имѣетъ никакого состоянія для содержанія себя. По одному векселю, находящемуся въ уѣздномъ судѣ, уже угрожаютъ намъ описью деревни. Не должна ли я оправдать полную довѣренность къ себѣ незабвеннаго родителя моего употребивъ всѣ силы къ сохраненію убѣжища, симъ священнымъ предметамъ долголѣтняго попеченія его? Но что человѣческія силы безъ помощи Всевышняго? На Него единаго возлагаю упованіе свое.

СЛОВА И ПОУЧЕНІЯ, НАПРАВЛЕННЫЯ ПРОТИВЪ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ВѢРОВАНІЙ И ОБРЯДОВЪ.

Предисловіе.

Печатая нѣсколько собранныхъ нами словъ и поученій, касающихся языческихъ вѣрованій и обрядовъ, почитаемъ не лишнимъ указать тѣ рукописи, изъ которыхъ предлагаемыя поученія заимствованы.

Въ числѣ этихъ рукописей важнѣйшее мѣсто занимаетъ Паисіевъ сборникъ, писанный въ концѣ XIV вѣка, прекраснымъ уставомъ. На эту рукопись обратилъ вниманіе ученыхъ профессоръ Шевыревъ, просматривавшій ее въ библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, которому она принадлежала. Въ настоящее время этотъ сборникъ, вмѣстѣ со многими другими рукописями Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря принадлежитъ библіотекѣ С. Петербургской Духовной Академіи и значится подъ № 34. Первые семь листовъ давно были утрачены; но рукою XVI вѣка вписаны и потомъ вплетены въ рукопись. Утраченное начало первой статьи Паисіева сборника писецъ XVI вѣка умѣстилъ на 6 листахъ, захвативши только полъстраницы седьмаго листа, такъ что остальныя полторы страницы остались бѣлыми. Рукопись начинается словами: Книга сборникъ починаемъ о господи поученіа сты оць, кнги ѿче. Начиная съ восьмаго листа, идетъ внизу слѣдующая подпись: „Кнѧзѧ Стефана Васильевича Комрина 6920 года.“ слѣд. уже въ 1412 году въ рукописи недоставало первыхъ семи листовъ. Но подпись эта, по подчерку и черниламъ, кажется мнѣ подозрительною: едва ли она не произведеніе позднѣйшаго времени. Какъ бы то ни было, палеографическіе признаки заставляютъ отнести рукопись къ XIV вѣку, хотя она писана не на пергаменѣ, а на бумагѣ. Рукопись на 202 листахъ; въ ней утрачены многіе листы и между ними послѣдніе. Важнѣйшія особенности язы-

ка въ статьяхъ Паисіева сборника указаны профессоромъ Буслаевымъ въ его «Исторической хрестоматіи древнерусскаго языка». Изъ Паисіева сборника мы печатаемъ здѣсь: 1) *Слово нѣкоего христолюбца ревнителя по правой вѣрѣ*, занимающее въ рукописи об. 28 листа—35 л. и 2) *Слово святаго Григорья изобрѣтено въ толцѣхъ о томъ, како первое поганіи суще языци кланялися идоломъ и требы имъ клали*, занимающее въ рукописи л. 40—42 об. Эти же статьи мы печатаемъ по новымъ и болѣе обширнымъ спискамъ замѣчательнаго сборника, принадлежавшаго прежде библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора № 1285, а теперь находящагося въ библіотекѣ С. Петербургской Духовной Академіи. Сборникъ относится къ концу XV вѣка, писанъ въ листъ, въ два столбца, полууставомъ; всѣхъ листовъ 168. Въ немъ находится нѣсколько статей одинаковыхъ съ Паисіевымъ сборникомъ и, между ними, *слово христолюбца* и *слово св. Григорья*. Варіанты этихъ статей, представляемые Новгородскимъ спискомъ, такъ важны для изученія славянской старины, что мы печатаемъ ихъ вполнѣ рядомъ съ текстомъ ихъ по Паисіеву сборнику. Открытіемъ этихъ варіантовъ наши ученые обязаны профессору С. Петербургской Духовной Академіи И. А. Чистовичу, который указалъ мнѣ на нихъ. Печатаемъ ихъ подъ №№ II и IV.

Слово Григорія Богослова по этому новгородскому списку обильнѣе, чѣмъ другіе до сихъ поръ извѣстные списки его, указаніями на языческіе вѣрованія и обряды Славянъ. Кромѣ того окончаніе *слова* по этому списку представляетъ слѣдующее любопытное указаніе на его литературное происхожденіе: «досюдѣ могохъ написати даже несоша ны цесарю граду, а мы высѣдше изъ корабля идохомъ въ святую гору. нъ то бяше велико слово. нъ дотоудѣ написахъ.» И такъ наша статья есть только выписка изъ большаго слова Григорія Богослова и при томъ слова, сопрождавшагося толкованіемъ (изобрѣтено въ тълцѣхъ его», какъ говоритъ заглавіе). Въ самомъ дѣлѣ наиболѣе чистая изъ русско-славянскихъ редакцій статьи представляетъ довольно близкій переводъ *Слова Св. Григорія Богослова на богоявленіе господне*. Для сравненія славянскаго *слова* съ греческимъ прототипомъ мы печатаемъ ихъ рядомъ, подъ № V [1]). Но статья наша выписана на пути въ святую гору и слѣд. изъ какого-нибудь югославянскаго перевода словъ св. Григорія Богослова съ толкованіями. Въ сборникѣ Московской Синодальной Библіотеки,

[1]) Греческій текстъ предлагаемъ по изданію Миня въ Cursus patrologiae completus, series graeca, tom. 36 p. 335 sqq.

1423 года, № 307, содержащемъ въ себѣ Сербскій требникъ и номоканонъ находится на л. 417 об.—421 Сказаніе о скверныихъ богѣхъ еллінскыихъ сутже имена тѣхъ въ прѣкомь словѣ григоріа бгослова, на бгоявленіе. емоуже зачело. пакы іс мои пакы таинство.»

Въ пергаменномъ XIV вѣка спискѣ славянскаго перевода словъ св. Григорія[1]) первое слово на богоявленіе читается почти тѣми же словами, какъ и наша русская передѣлка. Для сравненія нашей статьи съ древнеславянскимъ переводомъ Григорія Богослова предлагаемъ подъ №IV рядомъ съ нею выдержки изъ послѣдняго, означая точками мѣста Слова, не находящіяся въ русской передѣлкѣ и потому опущенныя нами. Толкованія Никиты Ираклійскаго, сопровождающія слово Григорія, мы также не считаемъ за нужное печатать здѣсь, потому что они не имѣли никакого вліянія на русскую передѣлку *Слова*. Прибавимъ, что отдѣльныя толкованія Никиты Ираклійскаго на каждую главу слова въ указанной сербской редакціи значительно сокращены и измѣнены. Сербская редакція толкованій кромѣ того ограничивается только тѣмъ отрывкомъ «обширной бесѣды» Григорія, въ которомъ указываются языческія суевѣрія и въ этомъ отношеніи совершенно совпадаетъ съ объемомъ русской передѣлки *Слова*. Сербская редакція толкованій оканчивается словами; «а за иные богы кто можеть изрещіи. всякыи бо чакъ своего бога имаашe. или почитаахꙋ звѣри, ови же змїе. гады. ли лвове. же и инаа различнаа.» Этимъ замѣчаніемъ уже давался поводъ къ пополненію толкованій указаніями на славянскія суевѣрія, указаніями, которыми дорога намъ русская передѣлка и изъ которыхъ нѣкоторыя могли явиться уже у южныхъ Славянъ.

Въ той же рукописи помѣщены и слѣдующія двѣ краткія статьи, находящіяся въ связи съ печатаемыми нами памятниками: 1) на оборотѣ 33-го листа.

Вѣпро что е требокладенье идольское. еже ре стыи василии не приимаи приношенья ѿ требокладела идольска.

Не поганымъ глть их крстьяномъ. Мнози бо ѿ хртьянъ. трапезы ставлять идоломъ. и наполняютъ черпала бѣсомъ. кто соуть идоли, Се пер-

---

[1]) Рукопись Московской Синодальной Библіотеки, № 954.

вын идслъ рожаницѣ. ѡ нихже великыи прркъ исаиа гать велеглано вопиеть река. ѡ горе ставлщимъ трапезоу рожаницамъ. и исполъняющїе черпанья дѣмоном. се вси вы яко хворостъ въ огни изъгорите. и паке ре не можете ясти трапезы сотонины. и трапезы хтовы. и пакы не можете пити чашѣ сотонины. и чашѣ гни. таже ре да не разгнѣваимъ га. А се второе виламъ. и мокошѣ и да ищїе ся не на явѣ молять да отаи призывающе идоломольцѣ ваки. тоже творя не токмо хоудии люе. нъ и бгатыи моужии жены. се же есть велми злѣе иже есть прикладати трерь стыя бца. къ идольстѣи трапезѣ.....

2) На об. л. 34. Лаѡдикиискаго збора.

Еже имъ повѣда англъ. церкви Лаоудикиискыя. творимое дѣло злыми члвѣкы и глше англъ. Горе. горе члвкомъ тако творящїемъ. иже есть ненависть бгоу. и на гнѣвъ бци. иже ѿ неразоумья дѣюще. неподобное и непотребное. мнящїеся чть творящїе гжи бци. ставлщїе трапезоу кроупичьными хлѣбы. и сыры. и чрпала наполняющїе вина доброоньнаго. и творящїе трерь рождьствоу. и подавающїе дроугъ дроугоу ядять и пьють. и мнятся добро творящїе. и хвалоу тѣмъ въздающїе бачици чистии еиже есть вечьстие и хоула. виною рекше рожьства. Нѣ чсть се дѣци гжи бци. не во есть сд творимое въ славоу бгоу. и въ похвалоу бци......

Слово Григорія Богословуя напечатано кромѣ того по рукописи XVII вѣка полууставной, въ листъ, принадлежавшей Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, теперь же находящейся въ библіотекѣ С. Петербургской Духовной Академіи, № 43/1120. Въ этомъ сборникѣ найденъ мною новый списокъ *Слова о Даніилѣ Заточникѣ* (См. III томъ «Лѣтописей»).

Слова, напечатанныя подъ №№ VI, VII, VIII, заимствованы изъ рукописи, принадлежавшей библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора, № 1262, теперь находящейся въ Петербургской Духовной Академіи. Рукопись эта въ листъ, относится къ XIV вѣку, писана въ два столбца, небрежнымъ уставомъ, то на пергаменѣ, то на бумагѣ: случается, что одна статья начата на пергаменѣ и кончена на бумагѣ и наоборотъ, тѣмъ же почеркомъ. Сбор-

никъ отъ начала до конца писанъ одною рукою. Нѣкоторыя статьи вписаны два раза и притомъ не всегда въ одинаковомъ видѣ; писецъ, можетъ быть, писалъ съ разныхъ списковъ. Такъ напр., напечатанное у насъ подъ № VI *Слово о томъ, како пьрвое погании вѣровали въ идоли и требы имъ клали* и приписанное въ сборникѣ Іоанну Златоусту, повторяется въ томъ же сборникѣ на л. 93—94, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и безъ заглавія. Важнѣйшіе варіанты этой послѣдней редакціи (В) мы подвели въ выноскахъ къ № VI. Здѣсь вся первая половина *Слова* опущена и по послѣдней редакціи оно начинается словами: Послушаите гл҃мыхъ моля хощю вы оуказати извѣсто ѿ ст҃хъ книгъ. Ѥгда бо не вси гл҃мии кр҃тьѩни. крстьѩни суть. Но точью именемъ наричютсѧ кр҃тьѧни. но льстѧть сѧ нагымъ нарокомъ. Конецъ статьи въ послѣдней редакціи уходитъ, какъ и начало въ другое слово, *о знаменіяхъ втораго пришествія*. Послѣ словъ: бж҃ мира да будеть с вами читаемъ: Но да и ѡ си сло сдѣ ѿдамъ. Мало побесѣдовавъ. ѡ знамѣнинхъ сконцаниꙗ и оустану. Ссылка слова на Іоанна Златоустаго не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы отвергнуть принадлежность изложенныхъ въ словѣ суевѣрій Славянамъ: съ одной стороны подобныя ссылки были въ нашей древней литературѣ обычнымъ пріемомъ освятить важность сочиненія; съ другой, если въ произведеніяхъ Іоанна Златоуста и есть слово такого же содержанія; то наша статья представляетъ его въ видѣ совершенно измѣненномъ и принаровленномъ къ вѣрованіямъ и обрядамъ славянскимъ. Для сравненія этой статьи съ подлиннымъ словомъ Златоуста печатаемъ подъ № VII послѣднее въ славянскомъ переводѣ (по той же рукописи Софійской библіотеки № 1262). *Слово отъ св. Евангелія*, напечатанное нами подъ № VIII и помѣщенное въ описываемомъ сборникѣ на об. 29—30 л., есть очевидно русское сочиненіе. На это прежде всего указываетъ неопредѣленность и невѣрность его заглавія, потомъ то обстоятельство, что оно помѣщено вслѣдъ за статьей русскаго сочиненія, именно за извѣстнымъ поученіемъ, приписываемымъ Лукѣ Жидятѣ и напечатаннымъ въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» (I, 16) Р. Тимковскимъ. Въ Новгородскомъ сборникѣ это поученіе озаглавлено: Слово пооучение іер҃млъское и начинается словами: Се братиѥ сию заповедь пьрвѣе извѣсто должни есмы. вси крьстьѧни дьржати. вѣровати въ

единъ бг҃ъ. И такъ древнѣйшій списокъ извѣстнаго поученія, попавшійся намъ въ этомъ сборникѣ, не имѣетъ въ надписаніи имени Лу-Луки Жидяты. Но оно названо поученіемъ *іерусалимскимъ*, можетъ быть, потому что писецъ нашелъ въ его заглавіи имя Луки *Жидяты*. Возвращаясь отъ этого эпизодическаго замѣчанія къ *Слову отъ св. Евангелія*, замѣтимъ, что послѣднее извѣстно намъ по полууставному списку XVI вѣка въ сборникѣ Троицко-Сергіевой Лавры, въ 4-ку, № 784, принадлежавшемъ какому-то игумену Сильвестру. *Слово* занимаетъ здѣсь листъ 14-й и первую страницу 8-го листа (листы переплетены въ этомъ мѣстѣ ошибочно) и озаглавлено: ѡ разсꙋженїи грѣхѡвъ тѣлесны. и дшевны и ѡ постѣ. Оно помѣщено здѣсь между словами, очевидно, русскихъ сочинителей. Варіанты Троицкаго списка указаны въ выноскахъ къ № VI.

Съ вышеприведенною выпискою о рожаничной трапезѣ слѣдуетъ сравнить слѣдующую замѣтку, находящуюся въ описываемомъ Новгородскомъ сборникѣ, № 1262, на листѣ 47: Се буди всѣмъ вѣдомо ꙗко несторни іеретикъ. наоучи трѧпѣзу класти рожацную. мьнѧ бцю чл҃ко-родицю. Ст҃ниже ѡц҃и лаодикинскаго сбора. слышавше о англа. Зане бу҃ нелюботворимоіе то. и ст҃ѣи бц҃и. Писаниемь повѣлѣша не творити того. Да кто послоушае заповѣдии ст҃хъ ѡц҃ь сп҃нъ боудеть аціели кто не послушаеть ѿлученъ да боудеть.

Н. Тихонравовъ.

I.

(По рукописи Паисіова Сборника XIV вѣка.)

Сло нѣкое христолюбца. ревнителя по правої вѣре гн҃и вл.

Ꙗко Илья фесвитянинъ. заклавый ерѣи жерця. Идольския числомъ. т. И рс ревнуя поревновах по гѣ вседержители тако и сеї не могы терпѣти крстьянъ. во двоевѣрно живущии. И вѣрують в перуна. И в хорса. И в мокошь. И в сима. И в рьгла И въ вилы. Ихже число. г. ѳ. сестрѣниць. глть невѣгласи. И мня богинями. И та покладывахуть имъ теребы. И куры имъ рѣжю. И огневѣ молят. зовуще его сварожичемъ. И чесновито. бгмъ же его творя. егдаже оу кого буде пиръ. тогда же кладу въ вдра И в чаши. и пью о Идолѣхъ своїхъ. веселящи не хужьши су еретиковъ. ни жидовъ. Иже в вѣре И во крщны та твора. не токмо невѣжи но И вѣжи. попове И книжници. аще не твора того вѣжи да пьють И яда. молвеное то брашно. аще не пьють ни яда да вида дѣяния Ихъ зла. аще не видать да слышать. И не хотать ихъ поучити. о таковы бо пркъ рчть. окамене срце людиї сихъ. оушима тяжко слыша. очи свои смежиша. павелъ к римляно рс. открыется гнѣвъ бжїи с нбсѣ на все нечестье. И на неправду члвчю. скрывающимъ. Истину в неправдѣ. самъ гь рс мнози пастуси погубиша виноградъ мой. пастуси су книжници. и виногра вѣра. члвци в вѣре погибаю. лихими пастухи. оучители безумни. аще не [1] лишать проклятаго молвенья. и службы дьявола. то достойни огню негасимому. сиже оучители буду имъ подвигнета. аще Ихъ не обратать о дѣла того сотонина. глть бо пркъ о лица невѣрны. людиї приходящи ко крщнье. И оученью добрыхъ дѣ. да обратать ны. вопиющи тобе. И вѣдущи свидѣнья твоя. се же молви книжнико. павелъ рс горе члвку тому. Имже

---

[1] Не приписано сверху позднѣйшею рукою.

соблазнить миръ. рс гь іже добрѣ наоучи хто. то великъ нарстса (sic!) во цртвиі нбсмъ. павелъ рс к римланомъ. аще многи наставники імате ѿ хѣ. но не многи ѡцѣ ѿ хѣ бо ісѣ азъ вы родихъ. еуглиемъ. молюже вы са. поборници ми буди. і попове книжници будите. вы поборници павлу великому оучителю. оучите люди на добро. і ѡбращаите іхъ ѿ лсти дьявола. к вѣре істиннѣі. служити истинному бу. да і вы рсте пре бмъ пррокимъ. гламъ. се азъ и дѣти моа ѩже ми далъ еси гн. и азъ ѩ родихъ оученьемъ. того рад пьете ѩсте і дары емлете ѿ нихъ. аще ли не хощете оучи іхъ. то не примѣшаїте імъ по еугльскому слову. аще іманши око свое лукаво. то истькни е вонъ. аще ли руку то ѿсѣци ю. лучше бо ѡдинъ оудъ погибне. нежели все тѣло. не можетво погибну праведнии. про беззаконника. кое причастье хртоу [1] с бѣсомъ. тако і служащихъ бу. кое причастье къ служащимъ бѣсомъ. і оугодья дьявола творащимъ. павелъ бо коринфѣемъ рс. браи писахъ ва по сланьи не примѣшаїте. къ блудникомъ. ни к рѣзоїмцемъ. ни грабителемъ. ни корчмитомъ. і къ служащимъ. кумиромъ. но должни есте ѿ мира сего ізыти. рекше оумрети. нынѣ же писахъ ва с таковымъ ни пити ни ѩсти. но ізверзите таковаа. таковиі бо цртва бжиа не наслѣдать. ѡкаанѣ бо срце іхъ к нечистомоу пьяньству. і быша слуги кумиромъ. ѩкож бо пише сѣдоша бо люе пити і ѩсти. не в законъ но во оупоі и быша пьяни. і въсташа іграти и соблудиша со ближники своими [2] і того дни погибе іхъ. к. і. х. за свое нечистовое пьяньство. того рад не подобае кртьяномъ игръ бѣсовьскии іграти. еже есть плясанье. гуденье. пѣсни мирьскиа. і жертвы идольскиа. еже молать ѡгневѣ побиною. і вила. і мокоши. і симу. і рьглу. і перуну. і роду. і рожаницѣ. і всѣмъ тѣмъ иже сут тѣмъ подобни. сеже оученье ѩмъ вписаса на конець вѣка да не во лжю буде рекли. крещающесе ѡрицаемъ сотоны и всѣхъ дѣлъ его. и всѣхъ [3] англъ его і всего студа его. да ѡбѣщахомъ хви. да аще са ѡбѣщахом хви. то чему ему не служимъ. но бѣсомъ служи. і вса оугодья имъ творимъ. на пагубу дшамъ своімъ. не тако зло твори просто но і мѣшаемъ нѣкии чистыа матвы. со проклатымъ. моленье. идольскии. іже ставаа лише кутьа. и ины трапезы. законнаго ѡбѣда. іже нарицаеть беззаконнаа трапеза. менимаа роду і рожаница. н въ прогнѣванье бу. самъ бо гь рс не всакъ кие во цртвие мое. рекъ ми гн гн но творай волю

---

[1] Писано по оскобленному: хртоу. [2] Нѣкоторыя буквы поставлены по догадкѣ на истлѣвшихъ мѣстахъ. [3] Въ рукописи ошибкою: вкѣхъ.

ѡц҃а моего. павелъ ре҃. видѣхъ ѡбла҃. кровавъ распростертъ на҃ всемъ миро҃. І вопросихъ гл҃а ги҃ что се ѥсть. І ре҃ ми се ѥсть матка члвчкаꙗ. смѣшена с беꙁаконьѥмъ. того ра҃ ре҃ г҃ь не можетъ рабъ работа҃. в҃. ма гм҃а. ѡдиного возлюби҃ а другаго возненави҃. тако І мы бра҃ѧ возненавидимъ дьꙗво҃. а х҃а вꙁлюбим. вонѥ҃ хр҃тиꙗномъ҃. ѥго хлѣбъ ꙗмы. І чашю ѥго пье҃. очищаѥмъ ꙁдрави бываѥ҃ ѿ всѣмъ. ре слава тобѣ ѿ всѣ҃ данымъ намъ. тобою. не токмо҃ ꙁдѣ но и в будущїе вѣцѣ. ре҃ же павелъ что оубо требы кладу҃ стравы бѣсомъ. а не б҃у. не велю вамъ ѡбщиникомъ быти бѣсомъ. І не можете бо пити чаши гн҃а. І не можете бо причастити трапеꙁѣ гни. да не роꙁъгнѣваѥмъ б҃а. аще кто повѣсть ва҃. ꙗко се требно кумиро҃ не ꙗдите то҃. аще пьѥте Іли ꙗсте то все въ славу б҃у творите. гн҃ѧ бо ѥсть ꙁемлѧ І конци ѥѧ. все ми ласть ѥсть но не все на полꙁу. аще чре҃ брашно. І брашно чреву то б҃ъ праꙁни҃. ре҃ же паке҃ бра҃ѧ ѡчистимъ собе ѿ всѧкиѧ скверны. плотьскиꙗ І дш҃евныꙗ. но творѧщи ст҃ню въ страсѣ бж҃ї. всѣмъ бо намъ подобаѥть стати пре҃ судищемъ хв҃мъ. да примемъ кождо по своїмъ дѣло҃. ꙗкоже ѥсмы створи҃. Іли добро Іли ꙁло. вѣдуще оубо страхъ гнь. почто оубо не восприꙗѥмъ раꙁумна гл҃ща мы во сп҃сньѥ. очищеныꙗ очсень҃. видѣ бо ꙗко ѡбрѣтеньѥ хоще҃ быти моего сп҃сньꙗ І вашего. аще быхомъ ѡсужали. не быхомъ ѡсудими ѿ г҃а были. бра҃ѧ не велю же вамъ не вѣда҃ беседы сеѧ. но І инѣмъ будите на полꙁу хотѧщимъ сп҃стисѧ. истерьгните ѿ сѣти дьꙗвола. да приде҃ къ пречтому свѣту г҃а нашего І҃са х҃а. беꙁаконнымъ непокоривы҃. противѧщимъ ꙁдравому оучению. нечтивымъ хулѧщимъ [1] ѿц҃а І м҃трь. славы бж҃иꙗ не наслѣда҃. въ чтотѣ б҃сї а не в мудрости плотнѣї. молю вы именем б҃а нашего І҃са х҃а. хвалю б҃а моего І васъ ѿ бл҃гти бж҃ї да нѣ І ва҃ ꙗко свидѣньѥ хв҃о Іꙁвѣстисѧ в васъ. ꙗко вамъ не лиховати никоѥгоже дара. чающе пришествиꙗ г҃а нашего І҃са х҃а. Іже посадить вы во дворѣхъ жиꙁни вѣчныꙗ. со всѣми служащи҃ ѥму. всегда І н҃ы.

---

[1] Это слово въ рукописи повторено два раза.

II.

(По рукописи Новгородской Софійской Библіотеки конца XV вѣка, № 1285.)

Сеже изложено ѿ многословесны книгъ. нѣкымь христолюбьцемь. ревнителемь по правѣи вѣрѣ. на разроушение льсти непризнинѣ. на оукоръ творящимъ такова. на поучение правовѣрнымъ. и на причастье боудоущаго вѣка. послоушающимъ книгъ сихъ стыхъ. и творящихъ дѣломъ повелѣнныи въ ѡставление грѣховъ :~

Якоже илия фесвитянинъ. заклавъ иереи и жерьцѣ идольскыя. числомъ яко до трисотъ. и ре҇ ревноуя поревновахъ по гдѣ бзѣ вседержители. тако и сии не могы тьрпѣти. хрьстьянъ двовѣрно живоущи. иже соуще хрьстьяне. и вѣроують въ пероуна. и въ хърса. и въ сима. и въ рьгла. и въ мокошь. и въ вилы. ихже числомъ тридесяте сестрениць. глють ѡканьнии невѣгласи. и то все творять богы. и богынями. и тако кладоуть имъ требы. и короваи имъ ломать. коуры рѣжють. и ѡгневи молять же ся. зовоуще его сварожичьмь. и чесновитокъ. бгомъ же творять и егда боудеть оу кого пиръ. тогда кладоуть въ вѣдра. и въ чашѣ. и пьютъ веселящеся. ѡ идолѣхъ своихъ и егда же оу кого ихъ боудеть бракъ и творять съ боубнитьı. и съ сопѣльми. и съ многыми чюдесы бѣсовьскыми и иноже сего горѣе есть. оустроивше срамоту моужьскоую. и вькладывающе въ вѣдра. и въ чашѣ и пьють. и вынемьше ѡсморкывають. и ѡблизывають. и цѣлоують. не хоужьше соуть жидовъ. и еретикъ. и болгаръ. иже въ вѣрѣ и въ хрьщении соуще. а тако творять. не

токможе то творять невѣжѣ. нъ и вѣжѣ. и книжници. ащели не творять того вѣжѣ. да пьють и ядять моленое то брашно. аще ли ни пьють не ядять. да видять дѣяния та ихъ злая. аще ли не видять да слышать. и не хотять ихъ поучити. ѡ таковыхъ бо прркъ рече ѡслѣпи срдце людий сихъ. и ушима тяжко слышаша. и ѡчи свои съмѣжиша. и павелъ. къ римляномъ. рече. ѿкрыется гнѣвъ бжїи с небесе. на все бещестье. и на неправдоу члвкую. съкрывающимъ истиноу въ неправьдѣ. имьже разоумѣние бжїе. явѣ есть въ нихъ бгъ бо имъ яви. нъ си не хотять оучити. и слышь гь рече. мнози пастоуси погоубиша виноградъ мои. пастоуси соуть оучтли попове. а виноградъ вѣра. а соущее въ виноградѣ въ вѣрѣ члвци. и погыбають лихыми оучтли. безоумьными невѣгласы. да аще тако творящии. и не ѡшибоутся. проклятаго того молении. и слоужбы тоѣ дьяволѣ. то достоини боудоуть ѡгню негасимомоу. и смолѣ приснокрющии. си же оучители подиными боудоуть. аще ихъ не ѡбратять. ѿ дѣлъ тѣхъ сотониинъ. прркъ бо глеть. ѿ лица невѣжьствьныхъ людии приходящихъ въ хрьстияне. да ѡбратять ны боящиися тебе. и вѣдоущии свѣдѣнья твоя. се же молвить попомъ. ти бо вѣдять свѣдѣния бжия. а не вѣдающимъ свѣдѣния. недостоить попомъ быти. тако бо и въ заповѣдехъ глеть. аще невѣжа боудеть поставленъ попомъ. да извержется. павелъ бо рече горе томоу имьже съблазна приидеть. нъ се е пришла. и расплодилася всюдоу. и пакы рече. иже кто добрѣ научить. тъ велии наречется. аще вы кто хотѣлъ научити. да прочии невѣгласи не дадять. зависти ради. и на оубииство попоущаются. яко же на исоуса. жидовьстии архиереи. и книжьници. и пакы павелъ рече къ римляномъ. аще и многы наставникы имате ѿ хѣ. нъ немногы ѿ отцѣ. ѿ хѣ бо Ісѣ еваигльемь азъ вы родихъ. молю же вы ся подобьници ми боудете. то сѣмъ вамъ попомъ молвить павелъ моля. боудете же вы попове подобьници павлоу. великомоу оучтлю. оучите же люди на добро. и ѡбращайте ѿ льсти тоѣ дьяволѣ къ вѣрѣ истиньнѣи. слоужити единомоу бгоу. да и вы речете прс бгмъ. прркьскымь гласомъ. се азъ и дѣти и азъ родихъ оученьемь. аще ли ни то что имаши ѿвѣщати. а слышиши. емоуже боуде дано много. много ѿ него и истяжють. И пакы рече. связавше емоу роуцѣ и нозѣ. въвръзѣте лѣниваго раба. въ тьмоу кромѣшнюю. скрывшаго таланть. таланть есть оученье. а проче и нѣтье. и пьете. и ясте. и дары смлете оу нихъ. а поучити ихъ не хочете. и аще тако дѣюще есте. да не прилѣпляйтеся къ нимъ.

ни дроужьбы съ ними держите. по апⷭ҇льскомоу словоу. иже ре. аще имаши око твое лоукаво. истькни е. аще ли роукоу то отсѣци ю. лоуче бо есть да одинъ оудъ погыбнеть. неже все тѣло. не можеть бо погыбноути праведникъ. про беззаконьника. кое причастье свѣтоу къ тьмѣ. кое ли причастье христосоу съ бѣсомь. такоже и слоужащиимъ христосоу. кое причастье къ слоужащиимъ идоломъ. и оугодья дьяволомъ[1] творащиимъ. павелъ коринѳеомъ рече. кр̃с писахъ вамъ въ посланьи писаний. не примѣшатиса вамъ къ блоудьникомъ. и к лихоимьцемь. рекше къ резоимьцемь. и къ грабителемъ. и къ корьчьмитомъ. и къ идолослоужителемъ. Коеже соуть идолослоужители. то соуть идолослоужители. иже ставать трапезоу рожаницамъ. короваи молать. виламъ. и огневи. подъ овиномъ и проче ихъ проклатьство. и паки рече нынѣ писахъ вамъ. не примѣшайтеса. аще ти есть братъ такъ. ли блоудникъ. ли резоимець. ли корьчьмитъ. ли пьяница. ли слоужитель коумирескъ. с таковыми ни ясти. ни пити. изверзѣте зълаго от самѣхъ васъ. таковии бо не наслѣдать цртва бжьа. положи бо ихъ оканенью неистовное пьяньство. и быша слоугы коумиромъ. якоже пишеть. сѣдоша бо людие ясти и пити. не въ законъ. и въсташа игратъ. и съблоудиша. и томъ часѣ падоша к҃. и ,г҃. и погыбоша за свое неистовое пьяньство. того ради не подобаеть хрьстьяномъ. въ пирехъ. и на свадьбахъ. бѣсовьскыхъ игръ играти. аще ли то не бракъ нарицется. нъ идолослоужение иже есть пласка. гоудьба пѣсни бѣсовьскыя. сопѣли. боубьни. и вса жертва идольска. иже молатса. огневи. виламъ. мокошьи. симоу. рьглоу. пероуноу. хърсоу. родоу и рожаницамъ. и всѣмъ проклатымъ бгомъ ихъ. се же оучение вамъ написаса на конець вѣкъ. тѣмже мьнаиса стоати. да са не падеть. тѣмже възлюблении. бѣгайте жьртвы идольскоѣ и трѣбокладения. и всея слоужьбы идольскыя. да не въ лжю боудемь рекли крьщающеса отрицаемьса сотоны. и всѣхъ дѣлъ его и всего стоуда его. и всѣхъ агглъ его. и всѣхъ слоужебъ его. и всего стоуда его. тако же и обѣщахомса хви. да аще са обѣщахомъ хви слоужити. то чемоу не слоужимъ емоу. нъ бѣсомъ служимъ. и вса оугодья имъ творимъ на пагоубоу дши своей. не тако же простотою злѣ слоужимъ. нъ смѣшаемь съ идольской тра-

---

[1] Въ рукописи: дьякомъ.

незою трьстыя бга. съ рожаницами. въ прогнѣвание бгоу. самъ бо гь рече. не всякъ вънидеть въ црствие. река ми гн гн. нъ творай волю ѡца моего. и павелъ рече видѣхъ ѡблакъ простьртъ надо всѣмъ миромъ. и въпросихъ гла. гн что есть. и ре ми. се есть мятва чаровьска. съмѣшено съ беззаконье. того ради рс гь. не можеть рабъ ѡдинъ работати двѣма господинома. единаго възненавидить. а другаго возлюбить. тако и мы брае. дьявола възненавидимъ. а христоса възлюбим. вонь бо хрьстихомься. и его хлѣбъ ямы. и его чашю пьемь и оумирасмь и зраки бываемь ѡ немь. рекуще. слава тобѣ гн ѡ всѣмь данѣмъ намъ тобою. не токмо въ сесь вѣкъ. нъ и въ боудоущии наче. И пакы рс павелъ. что оубо трѣбы кладоуть страны бѣсомъ. не велю же вамъ ѡбѣщникомъ быти бѣсомъ. не можете бо пити чашѣ гнѣ и чашѣ бѣсъ. не можете бо причаститися трапезѣ гни и трапезѣ бѣсъ. да не разъгнѣвимъ бга. таже рече. аще кто повѣсть вамъ. яко се требьно коумиромъ. не ядите того дѣла повѣдавъшаго. аще кто повѣсть вамъ. яко се требьно коумиромъ не ядите того дѣла повѣдавъшаго. аще бо пьете. и аще ясте. все въ славоу бжию творите. гня бо есть земля. и конци ея. таже рс. всеми лѣть есть. нъ не все на пользоу. аще чрево брашноу. и брашьно чревоу. и тъ бъ да оупразнит. и пакы павелъ ре. братие ѡчистимъ себе ѿ всякыя скверны плътьныя. и дшвныя. творяще стыню въ страсѣ бжии. всѣмь бо намь подобаеть стати. пре соудищемъ христосовымъ. да прииметь кождо насъ. противоу дѣломь. яко же есмы створили. ли добро. ли зло. вѣдоуще оубо страхъ гнь. почто въспрясмь разоумно глющая. и ведоуща ны бгооумьнымъ оученьемь. въ спсенье. надѣюжеся на ваше спсенье. и на свѣдѣнье. яко не вътще глю. вѣдѣ. бо яко приѡбрѣтенье хощеть быти. вашего же и моего спсенья. аще бо быхомъ сами ся ѡсоужали. не быхомъ ѡсоужени были. соудими же ѿ гда наказании есмы. да не с ненаказаными осоужени боудемь. братье не велю вамъ не вѣдѣти бесѣды сея. нъ и инѣмь боудете на пользоу. хотящимъ поучитися въ спсение да бысте многы исторгше. ѿ сѣтий дьяволь. привели въ пречистомоу свѣтоу. гда нашего іса хса. и приимли мьзть. неже ти ѡни. нъ и вы. и к тимофею рече. вѣмь. яко добръ законъ. аще кто законь не творить. яко праведникоу законъ не лежить. беззаконьнымъ же. и непокоривымъ. и противящимся здравомоу оученью. и нечьстивымъ хоулящимъ стая писанья. и раздроушающимъ заповѣди стыхъ ѡць. славы бжия не наслѣдити. хвала си есть съвѣдѣния на-

шего. въ простыни и въ чистотѣ бж҃ии. а не въ моудрости плътьнѣи. молю же вы именемь г҃а нашего і҃съ х҃а. да то же г҃лете вси да не боудоуть въ васъ которы. да боудете свершени въ томъ же оу-мѣ. и в томже разоумѣ. возвѣсти бо ми ся ѿ васъ. и предъ вами. бл҃гть и миръ ѿ б҃га ѿц҃а. г҃а нашего і҃с х҃а. хвалю б҃а моего ѿ васъ. и ѿ бл҃гти бж҃ии данѣи вамъ. яко вамъ не лиховати никоегоже да-ра. яко свѣдѣние х҃во извѣстися въ васъ. чающе пришьствия г҃а нашего і҃с х҃а. иже посадить вы в дворѣхъ жизни вѣчныя. со всѣми оугаждьшими с҃ноу ѿ х҃в.

III.

(Изъ Паисіева Сборника.)

Сло҃ ст҃а григорья. изобрѣтено в толцѣ ѿ томъ. како первое погани суще языци. кланялися идоломъ. и требы им клали. то и ны твор҃.

Видите ѡкаянную сию скверненую службу створяемоу ѿ скверныхъ мз҃ъ. ѥлени ѡкаянии. владикыя жертвы оучеиьемъ дьволимъ. изо-ѡбрѣтено поткореньемъ темнаго веса и кощюния. златымъ кладомъ. зловѣрии имаще соуетоу истинную. служаще и кланяюще идол҃. вѣ-кое оухищрение твор҃. имже сихъ ча ѿмѣтаемъ неутиѣшыхъ жертвъ. и дѣяса службы. и кладенья трѣвъ. критьска ѡкаянаго оучите. и мамеда прокляга. срацинска жерца. ѥленьскиа любви. вукейнаго плесканья. свирѣлнаго звука. пласанья сотонина. фружьскиа слой-ница. и гусле. мусикѣискиа. ижі самара. с весать. жруще митри бѣсовьстѣи афродитѣ бгинѣ. и коруне. и артемидѣ. проклатѣи де-

мнѐсъ. і недоношеный породъ. і финиѣское безумное пьяньство почитаю҃. яко б҃а. и смеянию. требокладенье грому. і молньямъ. і вилу. іже есть былъ идолъ. нарицаемый вилъ. егоже погуби даниилъ пр҃окъ в вавилоне. фаликациже дионусии. чтуть срамныя уды. і кланяють имъ. и требы имъ кладуть. ѿ нихъ болгаре научивше. ѿ срамныхъ удъ истекшюю скверну. вкушають рекше семя вкушеньемъ ѡчищають грехи. таврьския деторезанья. идолѡ ѿ перкления. лаконьская требищьныя кро҃. просажаемыя ранами еюже мажю. екадью бг҃иню сиюже деву вменяю. і мокашь чтутъ. і малакию велми почитаю. рекущи вулкини пелепсловое темное масо. имъ насыщаю б҃и. дельфийская ворожа. или кастелино злоїство. і волшебныя пропокѣ. плоузи смраднии. халдѣиская ѥстрономиѣ. і родопочитанье і іеврaльская сны. і чары. ізвыкше. ѥфронокы скверныя басни і кощюны. митрофа мука. нарицаемая праведная. проклата̑ же ѡсирада рожень. мт҃и бо его ражлющи і того скорбша быть собе. і требы ему смлны творяху ѡкаяниї. ѿ техъ извыкоша халдеї. начаша требы имъ творити велика. роду і рожениця. порожению проклатаго б҃а ѡсира. сего же ѡсирида. скажю книги сороцииьская. яко не лениы проходомъ пройде. но смердащи. того ра̑ сороцини мню ѡходъ. і болгаре. і теркайнии холми. ѡкуду ізвыкоша еллини класти требы. атремиду. і артемиде. рекше роду і рожениџѣ. тацииже егуптане. тако і доловенъ дойде се слов. і ти начаша требы класти роду і рожаниця. преже перуна б҃а іхъ. а переже того клали требу. упире̑ і берегиня̑. по ст҃омъ крщении перуна ѿринуша. а по х҃а б҃а яша но і ноне по украинамъ молять ему проклатому б҃у перуну. і хорсу. і мокоши. і вилу. і то творя̑ ѿтаї. сего не могуть лишити. проклатаго ставленья. в. ѧ трапезы нарецимыя роду і рожаниця. велику прелесть верны̑ крстьяном. і на хулу ст҃му кр҃щнью. и на гнѣвъ б҃у. а се егуптане чтуть и требы кладу̑. нилу і ѡгневе. рекуще нилъ плодавець. і растител класо̑. ѡгнь твори̑ спорынию сушить. і зреть того ра̑ ѡкаяниї. полудени̑ чтуть. і кланяють на полъдни. ѡбратившеся. сиже повесть велика есть. но мы лености ра̑. ѿ многа мало избрахо̑. [1]

---

[1] За этимъ словомъ въ рукописи нѣтъ ни абзаца, ни заглавія, хотя начинается новая статья.

IV.

(По рукописи Новгородской Софійской Библіотеки № 1295.)

Сло҃ ст҃го григорьꙗ бгословца. изъобрѣтено въ тълцѣ. о томъ како пьрвое погани суще языци служили идоломъ и иже и нинѣ мнози творять.

Видите ли окаяньноую сию и скверьноую слоужьбоу отвращаемоую от скверьныхъ языкъ. еллини окаяньнии. сладкыя жьртвы. оусеньемь дымолемь. изъобрѣтено потворениемь тьмьнаго бѣса. и кощоунамъ злыимъ кладомы требы. зловѣрнии. имаще соустоу истиною. слоужаще кланающеся идоломъ. некое оухыщение бѣсовьско творяще. мы же сихъ уда отмьщемся. неутиныя жьртвы. дымола служений и кладения требъ. критьскаго окаяньнаго оучителя. молмеда проклятаго сратиньскаго жерца. и еллиньскыя любве. боубеньнаго плесканий. свирялнии звоуци. пласаний. сотонина. фражьскыя слоньница. и гоусли. моусикия и замара. иже бѣсятся жроуще. мтри бѣсовьстѣи. афродитѣ богыни. короунѣ.

(По Синодальной рукописи XIV вѣка, № 954.)

Слово ст҃го оц҃а нашего григорьꙗ богослова. еппа бывша назианзѣ. на ст҃ое крщние.

г҃. Єдагда вдѣ утота. законна же истѣньна. многоличными покровы полагающи. и поистоимь тельсуным посѣкающи осквернающаяся. еда на сию таину приводать еллини. иже влади мнѣвса жертвы и таины бѣсовьско изобрѣтение темно. и мысленый потворъ зла бѣса. летомь помогаемо и кощюною вадомо. имъ же бо акы истинным покланаются. акы кощюнам покрываю. . . . . .

д҃. Не дыюса се сѣмена. и крадения критьскаго мутла. аще и еллини негодую. ни кириветьстии звуци и плесци. и пласанья въ оружьи бу плачющюся. . . . .

е҃. Ни фригинская кроения и свѣрели. и корувантии еллико же о нѣкѣ удивци бѣсатся. жрущие мтри бжьстви. . . ни дѣва на въсхытаеса. . . . . .

короуна же боудеть и антихрсца
мти. и артемидѣ. проклатѣи. дио-
нисеѣ. стегнораждению. и недоно-
шеный породъ. и бгъ моужеженъ.
и фивѣиское безоумное пьяньство.
поучтають ако бга. и есмелино
трѣбокладение. громоу. и молъньи.
и вилоу. бгоу вавилоньскоумоу. его
же разби даниило пррокъ. тѣмъ же
бгмъ требоу кладоуть и творать. и
словеньскый азыкъ. вилам. и мо-
кошьи. дивѣ. пероуноу. хърсоу. ро-
доу. и рожаницн. оупиремь. и бере-
гынамъ. и переплоутоу. и верьтаче-
са пьють емоу въ розѣхъ. и огневи
сварожицю молатса. и навьмь. мъвь
творать. и въ тестѣ мосты дѣла-
ють. и колодазѣ. и ина многаа
же оу тѣхъ. фалликады. и въ образѣ
створены. и кланаютса имъ. и
требы имъ кладоуть. словѣне же.
на свадьбахъ въкладывающе срамо-
тоу. и чесновиткъ въ вѣдра. пьють.
ѿ ѳиюфильскихъ же. и ѿ аракить-
скыхъ писаний. наоучьшеса бол-
гаре. отъ срамныхъ оудъ. истѣ-
кающюю скверноу въкоушають. и
соуть всѣхъ азыкъ сквернѣише и
проклатѣише. таврьскаа. дѣто-
рѣзаньа. иже ѿ пьрвенѣць. ла-
коньскаа. трьбищнаа кровь. про-
славлѣнаа раними то ихъ спи-
тсмьа. и тою мажють ѥзатию. бо-
гыню. сию же двоу творать. и
мокошь чтоуть. и вилоу. и мала-
кыа иже ѥсть роучьныи блоудъ.
пелопово. тѣмное масотворьѥ иже
масыщае бгы твора ѥ алъчьны.

ѕ. Дионис стегнораждению не-
доношеный породъ. аки иногда гла.
въ перкѣю. и въ мужженъ. и аинъ
пьяны. и кои. ослабѣвшеї. фи-
вѣиско безумьство сего чта. и
есмелино трѣсковеніе кланаємо.

ζ. И афродиты блудныа оуды
таинъ. пѣна иже скверньнѣ. ако
же ти глю. и бывшии чтомѣ ни
фаллїкаци. ни ифуфали срамнии об-
разы и дѣлы.

н. Ни таврьскаа чюжегубленьа.
и лаконьскы брадвющии. требищ-
наа кровь. проусславна ранами. ти
ее тоучьа зла кропащиса, имь
же чтетса бгыни. и сниже. два.
тиже бо и малакию чтоша. и бу-
ѥсть поутоша.

ѳ. Кдѣ ли положиши пелопово
масотворениѥ. алчьны бгы на-

ли трипода. дьлфическаго. корожа. и розглаголаниꙗ писаниꙗ въ книгахъ. анкалоунстово злоинство. чьтоуть ꙗко бга. и еллиньское волхвованиe и волшебноую проповѣдь. и на оузи сирадьнии. ѿ нихъ же никыиже ꙗзыкъ гоньзноулъ. и халдѣйскаꙗ астрономиꙗ. и родопочитаниe. иже есть мартолои. и фражьскыꙗ сны. и чары и оусраут. и къшь. еорѣноки. скверьныꙗ басни иже и вездѣ соуть. и коцнины. митрооа. моука парицаемаꙗ праксдиꙗ. проклатаго же ѡсирида. рожение. мати бо его ражающи ѡказися. и того створиша бгмъ. и требы емоу скавы творахоу ѡканьнии. и ѿ тѣхъ изоукоша древле халдѣи. и начаша требы творити своимъ бгомъ. родоу. и рожаницѣ. по того рожению. проклатаго. и скверьнаго бга ихъ. ѡсирида того же ѡсирида скажеть книга лъживаꙗ и скверьнаꙗ. сраунньскаго жьрца. молиеда. и бохинта проклатаго. ꙗко неслѣпымъ проходомъ проиде. рожаися. того ради и бгмъ его нарекоша. ѿтолѣ начаша мити гоузницѣ. срацини. и болгаре. и търкмени. и ѡлико ихъ есть въ вѣрѣ той. и ѡмытье то въливають въ ротъ. ѿтоуда же начаша елини. ставити трапезоу. родоу и рожаницамъ. таже египтане. таже римлане. даже и до словенъ доиде. се же словени начали трапезоу ставити. родоу. и рожа-

стѧщаꙗ. . . . . и волхвованьꙗ. или трипода делфическаго предидраныꙗ или касталиино вражное питье. . . . . . .

лг. Ни волшьскаꙗ требиаꙗ проповѣдь пропорка и халдѣйскаꙗ астрономиꙗ. и родоутснье. несьскы шествие клюучимо наше. . . .

кг. И сфраческыꙗ мнимыꙗ тайны чтыꙗ . . . ни орфѣевы требы и тайны. . . . .

гг. Ни мифрова мука праксдниꙗ. . . . . ни осиридово драньꙗ другаꙗ напасть. . . .

виламъ. неже не роучиа бга ихъ. а преже того клали требы оупирем и берегынамъ. по стѣмь крщении. пероуна ѿринуша. а по хѣ гѣ бѕѣ имяся. нъ и ныне по оукраинамъ ихъ молятся проклятомоу бгоу ихъ пероуноу хърсоу. и мокоши. и виламъ. нъ то творять акы ѿтаи. сего же не могоутся лишити. наусише въ погыбельствѣ. даже и доселѣ. проклятаго того ставлениа. вторыя трапезы родоу и рожаницамъ. на прелесть вѣрнымъ хртьяномъ. и на хоулоу стомоу крщению. и на гнѣвъ бгоу по стѣмь крщении усерскоу работи попове оуставиша тропарь прикладати. ржтва бци. къ рожаничьнѣ трапезѣ ѿклады дѣюче. таковии нарицаются варьмогоузьци а не раби бжьи. и недѣли днь и кланаются написавше женоу. въ уѣлуьскъ ѡбразъ тварь. инии же и се и сице творяще требы кладоуть. виломъ. рѣцѣ. и ѡгневи. рекоуще. иилъ плододавецъ бгъ. и раститель класомъ. а ѡгнь бгъ егда сънее жито. тогда спорынию творить. того ради ѡкаиньнии. полоудние уговуть. и кланяются на полъдне ѡбратившее. досюда беседа си бысть. доселѣ могохъ написати. даже несоша ны прю гѹ. а мы вьсѣдше исъ корабля. идохомъ въ стоую гороу. нъ то бяше велико слово нъ доходѣ написахъ :~

ді. Ни еликоже инаа утьии ку…
дать плододавца. якоже хвала…
ти и доброгласна.

(Изъ рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, нынѣ Петербургской Духовной Академіи. № 12/1120)

Сло̑ с҃тго григорїа бг҃ослова. изъобрѣтено к то̑ци его. о то̑ како первое поганїи ꙗзыци кланалисѧ идоло̑ и трекы и приносили. и и нн҃ѣ то творатъ многї.

Бытели окаанноую сию и скверноую слоужбоу. створаемоу ѿ скверны̑ ꙗзыкъ. еллини окааннїи. бладныѧ жертвы. оученїе дїаволи изобрѣтено потворенїемъ темнаго вѣса. и корысти злы кладомы требы. злосьвѣрнїи мнѧще соуетоу истиною. слоуще и кланающесѧ идоло̑. нѣкое оуунщренїе бѣсовское творѧще. мы же чада ѡмещемсѧ неотгибны жрътвъ. днѣка слоужила и кладенїа трекъ. крискаго оучтла окаанного. и мамеда проклѧтаго срачинскаго жерца. еллинскїа лескы. коукеинаго плесканїа скврѣнїи

ΛΟΓΟΣ ΙΖ΄.

Εἰς τὰ ἅγια Φῶτα.

Γ΄. Μή τις τοιαύτη κάθαρσις νομικὴ καὶ σκιώδης, προσκαίροις ῥαντίσμασιν ὠφελοῦσα, καὶ σποδῷ δαμάλεως ῥαντίζουσα τοὺν κεκοινωμένους; μή τι τοιοῦτο μυσταγωγοῦσιν Ἕλληνες; ὧν λῆρος ἐμοὶ πᾶσα τελετὴ καὶ μυστήριον, δαιμόνων εὕρημα σκοτεινὸν, καὶ διανοίας ἀνάπλασμα κακοδαίμονος, χρόνῳ βοηθούμενον, καὶ μύθῳ κλεπτόμενον. Ἃ γὰρ ὡς ἀληθῆ προσκυνοῦσιν, ὡς μυθικὰ συγκαλύπτουσιν....

Δ΄. Οὐ Διὸς ταῦτα γοναὶ καὶ κλοπαὶ, τοῦ Κρητῶν τυράννου, κἂν Ἕλληνες ἀπαρέσκωνται. οὐδὲ Κουρήτων ἦχοι, καὶ κρότοι, καὶ ὀρχήσεις ἔνοπλοι, Θεοῦ κλαίοντος ἠχὴν συγκαλύπτουσαι, ἵνα πατέρα λάθῃ μισότεκνον. —

звоуци. плясанія сатанина. фраскія слонница. и гоусли моусикія. и замара. иже вѣсятся жроуще мятерн вѣсовстѣи афронитѣ. и богини короунѣ и артемидѣ и проклатѣи діомисія. стегноражению. и недоношенныи пордъ. и богомоуженъ, и финѣискее безоуміе піянственое почитаю яко бга. и сьмелино трезокладеніе громоу и молніа и биламъ. и е бы идолъ билъ нарицае. егоже погоуби даниилъ пррокъ в бавилонѣ. фаликаціиже ифлаоули чтоу срамныя оуды и кланяются и. и требы и кладоуть. ѿ ниже писаніи болгаре наоучишеся. ѿ срамны оудъ истекшую скверноу вкоушають. рекоуще яко тѣмъ вкоушеніемь очищаются грѣси. тавьрская дѣвi орѣзаніа идолѡ. иже ѿ пербенець. лакоиская требищнаа кровь просажлѣма ранами. ею мажоуть екадию богиню. сию двоу мѣнѧ. и мокошь чтоу и малакию. и килоу бѣлми почитають, рекоуще бѣякини. нелепобо темное мясотворение. имже насыщая идолы творя и боги. ли триподя. афлическаго борожа. ли касталино залоиство. и волхвованіе и бѣшеная проповѣдь. и наоузи смрадніи и халдѣиская острономіа. и родопочитаніа.

οὐδὲ Φρυγῶν ἐκτομαί, καὶ αὐλοί, καὶ Κορύβαντες, καὶ ὅσα περὶ τὴν Ῥέαν ἄνθρωποι μαίνονται, τελοῦντες τῇ μητρὶ τῶν θεῶν, καὶ τελούμενοι, ὅσα τῇ μητρὶ τῶν τοιούτων εἰκὸς οὐδὲ κόρη τις ἡμῖν ἁρπάζεται, καὶ Δημήτηρ πλανᾶται.

Οὐδὲ Διόνυσος ταῦτα καὶ μηρὸς ὠδίνων ἀτελὲς κύημα, ὥσπερ ἄλλο τι κεφαλὴ πρότερον. καὶ Θεὸς ἀνδρόγονος, καὶ χορὸς μεθυόντων, καὶ στρατὸν ἔκλυτος, καὶ Θηβαίων ἄνοια τοῦτον τιμῶσα, καὶ Σεμέλης κεραυνὸς προσκυνούμενος. Οὐδὲ Ἀφροδίτης πορνικὰ μυστήρια, τῆς αἰσχρῶς, ὡς αὐτοὶ λέγουσι καὶ γεννωμένης καὶ πρωμένης. Οὐδὲ Φαλλοί τινες καὶ Ἰθύφαλλοι, αἰσχροὶ καὶ τοῖς σχήμασι καὶ τοῖς πράγμασιν. οὐδὲ Ταύρων ξενοκτονίαι, καὶ λακωνικῶν ἐφήβων ἐπιβώμιον αἷμα, ξαινομένων ταῖς μάστιξι, καὶ τοῦτο μόνον κακῶς ἀνδριζομένων, οἷς τιμᾶται θεά, καὶ ταῦτα παρθένος. Ὧι γὰρ αὐτοὶ καὶ μαλακίαν ἐτίμησαν καὶ θρασύτητα ἐσεβάσθησαν.

Ε. Ποῦ δὲ θήσεις τὴν Πέ-

и фрачьскыя сны, и чары и оустрача и кашь, ефрѣновы скверныя басни, и кощоуны. митроля моука. нарицаемая праведна. проклятаго осирида рожение. мти бо его ражающи и оказися. и того сотвориша богомъ. и требы емоу силны творяхоу оканнии. ѿ тѣхже дрекле извыкше халдѣи. начаша требы творити велики родоу и роженицамъ. по рожению проклятаго и скверного ба осирида. того осирида скажеть книга срацинскаа. яко нетѣломъ проходомъ прошде смердяче. того ради срацини мыють оудъ и болгаре и търкмени. и комани. ѿнеудоу извыкоша еллини класти требы. родоу и роженицамъ. таче египтяне даже и до словенъ доиде. се словени начаша требы класти, родоу и роженицамъ, преже перуна бога ихъ. и преже того требы клали оупиремъ и берегинямъ. по стомже крщении перуна отриноуша. а по ха ба яшеся. но и нынѣ по оукраинамъ молятся емоу. проклятомоу богоу перуноу. хорсоу мокоши. вилом и то творять отаи. сего не могоуть ся лишити. проклятаго ставления вторыя трапезы. нареченныя родоу и роженицамъ, на велкоу прелесть вѣрнымъ хрстианомъ. и на хоулоу стмоу крщению

λοπος κρεουργίαν, πεινῶντας θεοὺς ἑστιῶσαν, καὶ φιλοξενίαν πικρὰν καὶ ἀπάνθρωπον; ποῦ δὲ Ἑκάτης τὰ φοβερὰ καὶ σκοτεινὰ φάσματα.... ἢ τρίποδος Δελφικοῦ σοφίσματα, ἢ Κασταλίας μαντικὸν πόμα.

Τοῦτο μόνον οὐ μαντευσάμενα, τὴν ἑαυτῶν σιωπήν. οὐδὲ Μάγων θυτικὴ καὶ πρόγνωσις ἔντομος· καὶ Χαλδαίων ἀστρονομία καὶ γενεθλιαλογία, τῇ τῶν οὐρανίων κινήσει συμφέρουσα τὰ ἡμέτερα, τῶν μηδὲ ἑαυτοὺς ὅ τί ποτε εἰσίν, ἢ ἔσονται, γνῶναι δυναμένων. οὐδὲ Θρακῶν ὄργια ταῦτα, παρ᾽ ὧν καὶ τὸ θρησκεύειν, ὡς λόγος. οὐδὲ Ὀρφέως τελεταὶ καὶ μυστήρια.... οὐδὲ Μίθρου κόλασις ἔνδικος, κατὰ τῶν μνεῖσθαι τὰ τοιαῦτα ἀνεχομένων. οὐδὲ Ὀσίριδος σπαραγμοί, ἄλλη συμφορὰ τιμωμένη παρὰ Αἰγυπτίοις.

и на гнѣвъ бо҃у. Пакы и еще и се египтяне чтѫ и требы кладоу. нилу рѣцѣ и огневи. рекоуще нила плододавець. и раститель класо҃. а огнь творѧ рекуще. спорынию сѫща его зрѣ҃е. того ради оканнии чтоу полоучние и кланѧютсѧ на пдѣнь обратившесѧ. Ое поко҃ велика е҃. мы лѣности ра҃ мало напнсахо҃.

.... οὐδ᾽ ἔσα τὸν Νεῖλον ταῖς τιμαῖς καθυβρίζουσι, τὸν καρποδότην, ὡς ἀνυμνοῦσιν αὐτὰ καὶ εὔσταχυν, καὶ μετροῦντα τὴν εὐδαιμονίαν τοῖς πήχεσιν.

VI.

Слово ѿ с҃го свѧтаго евангелиꙗ.

И пакы рече г҃ь. Аще хощеши помолитисѧ о҃цю твоему въ тайнѣ. И о҃ць твои видѧ тѧ в тайнѣ молѧщасѧ въздасть тобѣ явѣ предъ ангелы свои и предъ всеми с҃тыми. Чтоже есть в тайнѣ. Иже кто каютсѧ д҃шевныхъ грѣховъ и телесныхъ. И епитемью. дьржить. поститься не исхода не поста. до исхода д҃ша своеа. и м҃тву емлють. егда д҃ша не телеси исходити начнѣть. Тѣлесни бо грѣси инаци и д҃шевни инаци. такоже и постъ инакъ д҃шевныи. а инакъ телесныи. тѣлесныи бо грѣхъ телесьскы. а д҃шевныи д҃шевьскъ. Тѣлесныи постъ постившесѧ тажс [1] ясти. а д҃шевнаго поста николиже [2] престати. Но о҃ли къ будущемь вѣче ѡпочинути. Тѣлеснииже суть грѣси. оубиниства. блуди. чародѣиства. Потвори. волшьба [3]. наоужи [4]. идоло-

---

[1] да. [2] николиже не. [3] [4] Этихъ словъ нѣтъ.

служение [1]. требы идоломъ бесомъ. по мьзде [2] лихоимание. еже есть всему злу [3] пиянство. и всего [4] нужно писати. А се душевнии грѣси. хула. злии помышли. ереси. злопоминание. зависть клевета ненависть [5]. прозорьство оунынне Фуление. несоупование еже нъ у. иновѣрье еже чюжю вѣру хвалити. и примѣшатися къ инои вѣрѣ [6] лгати. не право глати. рокоты дѣяти облыговати правыя и кляися. и нихто клатвы доводити и ротѣ водити. и къ инои вѣрѣ поганои [7] приступати. и по кривѣмь прю дѣяти. и оучитися острономии [8]. и вѣровати в мечтание [9]. и въ лживая писания. и въ еллиньскыя книгы [10] въ баснотворья. и въ оустрашю [11] и в мокошь [12]. въ сносудець [13]. птичии чарове. Въ громникъ. и в колядникъ. и въ весь мартолои проклатыи. и иже творять злы дни и часы. да будеть перстъ [14] и нужа велика писати. Да тѣхъ грѣховъ не вси блюдутся. ни за то епитемиа приимуть [15]. тѣмьже не вси спасуться но избраннии. иже то суть избраннии. Покорливии. послушливии. ти бо волю бию дѣють. а своихъ воль отмѣтавшеся и бию дѣють. Ти суть раби бжии. и бо реце иже суть дхмь [16] водими. то суть снве бии. Се же мало написахомъ. о тѣлеснихъ грѣсѣхъ и о душевныхъ. нужа бо есть много писати да сами паки расъсмотрите.

---

[1] идоломоленіе. [2] и потомъ великое злое. [3] иже е всемъ злоу мт. а драгаа матица всемъ зла піяньство. [4] всего того. [5] Этого слова нѣтъ. [6] ко иновѣрию [7] и к оной вѣре иногаиной. [8] острологы. [9] Ошибочно в мечтаніа. [10] кощюны и баснотвореніе. въ стрѣчю и вуеж [11] Этого слова нѣтъ. [12] и въ сновидѣніе и въ громникъ и в колядникъ и въ птичь грай и весь мартолои проклятыи. [13] да будут проклати. [14] дръжатъ и пріемлю. [15] За тѣмъ прибавлено: бжіимъ.

VII.

(По рукописи Новгородскаго Софійскаго собора, № 1262.)

Сло҃ ст҃го оц҃а нашего. Iѡ҃ златоустаго. Архиеп҃па костѧнтина града. о томь како пьрвое погании вѣровали въ идолы. И требы имъ клали. И имена имъ нарекали. ѧже и нынѣ мнози тако творѧть. и въ кр҃тьяньствѣ. соуще. а не вѣдають что есть кр҃тьѧньство.

Ап҃лъ павелъ ре҃ ныже разумѣвше б҃а. а не акы г҃а прославиша. и похвалиша҃ и истощиша҃ в помышлѣхъ своихъ. и ѿтемне несмышленое ср҃дце ихъ. и почтоша и служиша твари паче творца. сего ради предасть а б҃ъ въ стр҃ти нечт҃иа. Жены бо ихъ все премениша. вѣщное трѣбованне не въ вѣщное. Такоже и мужи ихъ разгордѣвшеся. на блудъ похотениемъ своимъ. Мужи с мужи студъ съдѣвающе. злаа дѣла творяще. Яко тако дѣюще достоини суть смр҃ти. Не точию то творять сами. Но и волю дають творящимъ. тако рекше попове дѣють. повинующеся имъ. и не хотяще ихъ поучити. Молчанием заградиша оуста своя. На пагубу малоумнымъ. оугодила имъ творять. чреву работають а не бо҃у. якоже и ап҃лъ г҃ть. ныже б҃ъ чрево и слава. въ студѣ лица ихъ. Како станете оу пр҃тла б҃иа дрождгаеми воняюще и трясущеся яки клинъ. и г҃ь рече. Горе вамъ вожевѣ слепии. яко ѿбходите море и землю. И творити и единого пришельца с҃на дьбри ѿгнѣнѣи сугубѣиша васъ. Горе вамъ вожевѣ слѣпии. ни сами въходите но и хотящимъ внити не даете. Ч҃лвци забывше страха б҃иа небрежениемъ и кри҃вина ѿвѣргоша҃. и приступиша къ идоломъ. и начаша жрети молнии и грому. и сл҃нцю и лунѣ. А друзии перену. хоур-

су. виламъ и мокоши. оупиремъ и берегынямъ. иже нарицають три ѳ҃. сестриниць. а инии въ сварожитця вѣроують. и въ артемиду. ниже невеглашии чл҃ци молятся. и куры имъ режють. Ѡ оубогая курята. ѡже не на ч҃ть ст҃ымъ породишя҃. ни на ч҃ть вѣрнымъ чл҃комъ. Но на жертву идоломъ режються. и то блоутивше сами ядать. И нѣции въ водя҃ потапляеми соуть. А друзии къ кладязѣмъ приходяще молят҃. и въ воду мечють веляру жертву приносяще. А друзии ѡгнѣви и камению и рѣкамъ. и источникомъ. и берегынямъ. и въ древа. не токможе преже в поганьствѣ. Но мнози и нынѣ то творя҃. А кр҃тьяны ся нарицающе. мосты. и проскѣты. и бдѣлникы. и чересъ ѡгнь скачють. инаще кр҃тьяны а поганьская дѣла творять. навѣмъ мовь творять. и попелъ посреде сыплють. и проповедающе мя҃ и молоко. и масла и яица. и вся потребная бѣсомъ. и на пець и льюще въ бани. мытися имъ веля҃. Чехолъ и оуброусъ вѣшающе въ мовници. Бѣсиже злоучению ихъ смѣющеся. поропрьщются к попелу тому. и следъ свои показають на прольщение имъ. Ониже видѣвше то ѿходять. поведающе другъ другоу. и то все провѣдание сами ядать и пию҃. ихже недостой҃ ни псо҃ ясти. О зляя диявола прелесть. иже ни погании того не творять. А друзии вѣрують въ стрибо҃ дажьбо҃. и переплоута. иже вертаучеся ему пьють в розѣхъ. забывше Бг҃а створившаго нбо и землю. моря и рекы и источникы. и тако веселящеся ѿ идолѣхъ своихъ. Не помняще слова реченаго сл҃нце сияеть на грѣшныя и на праведныя. дождь дождить на праведныя и неправедныя. и давшаго намъ всяко ѡбилие ѿ плодъ земныхъ. Мыже ѡставивше животодавця Бг҃а. А къ диаволу бежимъ. иже не хощеть никомуже сп҃ния. но съ собою хощеть въ дно адово вовести. Ап҃лъ рече собираеши себе гнѣвъ въ днь гнѣва явления праведнаго суда Бж҃ия. иже ѿдасть комоуждо по деломъ его. якоже нелинъ златооустыи рече. Послушаите гл҃ныхъ кр҃тьяни. Но токмо именемь нарицаются кр҃тчани. то лестаться нагымъ нарокомъ. Словомь во и слытьемъ [1] мнози суть [2] кр҃тьяни. а ѡбразомь [3] мало ихъ. Образомьже яки и оучники Хви. а дѣломь предатели [4]. Словѣсемь богоазники. а дѣломь [5] нечтиви. Словѣсемь мудри а ѡбразомь сами. Нарокомь кр҃тьяни а деломь [6] страньници. Съсмѣси-

---

[1] Этихъ словъ въ спискѣ В нѣтъ. [2] Нѣтъ. [3] За тѣмъ: зѣло мало бо ихъ есть. [4] Словомъ же яко христосови оучн҃ци. а ѡбразомь предатели. [5] образомь. [6] делестя.

шабося съ странами [1] и навыкоша дѣла ихъ. По истинѣ въ насъ ся скончя прртко [2]. Каци бо суть крстьяне. а послушающе. кощюнъ сланскы. и басний жидовьски. и рѧтко [3] к почитании звѣздьныхъ. и птиця гласа. и чаровъ. и волхвований. и зазопина дйни. и лѣтъ и сковъ. и [4] надъ источникы свѣщя вжагающя. и поширьскую жертву ядать [5]. и кровь и удавленину. и звѣрсмъ оядено. и птицами оугнѣтоно. Многа нна подобиаа симъ. како крстьяни нарещися имоуть. а сице творяще. Ктьлаи дързновенисмь. смѣють нарнчати крстьяни. Каколи смѣють въ стыхъ таина прити. а горше суще сланъ. Послушаите бо паки. наци убо крстьяни. а поганыхъ образъ носяще [6]. и прокужлюще лице [7]. или погляшсина или плясаниа. Или пасскании роуку сотонинноу. или оутварь женьскую на мужехъ си творяще [8]. И нѣ имъ никосяже ползы нарнчатися крстьяномъ. Якоже бо дѣвця донележе хранить двтво. то по истинѣ вязвасться и есть. аще ли прельститься къмъ плотьнымъ. и двтво погубить. то нѣ оуже дѣвця. тако и нарнчасмыи крстьяниномъ. Аще заповѣдь преступить. и обѣсть попрсть а соулнгльское слово. Отвержеть. а поганыхъ дѣла дѣлати научисть. никакоже оуспѣхъ нарнчатися крстьянимоу. Якоже и выше рекохомъ. Разумѣите же вси възлюбленни. Яко малыми словесы всѣхъ сихъ отвѣргохомся глще. Отвѣтасмся сотоны. и всѣхъ дѣлъ его. и рс же при всѣхъ да помышлн что всѣхъ дѣлъ его да блюди и помышлй кому ся обеща. ни англу земному. ни црю. ни кнзю вѣка сего. Но црю црткоующимъ. и кнзю кнзьствоующимъ томуже ся и обещя и исповѣдя предъ многыми послухы. да оуже в руку его ты и словеса твоя. Или к томоуждн его приходящя съ небеси ждешп сго. несущя написаныя книгы твоя. ныже поучсти есть предъ англы и чнкы. Тѣмже брате схранися поне нынѣ от поганыхъ странъ писания. Послушаите апла глщя. се же гла о послушаю. не ходити вамъ еще. якоже и другыя страны ходать. в пустоши оума своего. отъмнѣвше разоумомь. а вы не тако навыкосте. Но разумѣите хсмь глма възлюбленни. не смѣшаитеся. с дѣющими тако. Многи оучи·

---

[1] Прибавлено: рекъше съ еретикы. [2] За тѣмъ: Каци бо крстьяни а поганыхъ дѣла творяще. Каци бо крстьяни и еретицькыхъ оучении послушающе. и жидовьскыхъ, и сланьскы басе.... (за тѣмъ отодрано). [3] за тѣмъ отодрано и уже послѣ идетъ: и звѣздочстие. И глющю зазопиня дйни. [4] За тѣмъ: птиць гла. [5] ядуще. [6] образы творяще. [7] Лиця. [8] Ти творящимъ то нѣ.

тели изгыбели. и еще оумножитися имуть. Но блюдитеся яко дн҇ье злии соуть. и времѧ слуги си избирають. Но не поучюдися аще и пастуши волци боудуть. Къ еп҇смъ бо и попо҇ бесѣдуя ап҇лъ павелъ гл҇ше. Яко ѿ самѣхъ васъ въстати имуть мужи гл҇ще развращениꙗ. Тѣмже да не льстить васъ никтоже. извну имыи ѡбразъ анг҇лкыи. а изнутрь диавольскии. Тѣмже и г҇ь гл҇ше блюдитеся да никтоже васъ не прельстить. И азъ тоже гл҇ю да никтоже васъ не прельстить. ни ѿ внѣшнихъ ни ѿ оутрьнихъ. ни еп҇пъ ни попъ. и ни дьако҇ ни дья҇. ни малгиостанинъ [1] ни инъ. аще кто боудеть гл҇ли развращениꙗ. Иже приходять к вамъ въ ѡдежахъ ѡвчахъ. Изъ оутрьже суть волци грабители. иже имуть ѡбразъ бл҇гоуч҇ья а силы и его ѿмѣщются. да вы любимии не прельститеся. Но якоже и приясте г҇а нашего і҇а х҇са. в томьже и ходите и б҇ъ мира да будеть с вами. ами҇ [2].

VIII.

(Изъ той же рукописи.)

Сло҇ ст҇го оц҇а наше҇ іѡ҇ злау҇ст҇а.

Слышите оубо многи суть слытьсмь кр҇тьмии. а ѡбычаемъ и делы якы погании невѣрнии. Навыкоша бо елиньскы дѣяти. Ѻня҇ бо скончася вкр҇утко. Како есте вѣрнии. Ѻбыкше кощюны и елиньскыя басни жидовьскыя. и оуродословья и глумление на оулицахъ. и на беседахъ радя. Чары же и волхвование и снове и крокиадение и дакасинны. Иная неподобная многа дѣюще. Како кр҇тьяни есте аще си творите. и како ст҇ыя таины смѣете приимати. а горша будуще еллинъ. Повыкосте бо поганьская дѣла творити. пласание плескание. руку со-

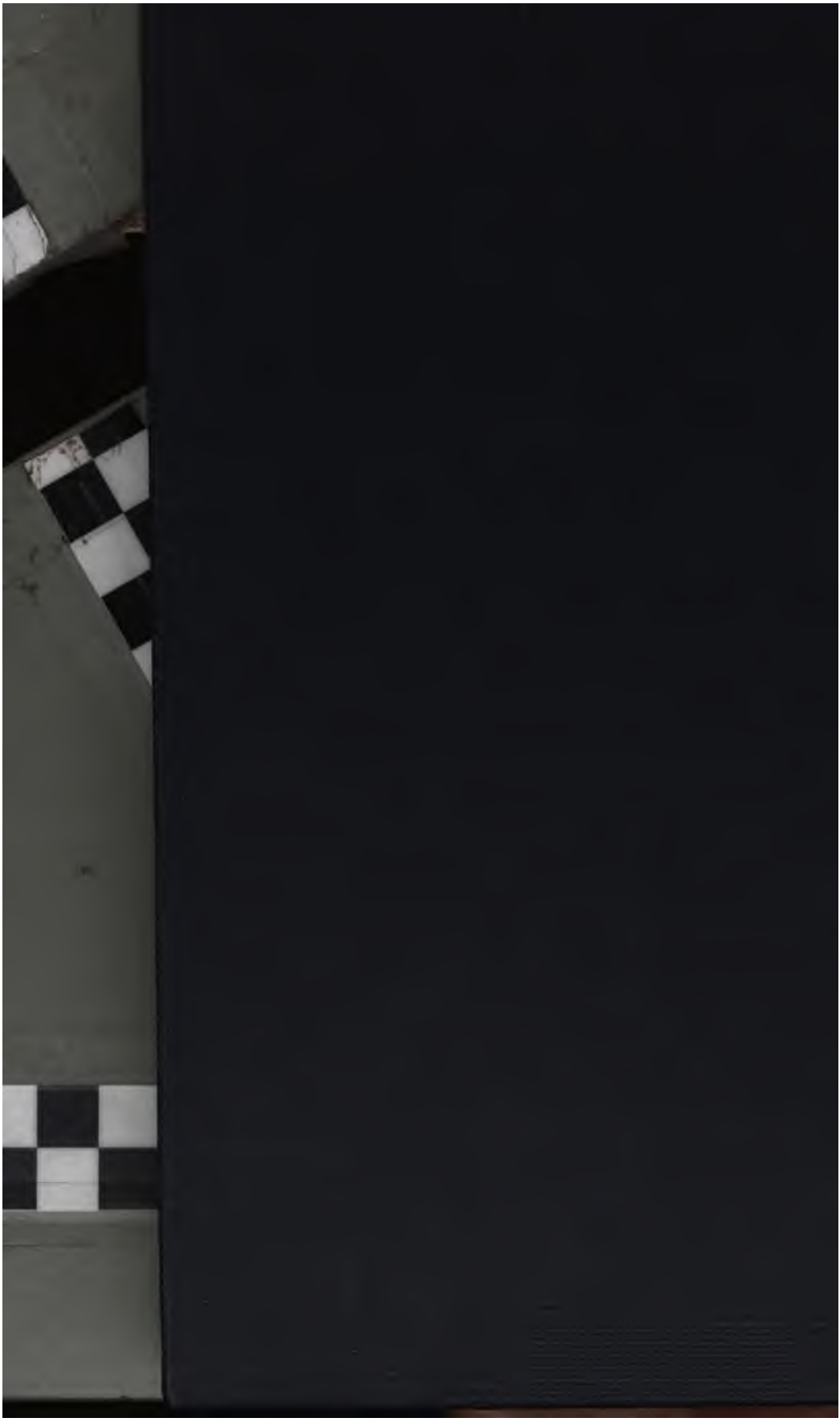
---

[1] ни на агиосъ. [2] Ами҇ нѣтъ.

тоникꙋ. пѣсни. пианьство. блудна. гнѣвъ. зависть. и иная же нѣ̑ яже ни глати ихъ злѣ. творяи бо сиа како крстьяни есте. А горее невѣрныхъ. Ѿ братие аще вѣрни есте. то не сиѣшаитеся с тако дѣющими. Апл̑ъ бо павелъ в посланиихъ своихъ тако написа. съ таковыми ни ясти ни пити. да не приѡбещници имъ будете. Мнози бо суть оучаще злу. еще боле ся оумножать. Но блюдитеся яко днье зли суть. и время слуги си избирають. Но не чюдися аще и пастуши волци боудуть. Къ стлемъ бо ап̑лъ павелъ гл̑аше. Яко ѿ самѣхъ васъ будуть нечини на погыбель оучаще. И гь̃ гл̑а блюдитеся да никтоже ва̑ да не прельстить не въследуите злымъ. Многи бо вѣрнии творятся а не вѣдають что есть крстьянство. како есть въ вѣрѣ и въ законѣ вззаконено. Но вижю оубо не оучила токмо невѣстокы что и не разумны но и старыя. Ѿ нихже вѣлми тужю. Егда на беседахъ и на оулицахъ града. Вижю мужа ѿ сединъ чт̑ил. а зала и неподобная вѣстующа. Или на позоры или въ пиръ дѣти съ собою влекуща. Ѿ вѣрнии како ся на погыбель деете. Скверно бо се и зло. Ѿць свои чада ведеть на зло дѣло. А крстьяномъ бы подобно закону бж̃ию своя дѣти оучити. а не пагубѣ. Аще же кто въспросить бесстудныхъ тѣхъ старець. Како прр̃ци и ап̑ли пожили. и колико апл̑ъ и прр̃къ. Не вѣдать оубо и не оумѣють ѿ томь что рещи. Аще ли ѿ конѣхъ или о птичахъ. Или ѿ иномъ ѿ чемь. То философи хутрещи. Еще же и се гл̃ть. Въ глумлении нѣ грѣха. Ѿ члв̃че далъ ти бъ̃ пожити время. да смоу оугодиши и волю его створиши и правду дѣаи. А ты же на пианьство и на блудню. и на вся зала вдався. Яже и ненависти бу̃. Ѿ вѣрнии како ся погыбель днесь деете. Рчеть бо к вамъ бъ̃. Почто в пустошь время свое иждиша. Но ученье не винилесте сто. Но не се ли есть въ вл̑. Аще гдѣ учение слово продолжать. то мнози аки оу некоего зла с нужею предъстоять. Або будеть на беседѣ града. или на оулици или на игрищи. то ту пребудете и доле. А будеть пити то и нощи не спать. пагубная дѣаи. Како вы крстьяни есте. а се творяще. А горее поганыхъ. Сотонино бо замышление. тои бо и позоры наоучилъ есть. смѣхотворца. и кощюньники. и игрьца. Да тыхъ злыми дѣлы и зрящая ихъ погоубить. Како бо позорующая не тоеже ли творять. Аще пустошникъ глумася что изореуть. Тогда сии боле насмѣються. Егоже бы дела злословнаго кощюньника биюще ѿгнати. Но сии зраще чюдатся. ти оучаться злу. Друзии же мзды игрецемъ дають. Да темъ волни ѡгнь на свою главоу вжагають. Но аще бы ни зрели ни дивилися имъ. То ѡставили бы тиї пустовлина. Но не токмо

дивятся зряще. Но и словеси ихъ извыкли. Да егда зберутся в миру или инде гдѣ. То подобно бы крьстьяномъ глати было. Ѡ пррчьстве ѡ оучении стыхъ. то сии в того мѣсто вещають. Се глть ѡнсии скоморохъ. Или ѡнъ игрецъ. Да тѣмь многы собѣ пути готовать. Вѣдуще в муку вѣчную. Се бо нѣ крьстьяньско. Аще игрѣ и беседы дѣемъ. и кощюны и злы грѣхы смѣхы и блудъ творимъ. А неправды не ѡставимся. И прочихъ злобъ. Но се есть тѣхъ дѣло иже диаволи суть оугодники. иже нѣ чаяния жизни. но с бесы ѡсужени будуть в неугасимыи огнь. богу же нашє∴

Stanford University Libraries
3 6105 001 348 569

HG
3200
T544
V.4

DATE DUE